

А. Яцевич

Тушкинский
Петербург

Я-92

Мелу Маленкову
Близнику по литературе
всей любившей девочке!

13/1-252. О. Н. Учен

22 АВГ 2006
Российский фонд культуры
и архив 25/93.6111
Библиотека

А. Я Ц Е В И Ч

ПУШКИНСКИЙ

ПЕТЕРБУРГ



ДЕК 2011

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 5

Фронтиспис, титул, переплет и суперобложка — по рисункам
А. А. Обермиллера.

Иллюстрации в тексте — по рисункам
А. А. Обермиллера и И. И. Ваулина.

Отв. редактор И. А. Оксенов.

Сдано в прозв. 2 IX-34 г.

Форм. бум. 62×94. 1/16. Кол. букв в 1 п. л. 29.000.

Ленгорт № 33936.

Техн. редактор А. И. Колотушкин.

Подп. к печ. 15/XII-34 г.

Тир. 5 000 экз. Объем 31³/₄ л.

Тип. Госфиниздата им. Котлякова, Ленинград, кан. Грибоедова, 30/32. Зак. 4344.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Творчество А. С. Пушкина представляет собою наше драгоценное культурное наследие, тем более ценное, что вплоть до настоящего дня, в условиях переживаемой нами величайшей эпохи широко развернутого социалистического строительства и огромных творческих и культурных достижений, совершенно изменивших лицо земли и моральный облик ее массового трудового населения, — оно во многом еще сохраняет и сейчас свою жизненную свежесть и свою огромную художественную, а вместе с тем и социальную значимость. Больше того: несмотря на истекшие со дня смерти поэта почти сто лет, при всех наших социальных сдвигах и культурных завоеваниях, Пушкин и сейчас все еще остается образцом и учителем, как в области поэтического искусства и стихотворного мастерства, так и в области литературного языка. Художественное содержание поэзии Пушкина в смысле ее образной и эмоциональной насыщенности, изумительное мастерство стихотворной техники и поразительная красочность пушкинского языка, чуждые какой бы то ни было деланности, манерности или школьно-формальной обусловленности, и при этом — социальная значимость идеологического содержания творчества Пушкина, как выразителя основных устремлений передовых элементов своего класса и своей эпохи, — все это вместе взятое делает поэзию Пушкина величайшим культурным достижением старой русской

капитализирующей дворянской общественности начала XIX в., отложением на русской почве успехов культуры тогдашней передовой западно-европейской буржуазии.

Эпоха, в которую жил и творил А. С. Пушкин, первая треть XIX века, характерна заостренным напряжением классовых противоречий и классовой борьбы. Старое феодально-крепостническое барство, значительно потрепанное и материально разоряющееся, еще продолжало в это время жить потухающим блеском „славных“ традиций екатерининского века, но решающая политическая роль в государстве уже переходила в руки всемогущей бюрократии, верой и правдой служившей царизму и сыто питавшейся взяточничеством и хищениями у казенного пирога. Бурным темпом развивалась отечественная промышленность, выросшая к концу царствования Екатерины II (1796), сравнительно с начальными годами того же царствования (1762), на 332% и все больше и больше втягивавшая в себя интересы капитализирующегося дворянина-агрия, превращая его в фабриканта и заводчика. Соответственными темпами, в связи с этим, шло и сокращение землевладения массового мелкого дворянства, его разорение и рост беспоместного дворянства, поставлявшего обширные кадры обезземеленной дворянской бедноты для военной и гражданской службы. А на низах жизни, у самых ее истоков, стояло изголодавшееся и обнищавшее крестьянство, задыхавшееся в тисках крепостнического бесправия.

Уже для представителей передовой русской мысли конца XVIII века было ясно, что господствующий феодально-крепостнический строй тормозит успехи нормального развития жизни, ее культуры и хозяйства. „Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй“, — по характеристике Радищева (1790 г.), феодально-крепостническая помещицья Россия, рев-

ностно охранявшаяся аракчеевскою, бенкендорфовскою и прочею сворою, стало особенно невыносимо после наполеоновских войн 1812—1814 годов, когда масса дворянской бедноты в офицерских мундирах и крепостного крестьянства в солдатских шинелях лицом к лицу столкнулась во время своих заграничных походов с западно-европейскою жизнью и ее культурой и, вернувшись домой, осязательно почувствовала ту пропасть, которая отделяла тогдашнюю Россию от Запада, и стала организовывать общественное мнение вокруг лозунгов борьбы с самодержавием. Вот тот сложный классовый социальный комплекс, в окружении которого в начале XIX века рос и развивался творческий гений Пушкина.

Но это был не только социальный классовый комплекс, комплекс разнородных, борющихся друг против друга идеологий: это был, вместе с тем, и комплекс самых разнообразных типов материально-бытового уклада петербургской жизни, с которым прежде всего сталкивался и в окружении которого жил подлинный, живой Александр Сергеевич Пушкин. Изучение этой стороны жизни поэта, изучение его материально-бытового окружения и моральной атмосферы обитателей этого окружения представляет собою огромный интерес: оно заполняет совершенно конкретным, осязаемо-конкретным содержанием личность поэта, облекает ее в реально-бытовую плоть и кровь, низводит его с олимпийских высот на землю, приближает его к рядовым смертным, делает более доступным, простым и понятным и его творчество. В этом заключается большой интерес и большое научное и общественное значение тщательно-исполненной книги А. Г. Яцевича „Пушкинский Петербург“.

Основанная на тщательном изучении документов Ленинградского городского архива, книга „Пушкинский Петербург“ А. Г. Яцевича дает обширный

очерк памятных пушкинских мест в Ленинграде—старом Петербурге, историю зданий, связанных с летописью жизни Пушкина и его ближайших друзей—Дельвига, Вяземского, Пущина, Чаадаева, Тургеневых, Кюхельбехера и других. Кроме того, попутно с этим, автор дает в своей книге также и сведения о Грибоедове, Гоголе, Лермонтове, Гнедиче, Веневитинове, Батюшкове, Мицкевиче, М. Глинке, Екатерине Семеновой и их современниках. Наконец „Пушкинский Петербург“ обнимает и круг декабристов—Рылеева, Одоевского, Трубецкого, Волконского, Пестеля, Каховского, Бестужевых, Муравьевых и др. Большую заслугу автора составляет то, что он впервые в литературе устанавливает целый ряд неизвестных до него петербургских адресов Пушкина и его современников. Попутно с этим книга А. Г. Яцевича дает интересный экскурс и в область истории архитектуры Петербурга-Ленинграда и впервые сообщает ряд новых сведений о работах некоторых крупнейших русских зодчих первой половины XIX в.

Преимущественное внимание автора настоящей книги сосредоточивается, однако, на топографии пушкинских мест в старом Петербурге, в связи с чем перед читателем встает довольно яркая картина быта и нравов феодально-крепостнических верхов петербургской общественности пушкинской поры, и на этом сером фоне „сиятельных“ звезд и „купецких“ сюртуков петербургских домовладельцев скромно вырисовываются одинокие фигуры А. С. Пушкина, Рылеева, декабристов, Грибоедова, Лермонтова и ряда других писателей, художников и артистов—подлинных представителей и творцов культуры своего времени, придавленной жестокой пятой „увенчанного злодея“ и воплощавшегося в его политике крепостнического строя. Понадобилось целое столетие для того, чтобы осуществилась заветная мечта молодого поэта—

Товарищ, верь: взойдет она
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Героизмом революционного пролетариата в наши дни скрыты до основания вековые устои феодально-крепостнического и капиталистического строя и на „обломках самовластья“ уже растет и выросла новая жизнь и новая культура раскрепощенного труда, культура строящегося бесклассового социалистического общества, которая действительно поставила на высокий пьедестал чести и славы самоотверженных борцов за раскрепощение трудящихся в прошлом.

В этой новой культуре имена подлинных творцов культуры, искусства, науки, техники и литературы, в том числе и имя поэта Пушкина начертано действительно крупнейшими буквами, как имя одного из крупнейших основоположников нашей художественной литературы и нашего учителя в области художественного мастерства. Поэтому всестороннее раскрытие и освещение всех деталей и всей обстановки, в окружении которой протекала жизнь Пушкина и совершался его труд, зрела его мысль и выковывались его художественные образы, составляет одну из основных задач не только нашей литературоведной науки о Пушкине—пушкиноведения, но и одну из задач нашей широкой массовой пролетарской культуры, которой по праву принадлежит творчество Пушкина, как драгоценнейшее наследие прошлого. С этой точки зрения переиздание книги А. Г. Яцевича, дополненной новыми материалами, представляется и своевременным и общественно необходимым, особенно в связи с исполняющимся в 1937 г. столетием со дня смерти поэта.

Однако, во имя тех же интересов и тех же широких культурных задач, которые мы связываем с изу-

чением личности и творчества Пушкина, следует вместе с тем отметить, что „Пушкинский Петербург“ А. Г. Яцевича не дает нам полной картины Петербурга пушкинского времени и быта русской столицы начала XIX века во всем объеме ее классово-общественности. В „Пушкинском Петербурге“ А. Г. Яцевича мы имеем отражение жизни только верхов столичного феодально-крепостнического общества и теснейшим образом с ними связанного его ближайшего социального окружения. Это, конечно, не весь „Пушкинский Петербург“, а только один из его уголков. Интересы дела требуют, чтобы рамки пушкинского бытового окружения были раздвинуты значительно шире, чтобы сюда были вовлечены все элементы, составлявшие собою тогдашнюю петербургскую общественность и подлинное социальное окружение нашего поэта, чтобы в этом окружении, наряду с торгашем-домовладельцем из купцов или сиятельных графов и наряду с обитателями великосветских квартир и салонов, выступил также и тот „неугомонный Петербург“, который „барабаном пробужденный“ начинал свой трудовой день с раннего утра, когда обитатель барских квартир, „полусонный“ Онегин, обычно только что ложился спать: „в постелю с бала едет он“...

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтянка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный...
И хлебник, исмец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой вас ис дас....

Подлинный пушкинский Петербург—это, конечно, не только бальэтажный, великосветский, салонный Петербург, но также и Петербург подвалов и чердаков; не только Петербург Невского проспекта,

Фонтанки, Гагаринской и Французской набережных, но также и Петербург окраинных трущоб; не только Петербург крепостнической знати, но также и Петербург ремесленника, рабочего и крестьянина, купившего себе у крепостника-помещика право на вольный труд ценою дорогого откупа, или же проживающего здесь же в Петербурге при своем крепостнике-барине в роли крепостного лакея, горничной, кухарки, повара, кучера и пр. и пр.

Прекрасно справившись с частью своей задачи, дав огромный, детально обследованный материал, связанный с пушкинскими памятными местами в Ленинграде, автор в настоящем издании своей книги не дал пока еще, повторяем, полного облика пушкинского Петербурга; но опубликованная им же в 1933 г. книга „Крепостные в Петербурге“ говорит о том, что автор с успехом может справиться и с этой задачей, которую он уже частично разрешает, как в настоящем издании своей книги „Пушкинский Петербург“, так и в книге „Крепостные в Петербурге“. Закончу по этому свое „предисловие“ пожеланием, чтобы к приближающемуся столетию со дня смерти Пушкина А. Г. Яцевич, продолжив свою работу над „Пушкинском Петербургом“, дал его в новом расширенном издании, включив на этот раз в поле своего зрения весь подлинный пушкинский Петербург во всем объеме его социального состава и его быта.

Председатель Пушкинского Общества
Академик Н. С. Державин.

ОТ АВТОРА.

Послереволюционная эпоха в области пушкиноведения отмечена крупнейшими достижениями. Опубликовано ряд неизвестных произведений Пушкина, а также ценные мемуарные материалы, относящиеся к той эпохе.

Пополнилось и эпистолярное наследие поэта. Много труда положено современными исследователями на изучение летописи жизни Пушкина и на обследование памятных мест, связанных с его биографией.

К такого рода работам относится и настоящая книга, посвященная изучению города, в котором протекла большая часть жизненного и творческого пути поэта. Истекшее столетие значительно изменило лицо Петербурга. Время стерло много страниц из летописи его бытия. Громадные преобразования принесла с собою Октябрьская революция, значительно изменившая внешний облик бывшей царской столицы. Выросли новые парки, мосты, стадионы. Реконструированы целые районы города. Но творения прославленных зодчих — Растреллиевский Зимний дворец, Захаровское Адмиралтейство, Академия Наук — Кваренги — остались неприкосновенными. И так же как сто лет назад Нева несет вдоль гранитных берегов свои величавые воды.

Уцелели от далекого прошлого и скромные дома, хранящие память о Пушкине, Гоголе, Рылсееве и их современниках. Истории этих домов и посвящена

эта книга. Перед читателем встает бывший Петербург — царская резиденция, центр феодально-крепостнической империи со всей массой его социальных противоречий, с непомерной роскошью жизни столичного дворянства.

Петербург пушкинского времени это прежде всего город дворян и чиновников. В 30-х годах XIX века на три с лишним тысячи дворянских и чиновничьих домов приходилось всего четыре крестьянских дома. „Я нашел здесь вычищенную и выбеленную лейбгвардию, — пишет Герцен, — безмолвную бюрократию, казаков с нагайками, полицейских с кулаками, пол города в мундирах, пол города, делающий фронт и целый город, торопливо снимающий шляпу“. Д'Арленкур, посетивший Петербург в 30-х годах, изумленный его величием, восклицает: „Разве этот город не населен одними лишь принцами, так как я тщетно ищу дома и вижу одни лишь дворцы“. Грандиозные колоннады, гении славы, трубящие на аттиках победу, триумфаторы на колесницах, свершающие свой торжественный въезд — весь этот внешний блеск поразил д'Арленкура. „Каждое здание, — записал он, — почти равняется кварталу, каждый квартал почти равен доброму городу и весь город занимает пространство целого королевства“. — Итальянский живописец Босси, посетив Петербург, сказал: „Все здесь велико за исключением людей“. От взора современников не могли укрыться бесправие, нищета и произвол, скрывавшиеся за пышными декорациями, созданными талантом Растрелли, Кваренги и Росси, где кипела недоступная постороннему взору тревожная жизнь с ее лишениями, кандалами и тюрьмами. „Почему Петербург никогда не казался мне таким прекрасным как в этот вечер, — отметил один путешественник, — потому что сегодня я видел его в последний раз“. Страшна история застройки этого прекрасного города. — „Сколько людей по-

гибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах".—Эти слова принадлежат панегиристу крепостной России—Карамзину.

Петербург, некогда „окно в Европу“, в николаевское время становится „жандармом Европы“. В эту мрачную эпоху здесь жил и творил Пушкин. Своими вкусами, всем укладом своей жизни поэт был тесно связан с дворянским Петербургом, который и явился виновником его гибели.

Прошло сто лет... завеса истории навсегда отделила нас от того времени. Царский Петербург больше не существует.—Но творения великого поэта окружены ореолом новой славы. Имя Пушкина на устах миллионов читателей.

Считаю необходимым выразить мою искреннюю признательность сотрудникам Ленинградского архива Отд. коммун хозяйства за предоставленную мне возможность использования ценных материалов по истории застройки города. Приношу, в свою очередь, мою глубокую благодарность сотрудникам Публичной Библиотеки Л. В. Брун, М. Э. Орловской, Е. В. Пигулевской и в особенности Е. М. Зилонской.

Техническому редактору А. И. Колотушкину, оказавшему дружескую помощь при издании этой книги, приношу также мою искреннюю признательность.

Однако моя работа никогда не увидела бы света без помощи моего неизменного сотрудника Ксении Александровны Костенко, являющейся не только сотрудником, но и соавтором этой книги.





Коломна у Калинкина моста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У Покрова колокол ударил шесть раз. Старик фонарщик приставил лестницу к мостовым фонарям и потушил лампы. Петербург просыпался. Степенный дворецкий повел молодого конюха в часть „наказывать“. Барин был нервический и не выносил на дворе криков. Двое полицейских солдат провели сданного в рекруты дворового. За ними шли, причитая, три женщины. Старуха в рваном салопе вынула из платочка копейку и подала парню.

На набережной Фонтанки показались дрожки. Старая лошадь еле передвигала ноги. Извозчик остановился у небольшого каменного дома вице-адмирала Клокачева. Молодой человек в плаще и высокой шляпе легко соскочил с дрожек и исчез в воротах. Это был юный Пушкин, возвращавшийся домой с заседания „Зеленой Лампы“. Здесь, в доме Клокачева, в старой Коломне, жили его родители.

Переехав в Петербург, отъезд поэта, Сергей Львович, окончательно устранился от каких-либо хозяйственных забот. День его и без того был достаточно заполнен. Он начинал свои светские визиты с самого утра и лишь к вечеру выцветшая карета, запряженная старыми клячами, стуча и громокая, доставляла хозяина домой.

Все обязанности по управлению домом Сергей Львович возложил на свою жену. Но Надежда Осиповна, не меньше своего мужа любившая светскую жизнь, была совершенно равнодушна к порядкам в своем доме. „Дом их,—рассказывал лицейский товарищ А. Пушкина, Корф,—всегда был наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой—пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословной неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечным недостатком во всем, начиная от денег до последнего стакана“. Действительно, когда у Пушкиных обедало двое-трое посторонних, за посудой приходилось посылать к соседям. Парадные комнаты освещались канделябрами, а в комнате молодой Ольги Сергеевны горела сальная свеча, купленная на сбереженные ею деньги.

К сожалению, сохранилось немного сведений о жизни юного поэта в доме родителей на Фонтанке. Один из современников оставил следующее описание обстановки жизни Пушкина в доме Клокачева: „Мы взошли на лестницу; слуга отворил двери, и мы вступили в комнату П. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого“.

— „Мой угол тесный и простой“, — так назвал

Александр Сергеевич в послании к Энгельгардту свою скромную комнатку в доме Клокачева. Много друзей перебивало у Пушкина в стенах этого дома. Но самыми частыми здесь гостями были, конечно, товарищи поэта по лицу. Один из них, Модест Корф, прожил, по его словам, пять лет под одной кровлей с Пушкиным¹.

Квартира его родителей находилась этажом ниже. Добрые отношения между молодыми людьми были однажды нарушены дракой, возникшей между их камердинерами. Корф, выйдя на шум, прибил пушкинского камердинера. Александр Сергеевич, узнав об этом, со свойственной ему пылкостью вызвал Корфа на дуэль. „Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы,—отвечал последний,—не потому что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер“.

Горячность природы юный поэт унаследовал от своей матери, урожденной Ганнибал. Надежда Осиповна была резка и нетерпима. В семье Ганнибал она привыкла к тому, что „людей выносили на простынях“ в результате барского гнева. Надежда Осиповна не терпела „бородачей“. Поэтому в доме Пушкиных прислуга носила только бакенбарды. Не допускалось также курение. Даже Сергей Львович до самой смерти жены курил украдкой. Среди слуг в доме выделялся безотлучный камердинер при особе Сергея Львовича красавец Гавриил Калашников. С его сестрой Ольгой Александр Сергеевич был близок. У нее был от него ребенок². Тут же в клокачевском доме жила няня поэта Арина Родионовна, а также его дядька Никита Козлов, любитель литературы и поэт, пестовавший Александра Сергеевича с детства. Он оставался при нем в ссылке и после женитьбы. Он же проводил тело своего барина из Петербурга в Святогорский монастырь. Козлов в полном смысле слова не покидал его от колыбели до могилы.

Годы пребывания Пушкина в доме Клокачева связаны с периодом подъема в русской общественной жизни после испытаний 1812—1815 гг. Молодое поколение, приобщившись к либеральным идеям Запада, возвратилось из похода окрыленное мечтами о „свободе“. Повсюду с жаром обсуждались смелые проекты конституции и освобождения крестьян. В эту жизнь, заполненную свободолюбивыми беседами, театром, вином и любовью, окунулся только что вышедший из лицея Пушкин.

Классово-дворянскую идеологию, прививаемую в стенах лицея, сменил дух критицизма и оппозиции.

И всяк избрал свою дорогу
С волнением гордых юных дум...

Здесь в скромном клокачевском доме юный Пушкин дал волю своей дерзновенной музе, привлекая особое внимание властей. Над головой поэта повисли грозные тучи. Когда же он осмелился показать в театре портрет Лувеля, убийцы французского принца, с подписью „урок царям“, Пушкин был отправлен в ссылку на юг. 6 мая 1820 г. он надолго простился с Петербургом. Лицейские друзья, Дельвиг и Яковлев, провожали его до Царского Села.—В этот день опустилась завеса над бурной юностью поэта.

Какова же история этого дома, в котором расправил крылья его гений? Дом Клокачева стоял в старой Коломне, где жили скромные ремесленники и торговцы³. Тут селились из-за дешевизны квартир и мелкопоместные дворяне, приезжавшие в столицу хлопотать по тяжёлым делам, и бедные вдовы, привозившие в Петербург дочерей на выданьи. В начале XIX века Коломна была одной из самых бедных частей города. „Здесь,—писал современник,—при свете сальной свечи, согнувшись, сидит трудо-

любие; в тесной квартирке, обращенной во двор окнами, скрывается огромный талант; в бель-этажах здешних домов не бывает раутов; есть лавки, но нет магазинов; по улицам не только гуляют, но и ходят пешком; здесь встают, когда там еще спят и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним выездам“.

Тут стояли небольшие деревянные домики кузнеца Димшукова, трубача Тячкина, ундера Шумарева. Единственной значительной постройкой был каменный дом генерал-майорши Игнатьевой (согласно сенатскому атласу 1798 г. участок этот значился тогда еще ведомства СПб. полиции). Он вскоре перешел во владение вице-адмирала Клокачева, архангельского генерал-губернатора.

Клокачевский дом стоял на правом берегу Фонтанки, в конце ее, у Калинкина моста; это был второй дом за нынешним небольшим Калинкиным пер. Теперь это участок № 185 по Фонтанке. В то время это был трехэтажный дом (с очень низким первым этажем), в 10 окон, с небольшим садом в глубине двора. До нас дошли планы дома и, насколько можно судить по ним, в квартире С. Л. Пушкина довольно поместительной, было семь комнат, из них три на улицу; службы выходили во двор⁴. От прошлого в этом доме уцелели до нашего времени лишь интересные дворовые лестницы. В средней же, наиболее старой части дома почти ничего не сохранилось от прежней отделки. Лишь во втором этаже, в двух комнатах уцелели от пушкинского времени карнизы. Но печи уже везде новые. Именно здесь, вероятно, и жили Пушкины, так как П. Бартенев указывает, что они занимали в клокачевском доме второй этаж⁵. Известно, что Пушкины жили над квартирой Корфа, то есть во втором или третьем этаже.

Владелец этого дома, адмирал Клокачев, при-

надлежал к старинной морской семье. Участник шведской войны, он прославился в 1798 г. спасением команды погибшего в Немецком море флагманского корабля „Принц Георг“. Командир придворной флотилии при Александре I, он впоследствии занимал губернаторские должности и умер в 1823 г. в Вологде на посту генерал-губернатора⁶. „Лицо любопытное по его отношениям к императрице Марии Федоровне“, жене Павла I,—сказал о Клокаче П. Бартенев, отметивший, что после смерти адмирала экстренно командированный из Петербурга особый чиновник, забрал, по распоряжению императрицы, все клокачевские бумаги. Между тем, по свидетельству декабриста Фонвизина, „флотский капитан-командор“ Клокачев был участником убийства Павла I. В связи с этим при дворе естественно могли возникнуть опасения, что среди бумаг Клокачева находятся мемуары или дневники с нежелательными подробностями событий 11 марта 1801 г.

Свой дом в Петербурге Клокачев подарил племяннице, Александре Васильевне Путятиной. Ее муж, статский советник Михаил Петрович Путятин, был двоюродным братом Александра и Николая Тургеневых, живших в Петербурге в 1816 г. в доме Путятиных, в „Итальянской слободке“. Возможно, что квартира в старой Коломне, на Фонтанке, где поселились по переезде из Москвы старики Пушкины, была им указана А. И. Тургеневым, состоявшим в ближайшем родстве с Путятинными и Клокачевыми.

Следующим владельцем этого дома был сенатор П. Д. Трофимов, увеличивший дом пристройками по фасаду: с правой стороны—в 8 окон, с левой—в 3 окна (внизу ворота). В 1856 г. сын сенатора, капитан Трофимов, в целях увеличения доходности, надстроил по всему фасаду четвертый этаж. В 70-х годах уничтожили старый сад. Когда же дом попал

во владение купца Урусова, последний совершенно перестроил его в 1903 г., надстроив пятый этаж и окончательно изменив внешний вид дома, превратил его в обычное, доходное строение. Клокачевский дом перестал существовать.

В этом доме, связанном с именем Пушкина, жил также в 40-х годах, „почив от дел своих“, архитектор Карло Росси.⁷

Его мать, знаменитая танцовщица своего времени Гертруда Росси, пользовалась в Петербурге большой известностью. Отца своего он не знал⁸. Близость юного Росси к архитектору Бренна благотворно отразилась на его творчестве. Имя Росси быстро приобрело широкую известность. Это была эпоха расцвета грандиозного строительства. Российская крепостная монархия стремилась воздвигнуть в столице памятники, которые увенчали бы северную столицу ореолом славы в глазах всего мира. И Росси, „последний русский классик“, в своих творениях воплотил в жизнь горделивые устремления русских „венценосцев“ и их феодалов. Арка Главного Штаба, Александринский театр и Михайловский дворец являются достойными памятниками его высокого таланта.

Но, несмотря на необычайную щедрость к нему Николая I, материальное положение Росси к концу его жизни, оказалось тяжелым. Продолжительная болезнь Росси и его жены поглотила все средства. В эту эпоху постоянных злоупотреблений при крупных постройках (известны неблагоприятные поступки некоторых виднейших русских архитекторов), Росси, через руки которого прошло за период его зодчества, свыше 60 миллионов руб., когда умерла его жена, не имел даже денег на ее похороны. Состарившийся, больной, огорченный интригами, повлекшими за собой отклонение его новых проектов, Росси вынужден был отойти от работы. За послед-

ние десять лет своей жизни он не построил ни одного здания. Он умер 6 апреля 1849 г. от холеры. Но ни одна газета того времени, за исключением краткой заметки о его смерти, не упомянула об этом замечательном художнике. Росси во-время ушел с жизненной сцены. Позорная для империи Крымская война положила конец славе „непобедимой николаевской России“. С нею умер и ее стиль.

Замечательна судьба клокачевского дома служившего приютом двум величайшим представителям поэзии и архитектуры. С ним связано имя певца Петербурга, Пушкина, творца „Медного Всадника“, „Пиковой Дамы“ и „Онегина“. Но с ним соединено также и имя великого зодчего, обогатившего северную столицу рядом своих прекрасных творений. Как различна была, однако, жизнь двух великих людей в стенах этого скромного дома. Один жил тут на заре жизни, в ореоле нарождающейся славы. Другой познал здесь печаль заката жизни и забвения. Пушкин горделиво мечтал тут о будущем, Росси здесь с горечью думал о прошлом.

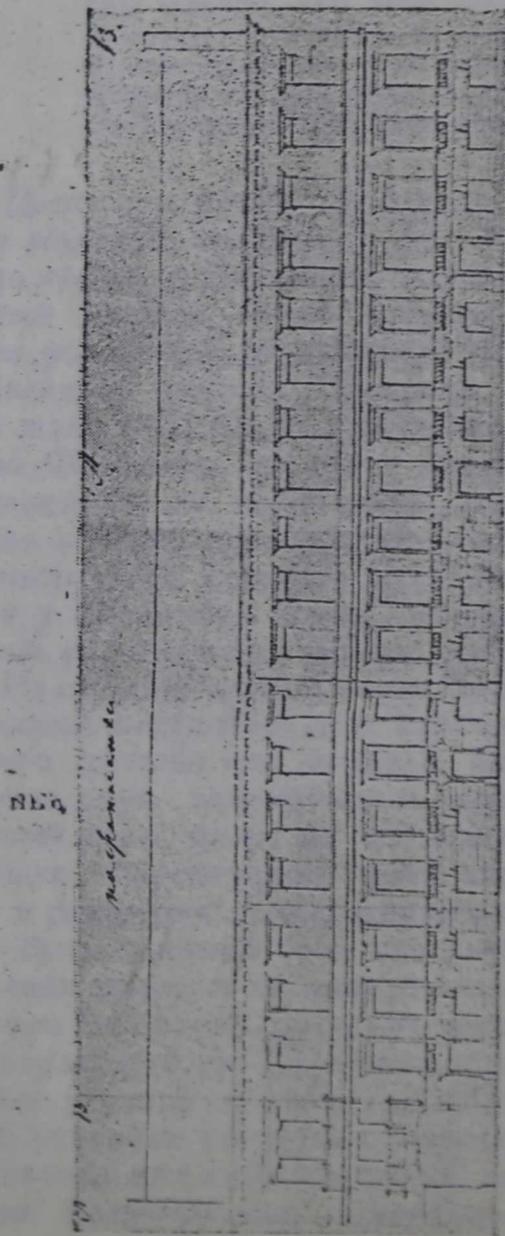
Расставшись со старой Коломной в 1820 г., Пушкин, десять лет спустя, вспомнил в своем „Домике в Коломне“ те места, где он провел свою юности:

Я живу

Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову—и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

И в памяти поэта воскресали образы прошлого.

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня... (звали как, не помню, право),
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Модилась гордо (где была горда!)



Дом Трофимова, ранее Клокачева, в Коломне, ныне Фонтанка № 185.

Здесь жили А. С. Пушкин и Карло Росси.

Здание перестроено. Линии „А—В“
означают пристройку 1836 года.

Архив Леп. Отд. ком. хозяйства.

Но сквозь эту гордость поэт прочел в ее глазах
иную повесть: „долгие печали, смиренье жалоб“...

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фамилам,—она была несчастна...

Плетнев в своей переписке с Гротом называет
имя молодой графини.⁹ Эта была Стройновская,
дочь генерала Буткевича, навеявшая поэту, по неко-
торым данным, образ Татьяны—„неприступной бо-
гини роскошной царственной Невы“. Посещение ею
отдаленной церкви у Покрова говорит о том, что
она жила в Коломне. Действительно, по той же сто-
роне Фонтанки, где стоит бывший дом Клокачева,
отделенный от него всего лишь пятью домами,
стоял в те времена трехэтажный дом участника во-
сточных войн, генерала Буткевича. Большой участок
этот у Калинкина моста, на углу Фонтанки и Са-
довой ул., числится теперь по Фонтанке под № 199.

Из многочисленной семьи Буткевича своей редкой
красотой выделялась дочь Екатерина. Короткие годы
своего детства она провела здесь, на Фонтанке,
в доме отца, замкнутого и сурового. Он занимал
первый этаж, семья же его помещалась во втором.
Однако, безрассудные траты старика скоро привели
его к разорению. Единственным спасением для семьи
мог быть удачный брак красивой дочери. Мать на
колених умолила ее пожертвовать собой для семьи.
Вскоре Екатерина Буткевич вышла замуж за семи-
десятилетнего гр. Стройновского, известного поль-
ского ученого и писателя. Книга Стройновского
„Об условиях помещиков с крестьянами“, весьма ли-
беральная для своего времени, вызвала ярые напа-
дки крепостников, с негодованием указывавших,
что „сия книга ходит по рукам“, что ее „даже чи-

тают лакеи".—Крайний реакционер кн. Владимир Волконский назвал книгу польского графа „порождением царствия разума во Франции“.

Женясь на юной красавице, Стройновский имел уже внучку, ровесницу его жены. Их венчали по близости от дома невесты, у Покрова, в той церкви, где Пушкин встречал ее впоследствии.

Стройновский купил для своей жены, недалеко от дома Буткевичей, небольшой особняк, ныне стоящий на Фонтанке под № 167. Он украсил его прекрасно подобранной картинной галлереей и привезенными из Италии статуями Кановы. В первую зиму после свадьбы Стройновский вывез свою жену в свет. Первый контрданс на балу графиня танцевала с Александром I, а затем от нее весь вечер не отходил известный красавец Чернышев, впоследствии светлейший князь и фаворит Николая I. Но этот столь блестящий первый выезд оказался и последним для юной графини. По воле мужа, она стала пленницей в своем роскошном доме, двери которого закрылись для посторонних глаз. Грустной чередой потекли ее дни. Не внесло отрады и рождение в 1823 г. дочери, с первых дней жизни носившей яркий отпечаток старческой дряхлости.

Жизнь в золотой клетке закончилась неожиданной катастрофой.

Состоя сенатором, Стройновский, вместе с тем, негласно вел в Сенате судебные дела частных лиц. При проигрыше им одного дела обнаружилось, что он совмещал обязанности судьи и адвоката. Действительный тайный советник гр. Стройновский был немедленно уволен со службы. Ему пришлось при этом уплатить своему бывшему доверителю миллионную сумму, что повлекло за собой полное разорение Стройновского. Он вынужден был продать свой дом на Фонтанке, со всеми его ценностями, и переехать в деревню, где вскоре и умер в 1834 г. Через

год его молодая вдова вышла замуж за генерала Зурова, „страшного уroda“, по выражению Смирновой-Россет. Герцен в „Былом и Думах“ упоминает о Зурове, любившем рассуждать о своей „высокой честности и робеспьеровской неподкупности“.

Дом Стройновских сохранился до наших дней. Это небольшое трехэтажное здание в 11 окон простояло без изменений до 1888 г.¹¹ Его новый владелец, купец Карякин, увеличил окна третьего этажа, уничтожил старый карниз и украсил вход целующимися амурами.

Как было сказано выше, тут на Фонтанке стоял дом, где Екатерина Буткевич провела свою юность. По смерти ее отца этот дом перешел к его вдове, „генерал-лейтенантше Буткевичевой“, а затем к ее наследникам. В царствование Александра II он принадлежал ее внуку Зурову, владевшему домом еще в начале XX века. Так простоял он без особых изменений до 1911 г., когда вдове ротмистра Кудрявцевой, его следующей владелице, было разрешено выстроить на этом участке новый дом. Она построила на свободном месте многоэтажное здание и, надстроив старый дом Буткевичей, объединила все в одно новое громадное здание. Но и теперь с правой стороны здесь выделяется инкорпорированная трехэтажная постройка.

Ближайшим соседом семьи Буткевичей был генерал гр. Ивелич, владевший домом рядом по набережной Фонтанки (ныне № 197). Это был хитрый и ловкий черногорец по фамилии будто бы Графивелич, ставший в России графом Ивеличем. Он, не стесняясь, открыто говорил о том, что его дом куплен за счет „экономии“, сделанной им при передаче денежной помощи, пожалованной Екатериной II восставшим против турок албанцам и черногорцам. Его старшая дочь, Екатерина Марковна, чрез-

вычайно некрасивая девица, отличалась замечательным остроумием. Ее эпиграммы были подобны ядовитым стрелам. Она состояла в доброй дружбе со своими соседями Пушкиными, называвшими ее „милой кузиной“ и „добрейшей нашей графинюшкой“. Частым гостем дома Ивеличей бывал и А. С. Пушкин.

После Ивеличей домом этим владели последовательно генерал-штаб-доктор Гаевский и жена генерал-лейтенанта Арбузова. Но старая Коломна осталась близка сердцу бывшей гр. Стройновской и она купила вскоре этот дом, стоявший рядом с тем, в котором она провела свое детство. Участок этот под № 197 по Фонтанке является теперь пустопорожним местом—стоявший тут старый дом недавно снесен¹².

Говоря об этих трех домах Буткевичей, Ивеличей и Стройновских, хозяева которых были связаны между собой дружбой и родственными отношениями, нельзя не упомянуть неизменного посетителя этих домов, капитана Мерлини. Он жил тут же, против Буткевичей, в собственном маленьком деревянном доме по другую сторону Фонтанки. Откуда был родом этот капитан и точно ли был он Мерлини, об этом никто не знал, да и не заботился. Прошлое Мерлини было покрыто мраком. В настоящем же он владел деревянным домиком и четверкой лошадей, беспрестанно развозивших его по городу. Составленное капитаном подробное описание всех знакомых домов указывало точно, где ему надлежит завтракать, обедать и ужинать. Апломб у него был изумительный. В продолжении двух десятков лет он аккуратно являлся два раза в неделю к Буткевичам. И каждый раз при виде протянутой руки гостя, Буткевич, не отвечая на его приветствие, засовывал свои руки в карманы. Ивелич, при появлении Мерлини, осыпал его бранью, но

ничто не могло изменить приятной улыбки капитана, а тем более повлиять на его отличный аппетит.

Однако, раз в год Мерлини давал роскошный обед всем своим кормильцам. И тогда вся набережная, чуть ли не до Египетского моста, была запружена экипажами. Амфитриона приветствовали, чествовали. А на утро он отправлялся в свой обычный путь.

В своем столь ценном труде, посвященном архитектуре Петербурга, В. Я. Курбатов, относительно трех старинных домов у Семеновского моста на Фонтанке (№№ 97, 99 и 101), лишь вскользь отметил, что это—„дома конца XVIII века, за ними же остатки знаменитой Вяземской лавры“.¹³ Между тем, эти три дома связаны с людьми и событиями, не прошедшими бесследно.

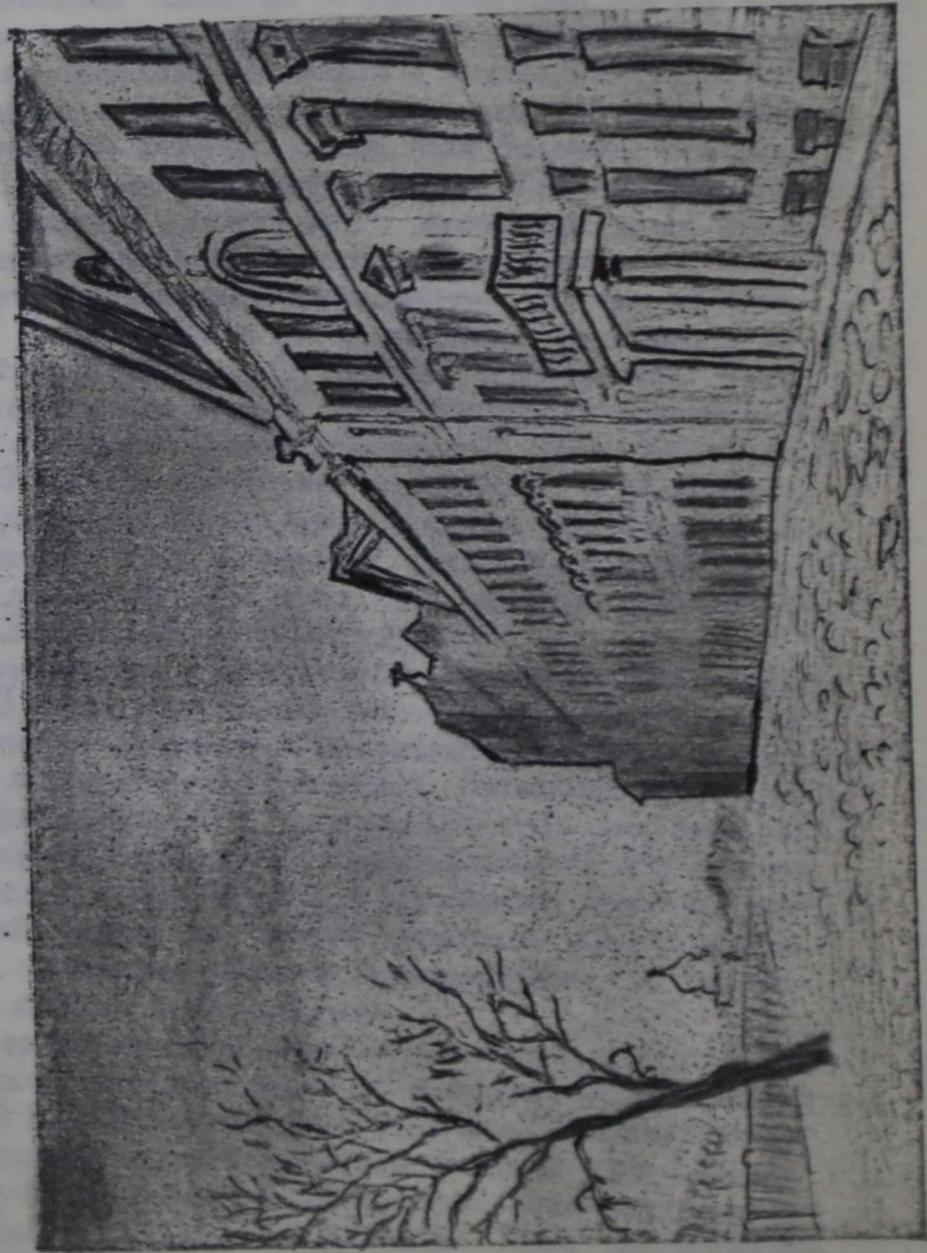
Громадное место это, включавшее четыре нынешних участка по Фонтанке и тянувшееся вглубь до самой Сенной пл., принадлежало в конце XVIII в. известной Агафоклее Александровне Полторацкой. С ее портрета, работы Левицкого, смотрит блестящая красавица, с улыбкой на устах. Кто бы в ней узнал знаменитую своей жестокостью тиранку „Полторачиху!“

Муж ее, попавший когда-то в Петербург из Украины благодаря прекрасному голосу, получил должность „уставщика Певческой капеллы“, то есть директора. Его второй женой была „Полторачиха“, так широко прославившая его имя. Ее исключительная энергия способствовала тому, что к концу жизни состояние Полторацкой исчислялось в 13.000 душ. Одинаково жестокая и с крепостными и со своими детьми, она приказала однажды высечь провинившегося пред нею сына-офицера. Страдая бессонницей и тщетно испробовав все средства, Полторачиха приказывала собирать своих крестьян и сечь

их перед окнами своей спальни. Как передавали современники, „стоны и крики избиваемых действовали на нее, как морфий, и она тотчас засыпала“. Несчастные жертвы Полторачихи нашли, наконец, способ ее обманывать. Сговорившись с дворней, приставленной „для сечения“, они поднимали неистовый крик, якобы от боли, навевая, таким образом, желанный сон на свою госпожу.

Сохранился любопытный рассказ доктора Синицына о том, как однажды, приехавшая из имения в свой петербургский дом, Полторачиха увидела из окон толпу людей, бежавших мимо ее дома на Сенную. Распространился нелепый слух, будто бы Полторачиху, в наказание за все ее жестокости, будут всенародно бить плетью тут же на площади. Узнав об этом, она пришла в неопишную ярость и, тотчас приказав заложить коляску, вихрем понеслась по площади на четверке своих коней. „Подлецы!—кричала она в исступлении,— прежде чем меня выпорят, я вас половину передавлю“. Испуганная толпа тотчас же разбежалась. „И такого дикого зверя,—заканчивает свой рассказ доктор,—не только не посадили в клетку за железные запоры, а, напротив, высокопоставленные лица искали чести быть с ней знакомы и пользовались ее вниманием“. Интересно отметить, что эта женщина, твердо державшая в своих руках все дела по управлению своими поместьями, никогда ничего сама не подписывала, имея для этого особого секретаря. Объяснялось это составленным ею в молодости подложным завещанием, из-за которого Полторацкая чуть не попала под суд. Замяв дело, она дала зарок никогда не брать пера в руки и выполнила его так добросовестно, что не только посторонние, но и все домашние считали ее неграмотной.

Полторацкая умерла в 1822 г., но еще задолго до смерти она была однажды опрокинута в ко-



ляске и так изувечена, „что все кости ее были поломаны в куски и болтались, как орехи в мешке“. Прикованная навсегда к постели, она все же продолжала распорядиться своими имениями. Почувствовав приближение смерти и жестоко страдая, она приказала собрать в большом зале ее дома, близ Торжка, всю округу. Здесь, при большом стечении крестьян и соседей, неукротимая „Полторачиха“ во всеуслышание „покаялась“, произведя этим сильнейшее впечатление на присутствующих.

Принадлежавшие ей упомянутые участки на Фонтанке розданы были ею в приданое дочерям, в мужестве Мертваго, Сухаревой и Олениной. Чрезвычайно схожие между собой постройки отличались друг от друга лишь раскраской. Дом Мертваго, ныне № 99, с большим фронтоном и колоннами, поддерживающими балкон (колонны добавлены впоследствии), был выкрашен тогда в палевый цвет. Мало доходный дом этот был продан купеческой жене Зверковой за 35000 руб. ¹⁴.

Другая дочь Полторацкой, Елизавета Марковна, в 1790 г. вышла замуж за Алексея Николаевича Оленина, впоследствии президента Академии Художеств и директора Публичной Библиотеки. Олениной принадлежали в начале XIX века два дома на набережной Фонтанки. Первый (ныне № 97) вскоре перешел к старшей дочери Олениных, Варваре, вышедшей замуж за своего дальнего родственника Г. Н. Оленина, убитого впоследствии, за жестокость, своими крепостными.

Старики же Оленины жили через дом отсюда, в здании, стоящем ныне по набережной Фонтанки под № 101. В первые годы XIX века, Оленин, тогда еще управляющий юнкерский школой при Сенате, жил тут во дворе, в специально построенном им для себя отдельном флигеле. Греч вспоминает в своих записках это здание, украшенное итальян-

скими окнами, куда вела тесная лестница с „забегами“. Впоследствии Оленины перешли в лицевой флигель участка ¹⁵.

Оленин, человек всесторонне образованный, тонкий ценитель искусства, „как старший брат“, по выражению Аксакова, объединял вокруг себя русские таланты. Но и чиновный Петербург любил посещать гостиную этого влиятельного сановника, прозванного Александром I—„Тысячеискусником“.

Ранней весной 1819 г. у Олениных собрались гости. В зале, близ дверей, стоял в синем академическом виц-мундире хозяин, маленький человек, с торчащими ушами. Его хитрые глазки с особым умилением оставались на гостях, мундиры которых были украшены звездами. А таких здесь было не мало. У окна оживленно беседовала группа блестящих гвардейцев. В углу сидел Пушкин, со скучающим видом слушающий Крылова, нараспев читавшего молодежи какую-то басню. Из столовой выбежали две девочки. Меньшая, черноглазая, подбежала к Пушкину.—„Скорей! — закричала она, — начинаются фанты“. — Это была Аннет Оленина, которой десять лет спустя поэт делал предложение, но получил отказ.

В дверях гостиной появилась дама в сопровождении приятеля Пушкина—Александра Полторацкого. „Трогательная томность“ была в ее улыбке, в ее прекрасных глазах. „Кто это?“—спросил Пушкин Полторацкого.—„Аннет Керн, моя кузина“. Началась игра в фанты. Керн по ходу игры оказалась Клеопатрой. Когда она, в сопровождении своего кузена, проходила мимо Пушкина, держа в руках корзину с цветами, он ядовито бросил Полторацкому: „Et c'est sans doute monsieur qui l'e'a l'aspic?“—Весь вечер Пушкин сидел, как зачарованный. Юная красавица властно овладела его пылким воображением. Настало время разъезжаться. В последний раз перед

Пушкиным мелькнул в окне кареты ее профиль... и он остался один на опустевшей набережной.

Прошли годы и потускнел в душе поэта образ прекрасной гостьи оленинского дома. Но случай соединил их снова в глуши Псковской губернии и вновь зажглось ярким пламенем в душе поэта угаснувшее чувство.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...



Двор дома Клокачева на Фонтанке.

Но дом на Фонтанке, где впервые встретились Пушкин и Керн, уже тогда не принадлежал больше Олениным. Крупные расходы по его содержанию, а также общее растройство дел заставили Олениных продать этот дом и переехать на Мойку, к Красному мосту.

27 апреля 1823 г. в „СПБ. Ведомостях“ появилось уже объявление о сдаче в наем „бывшего оленинского дома“. Его новой владелицей была Серафима Ивановна Штерич. Внешне тут мало что изменилось. Многие из тех, кто посещал когда-то Олениных, были теперь гостями Штерич. Здесь бывала и А. П. Керн, поселившаяся в доме Штерич весной 1827 г.

А. В. Никитенко, наставник сына С. И. Штерич, так описал свою встречу с Пушкиным у Керн: „Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем, до самых глаз, выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи—прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные сил и чувства“.

В стенах бывшего оленинского дома появились и новые лица. Часть дома, с начала 1829 г., заняло правление петербургского университета с его канцелярией*. И на лестнице дома встречались теперь сгорбленные фигуры профессоров в потертых виц-мундирах, раздавались и звонкие голоса студентов.

Тут же помещалась квартира ректора университета Дегурова. К удивлению являвшихся на прием студентов, ректор обращался к пришедшим по французски. Объяснялось это тем, что Дегуров (Du Gour) не знал русского языка.

С предоставлением университету в конце 30-х годов помещения бывших 12-ти коллегий на Васильев-

* Студенческие аудитории, учебные кабинеты, музеи, камеры для казенных студентов и т. д. помещались тогда на Кабинетской ул., в длинном двухэтажном здании, впоследствии занятом синодальным подворьем.

ском острове, правление университета оставило бывший оленинский дом. Вскоре умерла и его хозяйка, С. И. Штерич, завещавшая дом своей внучке Марии Алексеевне.

С новой владелицей дома связано имя Лермонтова. Мария Алексеевна Штерич была замужем за кн. Щербатовым, но скоро овдовела. Это была одна из наиболее образованных и интересных женщин Петербурга 40-х годов. Увлеченный Щербатовой поэт, описывая ее красоту своему приятелю Шан-Гирею, выразился, что она „такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать“. Лермонтов посвятил Щербатовой свое известное стихотворение „На светские цепи“:

На светские цепи,
На блеск упоительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла...
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром,

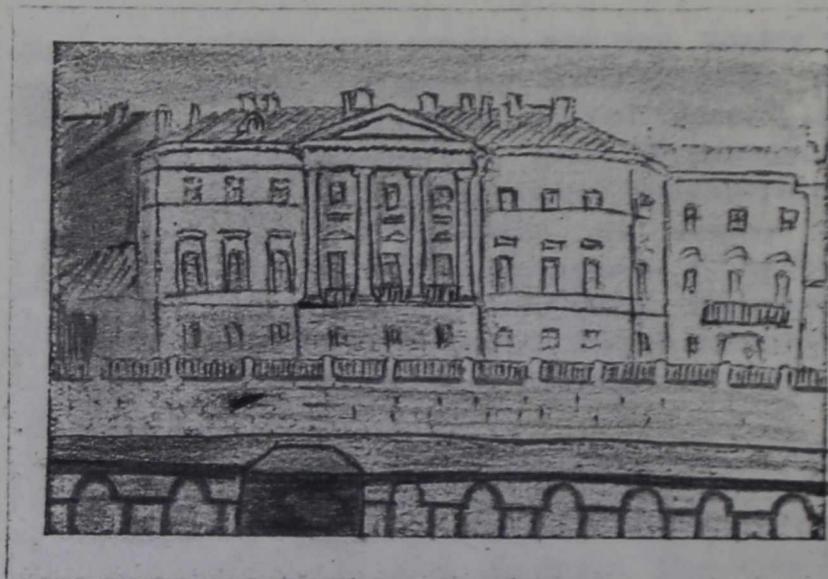
На Щербатову им была написана также известная эпиграмма:

Ах, как мила моя княгиня!
За ней волочится француз...

Этот „француз“ был сыном французского посланника де-Баранта. Дуэль, состоявшаяся между ними из-за Щербатовой, послужила причиной ссылки Лермонтова на Кавказ.

А год спустя, на второй дуэли, решилась судьба мятежного поэта. Щербатова вскоре вышла замуж за генерала Лутковского, продолжая владеть своим домом до конца 50-х годов.

Связанный с именами Керн и Щербатовой, воскрешающий в памяти образы двух величайших наших поэтов, дом этот и поныне стоит на набережной Фонтанки.



Дом Голицына на Фонтанке, ныне № 20.
Здесь жили А. И. и Н. И. Тургеневы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

От сожженной Пушкиным десятой главы „Евгения Онегина“ случайно сохранилось лишь несколько строк, посвященных тем, кто связал свои имена с декабрьскими событиями 1825 г.

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Дом, в котором собирались у Никиты Муравьева члены Тайного Общества (ныне № 26 по набережной Фонтанки), был выстроен в последние годы XVIII века купцом Андреем Кружевниковым. Мать декабриста, Катерина Федоровна Муравьева, приобрела его в октябре 1814 г., вскоре после своего переезда из Москвы¹⁶. Отделав свой дом, Муравьева

широко раскрыла его двери многочисленным друзьям и родным. По воскресеньям здесь бывали семейные обеды и случалось, что за стол садилось до семидесяти человек. „Тут бывали и почтенные сенаторы и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы—и все это были лишь родственники, близкие и дальние“.

Летом все друзья Муравьевых собирались на их каменноостровской даче, впоследствии принадлежавшей купцу Утину.

Среди лиц, подолгу проживавших в гостеприимном доме на Фонтанке, надо отметить поэта Константина Батюшкова, племянника Михаила Никитича Муравьева. В одном из своих стихотворений Батюшков вспоминал свое пребывание в этом доме летом 1814 г., по возвращении из похода:

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда волнениями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, адмиралтейский шпиц,
Фонтанку, этот дом и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете.

Но этот дом на Фонтанке, видевший поэта в лучшие дни его жизни, раскрыл перед ним свои двери и в печальный май 1823 г., когда Батюшков, потеряв рассудок (это была наследственная фамильная болезнь), был привезен в тяжелом состоянии к Катерине Федоровне, принявшей его с материнской нежностью. Относившийся к ней, в свои светлые дни, с сыновней преданностью, больной Батюшков теперь возненавидел и Муравьеву и всех своих прежних друзей. Для него пришлось нанять особую дачу (Аллера) на Черной речке, где он и любил гулять в одиночестве по небольшому садику.

Здесь у Муравьевой некоторое время жил друг Батюшкова известный художник Кипренский, о пор-

третах которого поэт сказал, что они полны такой жизни и истины, что „им не достает лишь речи“. Но недолго оставался „несравненный Орест“, „любимец моды легкокрылой“, в доме Муравьевой. Он уехал в Рим. Там, окруженный посредственными талантами, он стал рисовать, по совету новых друзей, сухие пейзажи, слащавых и приторных „девочек с плодами“, бесконечных Аполлонов.— Однако, целая бездна отделяла новые произведения Кипренского от прекрасных образцов его прежнего творчества.

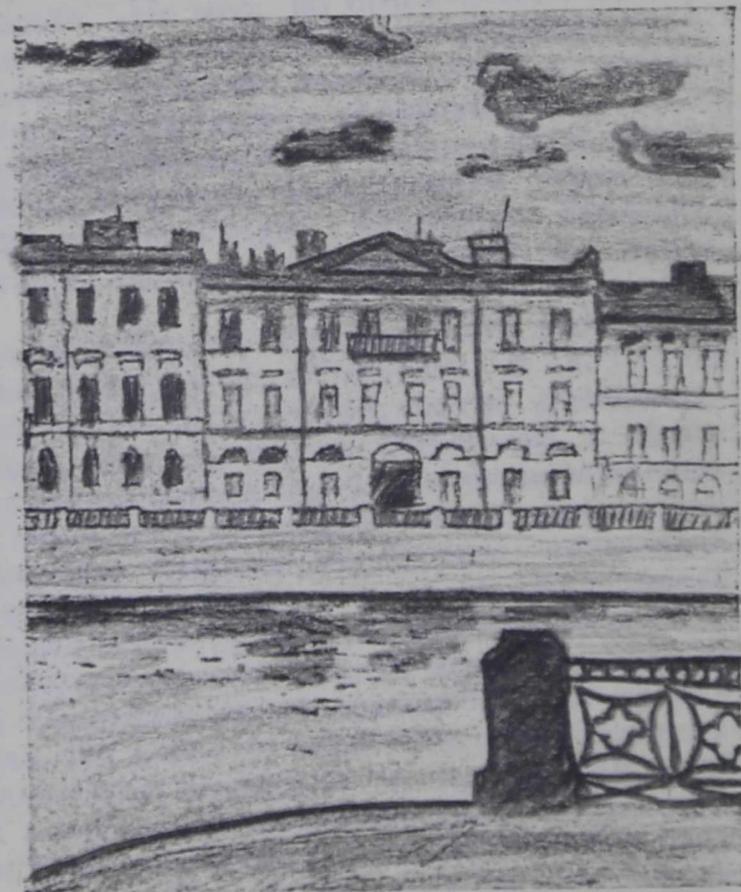
Из других представителей русского искусства, проживавших одновременно с Кипренским в этом доме, надо упомянуть известнейшего гравера Уткина¹⁷. Он был побочным сыном Михаила Никитича Муравьева, но дом Катерины Федоровны служил ему родным кровом и ее сыновья, будущие декабристы, любили художника, как родного брата.

В этом же доме на Фонтанке долгое время жил автор „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзин. Связанный с Катериной Федоровной долготной дружбой, Карамзин, переехав в 1816 г. из Москвы в Петербург, временно остановился в ее доме на Фонтанке. Отсюда он переехал в дом Баженова на Захарьевской ул. Когда же осенью 1818 г. у Муравьевой освободился верхний этаж, Карамзины переселились к ней. „Ищите нас мыслями в Петербурге не в Захарьевской улице, — писал 11 сентября 1818 г. Карамзин П. Вяземскому, — а на Фонтанке, в доме у Катерины Федоровны Муравьевой, где мы с вами жили. Там могу иметь уже большой кабинет. Но не без сожаления оставляю дом Баженовых: там мы жили благополучно“. Карамзин прожил здесь пять лет, выехав отсюда в 1823 г. на Моховую ул. в дом Мижусева.

Его квартиру занял сын Катерины Федоровны, Никита Михайлович, один из организаторов и вож-

дей Северного Тайного Общества. Своему блестяще одаренному сыну Муравьева постаралась дать все-стороннее образование. Поход в Париж сблизил его с либеральными доктринами Запада, пробудившими в нем новые чувства и стремления. По возвращении из похода „временный житель трех столиц“, Муравьев „с новым удовольствием увидел Петербург“. Но теперь он предстал перед ним в новом свете, как центр поработенной и униженной страны. Безмятежные занятия поэзией и чистой наукой показались ему уже недостойными звания „гражданина“. Политическое равнодушие Батюшкова, его эпикурейство, возбуждали в нем желчь. „Верноподданические чувствования“, изливаемые в газетах и журналах, лезть высоким особам, стали ему невыносимы.—Пора вспомнить о „прекрасных достоинствах человека“—„вере, добродетели и свободе!“—восклидал он. Между тем передовые круги русского дворянства уже частью объединялись в тайные общества. К ним примкнул и Никита Муравьев, приступивший к составлению проекта русской конституции, весьма ценного документа эпохи. Крупный землевладелец, представитель нарождающейся аграрной буржуазии, Муравьев выразил в своем проекте идею уничтожения сословных привилегий и введения замаскированного республиканского строя. Эти идеи дворянских передовых кругов должно было претворить в жизнь Северное Тайное Общество. Ему было противопоставлено Южное Общество с его радикально-демократическими тенденциями.

Среди друзей Никиты Муравьева, постоянно его посещавших, надо упомянуть Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов, Лунина, Николая Тургенева, Бриггена и Митькова. Здесь бывал и наезжавший в Петербург Пестель. Хозяин дома часто горячо спорил с Карамзиным. Их разделяла глубокая разница взглядов. Карамзин говорил: „История мирит



Дом Муравьевой на Фонтанке, ныне № 25

Здесь жил декабрист Никита Муравьев.

с несовершенством мирного порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех вещах; утешает и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось". Муравьев же резко отрицал карамзинскую идею „непротивления“ и призывал к борьбе. „Не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом,—возражал он,—добродетельные граждане должны быть в вечном союзе против заблуждений и пороков“. 18

К числу друзей Муравьева, бывавших часто в доме его матери на Фонтанке, принадлежали также Вяземский, Жуковский, Гнедич, Александр Тургенев. Бывал тут и недавно выпущенный из лицея Пушкин.

Шли годы и Никита Муравьев стал постепенно охладевать к идеалам своей юности. В 1823 г. он женился на гр. А. Чернышевой, сестре декабриста. Декабрьские события застали Муравьева в обстановке тесного семейного круга, в орловском имении. Его имя, как одного из вождей тайной организации стало известно властям из доносов предателей и 20-го декабря явившийся к нему жандармский офицер повез его в Петербург. Заключенный в Петропавловскую крепость, Никита Муравьев, один из немногих арестованных, обнаружил большое присутствие духа. Он давал на следствии самые осторожные и уклончивые показания и, не отрицая своей вины, не запятнал себя предательством. Он был приговорен к 20-ти летним каторжным работам. Его близкий родственник Сергей Муравьев-Апостол, боровшийся с оружием в руках на юге, был повешен на верках Петропавловской крепости. Брат Сергея Муравьева-Апостола, Ипполит, участник восстания Черниговского полка, давший клятву — победить или умереть, после поражения под Белой Церковью лишил себя жизни. Родной брат Никиты Муравьева,

Александр, был присужден к 12-ти годам каторжных работ.

Но никто из осужденных не роптал на свою судьбу. Александр Муравьев, после долгих лет сибирской каторги, писал в своих записках, посвященных детям: „Читая эти строки, они узнают, что их изгнанный отец страдал за прекрасное и благородное дело и что мужественно нес цепи за свободу своего отечества“.

Для Никиты Муравьева ссылка в Сибирь была облегчена приездом жены, Александры Григорьевны, принадлежавшей к тем немногим „русским женщинам“, которые взяли на себя подвиг разделить с мужьями тяжелую ссылку. „Дай бог хоть им искупить гнусность нашего века, — писал А. Тургеневу и Жуковскому Вяземский. — Вообразите, что 14-е и 13-е уже не в помине. Нет народа легчемысленнее и бесчеловечнее нашего“. А. Г. Муравьева скончалась в расцвете сил, прожив в Сибири шесть лет. Ее смерть глубоко потрясла Муравьева.

Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу.

Так почтил ее память Некрасов.

Для Катерины Федоровны ссылка двух сыновей, Никиты и Александра, была страшным ударом. Она едва не сошла с ума от горя, почти ослепнув от вечных слез. Желая быть ближе к своим сыновьям, она переехала в Москву, продав свой дом на Фонтанке¹⁹. Своими постоянными хлопотами и просьбами она чаще других матерей и жен декабристов напоминала Николаю I о его „друзьях 14 декабря“.

Отправляя в Сибирь сыновьям целые обозы с продовольствием, вещами и книгами, она через них много помогала и другим ссыльным. Катерина

Федоровна имела несчастье пережить смерть Никиты, скончавшегося на руках своего брата и дочери. Весть о его смерти была тяжелой утратой не только для его престарелой матери, но и для всех его товарищей по изгнанию. „Смерть моего дорогого Никиты огромная потеря для нас, — написал Лунин, — этот человек один стоил целой академии“.

Дом Муравьевых на Фонтанке уцелел до нашего времени. Это небольшой, окрашенный коричневой краской, трехэтажный дом со скромным фронтоном.

Типичная постройка XVIII века, она за свое почти полуторавековое существование не подверглась снаружи никаким изменениям. Зато за истекшее время значительно пострадала внутренняя отделка дома. Кое-где и поныне, однако, уцелели старинные переходы и розетки и сухарики на карнизах, свидетели дней „беспокойного“ Никиты.

Из последующих владельцев этого дома следует отметить Марию Васильевну Шиловскую, по второму браку Бегичеву, восхищавшую в 40-х и 50-х годах своим голосом весь светский Петербург. Она пользовалась большим успехом и, по словам М. И. Чайковского, имела бурное прошлое. Бегичева написала ряд романсов на слова Тютчева, Лермонтова и Боратынского. Ее учителем музыки и одним из ближайших друзей был А. С. Даргомыжский. Но в бель-этаже этого дома, где некогда частыми гостями бывали Карамзин, Батюшков, Тургеневы, стали появляться новые лица. Теперь здесь можно было часто встретить скромного молодого человека, бледного, застенчивого, горячего поклонника таланта Бегичевой. Это был Мусоргский, отдавший, подобно многим другим, дань увлечению хозяйкой дома и посвятивший ей романс „Что вам слова любви...“

Стоящий тут же на Фонтанке, недалеко от дома Муравьевой, по другую сторону реки, дом № 16 по набережной принадлежал, в начале XIX века, канцлеру И. А. Остерману. Об этом государственном деятеле Безбородко сказал: „Беда была, когда за руль брался — худо правил“. Здание это, проданное канцлером в 1806 г. военно-сиротскому дому, перешло впоследствии к В. П. Кочубею, завершившему свою богатую почестями карьеру на посту председателя Государственного совета. Пушкин в своем дневнике назвал Кочубея „ничтожным человеком“. — „Но такова бедность России в государственных людях, — прибавил он, — что и Кочубея некем заменить“.

Увеличивший свое состояние, по словам Вигеля, с двух до двадцати тысяч крестьян различными операциями, связанными с именами известных банкиров Перетца и Штиглица, Кочубей жил широко, устраивая у себя вечера и любительские спектакли. На масляницу 1827 г. здесь был разыгран на итальянском языке „Дон-Жуан“, причем все роли исполнялись мужчинами. М. И. Глинка в белом пудермантеле, в парике, с распущенными волосами, прекрасно имитируя контральта, спел партию Донны Анны.

У Кочубея был очередной бал. Гремела музыка. Кареты подвозили все новых гостей. Внезапно в конце Фонтанки показалась мчавшаяся вскачь от Невы длинная вереница кибиток, замыкаемая жандармами. Некоторые из сидящих были в кандалах. Это отправляли в Сибирь партию участников декабрьского восстания. Кибитки неожиданно остановились. Кареты кочубеевских гостей преградили им путь. На одно мгновение яркие огни бального зала осветили бледные лица и печальный кортеж исчез во мраке ночи.

И долго потом в далекой ссылке вспоминали

осужденные ту минуту, когда на их пути случайно мелькнуло видение блестящего бала.²⁰ Молодой поэт А. И. Одоевский посвятил этому воспоминанию свое прекрасное стихотворение „Бал“, заканчивавшееся словами:

Глаза мои в толпе терялись:
Я никого не видел в ней;
Все были сходны, все смешались:
Плясало сборище костей*.

Неизменной участницей кочубеевских приемов бывала старая Наталия Кирилловна Загряжская, постоянно восседавшая на почетном месте в глубоких креслах; закутанная в шаль, в высоком чепце, она напоминала, по словам Вяземского, „старые семейные портреты, писанные кистью великих художников“. Это была тетка хозяйки дома, занимавшая у Кочубеев в нижнем этаже несколько комнат на набережную и державшая хозяев дома в строгом повиновении. Загряжская до глубокой старости живо всем интересовалась, щедро помогала бедным и постоянно хлопотала за других, не терпя отказа в своих просьбах. Сам Николай I побаивался ее. „Хочется мне заехать к Кочубеям“, — сказал он однажды С. М. Голицыну, — какое бы было время поудобнее, а то Наталья Кирилловна меня, пожалуй, встретит“.

У Загряжской было много причуд, не мешавших, однако, окружающим ее любить. Так, например,

* Герцен записал в „Былом и Думах“: „Быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплые слова о родных, друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь взяты. Напротив, являлись фанатики рабства, одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно“.

Наталия Кирилловна ужасно боялась смерти. „А ты знаешь, — сказала она однажды Кочубею, — вот Александровская-то колонна ничем не прикреплена, так и стоит. Я кучеру своему запретила ездить мимо, неравно повалится и задавит...“ Ей было в то время около 90 лет.

Частым гостем Загряжской был А. С. Пушкин, женатый на ее внучатой племяннице. Высоко ценила беседы Наталии Кирилловны, поэт, по словам Вяземского, „ловил в ней отголоски поколений и общества, которые уже сошли с лица земли... Некоторые драгоценные частички этих бесед им сохранены; но самое сокровище осталось почти непочатым“.

Старая Загряжская пережила Пушкина, скончавшись несколько месяцев спустя после его смерти. А вскоре в 1838 г. кочубеевский дом был продан казне. Сюда, к Цепному мосту, на Фонтанку, перешло с Мойки III Отделение Собственной его величества канцелярии и Штаб отдельного корпуса жандармов, прославившие навсегда этот

На вид весьма красивый дом,
Своим известный праведным судом.

В 30-х годах, как об этом будет далее сказано, III Отделение помещалось на Мойке, в доме Таля. Поэтому дальнейшая история кочубеевского дома выходит из намеченных в настоящей работе рамок. Нельзя, однако, не отметить, что с этим домом на Фонтанке, в особенности с его надворными строениями, пришлось ознакомиться впоследствии ряду наших революционеров. Для содержания заключенных здесь были устроены специальные, снабженные решетками, камеры, с проездом через особые ворота с Пантелеймоновской ул.

Герцен оставил следующее описание приема тут Бенкендорфом посетителей в 1840 г. — „Мрачно и

озабоченно стояли они у стены, вздрагивали при каждом шуме, жались еще больше и кланялись всем проходящим адъютантам... Наконец, двери отворились нараспашку и вошел Бенкендорф... Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд... Он мало говорил с просителями, брал просьбу, бросал на нее взгляд, потом отдавал ее Дубельту, прекращая замечания просителя грациозно-снисходительной улыбкой. Месяцы целые эти люди обдумывали и приготавливались к этому свиданию, от которого зависит честь, состояние, семья; сколько труда, усилий было употреблено ими прежде, чем их приняли, сколько раз стучались они в запертую дверь, отгоняемые жандармами или швейцаром. И как должно быть щемящи, велики нужды, которые привели их к начальнику тайной полиции; ведь, предварительно были исчерпаны все законные пути... Когда Бенкендорф подошел к старику с медалями, тот стал на колени и вымолвил: „Ваше сиятельство, войдите в мое положение“. — „Что за мерзость! — закричал граф, — вы позорите ваши медали“ — и, полный благородного негодования, он прошел мимо, не взяв его просьбы. Старик тихо поднялся, его стеклянный взгляд выражал ужас и помешательство, нижняя губа дрожала, он что-то лепетал“...

После смерти Бенкендорфа, на смену ему явился Алексей Орлов, человек вспыльчивый и крутой. Среди запуганных обывателей стали ходить слухи о специально устроенных в кабинете Орлова креслах, опускавшихся под пол, вместе с провинившимся, получавшим тут же „веское нравоучение“. При этом агенты С... ались невидимы для своих жертв. Когда за пропуск одной „вредной“ книжки сюда был вызван цензор Крылов, шеф жандармов любезно принял его, сказав: „Садитесь, сделайте одолжение, поговорим“. — „А я, — рассказывал Кры-

лов,—стою ни жив, ни мертв и думаю себе: что тут делать: не сесть нельзя, коли приглашает, а сядь у шефа жандармов, так, пожалуй, еще и высечен будешь...“ — Орлов снова приглашает и указывает на стоящее возле него кресло. „Вот, — продолжает Крылов, — я потихоньку и осторожно сажусь себе на самый краешек кресла. Вся душа ушла в пятки. Вот-вот и жду, что у меня под сидением подушка опустится и известно что... Что уж он мне там говорил, я от страха и трепета забыл. Слава богу, однако же, дело тем и кончилось“. Если так трепетал перед шефом жандармов профессор и декан московского университета, то каков же должен был быть страх простого обывателя.

Когда III Отделение, наконец, было уничтожено, особняк на Фонтанке был отведен под квартиру министра внутренних дел. И в тех комнатах, где некогда Пушкин и Загряжская вели свои дружеские беседы, теперь принимал посетителей министр Сипягин. Здесь же под председательством Горемыкина происходили в 1906 г. заседания Совета министров²¹.

Только один дом отделяет бывшее III Отделение от красивого барского особняка, в котором несколько лет назад помещался Государственный Книжный фонд (Фонтанка, № 20).

Дом этот, с узкими колоннами, несколько раз переделывался и утратил свою первоначальную архитектуру после появления по обеим сторонам фасада пристроек. Правая пристройка произведена в первые годы существования здания и вновь образованный тогда проезд со стороны двора хорошо оформлен. Дом этот был куплен казною в 1804 г. у Вадковской за 85000 руб. Сюда был переведен сначала департамент уделов; в 1812 г. дом был передан фавориту Александра I Голицыну²².

Обер-прокурор Синода и министр народного просвещения Голицын поставил себе задачей искоренение „вольнодумства, безбожия и своеволия революционной необузданности“. Значение Голицына было очень велико благодаря его личным отношениям с царем. Как отметил Жозеф де-Местр, — пост-обер-прокурора Синода делал Голицына „после императора настоящим главою здешней церкви, как бы папою“. — Декабрист Лунин назвал его царедворцем „старой школы, который при нескольких государях занимал с большим, или меньшим успехом должность шута“. Переехав на Фонтанку, Голицын тотчас же приступил к переделке дома. Вскоре в верхнем этаже, окнами на Фонтанку, поселился в казенной квартире любимец Голицына, Александр Иванович Тургенев, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий. Пушкин, в письмах к своему другу, величал Тургенева „его преосвященством“ и „рекомендовал себя его молитвам“. При пожаловании Тургеневу камергерского звания Пушкин обратился к нему с посланием, начинавшимся словами:

В себе все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ...

Имя А. И. Тургенева тесно связано с жизнью Пушкина. Он помог определению Пушкина в лицей. И он же, четверть века спустя, сопровождал из Петербурга в Святогорский монастырь бездыханное тело своего друга.

Тут же в доме Голицына, вместе с Александром Тургеневым, жил его младший брат Николай — „вера, добродетель и жизнь“ для горячо любившего его старшего брата. Лагарп сказал, что Николай Тургенев „делает честь своей нации и правилами и редким просвещением“. Квартира Тургеневых на

Фонтанке нередко служила местом встреч членов литературного кружка „Арзамас“. Здесь бывали Жуковский, В. Л. Пушкин, Вигель, Вяземский, Батюшков, Никита Муравьев и др. Все они носили тут шуточные прозвища: В. Л. Пушкин—„Вот я вас“, Вигель—„Ивиковая журавля“, Александр Тургенев—„Эоловой арфы“, Блудов—„Кассандры“ и т. д.

Период русской общественной жизни после наполеоновских войн был ознаменован ростом либеральных течений в кругу средне-поместного дворянства. Передовой элемент его, в лице Тургеневых, Пушкиных, Батюшкова и др. противопоставлял деспотизму феодальной аристократии—идеи прогресса и просвещенный критицизм. Ярким выразителем этих новых тенденций в политике и литературе явилось вновь образовавшееся общество „Арзамас“. Беспросветная рутинная Российская Академия и реакционная „Беседа“ с ее пресловутым „гонителем новшеств“ Шишковым, подвергались беспощадной критике арзамасцев. „По примеру всех других обществ,—гласил устав „Арзамаса“,—каждому нововступающему члену „Арзамаса“ надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику, но все члены нового „Арзамаса“ бессмертны,—и так, за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать на прокат покойников между халдеями „Беседы“ и „Академии“. „Беседа“ сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости,—говорили арзамасцы,—„Арзамас“ на то, чтобы над нею смеяться“.²³

Как писал Булгарин, „главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которым и теперь можно отличить их между миллионами людей, есть: чрезвычайный надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность. Все, что не ими выдуманно—дрянь; каждый человек, который не пристрастился

безусловно к их мнению,—скотина; каждая мера правительств, в которой они не принимают участия—мерзкая; каждый человек, осмелившийся спорить с ними—дурак и смешон“.—„Арзамас“ противопоставлял невежеству старой феодальной Руси с ее бородами и горлатыми шапками смелые идеи французской философии. И в то время, как на заседания к Шишкову приглашенные являлись в золотых мундирах, с „кавалериями“ через плечо, председатель „Арзамаса“ заседал в традиционном красном колпаке и, обращаясь к присутствующим, именовал их „согражданами“. И каждый новый член кружка, обращаясь с обязательной вступительной речью, надевал тот же красный колпак—эмблему якобинцев. В литературные занятия кружка входило чтение новых произведений Жуковского, Вяземского, Батюшкова. Карамзин, часто посещавший собрания „Арзамаса“, писал жене: „Здесь из мужчин всех любезнее для меня арзамасцы; вот истинная русская академия, составленная из молодых людей умных и талантливых“.

Тут в квартире Тургенева 27 августа 1817 г. был принят в „Арзамас“ под именем „Ахилла“ поэт Батюшков. „Любезный Ахилл, любезный товарищ, давний и новый“,—приветствовал его цветистой речью Д. Блудов. В одном из протоколов собраний кружка в августе того же года упоминается уже имя „Сверчка“. Под этим прозвищем принят был в „Арзамас“ А. С. Пушкин, обратившийся к арзамасцам со следующими стихами:

Венец желаньям! И так я вижу вас,
О, други смелых муз, о дивный Арзамас...

Вступление в число членов будущих декабристов—М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева и Н. М. Муравьева придало собраниям „Арзамаса“ полити-

ческую окраску. Вскоре в дневнике А. Тургенева появляется уже следующая запись: „Третьего дня был у нас „Арзамас“. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожения рабства“.

Вигель сообщает, что тут в квартире Тургеневых Пушкин написал свою оду „Вольность“. „Из людей, которые были его старше, — пишет Вигель, — Пушкин чаще всего посещал Тургеневых. Они жили на Фонтанке, против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним, то есть, к меньшому, Николаю, собирались нередко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой, тогда забвению брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи. Он по матери происходил от арапа генерала Ганнибала, и гибкостью членов, быстротою телодвижений, несколько походил на негров и человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать“.

Так, по рассказу Вигеля, вылились из-под пера Пушкина известные стихи:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...

Из двух братьев Тургеневых—Александр был очень общителен. Он всюду бывал и всех знал. По утрам у него на Фонтанке начинался, по словам А. Я. Булгакова, „волшебный фонарь или кукольная комедия: то один, то другой, то поп, то солдат, то нищий, то мамзель“. В противоположность ему Николай Тургенев был замкнут и недоступен.

В десятой (сожженной) главе „Евгения Онегина“ Пушкин посвятил ему несколько строк:

Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал.
И слово „рабство“ ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Один из виднейших, как теперь установлено, членов Тайного Общества, принадлежавший к числу его идейных руководителей, Николай Тургенев в период декабрьских событий 1825 г. случайно оказался за границей, где он лечился. Обвиненный в „умысле ввести Республиканское Правление“ и в том, что он, „удаляясь за границу, по призыву Правительства, к оправданию не явился“, Тургенев был заочно присужден к вечным каторжным работам. Царское правительство потребовало у Англии его выдачи, однако, требование это удовлетворено не было. Между тем, в России уже распространился слух, будто бы Тургенева везут морем в Петербург. Под этим впечатлением, Пушкин из ссылки написал в Ревель Вяземскому по поводу его стихов, посвященных морю:

Ты славяшь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец?
Не славь его! В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

Тургенев пробыл в изгнании 30 лет и только смерть Николая позволила ему увидеть родину.

Среди молодых „вольнодумцев“, собиравшихся у Тургеневых, много шуток вызывало церковное пение, доносившееся из домово́й церкви Голицына. Она была устроена князем в 1812 г. и в постройке

ее приняли участие выдающиеся русские художники. Общая композиция церкви и ее убранства принадлежала Воронишину, живопись иконостаса — Боровиковскому и окончательное завершение деталей церкви архитектору Витбергу. Мрачный притвор служил символом тьмы павшего человека; он соединялся с церковью лестницей из семи ступеней, в память принятой масонами от древних алхимиков мистической лестницы из свинца, латуни, меди, железа, бронзы, серебра и золота. Такой же скрытый мистический характер был придан Витбергом каждой детали храма. Рядом с ним была устроена личная молельня Голицына. Это были две маленькие комнаты, совершенно темные, с наглухо заложенными окнами, куда не проникал ни один посторонний звук. Посредине стояло подобие гроба, покрытое плащаницей. Молельня освещалась лампадой из красного стекла, сделанной в виде человеческого сердца. Это кровавое сердце казалось раскаленным и жутко светило в темноте. Здесь, вместе с Голицыным, часто молился Александр I.

Весь петербургский свет и крупное чиновничество собирались к обедне в голицынской церкви. Сюда же неизменно являлись известные обскуранты Магницкий и Красовский, в надежде привлечь усердными поклонами внимание могущественного министра.

5 февраля 1837 г., несколько дней спустя после смерти Пушкина, в эту церковь приезжала молиться Наталья Николаевна²⁴. И кто знает, какие чувства привели ее в этот исполненный мистики храм.

Немного сведений сохранилось у нас о домах, связанных в Петербурге с именами декабристов. Тщетны были до настоящего времени поиски зданий, служивших местожительством П. И. Пестеля,

жившего, как известно, постоянно на юге и в Петербурге бывавшего лишь наездами. Приезжая сюда он останавливался, как об этом будет сказано дальше, в Демутовом трактире. Имеются также указания, что Пестель проживал в Петербурге у своих родителей.

Отец декабриста, Иван Борисович Пестель, сибирский генерал-губернатор, безвыездно жил в Петербурге, управляя отсюда сибирским краем. Это обстоятельство служило постоянным поводом для насмешек современников. Однажды Александр I, стоя у окна Зимнего дворца с Пестелем и Ростопчиным, спросил: „Что это там на церкви, на кресте черное?“—Я не могу разглядеть, ваше величество,—ответил Ростопчин,—это надобно спросить у Ивана Борисовича, у него чудесные глаза: он видит отсюда, что делается в Сибири“.

Где же жил в Петербурге этот „тиран Сибири“, о жестокости которого ходили целые легенды? Греч отметил в своих записках, что старик Пестель „жил на одном крыльце с Пукаловой, любовницей Аракчеева, и через нее держался у него в милости“. Муж Пукаловой, синодский обер-секретарь, пользуясь близостью своей жены к Аракчееву, открыто торговал милостями всевышнего временщика. В архивах сохранилась весьма любопытная переписка Пукалова с Аракчеевым, где „без лести преданный“ Пукалов заверяет Аракчеева в том, что „во мнении людей умных и благонамеренных“ Аракчеев заслуживает „общей признательности по примерным поступкам“. Составивший себе состояние крупным взяточничеством, Пукалов владел в Петербурге, в середине 20-х годов, домом на Торговой ул., но каких-либо указаний на его жительство на Фонтанке обнаружить не удавалось.

Недавно, однако, мне встретилось в „СПБ. Ведомостях“ за 1821 г. (стр. 547) объявление об отъ-

езде за границу И. А. Пукалова из дома № 101 Литейной части. Как оказывается—это нынешний участок № 24 на Фонтанке, расположенный напротив Михайловского замка, как указал Греч. Тут, на Фонтанке, следовательно, и жил в одном доме с Пукаловыми старик Пестель.

Родители Пестеля, горячо любившие своего старшего сына, гордились его служебными успехами и очень тосковали, подолгу его не видя. „Со времени твоего отъезда,—писал Пестелю отец в 1820 г.,—твоя мать и я мы говорили подолгу о тебе. Воспоминания о твоём прощании с нами останутся запечатленными в моем сердце навсегда“.—В одном из своих писем родителям Пестель писал: „От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни одного государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей, дух преобразования заставляет так сказать везде умы клочкотать“. Поток событий вскоре унес с собой жизнь смелого заговорщика. Его мать, далекая от мысли, что ее сын мог стоять во главе тайной организации, наивно писала ему почти накануне декабрьского восстания: „Как была бы я огорчена, если бы узнала, что кто-либо из моих сыновей мог быть в числе так называемых либералов, которые вообще, и у нас в особенности, есть то же, что поджигатели“.

К сожалению дом, связанный с памятью о Пестеле, не сохранился до нашего времени. Трехэтажный дом этот, принадлежавший в то время купеческой дочери Голашевской, в 1840 г. был совершенно видоизменен; его надстроили одним этажом и увеличили по сторонам пристройками, превратив в четырехэтажное здание. Впоследствии дом еще несколько раз перedelывали.

До нас не дошло, таким образом, следов жилища П. И. Пестеля, „души Тайного Общества и главней-

шей пружины его действий“,—как характеризуют его следственные документы. Образ этого выдающегося человека все еще не разгадан до конца. „Умный человек во всем смысле этого слова... один из самых оригинальных умов, которые я знаю“,—таков был отзыв Пушкина о Пестеле.

Рядом с домом Голашевской, ближе к Симеоновскому мосту, сохранилось от прошлого старинное эффектное здание (теперь № 26)²⁵. Сто двадцать пять лет назад оно имело несколько иной вид, так как участок Голашевской, свободный тогда еще от строений, открывал боковой фасад здания, впоследствии измененный. Дом этот, перedelывавшийся за свое долгое существование, сохранил все же следы работы большого мастера, сумевшего построить редкое еще тогда четырехэтажное здание, хотя и доходного характера, но с тщательно разработанным фасадом, украшенным колоннадой.

Здание это сооружено в начале XIX века богатым лесопромышленником Мижуревым, вскоре по переходе к нему этого участка от купца Лыкова. Точное время постройки мижуревского дома неизвестно, но писатель В. А. Сологуб в своих воспоминаниях указывает, что он родился в этом доме на Фонтанке в 1813 г. Сюда к сологубовскому подъезду ежедневно подавалась нарядная карета, украшенная гербом, с ливрейными лакеями на запятках. Швейцар предупредительно распахивал дверь и появлялся Сологуб (отец писателя), известный щеголь своего времени, в модной высокой шляпе и синем плаще на красном бархате; он первый ввел в моду эти плащи.

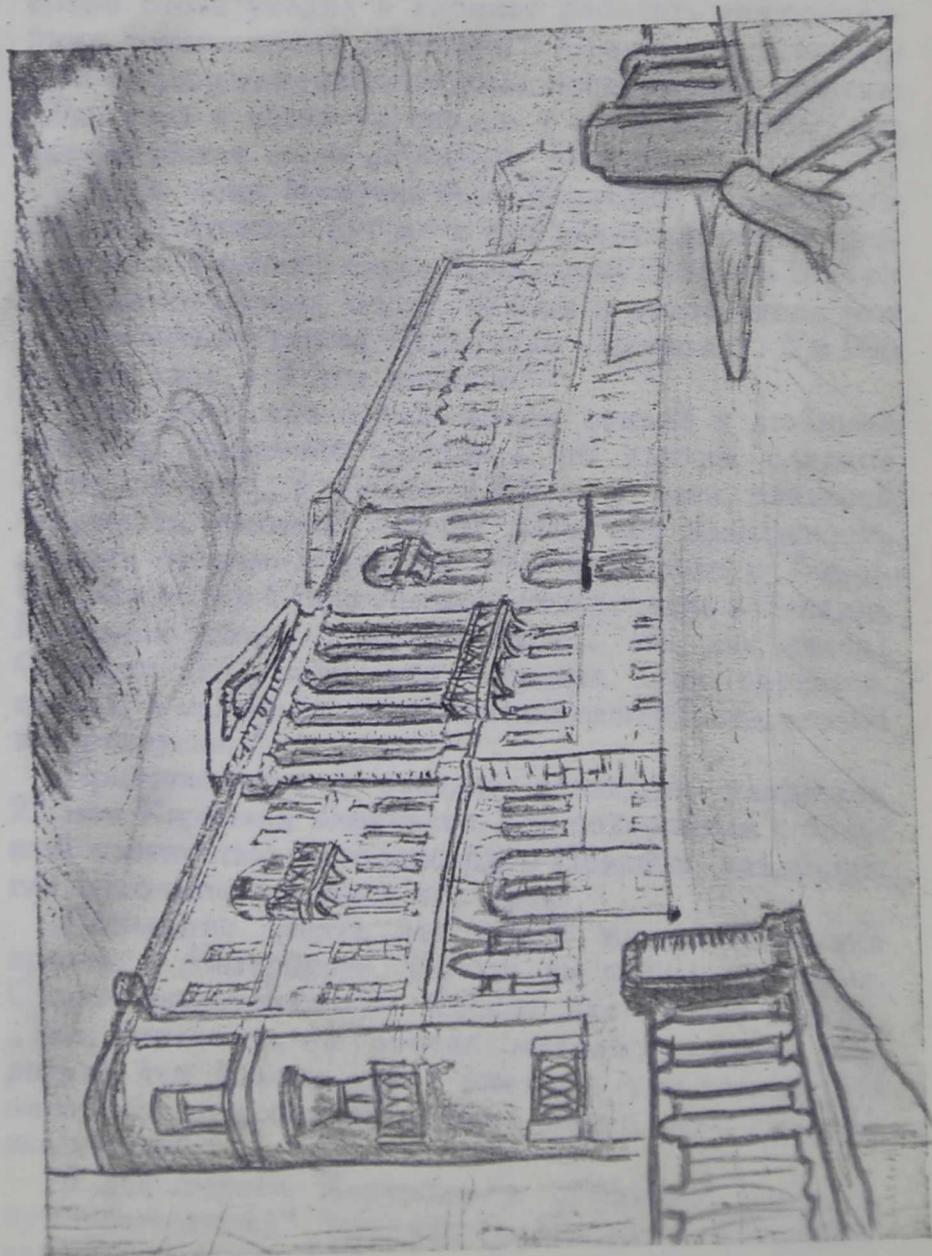
Сологубы недолго жили в этом доме и переехали на Дворцовую наб. В мижуревском доме помещился статс-секретариат по делам Царства Польского. Здесь жили министр и почти все чиновники его

канцелярии. Когда в 1831 г. разразилась холерная эпидемия, народ обвинил поляков в распространении болезни и отравлении города. Тут на набережной стали собираться толпы народа, ждавшего случая ворваться в дом. Успокоение наступило лишь, когда выяснилось, что ни у кого из задержанных 700 подозреваемых лиц не было найдено никаких ядовитых веществ. К тому же среди них не оказалось ни одного поляка.

Участок Мижужева другой своей стороной выходил на Моховую улицу²⁶. В этой части дома жил Карамзин, здесь была его последняя квартира.

Оставив гостеприимный дом Муравьевой, Карамзин занял тут в августе 1823 г. небольшую квартиру во дворе, за которую платил 5000 р.,—характерное свидетельство цен того времени²⁷. „Новая городская квартира не очень мне нравится,—писал он А. Ф. Малиновскому,—однако, и чиста и тепла и суха.—Жалко было только расстаться с нашей бывшей доброй хозяйкой.“

Мирно текла в Петербурге жизнь Карамзина. „Живем так бережно, что никого не зовем к себе обедать“,—сообщал он приятелю. Утро историка начиналось обычно в девять часов и, после недолгой прогулки с женой, он уходил в свой кабинет²⁸. В шесть часов его дверь отворялась для всех. Осторожными шажками входил Жуковский. Он усаживался в широких креслах всегда где-либо поблизости от Софьи Карамзиной, старшей дочери историка, к которой он питал нежную симпатию. Шумно здоровался А. И. Тургенев, приносивший последние новости. Появлялся Дашков, церемонно раскланивался Греч. Украшением общества была жена Карамзина, Катерина Андреевна. „Если бы в голове язычника Фидиаса,—пишет Вигель,—могла блеснуть христианская мысль и он захотел бы извать мадонну, то, конечно, дал бы ей черты Карамзиной в молодости“.



Дом Мижужева на Фонтанке, ныне № 26.

Здесь жили Н. М. Карамзин и П. А. Вяземский.

С гостями Карамзин оставался до 11 часов, а потом снова уходил в кабинет работать над последними томами своей „Истории“. Современник, зашедший во двор мижуевского дома, восторженно записал: „Заглянул кверху—и сердце у меня забилося: вот где он пишет свою „Русскую Историю“.

Тут в доме Мижуева были написаны Карамзиным 10-й и 11-й томы. Тут же в его квартире они и продавались. Тургенев писал Вяземскому 14 марта 1824 г.: „На Семеновском мосту только и встречаешь, что навьюченных томами Карамзина „Истории“. Уж 900 экземпляров в 3 дня продано“.

Так, деля свое время между семьей и любимой работой, Карамзин „допивал по каплям сладкое бытие земное“. В начале 1826 г. у него внезапно открылась чахотка. Чгобы дать ему возможность дышать свежим воздухом, его перевезли в Таврический дворец. Стали готовиться к поездке в Италию. Начались сборы, приготовления.... Но как сказал Фридрих II: „Люди—это муравьи. Они трудятся, строят, а садовник, внезапно вошедший в сад, ногою все разрушает“.

Приготовления к отъезду оказались напрасны. 22 мая Карамзин скончался. Его похоронили с большой пышностью на Александро-Невском кладбище, где и поныне покоится его прах.

Последние десять лет своей жизни Карамзин провел в Петербурге. Но он не любил его шума. Старая патриархальная Москва влекла его к себе. „Там,—писал он,—я провел молодость, начал стариться, там должно мне и умереть; там земля дружелюбнее откроет мне свои недра, как старому знакомому“.

В дни юности Карамзин в „Письмах русского путешественника“ выражал восхищение республиканскими идеями Лафатера. Узнав о гибели на эшафоте Робеспьера и его единомышленников, чувстви-

тельный либерал даже расплакался. Но прошли годы и образ мыслей Карамзина приобрел солидную благонамеренность, приличествующую историографу его величества. „Я не люблю молодых людей, которые не любят вольности,—писал он Вяземскому,—но не люблю и пожилых людей, которые любят вольность“.—По отношению к своим крепостным Карамзин был исключительно требователен. Он находил способы взыскивать с них оброк всякими мерами, „почитая малые доходы злом, ужаснейшим смерти для русского дворянина“. Самодержавие „должно быть так же крепко, как и помещичья власть“,—говорил Карамзин²⁹.—Идею конституции для России он считал столь же нелепой, как „нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье“. Принадлежа к числу наиболее просвещенных людей своего времени—Карамзин тем не менее придерживался убеждения, что от просвещения „более убытков для казны, нежели выгод для отечества“. В декабрьских событиях он усмотрел лишь злую напасть, а в участниках восстания—„безумных преступников“.—„Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов!“—патетически воскликнул Карамзин.

В его „Истории“ пязность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Эту колкую эпиграмму приписывают Пушкину.

В том же доме на Моховой, связанном с именем Карамзина, жил его близкий друг, поэт и литератор П. А. Вяземский. Его отец, умирая, поручил заботам Карамзина своего четырнадцатилетнего сына. Брак Карамзина с сестрой Вяземского—Катеричой Андреевной Колывановой, сблизил их еще теснее. „О, мой второй отец,—писал Вяземский,—

любовью, делом, словом, ты был мне отческим примером и покровом“. Любящий приемный сын поселился даже впоследствии в доме Мижуева на Моховой, где все напоминало ему его „второго отца“.

Вяземский был неизменным гостем Карамзиных в годы своего пребывания в Петербурге. У них он познакомился с Пушкиным, дружба с которым оборвалась только со смертью поэта. Вяземскому Пушкин посвятил свои известные строки:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Здесь на Моховой была холостая квартира Вяземского. Когда же в октябре 1832 г. семья его переехала в Петербург, Вяземским был дан здесь вечер, на котором собрались все его литературные друзья. Тут решено было положить конец журнальной монополии Греча и Булгарина. В связи с этим возник вопрос об основании серьезного политического журнала, который отвечал бы запросам просвещенного русского читателя.

Поселившись с семьей в доме Баташевых на Гагаринской наб., Вяземский, уезжая в конце 1834 г. за границу, передал свою квартиру А. С. Пушкину*.

Дружба Вяземского с поэтом была всем известна. Он оказался в числе тех друзей Пушкина, которым был разослан злостный анонимный пасквиль.

Тем не менее Вяземский никогда не был так близок к поэту, как Дельвиг, Нащокин или Жуковский. Их разделяла и разница материального положения и различие во взглядах. Вяземский, крупный землевладелец, служил лишь „из чести“, в то время

* Впоследствии Вяземский снова вернулся в дом Мижуева на Моховой ул.

как Пушкин литературу считал своей профессией, открыто заявляя, что ему „должно смотреть на поэзию, как на ремесло“. „Аристократические предрассудки пристали тебе, но не мне“, — писал он Вяземскому.

Потомок древнего, когда-то влиятельного рода, Вяземский с горечью видел, как некогда всеильное столбовое дворянство постепенно теряло свой престиж, оттесненное новой „безродной“ аристократией. Сторонник конституционных идей, Вяземский принадлежал к тому кругу дворянства, которое стремилось к коренным преобразованиям России, „по западным примерам“. Под влиянием французских просветительных идей он стал приверженцем культа „свободы“.

Свобода, пылким вдохновеньем
Я, первый русский, песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал...

.....
Ты снимешь роковую клятву
С чела, поникшего земле,
И пахарю осветишь жатву,
Темнеющую в рабской мгле.

В пафосе „Негодования“ из-под пера Вяземского вылились вдохновенные строфы:

Он загорится день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед, вам, истинны жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный: вам, отступники природы,
Вам, притеснители! вам, низкие льстецы!

Сторонник идей декабристов, он, тем не менее, никогда не был и не выражал желания быть членом Тайного Общества. „Мое имя не вписано в его роковые скрижали“, — отметил сам Вяземский. — Его

биограф Кутанов назвал Вяземского декабристом, „но без 14 декабря“. „Морозный воздух в один из дней декабря на Сенатской площади оказался слишком резким для его легких, изнеженных кабинетным теплом остафьевского камина и он не был на площади“, — отметил Кутанов.

Вяземский резко порицал жестокость „победителей“, видя в судьях над декабристами не „слуг закона“, а палачей. Но, приподымая завесу будущего, он выражал твердую уверенность в том, что „из-под земли, в коей оно теперь невидимо, но ощутительно зреет, пробьется грядущее поколение во всеоружии мнений и неминуемости, которое не будет подлежать Следственной комиссии Левашевых, Чернышевых и Татищевых, тогда что сделает правительство, опереженное временем и заснувшее на старом календаре?“

Он прожил длинную жизнь, пережив Пушкина более, чем на сорок лет. Среди новых поколений он был уже лишь „докучный гость, и лишний, и чужой“. Но свой „возвышенный ум“ с „язвительной улыбкой“, свой гордый дух, Вяземский сохранил до конца дней.

В 30-х годах на Моховой ул. в доме Мижуева, в ближайшем соседстве с Вяземским, жил неизменный друг Пушкина — Элиза Хитрово. Любимая дочь фельдмаршала Кутузова, Элиза вышла замуж за гвардейского офицера гр. Тизенгаузен. Три года спустя он погиб в битве под Аустерлицем. Через несколько лет его вдова вышла замуж за генерала Хитрово, назначенного посланником во Флоренцию и, потеряв второго мужа, возвратилась в Петербург.

Она поселилась на Моховой вместе со своей старшей дочерью Екатериной Тизенгаузен, для которой Пушкин написал в 1830 г., по случаю одного маскарада, известные стихи:

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас едным глазом.
Единый глаз в главе моей.
Когда-б судьбы того хотели,
Когда-б имел я сто очей:
То все бы сто на вас глядели.

Элиза Хитрово широко раскрыла двери своего гостеприимного дома на Моховой для всех своих многочисленных друзей и поклонников. Ее гостиную посещали самые блестящие представители литературы и высшего света. „Лиза-голенькая“, прозванная так за сохраненную ею до старости привычку показывать свои открытые плечи, поздно просыпаясь, принимала своих близких друзей, лежа в постели. Когда гость, допущенный в спальню, собирался, поздоровавшись с хозяйкой, сесть в кресло, Хитрово, как рассказывает В. Сологуб, останавливала его: „Нет не садитесь на это кресло, это Пушкина; нет, не на этот диван, это место Жуковского; нет не на этот стул—это стул Гоголя; садитесь ко мне на кровать—это место всех“.

Хитрово была в полном смысле слова „другом друзей своих“. Как отметил современник, в ней дружба „возвышалась до степени доблести“. Н. М. Смирнов говорил, что Элиза „к гению Пушкина возымела страсть и преследовала его несколько лет. Она надоела ему несказанно, но он никак не мог решиться огорчить ее, оттолкнув от себя, хотя, смеясь, бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки; но, чтобы не обидеть ее самолюбия, он не переставал часто навещать ее в приемные часы перед обедом“.

Однако, недавно обнаруженные в архиве Юсуповых письма Пушкина к Елизавете Михайловне свидетельствуют о том, что в жизни поэта она играла значительно большую роль, чем до сих пор предполагали. Их соединяла общность литератур-

ных интересов. Как оказывается, из рук Хитрово Пушкин обычно получал все новинки иностранной литературы — романы Виктора Гюго, Сент-Бева, А. Дюма, Бальзака и Стендаля, служившие затем предметом их переписки. Она же доставала для поэта интересовавшие его книги Тьера и Минье о французской революции, запрещенные в России.

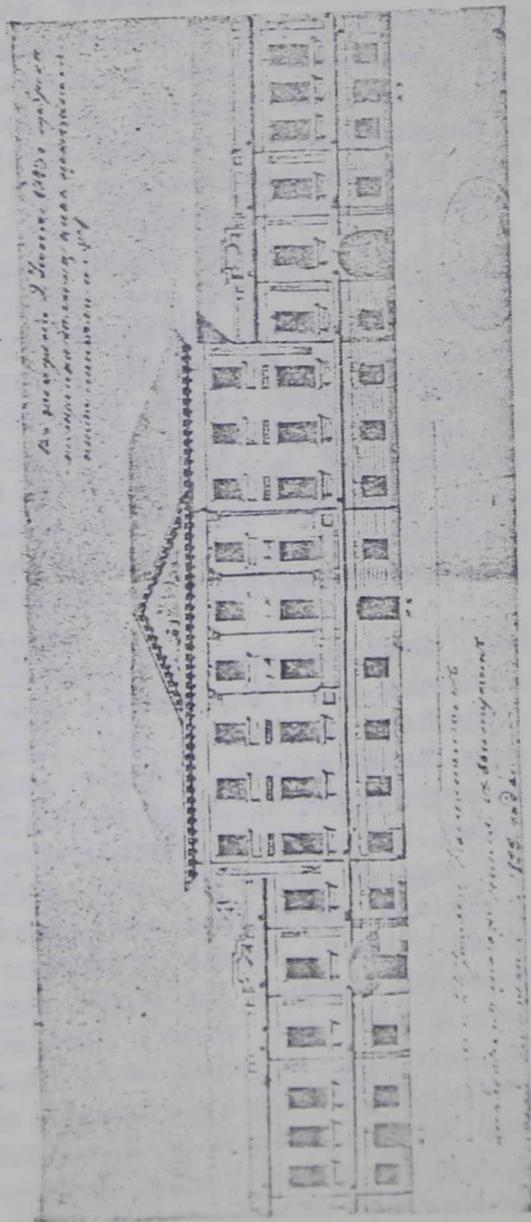
В письмах к Хитрово Пушкин откровенно повеял ей свои взгляды на события в Европе, критиковал правительственные мероприятия. Он делился с нею своими мыслями о смерти Дельвига, об успехе „Бориса Годунова“. Когда до нее дошла весть о женитьбе Пушкина, уже стареющая Элиза Хитрово сумела подчинить свои чувства голосу благоразумия. „Благодаря бога у меня в сердце нет эгоизма, — писала она Пушкину в своем исполненном глубокого чувства прощальном письме. — Я размышляла, я боролась, страдала и, наконец, достигла того, что сама желаю, чтобы вы поскорее женились... Отныне навсегда мое сердце, мои душевные мысли останутся для вас непроницаемой тайной, а мои письма будут такими, какими они должны быть. Океан будет между мною и вами. Но рано или поздно—вы всегда найдете во мне и для вас и для вашей жены и для друзей—друга, непоколебимого, как скала, о которую все разбивается. Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть. Располагайте мною во всем и без стеснения. Я создана природою, чтобы на все идти для других и являюсь драгоценным созданием для моих друзей. Мне ничто не трудно, я иду говорить с влиятельными лицами, ни перед чем не отступаю и снова возвращаюсь. Ни время, ни обстоятельства—ничто не может лишить меня бодрости; на тело мое не действует утомление сердца... когда я утоплю в слезах мою любовь к вам, я все-таки останусь тем же существом—страстным, кротким и безобид-

ным, которое за вами готово идти в огонь и воду, потому что так я люблю даже тех, кого люблю немного“.

Свою трогательную привязанность к поэту Елизавета Михайловна сохранила до последнего дня его жизни. Она защищала дорогую ей память Пушкина от злобной клеветы, сопровождавшей его имя за гробом. Хитрово умерла два года спустя после смерти Пушкина. „Она всегда стремилась отдать свое сердце чувству большему, чем то, которое дарили ей в ответ“, — отметил один из современников в ее некрологе ³⁰.

Вблизи мижувевского дома на Моховой ул., там, где теперь стоит дом под № 27, в пушкинское время возвышался блестящий дворец, принадлежавший когда-то одному из родственников Екатерины I—Скавронскому.

Благодаря родству с всероссийской императрицей, Карл Скавронский, простой крестьянин, был пожалован графским титулом и награжден громадным состоянием. Внук Скавронского, Павел, большой чудак, окружил себя всякого рода прихлебателями—артистами, музыкантами и певцами. Он требовал, чтобы все в доме, в том числе и прислуга, обращались к нему и его гостям не иначе, как речитативом, по нотам. Выездной лакей, приготовившись по партитуре, сочиненной его барином, докладывал приятным альтом, что карета его сиятельства подана. Метрдотель извещал господ торжественным напевом, что кушанье готово, кучер объяснялся с графом густыми октавами. Во время парадных обедов и раутов, графские слуги составляли дуэты, квартеты и хоры, так что гостям казалось будто они едят и пьют в оперной зале. Его сиятельство отдавал приказания слугам также в музыкальной форме и гости, желая угодить ему, вели с ним беседы в виде вокальных импровизаций.



Дом принцессы „Зальмиры“ (вюртембергской) на Моховой ул., ныне № 27.

Архив Лейп. Отд. ком. хозяйства.

Здание перестроено.

Этого помешанного на музыке чудака, не знавшего счета своим доходам, по желанию светлейшего князя Потемкина, женили на одной из княжеских племянниц, благосклонность которой уже наскучила Потемкину. Благодаря этой женитьбе, 28-летний богач был назначен русским послом в Неаполь, где вскоре и умер. Его же дом на Моховой ул., еще при его жизни, был куплен Екатериной II для принцессы Августы Вюртемберг-Штутгартской³¹, известной своей трагической участью³².

После женитьбы вел. кн. Павла Петровича на принцессе Вюртембергской, (будущей императрице Марии Федоровне), Екатерина разрешила приехать в Россию старшему брату Марии Федоровны — Фридриху-Вильгельму Вюртембергскому, женатому на принцессе Брауншвейгской. Заслужив расположение Екатерины, принцесса получила от нее в подарок великолепный дом Скавронских на Моховой ул., специально отделанный архитектором Львовым для новых владельцев³³.

Жители Моховой с любопытством наблюдали выезд из дворца „Зельмиры“, как назвала принцессу императрица (по известной трагедии Belloy). Ее сопровождал герцог, заполнявший всю карету своей необъятной фигурой. „Мужчина дюжей, рослой и очень ограниченный“, принц так распорол на русских хлебах, что мог есть только за особым столом со специально сделанным для него выемом.

В своей семейной жизни супруги не обнаруживали согласия, живя по словам Екатерины, „как кошка с собакою“. Герцог вел себя с женой „дико и безобразно“ и в доме на Моховой постоянно происходили „ссоры и драки“. После одной из них, принц, избив жену и вырвав у нее клочок волос, запер ее в особой комнате. Но Зельмира сумела написать письмо Екатерине и бросила его в форточку на улицу. Будочник поднял его и оно дошло

до дворца. Герцога услали в Выборг генерал-губернатором, очевидно, считая его нрав вполне соответствующим новым обязанностям. Когда же однажды Зельмира бросилась перед Екатериною на колени, умоляя о покровительстве, ей было разрешено временно поселиться в Зимнем дворце. Желая, однако, положить конец непрекращавшемуся в городе толкам о скандалах в семье ближайших родных ее сына, Екатерина отослала Зельмиру в замок Лоде, под Ревелем, купленный когда-то для Григория Орлова. Этим замком управлял доверенный человек Орлова, отставной генерал-лейтенант Польман. В письме к Гримму Екатерина аттестовала Польмана, как своего друга. „В Лоде,—сообщала императрица Гримму,—принцесса вела себя „с кротостью ягненка“, заставив обожать себя тех немногих людей, которые ее окружают. Польман сделался ее преданным другом“.

Рассказывали, что Зельмира часто собирала здесь у себя соседей-гостей. „Танцы продолжались за полночь и принцесса постановила правилом не прекращать их, пока не истреплются танцевальные башмаки“. Здесь вскоре свершились события, так и оставшиеся навсегда неразгаданными.

21 сентября 1788 г. в Зимний дворец пришла эстафета о смерти Зельмиры, скончавшейся 24 лет „от застоя кровей, что с нею и прежде бывало“. Как передавали лица, окружавшие принцессу, они слышали крики, но все происшедшее так и осталось тайной. Предполагали, что Зельмира была близка с Польманом и родившийся у нее ребенок был положен в гроб вместе с матерью, повидимому убитой. Гроб принцессы был поставлен в углу местной кирки и простоял там до 1819 г., когда последовало распоряжение предать земле ее прах и расследовать все это дело. Но Польмана давно уже не было в живых и что произошло тридцать лет назад установить было

невозможно. Когда в 1887 г. чинили пол кирки и раскрыли гроб, там оказался, рядом с костями принцессы, скелет ребенка. Но в следующем году гроб из церкви исчез. Видимо сочли нужным уничтожить все следы этого преступного дела.

Вскоре по отъезде принцессы в Лоде, дом ее на Моховой был приобретен швейцарским выходцем Рибопьером.—Передавали, будто бы Рибопьер, состоявший в дружбе с Лагарпом, был им рекомендован в наставники к вел. кн. Александру Павловичу. После смерти Рибопьера, его вдова продолжала вести открытый образ жизни.

Сыну ее, блестящему царедворцу Александру Рибопьеру, Павел I хотел одно время оказать честь, женив его на своей фаворитке Лопухиной. Брак этот не состоялся, но Рибопьер, за якобы оскорбительные отзывы о царской фаворитке, был посажен в секретный каземат Петропавловской крепости, мать и сестры его были высланы из Петербурга, все имущество, в том числе и дом на Моховой,—конфисковано. Рибопьеры вернулись в свой дом лишь с воцарением Александра.

После Рибопьеров домом этим владели Апраксины, сдававшие тут квартиры в наем. Здесь в 30-х годах, вместе со своей тещей, известной Архаровой, поселился А. Сологуб, вынужденный, после своего разорения продать особняк на Дворцовой наб. Будущий автор „Тарантаса“ В. А. Сологуб в своих записках вспоминал, много лет спустя, просторный бель-этаж этого дома и прекрасный сад окружавший дом.

Тут-же, в доме Апраксина, прожил свои юные годы известный аквалерист Петр Соколов. Благодаря покровительству хозяина дома, портреты Соколова вошли в моду. Переехав с Моховой на Васильевский остров, Соколов женился на дочери художника Брюлло, Юлии, сестре знаменитого Карла Брюллова.

Но он не порывал связи с домом на Моховой и Апраксин был посаженным отцом на его свадьбе.

В 1837 г. бывший дом Зельмиры перешел к известному богачу, секунд-майору Ивану Акимовичу Мальцову, поселившемуся здесь со своей женой „Капочкой“, как ее звали современники. По первому браку она была Пушкина, жена писателя Василия Львовича Пушкина, родного брата Сергея Львовича, отца поэта. Семейная жизнь Пушкиных сложилась неудачно. Вследствие „прелюбодейной связи мужа с вольноотпущенной девкой“ брак этот, по требованию жены, был расторгнут и она вышла замуж за Мальцова.

А. С. Пушкин хорошо знал владельцев дома. Он бывал у них в Москве, в собственном их доме в Варсонофиевском пер. Поэт навещал тут племянника И. А. Мальцова—С. С. Мальцова, молодого филолога, с которым Пушкин был связан добрыми отношениями.

Печальна была судьба этого прекрасного дома, созданного неким талантливым зодчим. Здание простояло нетронутым до начала 80-х годов. Оно состояло из двух этажей с рустованным низом. Посреди возвышался, как свидетельствуют документы, каменный „мезонин“ в 9 окон, увенчанный великолепным фронтоном с пышной мифологической сценой. Пилястры украшали второй и третий этажи.

Но к этому времени пошатнулось громадное состояние Мальцовых. Единственный сын И. А. Мальцова, Сергей Иванович, отличавшийся огромной предприимчивостью, владелец сотен тысяч десятин земли и известных чугунно-литейных, хрустальных и стекольных заводов, запутался в делах и бросив все (на его заводах работало сто тысяч рабочих), уехал в Крым, где вскоре и умер. Его дом на Моховой перешел к некоему Корнилову, решившему его перестроить.

В 1882 г. дом надстроили и перестроили; от его облика XVIII века не сохранилось никаких следов. Когда вскоре участок был приобретен страховым обществом „Россия“, нетронутый дотоле сад был использован под двор, который окружили новыми строениями. Эпоха эклектики в истории развития стилей петербургского зодчества пополнилась в 1897 г. образцом „французского ренессанса“, о чем с гордостью извещал своих читателей архитектурный журнал „Строитель“. „На главном корпусе три купола, из которых средний напоминает мотивы (!) Лувра“. Проект новых сооружений страхового общества был составлен проф. архит. Л. Н. Бенуа, производителем работ был назначен гр. инж. П. К. Бергштрессер. В постройке участвовал также арх. Н. Д. Прокофьев³⁴. В настоящее время лишь выходящий на Моховую ул. садик при доме (№№ 27—29) своими несколькими чахлыми деревьями напоминает о некогда прекрасном саде принцессы Зельмиры.

Тут же на Моховой ул. стоял дом Кленберга, где жили одно время родители Пушкина.

Надо отметить, что описанная выше квартира Пушкиных в доме Клокачева на Фонтанке была далеко не единственной их квартирой в Петербурге. За годы своего пребывания в столице они переменили их множество. Кроме домов Клокачева и Устинова на Фонтанке (ныне №№ 185 и 92) нам известны квартиры С. Л. и Н. О. Пушкиных у Синего моста, в доме наследников капитана Касторского в Свечном пер. (теперь № 5) и в доме чиновника 8 класса Ефимова на Гагаринской ул. (ныне № 12)³⁵. Эта склонность к частым переездам была особенностью Надежды Осиповны Пушкиной. Если по каким-либо обстоятельствам переезжать было неудобно, Надежда Осиповна стремилась изменить в квартире все, что

было возможно. Не спрашивая согласия Сергея Львовича, она превращала кабинет в гостиную, спальную в столовую, меняла обои и пр.

Квартира в доме Кленберга была нанята для родителей А. С. Пушкиным. К приезду стариков в Петербург, 15 декабря 1834 г., ремонт ее еще не был вполне закончен и Пушкиным пришлось некоторое время прожить на Мойке в гостинице „Демут“. Но уже 4 января 1835 г. Надежда Осиповна писала дочери, что письма ее „принес Александр на нашу новую квартиру (на Моховой в доме Кленберга)“³⁶.

А. С. Пушкин не часто баловал родителей своими визитами; в его холостые годы Надежда Осиповна, уже гордившаяся своим знаменитым сыном, заманивала его иногда к обеду любимым им печеным картофелем. Привлечь сына к обеду чем-либо другим было трудно, так как стол стариков Пушкиных был очень скуден. Дельвиг писал однажды Александру Сергеевичу:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых,—
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Материальные обстоятельства родителей А. С. Пушкина были в это время очень затруднительны. Чрезвычайно красочно описал А. С. Пушкин свои беседы по денежным делам с родителями в начале 1834 г.—„На днях отец мой посылает за мной. Прихожу—нахожу его в слезах, мать в постели—весь дом в ужасном беспокойстве. „Что такое?“—Имение описывают. — „Надо скорее заплатить долг.“—Уже долг заплачен.—„О чем же горе?“—Жить нечем до октября.—„Поезжайте в деревню.“— Не с чем“.

К этому времени был щеголь Сергей Львович

превратился уже в беззубого, слезливого старичка. Остатки его шевелюры были всегда тщательно напомажены. Он старался бодриться и даже влюблялся в десятилетних девочек.

Что касается Надежды Осиповны, то, ко времени переезда в дом Кленберга на Моховой, она была уже больна. Лето ей не принесло облегчения, а осенью произошел рецидив болезни. Она скончалась 29 марта 1836 г. Сергей Львович, во время агонии жены, рвал на себе в отчаянии волосы и его должны были вынести в соседнюю комнату. Александр Сергеевич никогда не был близок с матерью, но ее смерть глубоко его поразила.

Надежду Осиповну похоронили в Святогорском монастыре и не прошло и года, как рядом с ней был опущен в землю гроб ее безвременно погибшего сына.—„Они (Пушкин и его мать),—сказал современник,—лежат теперь под одним камнем гораздо ближе друг к другу, после смерти, чем были в жизни“.

Еще при жизни матери, в 1833—34 гг., Пушкин жил одно время недалеко от Моховой, на Пантелеймоновской, в доме Оливье. Но до сих пор были тщетны попытки розыскать это здание.

Сохранившиеся документы гласят, что оно стояло „против Летнего Сада“, „близ Цепного моста“, „по близости Кочубеев“³⁷. Но, несмотря на такие достаточно, казалось бы, определенные указания найти дом Оливье не удалось³⁸. Среди петербургских домовладельцев того времени значится действительно Оливье, но принадлежащие им дома расположены были совсем в других частях города³⁹.

Однако при ближайшем изучении мною плана города, оказалось, что один из домов на бывшей Пантелеймоновской ул., ныне ул. Пестеля, близ моста, принадлежал в то время некоему капитану Оливио.

Теперь это дом № 5 по ул. Пестеля и он несомненно и является пушкинским домом Оливье (тогда № 113 Литейной части). Фамилия владельца дома в официальных изданиях значится Оливио ⁴⁰, но в надгробии его жены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (ум. 1832 г.) она названа Любовью Александровной Оливье ⁴¹. Также называли домовладельца — „Оливье“ и все квартиранты его дома. К. И. Опперман, вдова известного военного инженера, публикуя о своем отъезде за границу, сообщала: „спросить в Пантелеймоновской улице против церкви в доме Оливье под № 113“ ⁴².

Стоявший тут в конце XVIII века каменный дом принадлежал жене генерал-поручика Раутенфельда. В 20-х годах следующего столетия им владел тит. советник Струбинский. В 30-х годах дом перешел в собственность СПб. плац-адъютанта, капитана л. гв. Павловского полка А. К. Оливио, от которого в середине 40-х годов снова вернулся к Струбинскому. К сожалению в городском архиве не сохранилось никаких документов, относящихся к этому дому и установить поэтому в точности историю его не представляется возможным. В настоящее время это большой пятиэтажный дом на подвалах. Во времена Пушкина, насколько можно судить, он был трехэтажный. Потом его надстроили, приделав балконы и всячески приукрасив. Лишь во дворе уцелели от прежней отделки дома кое-какие детали. Из них обращает на себя внимание украшающая водопроводную трубу птичья голова, относящаяся к первой половине XIX века.

В доме Оливье, на „рубеже вечерней жизни“, поселился Гнедич. Здесь была его последняя квартира ⁴³; он переехал сюда с Садовой ул., где жил в течение ряда лет в казенной квартире в здании Публичной Библиотеки. Оставив в 1831 г. службу, он переехал в дом Оливье. Неустанно работая

над своими рукописями, он проводил целые дни за своей рабочей конторкой, на которой стоял бюст Гомера, окруженный множеством изданий „Илиады“ и „Одиссеи“ на разных языках. Переводу



Двор дома Оливио на Пантелеймоновской ул., ныне № 5.
Здесь жили А. С. Пушкин и Н. И. Гнедич.

„Илиады“ на русский язык Гнедич посвятил двадцать лет. Это был подвиг всей его жизни. Современники высоко ценили достоинство перевода „Илиады“.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой —
написал Пушкин.

Перевод Гнедича полон архаизмов; но образный, хотя и несколько риторичный язык, а также точное соответствие стиха подлиннику, дают право и ныне считать перевод Гнедича одним из лучших. Появление его в печати встретило ожесточенную критику, на которую Рылеев ответил следующими стихами:

На трудном поприще ты только мог один
В приятной звучности прелестного размера
Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера...
Пускай завистники вокруг тебя шипят!
О, Гнедич! Вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой—Гомер, твой судьи—потомки!

Гнедич любил читать свою „Илиаду“ навещавшим его друзьям. „Вчера мы слушали 18-ю песнь „Илиады“,—отметил современник,—которую Гнедич читал с необычайным одушевлением и напряжением голоса. Я, право, боюсь за него; еще несколько таких вечеров и он того и гляди начитает себе чашотку“. Каменская, дочь известного скульптора Ф. Толстого, оставила в своих воспоминаниях следующее описание внешности поэта: „Руки у него были холеные, полные, белые, но зато лицо, ах ты, господи, что это было за лицо: мало того, что от страшной оспы у него вытек один глаз и на месте его осталась красная слезящаяся яма... Нет, у него еще по всему лицу, по всем направлениям перекрещивались какие-то толстые, мертвенного цвета нитки из тела... Ну просто страсть смотреть! И немудрено, что он, бедный, всю свою шею вплоть до затылка густо, густо обматывал складками огромного кисейного галстука. А какой он был добрый, ласковый, какой при разговоре голос у него был мягкий, приятный. Но за то, когда начнет бывать читать вслух свою „Илиаду“, откуда у него что

возьмется! То затынет, то завоюет, то как лев зарычит, хоть вон беги“.

Наружность Н. И. Гнедича не мешала ему „любить свет и большое общество“. По словам Греча— „он охотно говорил о знакомстве и сношениях с знатными, любил называть барынь и барышень французскими полуименами: *princesse Catiche*, *comtesse Bibi* (разумеется не в глаза) и чванился свойством своим с одним генералом более, нежели переводом Гомера“⁴¹. Желая даже внешним видом подчеркнуть свою принадлежность к высшему обществу, Гнедич, по словам Сушкова, очень заботился о своем туалете.—„С утра до ночи во фраке и с белым жабо, приноровляя цвет своего фрака и всего наряда к той поре дня, в которой появлялся: коричневый или зеленый фрак утром, синий к обеду, черный—вечером, белее как снег; складки или брыжи—художественны, обувь, шляпа, тросточка, все безукоризненно. Цветные перчатки в обтяжку“.

„Природа поставила Николая Ивановича Гнедича на той самой точке, где кончается глупость и начинается ум,—язвительно заметил о нем Вигель.— Но в него с этой точки довольно часто имел он делать набег“. Но в этом наивно претенциозном человеке билось благородное сердце. Когда после декабрьских событий 1825 г. целый ряд ближайших друзей и знакомых Гнедича был приговорен к ссылке, он оказался в числе тех немногих представителей петербургского общества, которые не отвернулись от осужденных. „Вам известно,—написал он Е. Ф. Муравьевой после опубликования приговора над декабристами,—люблю ли я Никиту Михайловича; более нежели многие, умел я оценить его редкие достоинства ума и уважать прекрасные свойства души благородной; более, нежели многие, я гордился и буду гордиться его дружбой. Моя к нему любовь и уважение возросли с его несчастьем“⁴⁵.

В доме Оливье Гнедич был недолгим жильцом. Тяжелая болезнь вскоре приковала его к постели.— „Я зашел к нему 2 февраля,—рассказывал о последних днях своего друга Лобанов,—это было накануне его смерти. Мне сказали, что он сильно ослабел; однако же он диктовал духовное свое завещание. Он сидел неподвижно в креслах, долго всматривался в меня; наконец, узнал и легким движением головы приветствовал меня. Потом, по некотором молчании, взглянул на меня, тихо сказав: „Вспоминайте иногда обо мне“. При этих словах друга, при голосе страдальца, чувствующего уже свое разрушение и спокойно ожидающего смерти, слезы невольно покатались по моему лицу“...

На следующий день Гнедич умер. Когда Лобанов подошел взглянуть в последний раз на рабочее бюро своего друга, ему бросился в глаза лист бумаги на котором были набросаны следующие стихи:

Душа, душа, ты рано износила
Свой временный, земной на мне покров.
Не мудрено: по милости его ты получила
Из ветоши от щедроты богов.

Гнедича похоронили на кладбище Александроневской лавры; его гроб несли Вяземский, Плетнев, Греч, Крылов, Оленин и Пушкин.

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали—

написал Пушкин о певце „Илиады“.

В год смерти Гнедича, 1833 г., в доме Оливье поселился Пушкин. Квартира была нанята 1 сентября, во время отсутствия поэта, Натальей Николаевной.

Из пушкинской переписки известно, что эта квартира была большая и хотя цена ее 4.800 р. оказалась высокой, Пушкин квартирой своей был очень доволен⁴⁶.

Когда в 1834 г. Наталья Николаевна проводила лето в „Полотняном заводе“, Пушкин, описывая ей свой образ жизни в Петербурге, сообщал, что по утрам, проснувшись, он каждый день гуляет в халате и туфлях в Летнем саду. „Ведь Летний сад мой огород“. — Но уже в середине лета Пушкин сообщал жене о возникших у него неприятностях с домовладельцем. „Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой: двери заперты. Стучу, стучу, звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А ему уже несколько раз говорил: прежде моего приезда не запирайте. Рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирайте с 10 часов, чтобы воры не украли лестницы. Я тот час велел прибить к дверям объявление... о сдаче квартиры, а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал“ (письмо от второй половины июня 1834 г.).

Решив расстаться с домом Оливье, Пушкин принял предложение своего друга П. А. Вяземского, уезжавшего с семьей за границу, переехать в его квартиру на Гагаринской наб. в доме Баташева⁴⁷. „С князем Вяземским я уже условился,—писал Пушкин жене,—беру его квартиру. К 10 августа припасу ему 2.500 р. и велю перетаскивать пожитки“. Перевозить обстановку Пушкину было не далеко. Дом Баташева стоял на Гагаринской, потом Дворцовой наб., вблизи Фонтанки. В настоящее время это темный четырехэтажный дом № 32 по набер.

Жореса. Участком этим владел в конце XVIII века тайный советник Сошман. В начале следующего столетия он перешел не надолго к надв. советнику Масальскому, а потом к кол. ассесору Баташеву, владельцу крупных металлических заводов.

„Выходцы из низов“, Баташевы принадлежали к той новой буржуазии, которая на рубеже XVIII—XIX веков широким потоком вливалась в ряды разлагавшегося феодально-крепостнического дворянства. Родоначальником Баташевых был „тульские оружейные слободы кузнец“ Иван Баташев, начавший работать в горнозаводском деле еще при Петре I. Его внуки владели уже 148000 десятин земли и 36000 душ крестьян. Резиденцией Баташевых являлся Гусевский завод во Владимирской губернии. Их грандиозный дворец с таинственными переходами и подземельями неоднократно возбуждал любопытство иностранных журналов и газет. Рассказывали будто бы в одном из обширных подземелий дворца в екатерининское время чеканили монету. И когда однажды на завод прибыли внезапно власти для проверки слуха о „Баташевском монетном дворе“, Баташевы, не колеблясь, приказали тотчас же засыпать все входы и выходы подземелья, заживо похоронив работавших там людей. Особенно прославился жестокостью своего характера Андрей Баташев. Неограниченный властелин в своем округе, он, пользуясь своим влиянием в Петербурге, сменял губернаторов в Нижегородской, Владимирской и Рязанской губерниях.

Разгневавшись однажды на соседнего помещика, он в его отсутствие явился в его деревню, разломал все постройки, сложил их на подводы, крестьян угнал к себе на завод, а землю приказал распахать. Возвратившийся на другой день владелец не мог разыскать свою деревню, „колесил по пустынным полям, объясняя исчезновение навождением дьявола, пока

не убедился в действительном исчезновении деревни“⁴⁸. И. Я. Афанасьев, живший в 20—30 годах на гусевском заводе, вспоминает, как однажды при ломке заводской стены в ней обнаружили человеческий скелет. „По сохранившимся медным пуговицам,—записал Афанасьев,—следует думать, что замураванный был исправник или вообще какой-нибудь чиновник, не умевший угодить Андрею Баташеву“.

Баташевы владели несколькими домами в Петербурге, в том числе и домом на Дворцовой набережной. В 1823 г. к крыльцу этого дома часто подъезжала карета Елизаветы Михайловны Хитрово, жившей тут со своими двумя дочерьми—Дарьей и Екатериной⁴⁹. Младшая дочь была уже замужем за гр. Фикельмон, впоследствии австрийским посланником в Петербурге, человеком умным и образованным, но старше жены на 27 лет. Е. М. Хитрово вернулась в то время из Италии для приведения в порядок своих запущенных дел. Это ей удалось сделать при содействии Александра I, не оставшегося равнодушным к красоте Фикельмон.

Прошло десять лет и от крыльца этого дома попрежнему отъезжала по вечерам карета... Но на смену „Лизе-голенькой“, с ее красавицами дочерьми, явился „трехбунчужный паша“ Пушкин, выезжавший отсюда со своей женой и ее двумя сестрами. Пушкин жил здесь, по сообщению Бюлера, в первом этаже; его квартиру Н. О. Пушкина, в письме к дочери, назвала „прекрасной“⁵⁰. Однако, расценка ее была очень высока—6 700 руб. в год, что объяснялось громадными размерами квартиры. Пушкины платили за нее пополам с сестрами Наталии Николаевны—Александрой и Екатериной, поселившимися тут вместе с ними. Эта совместная жизнь материально облегчала Пушкина, но, по его собственному свидетельству, стесняла его, как хозяина дома.

Квартира первого этажа баташевского дома, за

время существования его, в плане своем не менялась (ее занимал в годы мировой войны неизвестный журналист А. Столыпин, „брат премьера“, на редкость безвкусно изменивший ее отделку). Но по своему размеру, всего в несколько комнат (значительная часть первого этажа во дворе занята конюшнями), она совершенно не соответствует описаниям пушкинской квартиры. Следует, вернее, полагать, что поэт занимал второй этаж, но и там в отделке ничего не осталось от прошлого; без изменений сохранилась лишь хорошая старинная решетка балкона.

Предположение, что А. С. Пушкин жил здесь не в первом, а во втором этаже, находит себе подтверждение в появившемся 30 сентября 1832 г. в „СПБ. Ведомостях“ объявлении о сдаче в баташевском доме барской квартиры, в бель-этаже, в 30 комнат, с кухней, людскими и прочими службами. Видимо, эта квартира в бель-этаже, нанятая Вяземским по указанному объявлению, и перешла от него в 1834 г. к Пушкину.

Поэт прожил здесь на набережной два года, до осени 1836 г., когда неприятности с управляющим дома побудили его оставить квартиру. „Я вынужден был уехать из дома Баташева, где управляющий оказался негодяем“, — писал Пушкин своему отцу в Москву, в недавно опубликованном письме.

Баташевы еще долго владели домом у Прачечного моста и лишь в 80-х годах он перешел к жене гв. полковника Скалона. Согласно архивным документам, баташевский дом первоначально имел три этажа на подвалах, с 11 окнами по фасаду. Здание заканчивалось наверху „каменным мезонином“ в 5 окон. В 1889 г., по желанию Скалон, архитектор Нагель вытянул „мезонин“ с полуциркульными окнами по всему фасаду. Первые же три этажа оста-

лись без изменений. Таким образом, встречающиеся в литературе сведения о совершенно новом, стоящем здесь на набережной здании, не вполне точны.

В пушкинское время на Неве, на месте нынешнего въезда на Литейный мост, стояло каменное здание „Литейного двора“, построенное в первую половину XVIII века. Дом просуществовал до 1850-х годов, когда его уничтожили при начале работ по сооружению Литейного моста. От этого „Литейного двора“ и улица, именовавшаяся в старину Большой и Московской, получила название Литейной. — „Я взглянул на Литейную, — записал в мае 1807 г. будущий член Тайного Общества Н. И. Тургенев, живший в дни своей юности тут поблизости на Фурштадтской, и сердце мое при сем имени облилось кровью. Улица сия получила свое имя от литейного двора. Тут льют пушки, пули, бомбы и все, принадлежащее к артиллерии. — Что? Для чего льют это? Мать теряет сына и в нем всю свою надежду, утешение; молодая женщина делается вдовою, дети сиротеют. Война! Война! При сем имени сердце чувствительное содрогается“.

Стоявший рядом с Литейным двором последний дом по Гагаринской набережной, окруженный прекрасным садом, принадлежал в начале XIX века известному протоиерею Самборскому. Это был один из просвещеннейших людей своего времени, много лет живший за границей. Декабрист Розен отметил в своих „Записках“, что Самборский, по образованию и понятиям своим, опередил современников на целое столетие. Православное духовенство негодовало на этого священника, брившего себе голову и носившего на улице сюртук и круглую шляпу. Двери его гостеприимного дома были всегда широко открыты для друзей, приезжавших к Самборскому из провинции. Здесь, в его доме, родился Сергей Му-

равьев-Апостол, родители которого жили тут некоторое время в один из своих приездов в Петербург. Будущий декабрист рос под благотворным влиянием матери, воспитывавшей детей в духе передовых идей. М. И. Муравьев-Апостол вспоминал, как в 1809 г. он с матерью и братом Сергеем возвращался из Парижа в Россию. Подъехав к русской границе, оба брата от радости бросились обнимать сторожевого казака. „Я очень рада,—сказала им мать,—что долгое пребывание за границей не охладило ваших чувств к родине, но готовьтесь дети, я должна вам сообщить ужасную весть, вы найдете то, чего не знаете: в России вы найдете рабов“. Сергей Муравьев-Апостол, как известно нашел смерть на кронверке Петропавловской крепости в расцвете сил и блестящих дарований. С большим мужеством встретил он свою участь. — Когда его престарелому отцу разрешили навестить сына в крепости, старый дипломат был глубоко потрясен, увидев сына в забрызганном кровью мундире, с раной на голове. „Я пришлю тебе,—сказал он,—другое платье“. „Не нужно,—ответил, рассказывают, заключенный,— я умру с пятнами крови, пролитой за отечество“.

Дом Самборского больше не существует. О нем напоминает теперь лишь Самбургский пер. у Шпалерной, ныне ул. Войнова, куда другой своей стороной выходил стоявший тут некогда дом, связанный с памятью декабриста.

Небольшое расстояние отделяло дом Самборского от стоявшего в начале Моховой ул. дома чиновника государственного казначейства Кандалинцева. Обширные владения его простирались вплоть до Гагаринской ул., куда выходили сад с беседкой и двор.

Часть участка Кандалинцева, с домом на Моховую, перешла впоследствии во владение известного

сенатора Кушникава, выстроившего в 1836 г. на Гагаринской, против Пустого рынка, новый большой дом, стоящий там и поныне. Это дом № 16 по Гагаринской ул., против Рыночной. Окрашенное зеленой краской, трехэтажное здание это, с полукруглым окном наверху, типично для построек 20-х и 30-х годов. Характерна также строгая симметрия ряда входов в подвалы, в которых окна, к сожалению, повышены. Дом в настоящее время пришел в ветхость и ждет ремонта.

Дочь Кушникава, Софья Сергеевна, получила его в приданое при замужестве с Д. Г. Бибиковым, впоследствии министром внутренних дел. Старый сенатор, с дочерью и зятем, занимал дом на Моховой ул.; в корпусе же на Гагаринскую ул., в верхнем этаже, поселилась в конце 30-х годов тетка Кушникава, Катерина Андреевна Карамзина. Она жила тут в скромной и патриархальной обстановке. В гостиной, освещенной настольной лампой, стояла простая мебель, обитая красным, выцветшим от времени, штофом. Гостей угощали неизменным крепким чаем, к которому подавались густые сливки и хлеб с маслом ⁵¹.

В гостиной Карамзиной собиралась самая культурная и образованная часть петербургского общества. Здесь были постоянными гостями Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, Гнедич, Брюллов, Глинка и Даргомыжский. По словам А. Кошелева, это был единственный дом, „где не играли в карты и говорили по русски“. „В обществе Карамзиных, — писал Гроту Плетнев, — есть то, чего нигде нету—свобода, а следовательно и жизнь“... И дальше он сообщал: „Там было все, что только есть прекраснейшего между дамами в Петербурге, начиная с Пушкиной (вдовы поэта) до молодой Сокологуб“ ⁵².

В весенний апрельский день 1840 г. у Карамзи-

ных собрались гости. В столовой у чая суетилась немолодая уже Софья Карамзина, прозванная „Самовар-паша“, за постоянное разливание чая. Кого-то, видимо, ждали. В дверях показался небольшого роста армейский офицер в старом дорожном сюртуке. Высокий лоб его был обрамлен черными мягкими волосами. Взгляд темных глаз был тяжел. Вся фигура его дышала внутренней силой и привлекала внимание.

Это был Лермонтов, приехавший к Карамзиным проститься перед отъездом в ссылку. Дуэль с де-Баррантом послужила причиной перевода его на Кавказ, в армейский пехотный полк.

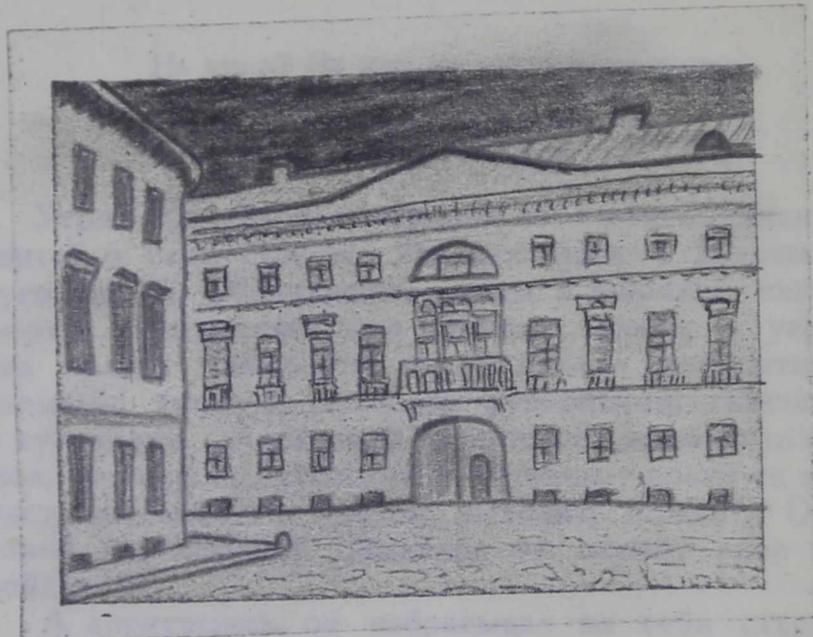
Лермонтова окружили и забросали вопросами. Он был молчалив и отвечал нехотя. Подали чай. Поэт подошел к окну и задумался. Вдали блестела Фонтанка. Летний сад ласкал взор молодой зеленью. По небу скользили легкие облака. Он взял брошенный кем-то лист бумаги и стал писать. Софья Карамзина попросила прочесть написанное. К ней присоединились другие. Поэт помолчал и стал читать:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...

И когда он кончил, глаза его были влажны от слез.

На улице зазвенели бубенцы подъехавшей тройки. Лермонтов быстро простился и побежал вниз.

А через год на Кавказе, как холодно гласил документ, „Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьевич Лермонтов, 27 лет, убит на дуэли“. На смертном одре, как описывал современник, Лермонтов „лежал с открытыми глазами, с улыбкой презрения, как бы живой, будто разгадав неведомую ему замогильную тайну. И он, такой невзрачный, в этот момент казался прекрасным“.



Дом Бибиковой на Гагаринской ул., ныне № 16.
Здесь у Карамзиных прощался с Петербургом
М. Ю. Лермонтов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Небольшой скромный дом № 11 по Лиговской ул., стоящий недалеко от Знаменской пл., ныне площади Восстания, принадлежал в начале XIX века некоей чиновнице Кудрявцевой, от которой перешел впоследствии к губ. секретарю Модену.

В 20-х годах темная лестница дома заканчивалась наверху грязной стеклянной галлереей. Во втором этаже, на обитой оборванной клеенкой двери, была приклеена розовая обложка известного журнала „Благонамеренный“. Тут помещалась контора журнала и здесь же жил его издатель, известный литератор и баснописец Александр Ефимович Измайлов.

Посетитель, входя в квартиру Измайлова, сначала попадал в комнату, исполнявшую назначение залы и столовой и всю заваленную запыленными пачками журналов. Эти же журналы наполняли и кабинет хозяина, освещавшийся итальянским окном, выходящим на стеклянную галерею. Поднесенная кем-то в подарок бронзовая чернильница, украшавшая письменный стол, стояла без употребления; ее назначение выполняла старая банка из-под помады. У окна в клетках весело заливались канарейки. На просторной лежанке хрипела старая моська по имени „Венерка номер второй“, так как „Венерка номер первый“ кончила свои дни много лет назад⁵⁹.

В доме Модена Измайлов прожил целый ряд лет. Тут он сочинял свои басни, эпиграммы и статьи. Он был несказанно ленив и журнал свой издавал неисправно. Бывали годы, когда подписчики еженедельного журнала получали только 35 или 40 номеров. Был случай, когда июньский номер вышел в октябре и им закончен был год. Но издатель самым добросовестным образом старался разъяснить подписчикам причины неисправности.— Дочь, мол, в институт отвозили, много хлопот было; родственников добрых в далекий путь провожали и т. д. Однажды невыход в свет на маслянице своего журнала Измайлов объяснил еще проще:

Как русский человек, на праздниках гулял:
Забыл жену, детей, не только что журнал.

Пушкин, не особенно благоволивший к Измайлову, написал на него в 1825 г. свою известную эпиграмму:

Недавно я стихами как-то свиснул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи-ж пустив ее злодей.

Но что-ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ;
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

Утром Измайлов повязывал себе шею аннинской лентой и торжественно надевал фрак с золотыми пуговицами. Облачившись затем в широкий синий сюртук, заменявший в те времена пальто, и украсив голову цилиндром, он наполнял необъятные карманы сюртука всякими рукописями, газетами и журналами. „Александр Ефимович в должность пошел,—говорили лиговские лавочники,—время-то как идет, побаловаться чайком, выходит, можно“. Они знали, что ленивый Измайлов на службу рано не пойдет.

А вернувшись, он набрасывал на себя старый засаленный халат и забыв, по рассеянности, снять свой орден, усаживался в кресло и подзывал к окну голубей. Приходили приятели-литераторы. Начались обычные споры. Передавались на ухо, под „честным словом“, рассказанные уже всему городу последние журнальные сплетни. Равнодушно внимал всему этому Измайлов. „Лукьянушка! — кричал он вдруг оживившись,—принеси-ка нам трючку апельсинчиков, да захвати графинчик квасу“. А потом, помолчав и как-будто над чем-то раздумав, прибавлял: „Замени-ка квас, пожалуй, очищенной. Ко времени будет“. Входил Лукьянушка с вечно пасмурным и недовольным лицом и нехотя ставил на стол угощение.—„Добро,—говорил Измайлов,—приступим“.—И приступали.

Наряду с Измайловым, большой популярностью в Петербурге пользовался известный в свое время стихотворец гр. Д. И. Хвостов. Он жил в Литейной части в собственном доме на Сергиевской ул. вблизи Литейного пр.

- Ему принадлежал одно время дом № 567 в Московской части, вблизи Загородного пр. Продав его, Хвостов приобрел на Сергиевской, через дом от Сергиевского собора, некрасивый желтый двухэтажный дом, который он занимал уже в первые годы XIX века (ныне № 18 по ул. Чайковского) ⁵⁴.

Сенатский обер-прокурор, затем сенатор и действительный тайный советник, Хвостов был притчей во языцех всего города, благодаря страсти к сочинению стихов. Эта его причуда вызывала жестокие насмешки и молодые писатели обыкновенно оттачивали на нем свое перо. Без эпиграммы на Хвостова, говорил Вигель, как-будто нельзя было вступить в литературское сословие.

Дом Хвостова на Сергиевской был известен всему городу. Хозяйка дома говорила только по французски и, разодетая в пестрые блонды и шелка, принимала гостей; хвостовский дом славился гостеприимством; „скатерть тут не снималась с утра до поздней ночи“. Хозяин отличался большой кротостью и добродушием и кошелек его был всегда открыт для нуждающихся. Многие литераторы и журналисты того времени охотно пользовались его поддержкой.

Хвостов тратил большие деньги на печатание своих сочинений, которые бесплатно раздавал затем своим друзьям. Когда Александр I, по его просьбе, выдал ему крупное пособие на выкуп заложенного имения, Хвостов прежде всего поспешил „тиснуть свои сочинения вторым изданием“.

Здесь в его доме устраивались литературные чтения, главным образом, конечно, произведений хозяина и тогда торжественно устанавливался длинный стол, покрытый малиновым сукном с золотыми кистями. В другие дни, когда в гостиной запросто играли в карты, Хвостов, наметив кого-либо из присутствующих, уводил его в кабинет и, усадив гостя

в удобное кресло, в течение всего вечера развлекал его непрерывным чтением своих стихов. По утрам слушать его поэзию входило в обязанность секретаря. Однако, говорили, что больше года никто этой роли не выдерживал.

Между тем, „злополучный наперсник муз“, величавший себя „мудролюбцем“, искренно верил, что его „неувядающий гений“ нашел уже всеобщее признание.

Знакомые Хвостова, подходя к Сергиевской, боязливо оглядывались по сторонам, опасаясь встречи с голубой каретой графа. И если, завидев ее издали, они не сворачивали в сторону, карета тотчас останавливалась, из нее выходил сгорбленный старик, в засаленном сером фраке. Вежливо справившись о здоровье встреченного и не дождавшись ответа, он делал знак двум сопровождавшим его лакеям. И громадные гайдуки, одетые в расшитые серебром камзолы, тотчас доставали из своих необъятных карманов пачки листков последних произведений графа. Он хватал свою жертву крепко под руку и начинал тут же на улице свое чтение:

Петрополь славный,
Афинам равный,
Царь невских волн,
Отрады полн....

А гайдуки угрюмо стояли по сторонам.

Против дома Хвостова, по другую сторону ул. Чайковского, на углу небольшого Друскеникского пер., стоит длинный двухэтажный особняк (№ 29), принадлежавший до революции многочисленной семье Нарышкиных.

По сенатскому плану 1798 г. владельцем этого дома значился генерал - поручик Иван Абрамович

Ганнибал. Это был сын знаменитого „петровского арапа“, родной брат отца Надежды Осиповны Пушкиной. Наваринский герой, строитель Херсона, И. А. Ганнибал скончался холостым в Петербурге (вероятно здесь же, в своем сергиевском доме) 12 октября 1801 г. Он погребен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, где на бронзовой плите надпись гласит:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил.
Стенащие о нем родня его и ближни
Сей памятник ему с усердием воздвигли.

За год до смерти Ивана Абрамовича, брат его Петр Абрамович Ганнибал жил здесь на Сергиевской ул., в доме брага, перед своим отъездом за границу⁵⁵. Петр Ганнибал на много лет пережил своего брата, достигнув восьмидесятилетнего возраста. Вино было его слабостью. „Эй, малый, подай водки алой“, — кричал он по много раз в день своему слуге.

Ближайшие годы после смерти Ивана Абрамовича дом его оставался в семье Ганнибалов. По табели 1804 г. он еще принадлежал „наследникам генерал-лейтенанта Ганнибала“ и оценивался в 12.000 руб. К 1809 г. дом перешел к Неплюевым, простояв без изменений до середины 50-х годов, когда, по просьбе нового владельца Трубецкого, последовало разрешение на переделку дома. По проекту архитектора Боссе дом Ганнибалов был значительно изменен. В то время часть лицевой стороны участка слева занимал небольшой домик в 3 окна. Боссе уничтожил как его, так и стоящие рядом ворота и, вытянув главное здание по всему фасаду, прибавил 6 новых окон. Боссе передвинул также влево несколько измененный фронтон, украсил его гербом и протянул шесть пилястр. В 1875—76 гг.,

при новых переделках, архитектором Гедике был уничтожен старый сад.

Такова история ганнибаловского дома. Надо думать, что Надежда Осиповна Пушкина знала этот дом. Знал его, вероятно, и А. С. Пушкин.

Наступил 1812 год. Стояла сырая мартовская ночь. В подъезде небольшого скромного дома в конце Сергиевской ул. закрипела дверь. На крыльце показались две темные фигуры. Их ожидала почтовая кибитка. Один из вышедших, пожилой человек, медленно оглянул дом, как бы прощаясь с ним. Его спутник, полицейский офицер, вскочив в кибитку, крикнул: „Пошел!“ — Сани тронулись. Это увозили в ссылку Сперанского.

Теперь здесь давно все перестроено, и лишь дом на левой стороне Сергиевской, ныне улице Чайковского (№ 62), на углу Потемкинской, напоминает о прошлом.

В конце XVIII века на этом месте стоял небольшой дом Ф. И. Елагиной. Он принадлежал ей до 1804 г., перейдя к статскому советнику Борзову. В 1809 г. его купил М. Сперанский⁵⁶. Дом был тогда еще двухэтажный; на Сергиевскую ул. выходило одиннадцать окон и на Таврическую — восемь. Низ дома был рустован, балкон поддерживался четырьмя колоннами. В первом этаже были спальня дочери и тещи Сперанского, зала, гостиная, столовая и приемный кабинет, весь обставленный шкафами с книгами. Рабочий кабинет, служивший Сперанскому спальней, находился во втором этаже.

В роковой день 17 марта Сперанский поздно вернулся домой. Все уже спали. Тихо ступая по паркету, тогда еще редкой роскоши в Петербурге, Сперанский поднялся в свой кабинет. Там его ожидал министр полиции Балашов, объявивший ему повеление о немедленном выезде из Петербурга. Но

Сперанский уже знал о предстоящей ему ссылке. Он спокойно сел к столу, собрал несколько нужных бумаг и, написав короткое письмо Александру, вручил его министру. Потом он спустился вниз, где спала его дочь; ему пришлось пережить тяжелую сцену прощания с нею. Вырвавшись из ее объятий, он набросил на себя шубу и вышел на крыльцо.

Лошади уже ждали. На углу Кирочной Сперанский взглянул на дом злейшего врага своего Аракчеева. В окнах, как всегда, горел свет, двигались тени. Он поднял воротник, закрыл глаза и задумался. И вся сцена его последнего свидания с Александром воскресла перед ним... Сперанский всю жизнь хранил об этом упорное молчание и даже на вопрос своей любимой дочери, ответил: „про то ведает и в том должен быть судьей один лишь бог“.

На следующее утро у дома Сперанского, вместо обычных придворных карет и царских фельдегерей, сновали полицейские, сваливавшие на простые дровни кипы его бумаг. Сильный ветер разносил по всей улице небрежно связанные пачки.—Это было все, что осталось от вчерашнего могущества, от грандиозных проектов.

Дом Сперанского на Сергиевской продолжал оставаться в его владении и после ссылки. Он был продан сенатору Н. П. Дубенскому в 1822 г. После смерти нового владельца он был значительно перестроен в 1841 г. его вдовой. По проекту архитектора Шарлеманя 2-го его увеличили на 5 окон по Сергиевской ул. и надстроили третий этаж. В 1842 г. дом вытянули дальше по Таврической ул., превратив в большое строение. Маленький домик Сперанского перестал существовать.

Подобно тому, как громадный дом Дубенских заменил собою домик Сперанского, на Фурштат-

ской ул., ныне ул. Лаврова, для постройки многоэтажного дома № 20 пожертвовали маленьким домом Алымовых, в котором жил когда-то Пушкин.

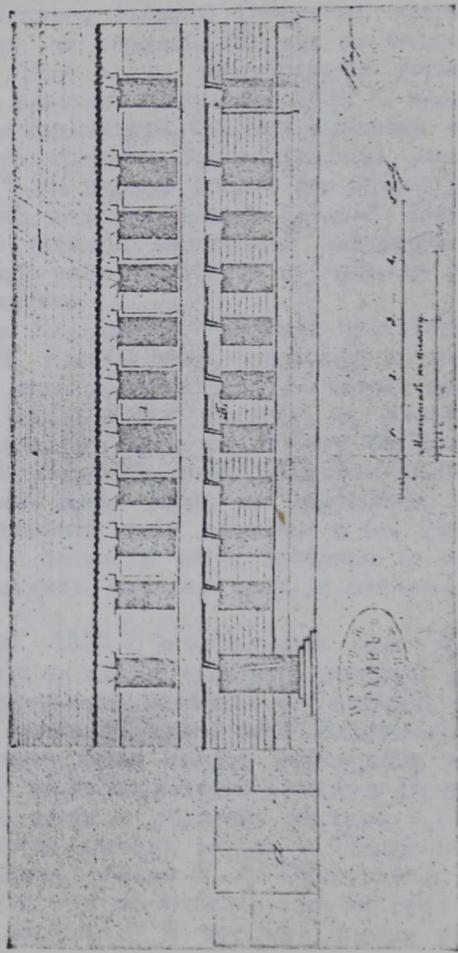
Первые сведения об этом участке относятся к концу XVIII века, когда он принадлежал штаб-лекарю Биргеру; в 1804 г. им владела жена генерал-майора Борисова, а затем генерал-майор А. А. Беклешов, брат известного генерал-прокурора. К 20-м годам дом принадлежал тит. советнице Алымовой и кол. ассесорше Духовской (сестры?). Вскоре Екатерина Петровна Алымова осталась единственной владелицей дома⁵⁷. Урожденная Чернышева, она, видимо, не принадлежала к роду гр. Чернышевых. Возможно, однако, что она была с ними в родстве, так как в доме Алымовых жил одно время декабрист Ф. Ф. Вадковский, мать которого, Екатерина Ивановна, была урожденная гр. Чернышева.

Сын сенатора, Вадковский принадлежал к аристократической семье, издавна связанной с придворными кругами. Богатство и связи открыли перед Вадковским блестящую карьеру. Он поступил в кавалергардский полк, „самый аристократический во всей российской армии“. Сблизившись с наиболее свободомыслящими кругами молодежи, Вадковский скоро примкнул к Тайному Обществу. Одаренный пылким воображением и неутомимой жаждой деятельности, он стал центром, вокруг которого группировалась военная молодежь. Тут, в скромном домике Алымовой на Фурштатской часто собиралась „буйная ватага“ кавалергардов и их друзей. Пламенное красноречие Вадковского вселяло в его слушателей веру в осуществимость его фантастических планов. Тут за бутылкой лафита было создано не мало проектов спасения России от „тиранства“. Путь к свержению „самовластья“ Вадковский видел в организации грандиозного общества, призванного уничтожить „самодержавную Россию“. Убежденный

в необходимости царубийства, он создал смелый план уничтожения всей царской семьи на одном из придворных балов в парадном зале Зимнего дворца, после чего, по мнению Вадковского, следовало немедленно провозгласить республику перед толпой растерявшихся царедворцев.

Пестель сразу высоко оценил значение Вадковского для целей Тайного Общества. Весной 1824 г. тут в доме Алымовой состоялось известное совещание, на котором присутствовали Пестель, Вадковский, Матвей Муравьев-Апостол и Свистунов. Здесь Пестель возвел Вадковского и Свистунова в почетное звание „бояр“, поручив им, совместно с Муравьевым-Апостолом, руководство организованной им в Петербурге новой группой, а также заботы о дальнейшем увеличении числа ее членов. „Память о моих клятвах наполняет мое сердце, — вскоре писал Вадковский Пестелю. — Я живу и дышу только той священной целью, которая нас объединяет“. Однако, власти, предупрежденные о вредном направлении умов гвардейской молодежи, внимательно следили за квартирой Вадковского на Фурштадтской. „С меня не спускали глаз ни на минуту, — писал Вадковский Пестелю, — фамилии лиц, которые бывали у меня или которых я посещал, записывались“.

Вскоре Вадковский был переведен из Петербурга в армейский полк за „неприличное поведение“. Ревностный поклонник идей Руссо, он тем не менее, в письмах к Пестелю с пренебрежением отзывался о своих новых товарищах по полку, „людях, большею частью бедных и незнатных, живущих одним только жалованьем“. Пылкость природы Вадковского вскоре послужила причиной гибели его и ряда его товарищей. Приняв в члены Общества унтер-офицера Шервуда, он легкомысленно посвятил его во все тайны Общества. Вадковский доверил Шервуду кон-



Дом Алымовой на Фурштадтской ул., ныне № 20.

Здесь жили А. С. Пушкин и Ф. Ф. Вадковский.

Архив Лен. Отд. ком. хозяйства.

Здание не существует.

фиденциальное письмо, предназначенное Пестелю, и даже открыл ему местонахождение списка всех членов Южного Тайного Общества, хранившегося в футляре от скрипки. Шервуд же оказался предателем. Все планы заговорщиков тотчас стали известны властям. 10 декабря 1825 г. первым был арестован Вадковский. Он был заключен в Петропавловскую крепость, где содержался „совершенно секретно“. На первый допрос его повели „с закрытым лицом, под строжайшей тайной“. Осужденный к вечной каторге, замененной двадцатью годами, Вадковский умер в 1844 г. от чахотки в Омске, близ Иркутска.

„Умер Вадковский, — записал его товарищ по ссылке В. Кюхельбекер, — человек, с которым я когда-то жил душа в душу, — что-ж, мне, право кажется, будто я его никогда не знал; ум-то, правда, говорит: „вот ты почему бы должен грустить, вот какую ты понес потерю — последний или по крайней мере один из последних, кто тебя любил, покинул тебя навсегда и пр. Но сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких горьких слез, а сыплются только искры“.

Весной 1832 г. в небольшой дом Алымовой, вероятно в ту самую квартиру, которую ранее занимал Вадковский, переехал с Галерной ул. Пушкин. Он, очевидно, давно знал Алымовых, так как его хозяева были сродни опочечкому помещику Алымову, через посредство которого Пушкин поддерживал связь с родными местами. „Г. Алымов отправляется сегодня ночью в Псков и Тригорское, — писал Пушкин П. А. Осиповой в середине мая 1832 г., — и он любезно взял на себя передать вам это письмо ...“ И тут же Пушкин прибавлял: „По поводу крещения, — я тоже буду вскоре иметь его на Фурштатской в доме Алымова“. 19 мая у

него родился здесь первый ребенок — дочь Мария. Поздравляя Пушкина с новосельем, Гнедич писал ему 26 того же мая:

Пушкин, прими от Гнедича два в одно время привета:
Первый привет с новосельем; при нем по обычаю предков,
Хлеб-соль прими ты, во образе Гекзаметрической булки.*
А другой привет мой — с счастьем отца, тебе новым,
Сладким, прекрасным и самой любви удвояющим сладость.

Сюда, в дом Алымовой, Хвостов прислал Н. Н. Пушкиной написанное им и положенное кем-то на музыку стихотворение „Соловей в Таврическом саду“, оканчивавшееся куплетом:

Любитель муз, с зарею майской
Спешу к источникам ключей:
Ступай подслушать на Фурштадтской,
Поэт где Пушкин-соловей.

Однако недолго пел на Фурштадтской „пушкинский соловей“. По возвращении осенью 1832 г. из Москвы, поэт переехал отсюда с семьей на Б. Морскую, в дом Жадимеровского. В письме к Нащокину от 2 декабря 1832 г. Пушкин написал: „Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец, нанимать новую квартиру...“

Как свидетельствуют документы городского архива, алымовский дом в пушкинское время представлял собой небольшое двухэтажное здание, с каменным низом и деревянным вторым этажем. В начале 20-х годов он был заново отделан. Старая черепичная крыша заменена железной. Первый этаж был предназначен под торговые помещения; во втором этаже была барская квартира в 14 комнат, с паркетными полами, кухней, людской и прачечной.⁶⁸

* Она, как часто случается с Гекзаметрами, изломалась.

В архиве сохранились два чертежа фасада алымовского дома, исполненные в 1832 и 1849 гг. Последний чертеж, как наиболее сохранившийся, воспроизводится при настоящей работе⁶⁹.

Алымовский домик просуществовал без каких бы то ни было изменений до 70-х годов. В 1875 г. нижегородская купчиха Зайцева, новая владелица участка, решила использовать ценность его, для чего, как гласят документы, „ветхие строения“ были снесены. На месте алымовского дома архитектором Богомолловым было возведено безвкусное четырехэтажное здание в русском стиле, столь излюбленном впоследствии Александром III. Через восемь лет Богомоллов надстроил на доме пятый этаж⁶⁰.

Через два дома от Алымовых, ближе к Литейному пр., на Фурштадтской ул. стоял когда-то скромный двухэтажный дом в 8 окон, окрашенный зеленой краской. Теперь это дом № 14 по ул. Петра Лаврова, принадлежавший до революции председателю Совета министров И. А. Горемыкину. — В 1874 г. на этом доме надстроили третий этаж, но зато первый почти на половину ушел к нашему времени в землю.

В начале XIX века дом этот принадлежал тайному советнику Сушкову, от которого перешел к известному адмиралу А. С. Шишкову. Состоя государственным секретарем времен войны 1812 г., он прославился составлением знаменитых манифестов Александра I. Текст их изобиловал евангельскими цитатами, что и послужило поводом для злой шутки Жозефа де-Местра, заметившего, что „токай вино чудесное, но не льют же его в суп“. Узкий консерватор, яростный защитник крепостного права, Шишков скоро обратил на себя благосклонное внимание Александра I. Ему был предложен портфель

министра народного просвещения. С первых же шагов новый министр ревностно принялся за „скорое и тихое потушение карбонарства“. Шишков с нескрываемой ненавистью относился ко всякого рода просветительным начинаниям, усматривая всюду лишь „школы разврата“. Полагая, что „обучать грамоте весь народ или несоразмерное оному количество людей принесло бы более вреда, чем пользы“, ревностный министр запретил печатание книг по философии и геологии, а также все, что могло показаться оскорбительным для какого-либо (!) правительства или вероисповедания. Авторы подвергались преследованиям не только за напечатанные книги, но и за рукописи, представляемые на просмотр цензуре. — Этот усердный гонитель просвещения оставался на своем посту до 1828 г. Однажды на докладе у Николая I Шишков, от старческой слабости, не смог отпереть портфеля с бумагами. „Вы много и доблестно трудились, — сказал ему Николай. — Не пора ли вам успокоиться?“

Выйдя в отставку, Шишков вернулся в свой домик на Фурштатской, который он оставил, переселившись в великолепную министерскую квартиру, сначала против дворца, а потом в Почтовом доме, на Почтамтской улице. Семидесяти лет он женился вторым браком на Юлии Лобаржевской и дом его наполнился шумом и весельем. Каждое воскресенье тут бывал парадный обед, а по вечерам танцевали французскую кадрили. Случалось нередко, что Шишкову вдруг делалось худо и тогда он тут же в зале должен был ложиться среди танцующих на диване и специально приставленная для этой цели женщина начинала растирать ему виски и темя. Ее звали „чесалкой“, и она, как тень, следовала за Шишковым, еле передвигавшим ноги.⁶¹

По утрам, сидя за письменным столом в своем

голубом кабинете, худой, белый, как лунь, старик с затаенной надеждой поглядывал на улицу — не едет ли за ним из дворца долгожданный фельд-егерь. — И он мечтал уже о том, как спасет гибнущую без него империю; воображение рисовало проекты будущих реформ... Но напряжение мысли вызывало отлив крови и приходилось звать „чесалку“.

Недалеко от дома Шишкова, на углу Спасской, ныне ул. Рылеева, (№ 1) и Басковой улиц, против Спасо-Преображенского собора, стоит красивое здание начала XIX века, украшенное колоннами. Громадный дом этот связан с трагической судьбой декабриста Булатова.

Участок этот принадлежал в первые годы XIX века известному врачу Г. Ф. Соболевскому, составителю выдающихся естественно-исторических коллекций.

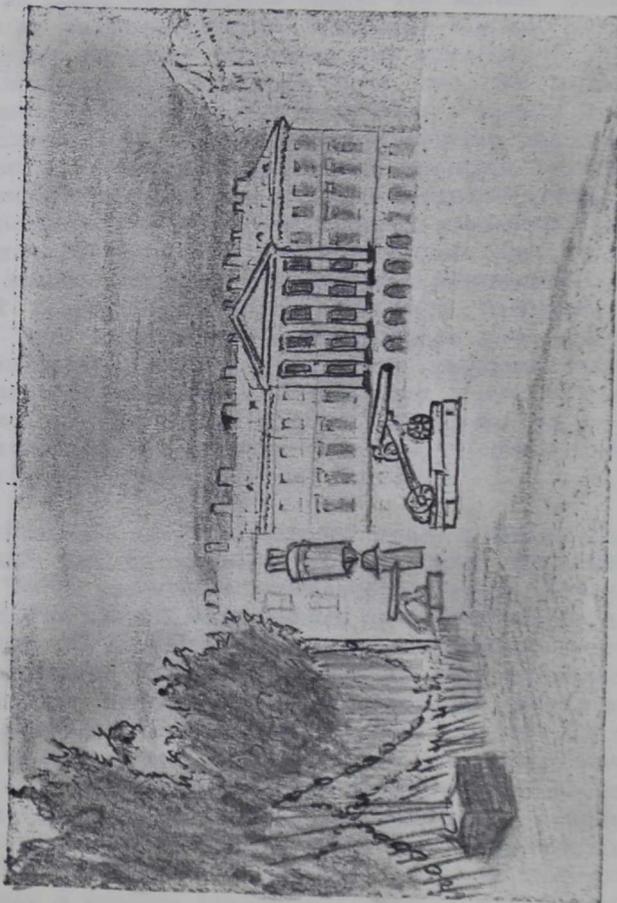
После смерти Соболевского в 1807 г., его наследники продали все его ботанические, зоологические и минералогические коллекции казне, приступив на вырученные от продажи деньги к постройке трехэтажного дома на Спасской ул. Однако, средств на окончание постройки не хватило; крупная сумма, взятая Соболевскими в долг, не была уплачена в срок и участок перешел во владение одного из главных кредиторов — Булатовой, закончившей после 1815 г. постройку этого здания⁶². Булатова скончалась в 1822 г., а через три года умер и ее муж, известный боевой генерал М. А. Булатов.

Старший сын их, Александр Михайлович, несмотря на свои молодые годы уже командир егерского полка, приехал в Петербург из Перми для раздела с братьями наследства. Прослужив перед тем долгое время в Петербурге, в л.-гв. гренадер-

ском полку, он приобрел имел множество знакомых в офицерских кругах столицы. Благодаря старым друзьям, в особенности Рылееву, товарищу по кадетскому корпусу. Булатов оказался вовлеченным в Тайное Общество. В его доме на Спасской ул. проводили долгие часы Панов, Н. Бестужев и Щепин-Ростовский. Когда же, накануне восстания, у Рылеева собрались виднейшие члены Общества для обсуждения подробностей выступления, Булатову, как одному из старших в чине, предложено было принять на себя, совместно с Трубецким, звание „диктатора“, от которого он отказался.

Вооруженный пистолетами и кинжалом, Булатов отправился 14 декабря на Сенатскую площадь, с твердым намерением убить Николая I. Проявив в 1813—15 гг. совершенно исключительную храбрость, награжденный за воинские подвиги „золотым оружием“, он долго простоял вблизи Николая на Адмиралтейском бульваре, не найдя в себе решимости нанести удар. Узнав о подавлении восстания, об аресте своих близких друзей, Булатов сам явился в Зимний дворец. Отправленный оттуда в Петропавловскую крепость, он решил обречь себя на голодную смерть. Булатов вынес ужасные муки, отказываясь от пищи. Терзаемый голодом, он изгрыз себе до крови пальцы. Наконец, однажды вечером часовые услышали стон в его каземате. Когда туда вошли — Булатов лежал недвижим на полу, разбив себе голову о стену.

Младшему брату декабриста, в память заслуг отца, было выдано для похорон тело умершего. Завернув его в свою шинель, он привез его в булатовский дом, на Спасскую ул. Похороны трагически погибшего декабриста привлекли массу народа. — Впереди процессии вели верховую лошадь Булатова под траурным покрывалом, затем шли длинной вереницей, в глубоком трауре, слуги була-



Дом декабриста А. М. Булатова на Спасской ул., ныне № 1.

товского дома, за ними следовала колесница, запряженная шестью лошадьми; на гробе лежала полученная за храбрость золотая сабля. На могиле Булатова на Большеохтенском кладбище бывшие товарищи его по полку поставили ему памятник⁶¹.

После смерти Булатова, брат его, не желая служить Николаю, вышел в отставку и продал дом на Спасской ул. А. Лисицыну, купившему одновременно и второй дом Булатовых, стоящий тут же рядом. В нем издавна помещалась писарская команда Экономического Комитета военных поселений. Тут в тяжелых условиях прожил несколько лет молодой писарь Серяков. Впоследствии известный русский гравер, он долго вспоминал беспросветные дни, проведенные в лисицынском доме, когда приходилось работать целые ночи напролет, спать на жестком полу, получая жалованья 5 руб. 40 коп. в год. В 70-х годах в доме Лисицына, на углу Басковой ул., помещалась редакция „Русской Старины“, а позднее „Русского Богатства“.

Недалеко от булатовского дома, в начале Кирочной ул., за зданием школы, стоит скромный дом № 10 известного архитектора Федора Демерцова. Ряд зданий, возведенных им в Петербурге на рубеже XVIII—XIX веков, свидетельствуют о его незаурядном таланте. К этому периоду, очевидно, относится приобретение Демерцовым дома на Кирочной ул., принадлежавшего ему уже в 1798 г. После его смерти, дом перешел к некоему кол. ассесору Кушакевичу. Здание представляло собою тогда двухэтажную постройку с каменным небольшим мезонином в 3 окна, украшенным фронтоном. В 1826 г. Кушакевич вытянул мезонин по всему фасаду и украсил здание аттиком. В таком виде оно уцелело до нашего времени. В 1917 г. им владели еще Кушакевичи.

В этом доме в 20-х годах XIX столетия жил один из образованнейших людей своего времени, Михаил Александрович Салтыков. С ним жила его дочь, Софья Михайловна, предмет несчастной любви декабриста Каховского.

В глуши Смоленской губернии, куда приехали на лето Салтыковы,—завязался этот идиллический роман между девицей из чопорной аристократической семьи и нищим армейским поручиком в отставке. Тщеславию юной героини петербургских гостиних приятно льстила любовь восторженного поручика. „Ах, дорогой друг,—писала Салтыкова своей приятельнице,— что это за человек! Сколько ума, сколько воображения в этой молодой голове. Сколько чувства, какое величие души, какая правдивость! Сердце его чисто как кристалл. Я почувствовала, что полюбила его всею душою..“ Однако „ослепление чувств“ длилось недолго. Салтыкова знала, что отец никогда не даст своего согласия на ее брак с Каховским. Возвратившись в Петербург, она благоразумно примирилась со своей участью, а светские развлечения скоро вытеснили из ее сердца образ злополучного героя. Салтыковы, вернувшись в Петербург осенью 1824 г., поселились на Литейном пр., ныне пр. Володарского, в доме Гассе, на углу Бассейной. Памятная доска свидетельствует теперь, что тут жил когда-то Некрасов.

Но Каховский никак не мог примириться с грустным финалом своей любви и в его пламенном воображении рисовалось тайное венчание и бегство на удалой тройке. Он последовал за Салтыковыми в Петербург и тут у ворот дома Гассе можно было часто видеть высокую фигуру, закутанную в плащ. Это Каховский с таинственным видом передавал прислуге Салтыковых письма для своей возлюбленной. „Одно из двух,—писал он ей,—или смерть или я счастлив вами: но пережить я не умею. Ради

бога, отвечайте, не мучьте меня, мне легче умереть, чем жить для страдания. Ах! Того ли я ожидал? Не будете отвечать сего дня, я не живу завтра—но ваш я буду и за гробом“. Салтыкова отослала, однако, это письмо обратно не распечатанным, „не имея ни малейшего желания прочесть его“,—как поведала она своей приятельнице.

„Поверженный в совершенное уныние, похудевший, одним словом, как мертвец“, грустно влачил свои дни в Петербурге Каховский. К этому тяжелому периоду его жизни относится его сближение с членами Тайного Общества.

Отдавшись ему всей душой, Каховский участвовал в собраниях у Рылеева и, поглощенный идеей свержения „самовластья“, сам вербовал новых членов Общества. Терпя крайнюю нужду, Каховский часто прибегал к помощи своих друзей по Обществу. Он страшился их презрения и все же писал Рылееву: „Спаси меня. Я не имею сил более терпеть все неприятности, которые ежедневно мне встречаются.. Я не имею даже чем утолить голод. Вот со вторника до сих пор я ничего не ел“..

Когда миновали события 14 декабря и Каховский был арестован, как один из главнейших участников восстания, Софья Михайловна была искренно опечалена его судьбой. К тому времени она уже была женой молодого поэта Дельвига. „Это не пылкая страсть, какую я чувствовала к Каховскому,—что привязывает меня к Дельвигу,—писала она,—это чистая привязанность, спокойствие, восхищение, что-то неземное..“

Каховский, присужденный к смертной казни, нашел смерть на кронверке Петропавловской крепости. Его сотоварищи до конца не изменили своего пренебрежительного отношения к нищему армейцу. Даже близость смерти не соединила их. Осужденные, выведенные на казнь, братски обнялись друг с дру-

гом. И только Каховскому, гласит легенда, никто не протянул даже руки.

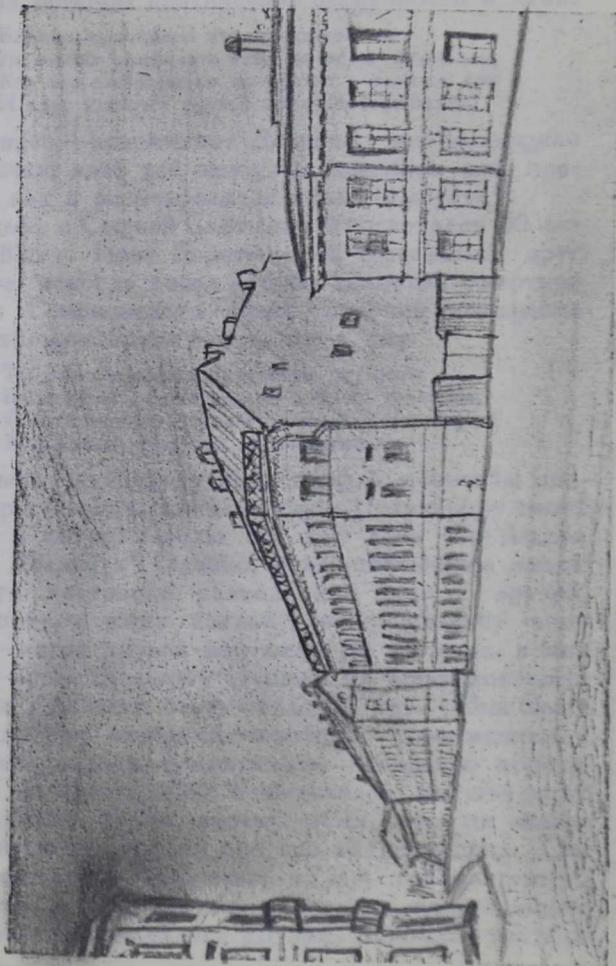
Молодые супруги Дельвиги первоначально поселились на Миллионной ул., ныне Халтурина, в доме Эбелинг. Они прожили тут около года, переехав затем на Загородный пр., в дом купца Кувшинникова (теперь это участок под № 9, близ Пяти углов), где поэт жил еще в свои холостые годы⁶⁴.

Отсылая Бенкендорфу пушкинских „Цыган“ и отрывки из „Онегина“, Дельвиг указал свой новый адрес: „на Владимирской улице, близ Коммерческого училища, в доме Кувшинникова“⁶⁵. Дельвиг часто выполнял подобные поручения Пушкина, с которым его связывали, с юношеских лет, самые сердечные отношения. В годы совместного пребывания в лицее Дельвиг был первым ценителем дарований юного поэта. Глубокая разница в характере и наклонностях двух друзей не препятствовала их тесному сближению.

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья;
Ты гений свой воспитывал в тиши.

„Пушкин,—записал один современник,—быстрый сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье. Дельвиг—ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив“. Дельвига, прибавлял он, надобно лично знать, чтобы понять его поэзию⁶⁶.

Один из современников так описал внешность Дельвига: „Это был молодой человек, довольно полный, в коричневом сюртуке. Большие, осененные густыми, темными бровями, глаза блестящие сквозь очки в черной оправе: довольно полное, но бледное лицо было задумчиво и вообще вся на-



Дом Тытшикина на Загородном пр., ныне № 1.

ружность выражала несвойственное летам равнодушие“.

Искавший тишины и уединения, Дельви́г не скрывал своей истинно поэтической беспечности и лени:

Блажен, о, юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассматривать себя по всем журналам,
Кто час любовников пропустит в сладком сне
И круг простых друзей предпочитает балам.

„В лицее,—вспоминает Дельви́г,—мне запрещали носить очки: зато все женщины казались мне прекрасны; как я разочаровался после выпуска“.

Свадьба с Софьей Салтыковой состоялась 30 октября 1825 г. Поэт Боратынский, ближайший друг Дельви́га, некогда сосед его по холостой квартире в ротах Семеновского полка, получив известие о предстоящем браке поэта, писал ему:

Ты распрощался с братством шумным
Бесстыдных, бешеных, но добрых шалунов,
С бесчинством дружеским веселых их пиров,
И с нашим счастьем вольнодумным.

Пушкин, по поводу предстоящей женитьбы своего старого друга, написал ему: „Целую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельви́га“. Однако, новая обстановка жизни Дельви́га несколько разъединила старых друзей. „Чорт побери вашу свадьбу, вашу свадьбу чорт побери—когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе“,—писал Дельви́гу Пушкин из Михайловского.

Жене Дельви́га было около 20 лет. „Она была очень добрая женщина,—сообщал современник,—очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, так что часто делала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии. Она много оживляла общество, у них собиравшееся“. Два раза в неделю, по средам и воскресеньям, у Дельви́гов собирались друзья. Наиболее частыми

посетителями были лидейские товарищи хозяина дома—Яковлев, Илличевский, Лангер, Деларю. Тут же бывали и литераторы и писатели, связанные с Дельвигом работой в ряде изданий: здесь были „своими людьми“ Вяземский и Жуковский. Тут одноглазый Гведич, разодетый по последней моде, нараспев читал гнусавым голосом свои гекзаметры. В углу мирно дремал Крылов. Рядом зевал Измайлов, с нетерпением поглядывавший на двери столовой, где гостей ожидал отличный ужин.

Незадолго до своей смерти здесь запросто бывал молодой поэт Д. Веневитинов. Чрезвычайно любезный с дамами, он оказывал особое внимание А. П. Керн, жившей в этом же доме Кувшинникова⁸⁷. Частым гостем Дельвига был одно время и Мицкевич. „Вот, кто был постоянно любезен и приятен,—записала Керн.—Он был так мягок, благодушен, так ласково прищипывался ко всякому, что все были от него в восторге. Часто он усаживался подле нас, рассказывал нам сказки, которые он тут же сочинял“. Двоюродный брат хозяина дома А. И. Дельвиг также отмечает, что Мицкевич целыми вечерами импровизировал тут повести в духе Гофмана.

Но самым дорогим гостем был Пушкин. Приезжая в Петербург, он тотчас же спешил к Дельвигу, и друзья, при встрече, плача и смеясь от радости, всегда целовали друг другу руки. Много вечеров провел Пушкин в гостеприимном доме Дельвига. В октябре 1827 г. он принес своему другу человеческий череп и, протянув его Дельвигу, воскликнул:

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу...

Череп принадлежал одному из предков Дельвига, погребенному в Риге, и был похищен поэтом Язы-

ковым, тогда еще дерптским студентом. Пушкин добыл его у своего приятеля Алексея Вульфа, избравшего череп местом хранения табака. Тут же за обедом у Дельвига череп превратили в чашу, из которой присутствующие пили вино.

В 1830 г. в гостиной Дельвига стал часто появляться неловкий застенчивый провинциал. Это был Гоголь, тогда еще новичек в литературных кругах столицы. Его внешность и костюм возбуждали на смешливое любопытство присутствующих.

Но к этому времени Дельвиг оставил уже дом Кувшинникова. С ноября 1829 г. он жил в стоящем тут же поблизости на Загородном пр., против Владимирской церкви, небольшом доме купца Тычинкина. Тут в его квартире помещалась контора редакции „Литературной Газеты“, издаваемой Дельвигом и Вяземским. Ближайшее участие в газете принимал и Пушкин. Редакция журнала являлась „литературным Олимпом“, объединявшим представителей „дворянской поэзии“ 20-х годов. Жрецы „чистого искусства“, они противопоставляли себя „торгу рыночному“, лавочникам от литературы типа Булгарина. Тут с жаром обсуждались новости литературы, шумно спорили книготорговцы и подписчики; низко склонившись над письменным столом, близорукий хозяин дома, одетый в малиновый шелковый халат, правил за ширмой свои корректуры.

„Литературная Газета“ просуществовала недолго. Бенкендорф давно уже искал повода ее закрыть. Для этого он воспользовался появлением в газете совершенно невинных стихов французского поэта Делавиня.

Дельвига вызвали в III Отделение и под конвоем жандармов ввели в кабинет Бенкендорфа. „Что ты опять печатаешь недозволенное? Вон, вон,—иступленно закричал Бенкендорф,—я упрячу

тебя с твоими друзьями в Сибирь". Эта оскорбительная, ничем не вызванная выходка тяжело отразилась на впечатлительном Дельвиге. По словам Анненкова, Дельвиг „заперся в своем доме, завел карты, дотоле невиданные в нем, никуда не показывался и никого не принимал, кроме своих близких. Под действием такого образа жизни и глубоко почувствованного огорчения, можно было опасаться, что первая серьезная болезнь унесет все его силы. Так и случилось—болезнь не заставила себя ждать и быстро свела его в могилу". Подавленное состояние Дельвига еще усугубляли постоянные неурядицы в семейной жизни.

За три месяца до свадьбы он писал своей невесте: „Нет жертв, которых я не принес бы за твою счастье. Для тебя только живу и жить буду. Цель моей жизни будет одна: до гроба стараться быть тобою любимым. Я уверен, что не изменишь мне.. Я отдался тебе на жизнь или на смерть. Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сделать величайшим счастливецом, или скорее скажи: „умри, друг“ и я приму это слово как благословение“. Дельвиг скончался 14 января 1831 г.

„Вот первая смерть, мною оплаканная,—писал Пушкин Вяземскому,—Карамзин, под конец, был мне чужд и я глубоко сожалел о нем, как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства, он один оставался на виду, около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считаю по пальцам: сколько нас? ты, я, Боратынский, вот и все...“

Когда наступил день празднования лицейской годовщины, Пушкин, указав на „шесть упраздненных мест“, горестно воскликнул:

И, мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,

Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных,
Навек от нас утекший гений.

Через несколько лет Пушкин, зайдя однажды в мастерскую скульптора Гальберга и увидев бюст Дельвига, написал:

...в толпе молчаливых кумиров
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет:
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

Прошло немного лет и имя безвременно почившего поэта потонуло в лучах славы его великого друга. Но небольшой старинный дом, свидетель последних дней Дельвига, стоит и поныне на Загородном пр. на углу Щербакова пер., ныне № 1. Интересно, что оба здания, стоящие на Загородном, на углах Щербакова, совершенно одинаковы. Несмотря на видимую простоту, они являются хорошим образцом петербургской архитектуры первых лет XIX века (в доме № 1 часть дворовых построек носит следы значительно более ранней эпохи). Дом, связанный с именем Дельвига, во время мировой войны был приобретен Литературно-Художественным Обществом, решившим сломать его и выстроить на его месте четырехэтажное здание под театр, кинематограф, артистическое кабарэ и т. д., но планы эти не были осуществлены⁶⁸.

Расположенные недалеко от Загородного пр. тихие роты Семеновского полка воскрешают перед нами образ ближайшего друга Дельвига—поэта Боратынского. Он жил тут в 5 роте, в доме придворного кофишенка Ежевского (на нынешней Рузовской ул.). Старик Ежевский, знавший когда-то отца поэта, павловского служаку, развлекал своего молодого жидца рассказами о былых временах.

Одно время с Боратынским жил здесь Дельвиг.

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком, жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже постом. Тихо жили они, за квартиру платили не много, в лавочку были должны, дома обедали редко. Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей, шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых тонких, Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!) Шли и твердили шутя: какое в россиянах чувство!

Оба поэта,—рассказывает Гаевский,—жили самым оригинальным, самым беззаботным и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире и не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неисчислимым запасом самой добродушной, самой беззаботной веселости; хозяйственные распоряжения в домашнем быту обоих поэтов предоставлены были на произвол находившегося у Дельвига в услужении человека Никиты, который в лености и беспечно-сти мог поспорить только со своим баринном. Вероятно уважая в нем собственные качества, Дельвиг не отпускал Никиту, несмотря даже на то, что Никита был постоянно пьян, распоряжался карманом барина (когда в нем водились деньги), как собственным и не всегда считал нужным доставлять его письма по адресу. Пушкин, проживая в 1825 г. в Михайловском и не получая долго от Дельвига известий, спрашивал его в одном из своих писем, не принял ли он опять в услужение Никиту“.

Одно время к Дельвигу и Боратынскому переехал в дом Ежевского Лев Сергеевич Пушкин, также, как известно, не имевший никогда денег. Было время, когда всюду задолжав, друзья питались одним вареньем, которое отпускал им в долг соседний доверчивый лавочник. Это варенье, да несколько „промысленных“ где-то бутылок малаги, составляли всю их еду.

Однако, шумное веселье молодежи, окружавшей Боратынского, не могло отвлечь поэта от привычных грустных дум.

Но я безрадостно с друзьями пел:
Восторги их мне чужды были.

Недолго в окнах скромного дома Ежевского мелькало „бледное, задумчивое лицо поэта“ со взором, горящим „тихим пламенем“. В начале 1820 г. он был переведен унтер-офицером в Финляндию. Уезжая из Петербурга, где он оставлял близких друзей, он писал Дельвигу:

Где ты, беспечный друг? Где ты, о Дельвиг мой,
Товарищ радостей минувших,
Товарищ ясных дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувших?..

Пять лет провел Боратынский в Финляндии, лишь изредка наезжая в Петербург. Однообразие жизни, суровая военная дисциплина, омрачили дух поэта. Его лира умолкла.

И теперь меня в мундире
Гений мой не узнает.

Произведенный в 1825 г. в офицеры, он вышел в отставку и поселился в Москве. Его заветной мечтой было увидеть Италию.

Небо Италии, небо Токвата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славою богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?

Желания Боратынского сбылись. Он уехал в Италию, где его ждала внезапная смерть.

Ты всех загадок разрешение,
Ты разрешение всех цепей.

Прах поэта перевезли из Италии в Петербург, где он и поконит на кладбище Невского монастыря.

„Чем больше вижу с Боратынским,—писал когда-то А. И. Тургеневу П. А. Вяземский,—тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплох, как хочешь, везде и всегда найдешь его с новою, своей мыслью, с собственным воззрением на предмет“. Пушкин также высоко ценил Боратынского: „Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко“.

На Разъезжей ул., по левую сторону от Загородного пр., стоит под № 8 небольшой трехэтажный дом, построенный „сундуком“. В первые годы александровского царствования он принадлежал таможенному чиновнику Мирковичу. Его потомки, Мирковичи, владели этим домом еще в 1917 г.

В первом этаже, в квартире, выходившей окнами на улицу, жил долгое время лицейский учитель Пушкина Д. де-Будри.— Судьба его не совсем обычна. Это был родной брат великого „друга народа“ Жана-Поля Марата. Оба брата родились в Швейцарии, в городке Будри, близ Невшателя. В XVIII веке Швейцария поставляла в Россию большинство иностранных педагогов. В числе таковых оказался и Давид Марат, прибывший в 1784 г. в Петербург в качестве воспитателя сына камергера Салтыкова. Разразившиеся во Франции „преступные против веры и короля неистовства“ прославили на весь мир имя брата салтыковского воспитателя — „кровожадного Марата“. На Давида Марата пало подозрение—не является ли он тайным эмиссаром брата в резиденции „Северной Семирамиды“.

Перепуганный швейцарец поспешил обратиться к Екатерине II с письменным заверением в полной его непричастности к „французской заразе“; вместе

с тем он ходатайствовал о разрешении переменить „позорящую человечество“ фамилию Марата на де-Будри, по месту своей родины, на что и получил монаршее согласие.

Де-Будри вскоре женился на русской и, „учинив присягу на вечное подданство России“, продолжал давать уроки под своим новым именем. Широко образованный педагог, „добрый, честный и благородный“, как характеризует его один из учеников, де-Будри имел в городе множество частных уроков по истории и географии.

В 1809—10 гг. он состоял преподавателем петербургской второй гимназии и, по свидетельству известного театрального деятеля Р. Зотова, „лучше его никто не объяснял общих законов филологии“.

В 1811 г. де-Будри был назначен профессором вновь учрежденного лицея в Царском Селе, куда он приезжал в дни своих лекций, не желая окончательно расстаться с Петербургом. Ученики де-Будри сохранили множество рассказов об этом „добром старике“, обладавшем „железною волею и таким же усердием“. Как рассказывал один из лицейстов, это был „забавный, коротенький старичек, с толстым брюхом, с насаленным, слегка напудренным париком, кажется никогда не мывшийся и разве только однажды в месяц переменявший на себе белье. Однако он понимал свое призвание и чрезвычайно много сделал для своих воспитанников“...— Пушкин также упоминает в своих заметках имя Будри. „Он очень уважал память своего брата,—пишет Пушкин,— и однажды в классе, говоря о Робеспьере, сказал нам, как ни в чем не бывало: „Это он склонил на подвиг Шарлотту Корда, сделав из этой девушки второго Равальяка...“ Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою сухощавость и малый рост. Он рассказывал тоже много о его добродушии, любви к родственникам и т. д.

В молодости его, чтобы отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в госпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

Дюпре де-Сен-Мор также подтверждает, что Будри гордился своим знаменитым братом. „Сударь,—заметил однажды де-Будри некоему французу,—знайте, что я родной брат Марата“.—В таком случае я предпочитаю чтобы им были вы, а не я,—ответил испуганный собеседник.

Де-Будри умер в 1821 г. и его бывшие лицейские ученики, „сохраняя к бывшему их наставнику и по смерти его чувствования уважения и признательности и желая отдать последний долг покойному, несли бранные останки его из церкви и сопровождали до кладбища“. Но в некрологе этого „профессора французской словесности, коллежского советника и кавалера“ цензура не разрешила указать его настоящего имени; лишь осторожно отмечалось, что покойный был сыном „доктора медицины и философии Ив. М-а“⁶⁹.

Свидетель пушкинских времен, небольшой старинный дом под красной крышей, окрашенный в желтый цвет, расположенный в Большом Казачьем переулке № 6 (близ ул. Дзержинского), существовал тут еще 20 лет назад. Как удостоверяют документы архива, это был скромный двухэтажный дом в 8 окон по фасаду; первый этаж был каменный, второй—деревянный⁷⁰. Центральную часть, всю каменную, прорезывала в первом этаже большая арка ворот, которая соответствовала во втором этаже тройное окно. При доме был большой сад. На месте этого дома, расположенного на последнем участке по левой стороне переулка, в 1904 г. появилось совершенно новое здание.

Стоявший тут в пушкинское время дом принадлежал купцу Дмитриеву. Здесь четыре года про-

жила сестра А. С. Пушкина—Ольга Сергеевна, вышедшая замуж за Павлищева. Брак этот свершился тайно, против воли родителей. Возможно, что на этот шаг Ольгу Сергеевну толкнула невыносимая домашняя обстановка, созданная матерью. Н. И. Павлищев был человек заурядный, с тяжелым характером.

Озабоченный приисканием квартиры, Павлищев остановил свой выбор на небольшом доме Дмитриева в Казачьем переулке. А. С. Пушкин сначала часто навещал сестру, но с течением времени его визиты становились все реже. Друзья Александра Сергеевича Пушкина были частыми гостями Ольги Сергеевны. „Я полюбил в тебе сначала брата,—сказал Вяземский,—брат по сестре еще мне стал милей“.—Здесь целыми вечерами просиживал М. И. Глинка, восхищая всех своей блестящей игрой. Иногда тут устраивались веселые любительские концерты, в которых принимал участие молодой певец Иванов, впоследствии известный европейский тенор. Частым гостем Павлищевых бывал Мицкевич, долгие часы проводивший с хозяином за шахматной доской. Когда же бесконечная партия кончалась, он, уступая просьбам хозяйки, дарил слушателей своими вдохновенными импровизациями. Жуковский и Дельвиг также читали здесь свои стихи.

Добрым гением дома была няня Пушкиных, Арина Родионовна, переехавшая в квартиру Ольги Сергеевны тотчас после ее замужества. Но ей недолго суждено было прожить в доме Ольги Сергеевны. В середине 1828 г. скромная похоронная процессия проводила прах доброй старушки к месту ее последнего упокоения на Большеохтенском кладбище. Когда год спустя до поэта Языкова дошла весть о кончине няни Пушкина, он сказал:

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,

Твой прах улется, изнуренный
Трудом и бременем годов.

Но ему не удалось разыскать ее могилу. Она затерялась, и мы не знаем в точности места, где покоится прах неизменного друга поэта, его няни, память которой он почтил такими проникновенными стихами.

Свыше трех с половиной лет прожила еще в доме Дмитриева Ольга Сергеевна. Выезжая в конце июля 1832 г. к родителям в Михайловское, она заливалась слезами, прощаясь с домом, где она оставила столько светлых воспоминаний. Ей казалось, рассказывал ее сын, что комнаты, окна, двери дмитриевского дома все шептали ей: „Зачем и на что ты нас покидаешь?“



Дом архитектора Ф. Демерцова на Кирочной ул., ныне № 10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На углу пл. Воровского и ул. Союза Связи, стоит прекрасный особняк, принадлежавший некогда Нарышкиным. Мы не знаем ни имени его строителя, ни даже приблизительной даты его сооружения. Следует, вернее всего, относить его к началу 60-х годов XVIII века. Но едва ли имеются достаточные основания приписывать эту постройку Деламоту или Ринальди, как это делает А. Н. Бенуа.⁷¹

Одним из обитателей нарышкинского дома был великий энциклопедист Дидро, некоторое время гостивший тут у Нарышкиных. Прославленный идеолог третьего сословия, вдохновитель идей „просветительного века“, Дидро приехал в Петербург по пригла-

шению Екатерины II. Он остановился у Нарышкиных, оказавших ему самый радушный прием. «Они (Нарышкины) были так добры ко мне, обходились со мною, как с братом, поместили у себя, кормили и вообще содержали меня на всем готовом в течение пяти месяцев», — писал Дидро своей жене 9 апреля 1774 г. Тут, на сохранившемся до нашего времени балконе, можно было часто видеть Дидро, с любопытством наблюдавшего жизнь северной столицы. Лицо философа невольно привлекало к себе внимание: «У меня большой лоб, — писал он Екатерине, — очень живые глаза, довольно крупные черты, голова совершенно характера голов древних ораторов, добродушие, очень близко приближающееся к глупости... У меня сто различных физиономий в день, смотря по предмету, каким я занят».

В этом доме Нарышкиных Дидро был составлен, по поручению Екатерины, ряд проектов по развитию в России народного просвещения. Много труда посвятил он также вопросу улучшения быта крепостных крестьян. Однако, Дидро не удалось осуществить ни одного из намеченных им проектов и он уехал, негодуя в душе на императрицу, обманувшую его ожидания. Между тем «Северная Семирамида» была очень довольна отъездом Дидро, которого она назвала «болтуном, полным опасных утопий».

Когда при внучке Екатерины началась борьба с Наполеоном, в доме Нарышкиных можно было часто видеть энергичную фигуру известного прусского государственного деятеля Штейна, приехавшего к Александру с планами спасения Европы. Здесь он подолгу беседовал с ярким врагом Наполеона, г-жей де-Сталь, с которой он впервые познакомился в стенах нарышкинского дома. «Я не думаю, — записал наблюдательный Штейн, — чтобы она могла пользоваться здесь большим вниманием, ибо никто не занят литературою, и женщины ведут праздную

жизнь». — «Наружностью она не была красива, — записал Э. Арндт, — для женщины сложена почти слишком сильно и мужественно. Но какая голова венчала это тело! Лоб, глаза и нос были прекрасны и сияли блеском гения; рот и подбородок были менее привлекательны. При блистательно остроумии, сверкавшем в ее глазах, в каждом ее слове слышалось чарующее выражение разума и доброжелательности. Было весело смотреть, как она обходилась со Штейном и как эти две живейшие личности, сидя на одном диване, спорили между собой».

У Нарышкиных бывала и дочь г-жи де-Сталь приезжавшая сюда со своим воспитателем Августом, Вильгельмом Шлегелем. Этот прославленный критик и историк литературы, в белоснежных чулках и башмаках с золотыми пряжками, напоминал жеманного французского аббата. Раздававшиеся часто в доме Нарышкиных либеральные речи, в которых критиковали политику Александра, чрезвычайно пугали Шлегеля. Боязливо озираясь кругом, он шептал: «Тише! Тише! В России есть уши за каждую дверь и заставескою».

Но вот померкла слава непобедимых орлов наполеоновской гвардии и нахлынувшие в северную столицу иностранцы стали поспешно разъезжаться. К тому времени дом на Исаакиевской пл. переменил уже своих владельцев. — Подобно всем русским аристократам, Нарышкины мало дорожили своим домом, созданным талантливым архитектором. Он был продан Мятлевым, которых часто навещал тут Пушкин, добрый приятель Ивана Петровича Мятлева, известного стихотворца своего времени, «клоуна русской поэзии». Вяземский, приглашая Пушкина обедать к Мятлеву, писал:

Любезный родственник, поэт и камергер.
А ты ему родня, поэт и камер-юнкер...

Друг литераторов и музыкантов своего времени, автор чрезвычайно популярной в то время книги „Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей дан л'этранже“, Мятлев пользовался в Петербурге всеобщими симпатиями. Он обладал недурными сценическими способностями и в доме его матери часто ставились любительские спектакли с участием автора „Курдюковой“. В день рождения Мятлевой на сцене появилась однажды сама Курдюкова, разодетая в чепец, белую юбку и черный бархатный „шпенсер“. Это был Мятлев, прочитавший главу из „Курдюковой“.

Рядом с мятлевским домом возвышается громадное здание германского посольства, построенное немецким архитектором Беренсом ⁷². Дальше следуют по ул. Герцена, два рядом стоящие дома: здание итальянского посольства (№ 43) и дом, принадлежавший Гагариной (№ 45) ⁷³.—Это редкое наследие архитектора Монферрана, так как кроме собственного дома на Мойке, домов Лобанова-Ростовского и дачи Зиновьевых на Неве он не оставил других частных построек. Оба эти здания были выстроены Монферраном для известного богача Демидова. Центральная часть фасада в доме посольства с его богатой внутренней отделкой и прекрасным малахитовым залом задумана чрезвычайно удачно. Ворота, балкон, фонтаны, амурсы гармонично сочетаются в единое целое ⁷⁴. Как передает актер Лаферрьер, в Петербурге говорили, что этот дом обошелся Демидову в два миллиона руб. серебром ⁷⁵. Стоящая рядом другая постройка Монферрана, с пышным аттиком, по своим достоинствам не уступает дому посольства.

Тут, на Морской, Демидов устраивал грандиозные приемы, на которых бывала вся столица. Жена Демидова Аврора, сестра воспетой Лермонтовым

Эмилии Шерваль, была одной из самых замечательных женщин своего времени. Образованная, одаренная тонким умом, Аврора Шерваль обладала исключительной красотой. Боратынский, находясь в изгнании в Финляндии, посвятил ей стихи, начинавшиеся словами:

Выдь, дохни нам упоением, соименница зари.

Висльборский, в честь ее, сочинил „Мазурку Авроры“.

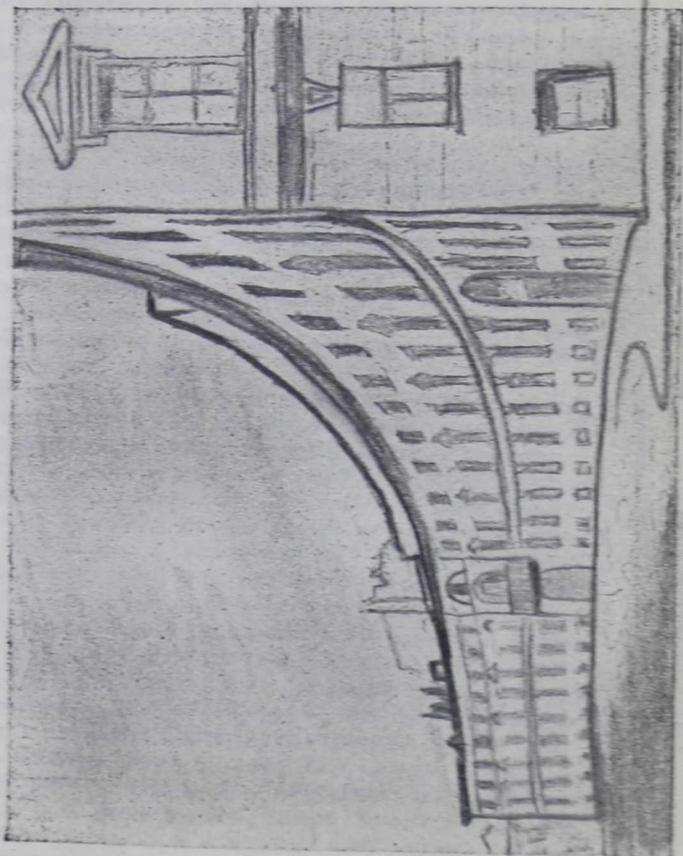
Но судьба, так щедро одарившая молодую женщину, сулила ей ряд испытаний. Ее первый жених умер вскоре после того, как она стала невестой. Второй жених также умер до свадьбы. Выйдя замуж за известного богача и мецената П. Н. Демидова, она овдовела через четыре года. В 1846 г. она вторично вышла замуж за чрезвычайно образованного человека—Андрея Карамзина, старшего сына историка. Полковник Карамзин погиб в Каракальском деле в 1854 г. Башибузуки, захватив его в плен, сорвали с него одежду. Когда же какой-то турок схватил висевший на его груди золотой медальон с портретом Авроры, пленник, вырвав у него саблю, убил его. Карамзина изрубили в куски.—Вдова его была безутешна в своем горе и провела остаток своей жизни в уединении. Ей суждено еще было пережить смерть сына.

Не одну Аврору Шерваль воспевал Боратынский. Ряд блестящих стихов посвятил он другой светской красавице—Аграфене Закревской. Дом Закревских уцелел до наших дней. Это большое темное строение № 5 по пл. Воровского. В настоящее время здесь помещается Академия Искусствознания. В последние годы XVIII столетия и в течение первого десятилетия следующего века, стоявший тут трехэтажный дом принадлежал камергеру, а впоследствии тайному советнику Нащокину ⁷⁶.

В 20-х годах владельцем его был стат. советник Путятин, которому принадлежал также бывший дом Клокачева на Фонтанке, где свои юные годы провел Пушкин.

В начале 30-х годов дом этот перешел к Закревскому. Министр внутренних дел при Николае I, Закревский отличался таким невежеством, что даже шеф жандармов Бенкендорф в своем докладе Николаю I заметил, что „на этом посту должен быть человек образованный, знакомый с ходом дел в других европейских государствах и говорящий на иностранных языках. Гр. Закревский деятелен и враг хищений,—продолжал Бенкендорф,—но он совершенно невежда. Всю свою славу и свое честолюбие он полагает в чистоте апартаментов, в соблюдении формы, в составлении карточек и в числе входящих и исходящих бумаг“. Несмотря на столь нелестную аттестацию „Чурбан-Паша“ продолжал занимать министерский пост. Его блестящая карьера закончилась совершенно неожиданно вследствие вспыхнувшей холерной эпидемии. Несмотря на ряд крутых и жестких мер в отношении населения, Закревский не справился с эпидемией и был уволен в отставку. Страдая от бездействия, он занялся отделкой своего дома. Но и это ему скоро наскучило. В 1845 г. Закревский решил перестроить дом. Новый проект, как гласят архивные документы, был составлен академиком Боссе, считавшимся на ряду с Штакеншнейдером, самым модным архитектором 40-х годов. Боссе поднял на сажень фасад лицевого корпуса и произвел ряд надстроек надворных флигелей. В своем заново отделанном доме Закревский возобновил грандиозные приемы.

В роскошных гостиных, утопавших в зелени тропических растений, приветствовала гостей хозяйка дома, блистательная „Клеопатра Невы“, в голубом тюрбане и изумительных жемчугах⁷⁷. Внушительная



Дом Устиновых на Фонтанке, خانه № 92.
Здесь ныне родилась А. С. Пушкина.

фигура супруга, в мундире, сиявшем звездами и орденами, вполне гармонировала с пышностью обстановки. „Лицо гладко выбрито, нижняя губа выступает,—описывает современник наружность Закревского.—Единственную прядь волос, начинавшихся у подзатыльника, искусный камердинер нагретыми щипцами загибал вверх на маковку головы где завитая кольцом, она должна была держаться на совершенно обнаженном черепе“.

Когда в дверях появлялся мажордом, торжественно возвещавший, что „кушанье поставлено“, Закревский мерным шагом, как на параде, открывал шествие в столовую залу, ведя под руку какую-либо кавалерственную даму. Гостей своих Закревский кормил роскошными ужинами. Молодой итальянец гр. Паллавичини был поражен богатством стола, изобиловавшего всем, „что весна, лето и осень приносят у нас редкого“.

В числе пламенных поклонников Аграфены Закревской был и Пушкин, что не мешало своеобразной красавице избрать его поверенным своих сердечных тайн. И, „сгорая пламенем любви, потупя голову ревниво“, поэт молил ее: „но прекрати свои рассказы; таи, таи свои мечты: боюсь их пламенной заразы; боюсь узнать, что знала ты“. И поэт завидовал избраннику, „при ком любовью млеешь явно, чьи взоры властвуют тобой“. Таким счастливецом был одно время поэт Боратынский, очарованный красавицей, то „плакавшей, как Магдалина, то хохотавшей, как русалка“. Вся молодежь того времени увлекалась „Медной Венерой“, как назвал Закревскую в письме к Пушкину Вяземский. В часы дневных приемов сюда, к дому Закревских, съезжался „весь цвет“ столицы. А в неурочные часы, тени неудачливых поклонников уныло бродили у колонн строящегося собора, в надежде хоть издали увидеть предмет своих мечтаний.

Эта „беззаконная комета в кругу расчисленном светил“ смущала сердца петербуржцев вплоть до 1848 г. Когда же на Западе разразилась революция и ее отголоски донеслись до России, Николай, обеспокоенный настроением умов в Москве, вспомнил о своем опальном крутом министре и назначил его Московским генерал-губернатором. Расставшись со своим домом, Закревские уехали в Москву. Своим правлением новый губернатор сразу же ознаменовал бессмысленной жестокостью и грубым деспотизмом, повергнув в уныние запуганное население Москвы. — К тому же, как „истинно русский практичный человек и чиновник“, — отметил Б. Чичерин, — Закревский был далеко „не прочь“ от взяток. „Тут все брали: он и жена, и дочь, и подчиненные“. Любопытно, что этот не знавший удержу сатрап играл самую жалкую роль в собственной семье. Он был не только беспомощен перед причудами своей „Грушеньки“, доставлявшей ему не мало огорчений, но трепетал даже перед своим камердинером Матвеем. Много неприятностей причиняла ему и дочь, к которой он был нежно привязан, несмотря на то, что отцом ее был гр. Армфельд, о чем, по словам А. И. Дельвига, Закревский был осведомлен. Непомерные траты жены и дочери вынудили Закревских продать за бесценок свой роскошный дом в Петербурге. Его купил известный откупщик Кокорев за 70 000 руб.

Следующим владельцем дома был купец Голенищев, уплативший за него Кокореву 140 000 руб.

При новом владельце была произведена пристройка во дворе большой стеклянной галлерей, украшенной вазами, статуями и т. д. Здесь разместилось испанское посольство. Когда в конце 60-х годов дом перешел к гр. Зубову, внешний вид здания был значительно изменен по проекту архитектора Шульца. Фасад его украсили гирляндами и пиля-

страми, добавили балкон и увенчали здание наверху большим лепным гербом. Особняк Закревского, где некогда царил „Медная Венера“ „с пылающей душой“, утерял свой первоначальный облик.



Калинкин мост на Фонтанке.

Закревский же продолжал еще долго занимать пост московского генерал-губернатора. Он был уво-

лён лишь после того, как высек городского голову одного из южных городов.

Рядом с бывшим домом Закревских, на углу улицы Союза Связи, стоит большой темный дом, принадлежавший до революции Китнерам.

В XVIII веке домом этим владел бригадир Пуговишников⁷⁸, от которого он перешел к Булатовым (владевшим также описанным выше домом на Спаской ул., где они сами жили). После трагического самоубийства в каземате Петропавловской крепости декабриста А. Булатова, его младший брат, решив навсегда расстаться с ненавистным ему Петербургом, продал в 1826 г. свой дом ламповому мастеру Китнеру за 120 000 руб.

Тут вскоре открылась одна из первых в Петербурге музыкальных школ. В этом же доме помещалась мастерская часового мастера Штейнера, продававшего в 1837 г. „астрономические часы годового завода, с планетами: солнцем и луною, как на небеси“⁷⁹. В 1848 г. Китнеры надстроили, со стороны площади, пятый этаж, с полуциркульными окнами, изменив таким же образом окна четвертого этажа.

Дом Булатовых интересен нам, как последнее местопребывание декабриста А. И. Одоевского. Он занимал здесь в 1825 г. большую квартиру в восемь комнат—целый этаж. Блестяще образованный человек, талантливый поэт, он был близок к вольнодумной молодежи того времени. Взгляд Одоевского на современную ему Россию характеризует недавно опубликованное его стихотворение „Молитва русского крестьянина“, переведенное с французского.— „Я орошал землю потом своим, но ничто производимое землей не принадлежит рабу. А между тем наши господа считают нас по душам; они должны были бы считать только наши руки. Моя суженая красива—они отправили ее в Москву к нашему моло-

дому барину. Тогда я сказал себе: есть бог для птицы, есть бог для растений, но нет бога для раба. Прости меня, о боже, в милосердии твоём. Я хотел молиться тебе, и вот—я возроптал на тебя“⁸⁰.

Вступив в члены Тайного Общества, Одоевский принял участие в восстании 14 декабря. Когда мятежники были рассеяны картечью, Одоевский направился в сторону Екатерингофа. „Пошел куда глаза глядят,—рассказывал он.—На канаве, переходя ее, попал в пролубь; два раза едва не утонул, стал замерзать, смерть уже чувствовал; наконец высвободился, но совсем ума лишенный“⁸¹. Совершенно обессиленный Одоевский добрался, наконец, до своей тетки Ланской. Однако, муж ее не только не оказал ему никакой помощи, но не дав ему ни отдохнуть, ни поесть, сам отвез его на допрос во дворец. Ланская, после ссылки Одоевского на каторгу, унаследовала все его состояние⁸².

В рудниках Сибири он познал „край слезам и скорби посвященный“... Кто бы узнал, через десять лет, в мрачном, больном каторжнике прежнего „Сашу“, с его веселым смехом и увлекательной речью.

В виде особой милости, Одоевского перевели рядовым на Кавказ. „Он носил свою солдатскую шинель с тем же спокой ствием, с каким выносил каторгу и Сибирь; с той же любовью к товарищам, с той же преданностью к истине, с тем же равнодушием к своему страданию“. Одоевский недолго прожил на Кавказе; он скончался в 1839 г. в Пезуапе от местной лихорадки. Его похоронили у самого берега моря.

Трогательными стихами почтил Лермонтов смерть Саши Одоевского:

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша.
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.

Но и после смерти прах поэта не обрел покоя. Укрепление, где была его могила, вскоре перешло к горцам.—Когда же русские войска вернулись туда—могила Одоевского оказалась разрытой. И праха его не нашли.

Этот дом на Исаакиевской площади связан не только с памятью об Одоевском. Он вошел также в летопись жизни другого декабриста и поэта—В.К. Кюхельбекера. „Росту высокого—сухощав, глаза на выкате, волосы коричневые, рот при разговорах кривится, бакенбарды не растут, борода мало за-ростает, сутуловат“. Таковы были, согласно доку-ментам, „особые приметы“ пушкинского друга.

Разлученный с Пушкиным ссылкой, Кюхельбекер, прочитав „Кавказского пленника“, написал поэту сле-дующее стихотворное послание:

Мой образ, друг минувших лет,
Да оживет перед тобою,
Тебя приветствует Поэт.
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тот свет,
Где мы равно терзались оба,
Где клевета, любовь и злоба
Размучили обоих нас.

В творчестве Кюхельбекера стали появляться новые мотивы. Его „Армяне“ относятся к числу „гражданских“ трагедий, направленных на борьбу с „тираном“.

Весной 1825 г. Кюхельбекер „квартировал“ в казармах Морского экипажа. Прожив лето на даче у Греча он осенью переехал в город; его квартира оказалась сырой и Одоевский предложил Кюхельбе-керу у себя комнату. Переехав к нему, ревностный поклонник муз, по словам своего слуги, „с утра до первого или второго часу занимался сочинениями, и, сидя в квартире, писал, потом выходил на целый

день и возвращался в квартиру часу в первом или втором ночи“.

14 декабря Кюхельбекер явился на Сенатскую площадь, где и был замечен „в числе мятежников с пистолетом“.—„По рассеянии их картечами“, он зашел в будатовский дом, надел нагольную шубу своего слуги и, взяв у Синего моста извозчика, отправился к Обухову мосту. Пройдя оттуда переул-ками заставу, он ушел пешком за город.

Счастливо избежав преследований, Кюхельбекер сумел добраться до Варшавы и был уже близок к гра-нице. Но вследствие своей неосторожности, он был опознан и отправлен в Петербург, в Петропавловскую крепость. Десять лет провел он в казематах крепо-стей. Из мрачных застенков Шлиссельбурга, Дина-бургга, Ревеля и Свеаборга, где томился Кюхельбекер, доносился его исполненный мужества голос.

Для узника в волшебную обитель
Темницу превращал ты, Исфаил.

С 14 декабря для узника остановилось время „Для меня время не существует,—писал Кюхельбекер Пушкину из Динабургской крепости,—через десять лет или завтра для меня а реи грёс все равно... Вообще я мало переменялся: те-же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в лице. Стар я только стал, больно стар“... В этом заживо погребенном человеке продолжало жить горячее чувство любви к своим друзьям. Смерть Пушкина он почтил полными скорби стихами:

Он воспарил к заоблачным друзьям—
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим;
По ним, по ним душа моя тоскует.
Я жадно руки простираю к ним.

Пушкин назвал Кюхельбекера своим „братом по музе, по судьбам“. Боратынский пророчил ему будущность русского Руссо. Но в памяти потомства он запечатлелся, как наивный сумасброд. „И кюхельбекерно и тошно“. Эта пушкинская шутка тесно связана с представлением о „чудаке Кюхле“. И лишь теперь, благодаря талантливой книге Ю. Тынянова, трогательный образ несчастного пушкинского друга впервые встает перед нами в новом достойном его освещении.



Дом Тычинкина на Загородном пр., ныне № 1.
Здесь жил А. А. Дельбиг.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На ул. Халтурина, на углу Зимней канавки, возвышается четырехэтажный дом (№ 34). Значительно пострадавший в годы разрухи, он недавно восстановлен.

Дом этот имел первоначально лишь три этажа. Четвертый этаж был надстроен впоследствии. В конце XVIII века дом этот принадлежал надворной советнице Дуроп. Следующим его владельцем был известный масон кн. И. А. Гагарин. Поклонник искусства, учредитель Общества поощрения художников, большой театрал, он увлекся знаменитой трагической актрисой Семеновой, с которой прожил неразлучно 15 лет. Гагарин имел от нее сына и трех

дочерей, носивших имена Стародубских. После многих лет совместной жизни, Семенова, опасавшаяся, что ее брак с князем разлучит ее со сценой, согласилась, наконец, выйти замуж за Гагарина.—С этим домом связан целый ряд лет ее жизни в Петербурге.

Необычайна судьба этой замечательной актрисы. Мать Семеновой, по имени Дарья, была крепостной смоленского помещика. Вместе с дворовым человеком Семеном, она была отправлена в Петербург к учителю кадетского корпуса Жданову—в подарок за воспитание сына. Вскоре новый владелец выдал ее замуж за Семена. Это произошло как раз, когда она готовилась стать матерью ребенка, отцом которого был сам Жданов. Родившаяся дочь, названная Катериной, была вскоре отдана в театральную школу.— Это была будущая „Семенова большая“, „Семенова-Трагедия“.

Высокая стройная красавица вызывала своей игрой всеобщее восхищение. Попеременно—Федра, Клитемнестра, Медея—она казалась моделью, изваянной рукой древнего скульптора. „Какой голос! Какое чувство! Какой огонь!—восклидал актер Шустерин.—Стоя на коленях надо было смотреть ее“. В Москве она однажды с таким чувством бросилась на сцене к трупу Танкреда, что „все зрители были в ужасе и невольно поднялись с своих мест“.

Пушкин заметил, что „говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой—и, может быть, только о ней“. Когда артистка сошла уже со сцены и жила в Москве, поэт поднес ей своего „Бориса Годунова“ с надписью: „Княгине Екатерине Семеновне Гагариной от Пушкина, Семеновой—от сочинителя“.

Соперница Жорж и Рашель, Семенова в расцвете своих дарований оставила сцену. Ее гордость не могла примириться с наступившим охлаждением к ней публики. Великая актриса на закате своих дней была забыта и смерть ее прошла незамеченной. Приехал

в Петербург по делам своей дочери, она скончалась здесь в 1849 г. в небольшой скромной квартире, в третьем этаже углового дома у Обухова моста.

Муж артистки продал в свое время дом на Миллионной ул., дачу на Аптекарском острове и обширную подмосковную, передав весь капитал жене. Где сохранились они, были ли положены в банк или, по тем временам, в ломбард, осталось неизвестным. Но ни завещания, ни денег, ни квитанций нигде не нашли. Все исчезло, как бесследно исчезла с театральных подмостков сама великая артистка, не оставившая после себя ни школы, ни достойных приемников.

Старинный двухэтажный дом по ул. Халтурина № 30, стоявший тут еще два года назад, теперь совершенно перестроен. В пушкинское время скромный дом этот был известен всему светскому Петербургу. Здесь долгое время жила знаменитая Авдотья Голицына—„Princesse Nocturne“, „Княгиня Полночь“.

Дочь сенатора Измайлова, она была выдана замуж за кн. Голицына, человека совершенно заурядного. Как рассказывает Арсеньев, „она предьявляла к своему мужу сумасшедшие требования и, ехав с ним в карете, однажды нанесла ему оскорбление действием“. Голицына скоро оставила своего мужа и, купив около 1809 г. у полковника Семеновского полка И. А. Альбрехта его особняк на Миллионной, зажила тут совершенно самостоятельно.

Княгиня была суеверна и боялась смерти.—Однажды цыганка предсказала ей, что она умрет ночью, после чего Голицына навсегда перестроила свою жизнь, превратив день в ночь. Она стала принимать гостей по ночам, получив прозвание „Княгиня Полночь“. Ее дом на Миллионной, украшенный произведениями лучших русских художников, славился по всему городу. Здесь все было „изящно,

но строго". Салон Голицыной посещали самые блестящие представители литературного и светского Петербурга. Здесь бывали: Карамзин, Жуковский, Вяземский и молодой Пушкин, увлеченный А. Голицыной (сохранился ее прекрасный портрет, написанный художником Реберн). В 1817 г., как общал Карамзин, поэт был „смертельно влюблен в Пифию и теперь проводит у нее вечера: жет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви". Однако, в скором времени пушкинская муза уже воспела Голицыну:

... Отечество почти я ненавидел,
Но я вчера Голицыну увидел —
И примирен с отечеством моим.

Любовь 18-летнего Пушкина к „обворожительной, как свобода“, красавице (она была старше Пушкина почти на 20 лет) длилась недолго. — На смену легкомысленному юноше-поэту явились новые друзья и поклонники. Частым гостем в салоне Голицыной бывал и Александр Тургенев, слушающий тут чтение Грибоедовым его бессмертной комедии. — Но не одни литераторы пользовались симпатиями хозяйки дома — она проявляла большой интерес к математике и философии, ведя со своими друзьями нескончаемые беседы на эти темы. Она печатала даже свои „научные труды“, вызывавшие лишь улыбки в ученом мире.

Шли годы, Александра I сменил Николай, изменилось и лицо Петербурга, а ночные приемы у Голицыной все продолжались. „Всевидающее око“ III Отделения, всюду после декабрьских событий усматривавшее „крамолу“, обратило, наконец, внимание на ночные присмы у Голицыной. — Для наблюдения за ее домом был приставлен особый агент. „Княгиня Голицына, — доносил он своему начальству, — жительствующая в своем собственном доме, что в Большой Миллионной, которая, как у же

по известности, имеет обыкновение спать днем, а ночью заниматься компаниями, и такое употребление времени относится к большому подозрению, ибо бывают в сие время особенные занятия какими-то тайными делами“⁸³.

Но III Отделение не сочло нужным тревожить Голицыну и ее друзей. Так прошел еще ряд лет. В Персии был убит Грибоедов, погибли на дуэли Пушкин и Лермонтов, а к голицынскому дому по-прежнему съезжались по вечерам многочисленные друзья. Когда в сороковых годах в Петербург приехал Бальзак, княгиня тотчас послала за ним в полночь карету, приглашая его к себе. Весьма обиженный этим Бальзак написал в ответ: „У нас, милостивая государыня, посылают только за врачами, да и то за теми, с которыми знакомы, я же не врач“.

Прошло еще несколько лет и, наконец, когда Голицыной шел уже восьмидесятый год, „пришла та, которой с юных лет так боялась Princesse Nocturne, пришла смерть. Но, переступив порог голицынского дома, она сама устранилась своей жертвы. Перед нею была безобразная, раскрашенная ставуха, одетая в яркие цвета“. — Кто бы признал в ней прежнюю красавицу, „la belle de nuit“.

Тут же на ул. Халтурина стоит под № 26 большой трехэтажный дом, построенный известным зодчим Лунджи Руска.⁸⁴ Согласно обычным приемам архитектора, центральная часть здания подчеркнута коринфской колоннадой. Некоторая сухость пропорций, отсутствие фронтона и последовавшее недавно изменение карниза придают зданию несколько скучный и ординарный вид. Этот образец пышных построек XVIII века простоял нетронутым свыше ста лет. Когда же дом в 1914 г. перешел к вел. кн. Андрею Владимировичу, предприним-

чивый владелец решил снести его и выстроить тут доходный дом. Новая постройка, по проекту архитектора Алексева, была уже утверждена городской управой и лишь вспыхнувшая война и разразившийся строительный кризис спасли здание от сломки.

В 60-х годах XVIII века стоявший на этом участке дом гоф-штаб-квартирмейстера Аммосова был приобретен Пажеским корпусом, помещавшимся тут до 1788 г. Затем участок перешел к известному в свое время гоф-хирургу Эбелингу, состоявшему врачом при детях Павла I. В первые годы XIX века Эбелинг выстроил тут по проекту Руска отличный дом, в котором он и поселился. Оставшиеся свободными помещения были сданы под магазины. Весь Петербург знал „Константинопольскую Контору“ в эбелинговом доме на Миллионной, где продавались „разных доброт индейские, кашемировые и константинопольские шали таких разборов и дессенов, каких здесь еще не бывало“.

Осенью 1825 г. в дом Эбелинга переехал Дельвиг со своей молодой женой. 30 сентября он сообщал своей невесте: „С помощью Амалии Ивановны я квартиру нашел и прекрасную. Красить нечего, она чиста, как игрушечка и в ней будет стыдно не жить опрятно. Она на большой Миллионной, в доме г-жи Эбелинг, в третьем этаже“. ⁸⁵ Вскоре Софья Дельвиг писала одной своей приятельнице: „У нас очаровательная квартира, небольшая, но удобная; веселая и красиво обмеллированная. Я не дождусь, когда буду в ней с моим Антошей, моим ангелом-хранителем“. Однако, Дельвиги, как сказано выше, прожили на Миллионной недолго, переехав в сентябре 1826 г. на Загородный проспект. ⁸⁶

В 30-х годах построенный Руска дом перешел к прославленному хирургу первой половины XIX века, лейб-медику Арендту. Этот „баснословно счастли-

вый оператор“ имел громадную практику в городе.

Рано утром отъезжала от подъезда дома карета Арендта, доставлявшая его домой лишь поздним вечером.

Как известно Арендт был приглашен к умирающему Пушкину. Но, как гласил документ, — „Г-н Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему Его Пр-м господином лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни“. Его искусство оказалось бессильным...

Поблизости от дома Эбелинг в небольшом Мошковом пер., ведущем к набережной, в скромном доме гофмаршала Ланского жил в 20—30-х годах кн. В. Ф. Одоевский, разносторонне образованный человек, писатель и музыкант. Враг предрассудков и честолюбия, „брат всякого человека“, Одоевский не любил ни света, ни своего титула (он был последним представителем рода кн. Одоевских). Женясь на Ольге Степановне Ланской ⁸⁷, он поселился в Мошковом пер., в доме тещи, „на чердаке“, как называл его квартиру Плетнев. Действительно, занимаемый им скромный флигель с подъездом с Мошкова, состоял всего из нескольких комнаток. Две маленькие внизу служили для приема гостей. Наверху помещался кабинет князя, заполненный книгами*.

Здесь у своего письменного стола он проводил целые дни и так же, как у Гофмана, на его коленях неизменно сидел черный кот — „Kater Murr“. Он отличался, вероятно, от своего ученого собрата лишь тем, что не умел читать книг из библиотеки своего хозяина.

„Когда я первый раз был у Одоевского, — рассказывал современник, — он произвел на меня силь-

* Одоевскому принадлежит выражение — „библиотека великое кладбище человеческих мыслей“.

ное впечатление. Его привлекательная, симпатичная наружность, таинственный тон, с которым говорил он обо всем на свете, беспокойство в движениях человека, озабоченного чем-то серьезным, выражение лица, постоянно задумчивое, размышляющее,—все это не могло не подействовать на меня. Прибавьте к этому оригинальную обстановку кабинета, уставленного необыкновенными столами, с этажерками и с таинственными ящичками и углублениями; книги на стенах, на столах, на диванах, на полу, на окнах—и притом в старинных пергаментных переплетах, с писанными ярлычками на задках... различные черепа, какие-то необыкновенной формы стеклянки и химические реторты. Меня поразила даже самый костюм Одоевского—черный, шелковый, вострый колпак на голове и такой же длинный до пят, сюртук делали его похожим на какого-нибудь средневекового астролога или алхимика.“

Раз в неделю, по субботам, у Одоевского собирались гости. Бывали тут и важные сановники в расшитых золотом мундирах и представители литературы и науки. Тут читал свои басни Крылов, играл на виолончели Виельгорский. У Одоевского запросто бывал Пушкин, сочинивший тут в декабре 1836 г., вместе с Вяземским, Жуковским и Виельгорским, известный канон в честь М. Глинки:

Пой в восторге русский хор—
Веселись Русь! Наш Глинка—
Уж не Глинка, уж не Глинка, а фарфор.

Бывала у Одоевских и жена поэта—Наталя Николаевна Пушкина. Ее встретил здесь однажды В. В. Ленц, оставивший следующее описание этой встречи; „Однажды вечером, в ноябре 1833 г., я пришел к Одоевскому слишком рано. Княгиня была одна и величественно восседала перед своим самоваром; разговор не клеился. Вдруг—никогда этого

не забуду—входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал... Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского Музея, с которой я хорошо был знаком. Князь Григорий (Волконский), подошед ко мне, шепнул на ухо: „Не годится слишком на нее засматриваться“.

Одоевский жил в доме Ланских до начала 40-х годов, переехав отсюда на Фонтанку, к Аничковому мосту, в дом Долгорукова, а потом на Литейный, в дом Шлиппенбаха (где жил впоследствии Некрасов)⁸⁸. Там попрежнему у него собирались друзья, искавшие общества этого просвещенного человека. „Тебе и Грибоедов и Пушкин и я завещали все наше лучшее,—писал Одоевскому в 1845 г. из далекой ссылки Кюхельбекер.—Ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного стремления к художеству, красоте и к истине безусловной. Будь счастливее нас“.

Одоевский не пользовался особенными симпатиями молодого поколения, пришедшего на смену пушкинской эпохе. „Некогда московский архивный юноша и писатель с некоторыми дарованиями,—записал о нем Б. Чичерин в недавно опубликованных мемуарах,—он впоследствии обратился в весьма добродушного придворного, но продолжал серьезно заниматься всякими безделушками, что приобрело ему прозвание „великий человек на малые дела“.

На ул. Халтурина до нашего времени сохранился небольшой четырехэтажный дом № 9 с великолепными старинными решетками балконов.

В течение четверти столетия, с конца XVIII века, домом этим владел известный композитор Бортнян-

ский, директор придворной капеллы, занимавший весь бель-этаж. Свое образование Бортнянский получил в Италии, где впервые проявился его талант.

Обладая художественным вкусом, он собрал у себя в доме великолепную картинную галерею. О музыкальных произведениях Бортнянского, проникнутых стремлением к „совершенному“, знаменитая певица Анжелика Каталани говорила, что прекраснее она ничего не слышала. Композитор был чрезвычайно любим своими певчими, „почитавшими его отцом“. Почувствовав, в один из последних дней сентября 1825 г., приближение смерти, Бортнянский вызвал певчих в свой дом на Миллионной. Окружив постель умирающего, ученики исполнили написанный Бортнянским его любимый концерт „Всякую прискорбна еси, душе моя“. И с последними звуками концерта сердце его перестало биться⁸⁹.

В течение всей первой четверти XIX века у небольшого дома придворного мундкоха Верта на Миллионной ул. собиралась обычно по субботам толпа нищих.⁹⁰ Длинной вереницей тянулись они по всей лестнице. Раздача милостыни шла медленно, так как распределявший ее в кухне пожилой человек, беседовал подолгу с каждым из нищих, называя многих по имени. Тут же суежилась стряпуха, пахло борщом и украинским салом. В скромной квартире, заставленной мольбертами, висели эскизы и незаконченные картины. Эта была квартира известного художника Боровиковского, родоначальника романтизма в русской живописи. Здесь помещалась его мастерская.

Первоначально он жил на Почтамтской ул. в „доме его высочородия и кавалера Львова, в почтовом стану“. В 1798 г. художник переехал на Миллионную в „дом придворного мундкоха господина Верта“

(ныне № 12 по ул. Халтурина). Боровиковский разместился в бывшей мастерской художника Лампи, где и прожил тридцать лет. Однообразно и печально протекала его жизнь. Мало оживления вносили и жившие у него ученики, боявшиеся шуткой или смехом потревожить своего учителя*.

Друзей у него почти не было. Вся безрадостная жизнь этого замечательного художника была посвящена работе. Его творения и поныне являются непревзойденными образцами портретной живописи.

Боровиковский оставил блестящую портретную галерею своих современников. С его портретов смотрят строго кавалерственные дамы, надменные сенаторы с обрюзгшими лицами, красавицы в длинных локонах с улыбкой на только что, казалось, умолкнувших устах. „И эти уста, шептавшие слова любви и уста, произносившие проклятья крепостному веку, очи, за которые жертвовали жизнью и грозные очи, пред которыми трепетали подвластные люди — все это было здесь живое“. Но не одним совершенством техники отмечены творения Боровиковского. Они отражают внутренний мир их оригиналов. Во всех произведениях художника есть нечто общее, присущее эпохе и вскрывающее ее сущность. — Вот почему с его портретов так часто смотрят хитрые, плотоядные лица, улыбаются чувственные губы, смеются циничные глаза. И никогда самые откровенные мемуары современников не расскажут нам об александровской эпохе той правды, которую передал в своих портретах великий художник.

К концу жизни Боровиковского его замечательный талант стал заметно бледнеть. Постоянное одиночество побудило его сблизиться с мистическим и хлыстовским кружком известной Татиариновой. Он

* В числе их был известный впоследствии художник Венецианов.

стал писать для своих новых собратьев иконы и распятия, пред которыми они били по пять тысяч поклонов.—Но как далеки были эти произведения художника от творчества его прежних лет. И злой рок мистики, погубивший четверть века спустя гениального русского сатирика, погубил теперь величайшего русского живописца. Боровиковский стал суеверен, целыми днями молчал и ходил на хлыстовские радения в Михайловский замок. Там он пророчествовал, становился перед Татариновой на колени и целовал ее руки. Вернувшись домой, художник „приходил в сокрушение“, плакал, давал обет уйти в монастырь. А к ночи пил.

Он скоро умер тут на Миллионной и смерть его прошла незамеченной.

Скромный дом на набережной Невы (№ 4) у моста Равенства, против памятника Суворова, свыше ста лет принадлежал Салтыковым. Он был построен кн. Барятинскими в 1788 г., как свидетельствует дата на фронте. Проект здания П. Столпянский приписывает архитектору Фельтену⁹¹. Однако строгость направляющих линий фасада отнюдь не характерна для творчества Фельтена. Стилистически, в принципах разрешения фасада этого дома, можно скорее узнать руку Д. Кваренги. Предположение это находит подтверждение в труде итальянского историка Ф. М. Тасси, работа которого до сих пор не привлекла еще к себе внимания наших исследователей. Помещенная там автобиография Д. Кваренги (письмо к Луиджи Маркези), помеченная датой 1 марта 1785 г., сопровождается сведениями о ряде возведенных Кваренги в Петербурге зданий после указанной даты (труд Тасси издан в Бергамо в 1793 г.) В числе новых построек Кваренги отмечен дом „на набережной Невы, рядом с домом г. Бецко“ („una casa Borghese sulla Neva accanto

a quella di M. de Beskay“)⁹². Известный екатерининский деятель владел на набережной Невы в конце XVIII века двумя домами.—Первый был расположен близ Мраморного дворца, на втором участке за Мраморным пер. (ныне № 10 по набер. 9 Января). По сторонам его стояли дома князя Ю. В. Долгорукова и гр. Е. Скавронской. Но с этими постройками никак не может быть связано имя Кваренги, так как история сооружения этих зданий нам известна.

Другой же свой дом, впоследствии дворец принца Ольденбургского, Бецкий построил у Летнего сада на Лебяжьем канале. Рядом с ним стоял дом Барятинских. Это и есть, вероятно, отмеченная у Ф. М. Тасси постройка Кваренги на набережной Невы.

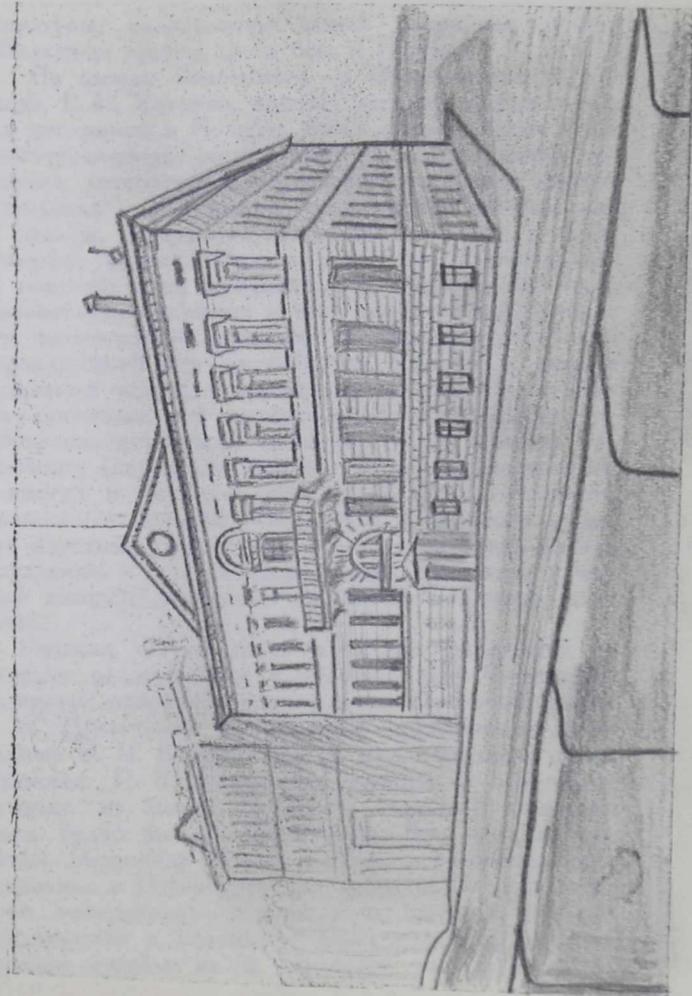
Необходимо отметить, что однообразный и совсем не обработанный фасад дома со стороны памятника Суворова, представлял собою в XVIII веке глухую стену, без окон. Он был оформлен лишь на рубеже XVIII-XIX веков, когда был открыт доколе прегражденный проезд с Царицына луга на набережную. Что же касается корпуса на площади, то он был совершенно перестроен в первой половине XIX века.

Дворец Барятинских был приобретен Екатериной II в 1796 г. для фельдмаршала Н. И. Салтыкова в благодарность за воспитание вел. кн. Константина Павловича.

Между тем саксонский дипломат Г. Гельбиг называет Салтыкова „самым неспособным воспитателем царственных детей в Европе“. Как заметил А. М. Грибовский, Салтыков „свойства был нетвердого и ненадежного, случайным раболепствовал, а упавших чуждался. Сей-то человек представлял в сие время первое почти при дворе лицо: был

генерал-аншеф, имел все Российские ордена, пред-
седательствовал в Военной Коллегии, которая всегда
была в полном своем действии... жил во дворце со
всею фамилиею на всем придворном содержании,
стоявшем в год более 200 000 руб., в которое время
приобрел через сбережение своих доходов около
10 000 душ, да жалованных имел 6 000 душ и ро-
довых столько же; впрочем был крайне скуп". Как
отметил далее Грибовский, Салтыков, „в делах
собственно ему порученных, управляет был своим
письмоводителем, а в домашних—графиней неограни-
ченно". Салтыкова была свирепой госпожей и
перед ней трепетала вся многочисленная дворня..
Кн. Н. В. Долгоруков, приглашенный однажды к ней
на обед, заметил, что вся прислуга салтыковского
дома была наголо выстрижена. Оказалось что стар-
рая „фельдмаршалша“, разгневавшись на своих
слуг, приказала всех их остричь. „Это имело место
в первые годы нашего века, — передает рассказ
Н. В. Долгорукова Петр Долгоруков, — можно легко
себе представить, что творилось 60 или 80 лет
до того“⁹³.

Фельдмаршал Салтыков умер в глубокой ста-
рости. Дети его, унаследовавшие от отца скупость,
решили сдать дом в наем. В 1828 г. в „СПБ. Ведо-
мостях“ появилась публикация об отдаче „в наем
каменного дома под № 17, выходящего на набере-
жную и Суворовскую площадь, со всею мебелью,
бронзами, мрамором и пр. украшениями, доставшийся
кн. Салтыковым“. Дом был вскоре нанят австрий-
ским посланником гр. Фикельмо⁹⁴, жена которого,
Дарья Федоровна, принадлежала к числу наиболее
блестящих женщин пушкинского времени. Дом „по-
сланницы богов, посланницы австрийской“, посещал
не только высший свет. В числе посетителей ее са-
лона бывали также и представители искусства и ли-



Дом Салтыковых на Дворцовой наб., ныне № 4.
Здесь жил Д. Ф. Фикельмон.

тературы, встречавшие самый радушный прием. Желанным гостем здесь был и Пушкин.

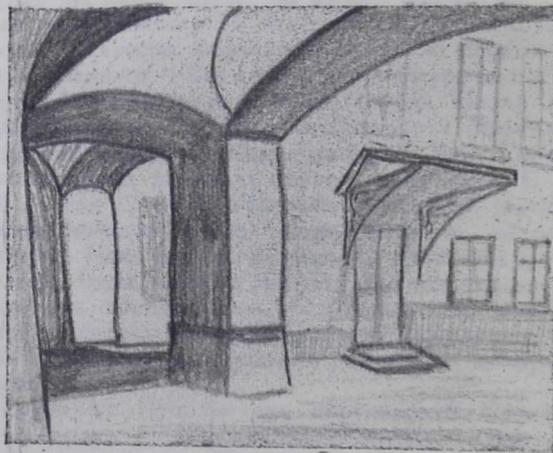
По словам Вяземского — у Фикельмон и ее матери, Е. М. Хитрово, подолгу жившей вместе с ней, „и дипломаты и Пушкин были дома“. Здесь „вся животрепещущая жизнь, европейская и русская политика, литература и общественность, имела верные отголоски“. „Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади“. Так и тут можно было „запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романами или драматическими творениями одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий; был и premier Rétersbourg (передовая статья), с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, эта изустная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакциею двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь“.

Пушкин, частый гость в салоне Фикельмон, не остался равнодушным к обаянию этой блестящей женщины, одаренной редкой красотой и тонким умом.

М. Цявловским был недавно опубликован записанный П. И. Бартевым, со слов близкого друга Пушкина П. В. Нащокина, рассказ о любовном эпизоде из жизни Пушкина, героиней которого была будто бы гр. Фикельмон. Вот что рассказывал Нащокину Пушкин: „Уже в нынешнее царствование в Петербурге при дворе была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой степени придворного и светского значения. Муж ее был гораздо старше ее и, несмотря на то, ее мла-

двѣ лета не были опозорены молвою; она была безукоризненна в общественном мнении — любящего сплетни и интриги света. Пушкин рассказал Нащокину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени. Эта блистательная, и безукоризненная дама, наконец, поддавалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ея величественный дворец; по условью, он лег под диван в гостиной и должен был дожидаться ея приезда домой. Долго лежал он, теряя терпение, но оставить дело уже было невозможно, воротиться назад — опасно. Наконец, после долгих ожиданий он слышит — подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Через несколько минут разговор фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. „Etes-vous la?“ и Пушкин был перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта, густые роскошные гардины задернуты... Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец, Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело. Уже белел день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречаются дворецкого, итальянца. Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно: она готова была лишиться чувств, но Пушкин сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его, как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя. В своем критическом положении они решились

прибегнуть к посредству третьего. Хозяйка позвала свою служанку, старую чопорную француженку, уже давно одетую и ловкую в подобных случаях. К ней-то обратились с просьбой провести из дому. Француженка взялась; она свела Пушкина вниз, прямо в комнаты мужа. Тот еще спал, шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за



Двор дома А. Н. Голицына на Фонтанке, ныне № 20.

ширм он спросил: „Кто здесь?“ — Это я, — отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел; если бы кто его здесь и встретил, то здесь его появление уже не могло быть предосудительным. На другой же день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому золотом тысячу рублей, чтобы он молчал, и хотя он отказывался от платы, но Пушкин принудил его взять.

— Таким образом все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжении 4-х месяцев не могла без дурноты вспоминать об этом происшествии“.

Трудно сказать является ли переданный Нащокиным рассказ действительным фактом или сочиненной Пушкиным новеллой, как это полагают некоторые биографы поэта.

Д. Ф. Фикельмон пользовалась безупречной репутацией; она имела, по выражению В. Сологуба, целое „сонмище поклонников“, но „молва никого не могла назвать избранником, что в те времена была большая редкость.“ К тому же по свидетельству гр. де-Сони она чувствовала „нежность и восхищение“ к своему мужу⁹⁵.

„Когда было описанное свидание? — спрашивает М. Цявловский. — Было ли оно единственным? Каковы были вообще отношения между поэтом и графиней после свидания? Для биографа все это, конечно, не праздный вопрос, и он не вправе отказать от поисков ответов на них. Но увы, кроме нескольких догадок, мы ничего пока не можем сказать об этой любовной истории“.

Исходя из этого рассказа П. В. Нащокина можно предположить, что сцена проникновения Германна в спальню „Пиковой дамы“ является автобиографическим эпизодом.

Надо думать, что описанная встреча Пушкина с Фикельмон произошла до женитьбы поэта. Когда же Пушкин приехал в Петербург с молодой женой, гр. Д. Ф. Фикельмон написала Вяземскому в Москву 25 мая 1831 г.: „Пушкин к нам приехал к нашей большой радости. Жена его прекрасное создание, но это меланхоличное и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все по-

рывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз“.

Полгода спустя Фикельмон снова писала Вяземскому: „Пушкин у вас в Москве; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее чела заставляет меня трепетать за ее будущность“.

Тут на набережной, на одном из раутов Фикельмон, произошло 16 ноября 1836 г. столкновение поэта с Дантесом, повлекшее за собою первый вызов на поединок. — Все дамы были в трауре по случаю смерти бывшего французского короля Карла X. — „Одна Катерина Николаевна Гончарова отличалась от других белым платьем, — сообщает В. А. Сологуб в оставленных им столь ценных мемуарах. — С ней любезничал Дантес-Геккерен. Пушкин приехал поздно, казался очень встревоженным, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как я узнал потом, самому Дантесу высказал несколько более чем грубых слов. С д'Аршиаком, статным молодым секретарем французского посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы“.

Здесь же Пушкин дал поручение В. Сологубу переговорить с д'Аршиаком о дуэли. — „Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь“.

— „Ночь я, сколько мне помнится, не мог заснуть, — писал впоследствии в своих записках Сологуб. — Я понимал какая лежала на мне ответственность перед всей Россией“. — Вспоминая, как Пушкин полгода назад вызвал его самого на дуэль, Сологуб записал: „Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного русского рука на него бы не поднялась, но французу русской славы жалеть было нечего“.



Дом Хованской на Екатерининском пр., ныне № 39.
Здесь происходили собрания „Зеленой Лампы“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В 1831 г. на Галерной ул. поселился Пушкин со своей молодой женой. Это была его первая петербургская квартира.

Много препятствий стояло на пути к этому браку. „Чорт меня догадал бредить о щасти, — писал с горечью Пушкин, — как будто я для него создан“.

Известный набросок, якобы „с французского“, носящий на самом деле яркий автобиографический характер, передает нам мысли и настроения поэта перед браком. „Участь моя решена. Я женюсь... Я женюсь, то-есть я жертвую независимостию, моею беспечною, прихотливою независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством. Готов я удвоить жизнь и без того неполную, я стану думать мы. Я никогда не хлопотал о щасти: я мог обойтись без него

Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его... Итак, уж это не тайна двух сердец. Это сегодня повесть домашняя, завтра—площадная. Так поэма, обдуманная в уединении, в летние ночи, при свете луны—продается потом в книжной лавке и критикуется в журналах дураками... Все радуются моему счастью, все поздравляют, все полюбили меня... Молодые люди начинают со мной чиниться, уважают во мне уже неприятеля. Дамы в глаза хвалят мой выбор, а заочно жалеют о моей невесте.— „Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, безнравственный“.

Жена Пушкина не принадлежала к родовитой семье. Ее отец был правнуком калужского „посадского человека“, нажившего громадное состояние парусиновыми фабриками.

В глазах родителей Гончаровой Пушкин отнюдь не являлся завидной партией. Они видели в нем лишь небогатого дворянина, не имеющего ни влиятельной родни, ни „выгодного“ места. Был момент когда этот брак едва не расстроился. Однако, Пушкин преодолел все препятствия.

Поэт приехал в Петербург с женой весной 1831 г. Прожив некоторое время в гостинице „Демут“, он переехал в Царское Село, где оставался до поздней осени, возвратясь в город лишь в середине октября.

Он поселился на Вознесенском проспекте, близ Садовой, в доме обер-прокурора Сената А. С. Берникова (теперь № 47 по пр. Майорова). В письме, адресованном П. А. Вяземскому, Пушкин указал свой адрес: „У Измайловского моста на Воскресенской улице в доме Берникова“. Конечно, это описка, так как дом Берникова стоял на Вознесенской ул., а не на Воскресенской, где нет Измайловского моста. Датируется это письмо 15—19 октября 1831 г.

Нам, однако, неизвестно, когда, именно Пушкин поселился на Вознесенском. В газетных объявлениях осени 1831 г. не встречается публикаций о сдаче помещений в доме Берникова (тогда № 309 третьей Адмиралтейской части), что могло бы помочь точнее фиксировать эту дату. В этом доме Берникова поэт прожил всего лишь несколько дней. Уже 23 октября О. С. Павлищева писала своему мужу, что брат с женой, по возвращении в город, „не совсем еще устроились; по приезде они нашли квартиру, которая им не понравилась и они нашли другую на Галерной за 2500 рублей“.

Участок на Галерной ул., куда переселился Пушкин, в конце XVIII века принадлежал Жеребцовым и был застроен лишь со стороны Английской набережной. Тут стоял небольшой особняк (ныне № 52 по набережной Красного Флота), с великолепным вестибюлем. Дом сохранился без изменений; уцелела также и старинная решетка у подвала. Здесь жила Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова, сестра екатерининского фаворита. Одаренная блестящим даром речи, лично знавшая Вольтера, Жеребцова принимала у себя весь светский Петербург.

В павловское время ее самым желанным гостем был английский посол, известный красавец лорд Уитворт.

Он использовал свою близость к сестре влиятельных Зубовых в деле заговора против Павла I, изменившего дотоле дружественной Англии политике. После убийства Павла, Уитворт отвернулся от Жеребцовой, нашедшей утешение за границей в любви принца Уэльского. По возвращении в Петербург она поселилась в другом своем доме на Английской наб., так как особняк, в котором она раньше жила, перешел во владение генерал-адъютанта Александра I—Якова Потемкина,

Командир л. гв. Семеновского полка, он стал известен, благодаря совершенно необычному для того времени распоряжению — полной отмене в полку телесных наказаний. Однако эта мера не только не ослабила, но даже укрепила среди солдат дисциплину. Но „генерал от шпицрутенов“ Аракчеев не мог простить Потемкину подобной вольности и вскоре Семеновский полк был отдан под начальство славившегося своей жестокостью полковника Шварца, вызвавшего впоследствии возмущение в полку. Потемкин же, „распустивший“ полк, впал в немилость и только ревностным участием в Восточных войнах, ему удалось завоевать доверие вступившего на престол Николая I. Еще при жизни Потемкина его дом на набережной перешел к его теще — „тайной советнице Брискорновой“. Как сообщает Греч в своих записках, родоначальником всех Брискорнов был придворный аптекарь Максим Брискорн, „количество детей которого могло соперничать лишь с числом стклянок в его аптеке“. Один из его сыновей, Федор Максимович, воспитанный вместе с побочным сыном Павла I, известным Семеном Великим, дослужился до сенаторского звания. Имея тяжёлое дело с некоей вдовой Струковой, он, по выражению Греча, „для решения дела“, женился на ней в 1807 г. и зажил широко и гостеприимно в своем доме.

После смерти мужа, Брискорн решила застроить свой участок по Галерной ул., на которую он выходил другой стороной (№ 53).—В мае 1829 г. ей была разрешена постройка тут доходного четырехэтажного дома. Его выстроили без излишних затей и лишь бель-этаж был украшен двумя небольшими балконами. В сентябре 1830 г. в „СПБ. Ведомостях“ уже публиковалось о сдаче в наем „в доме состоящем 1-й Адмиралтейской части под № 225, по Галерной улице и Английской набережной“,—

„вновь отделывающихся квартир, удобных для помещения, со службами и с отоплением всех мест. Поварни в оных снабжаются посредством машин“. Однако, не все квартиры были сразу заняты. Две



Дом Брискорн на Галерной ул., ныне № 53.
Здесь жил А. С. Пушкин.

из них долгое время пустовали и через год, 1 октября 1831 г., в „СПБ. Ведомостях“ снова появилось объявление: „По Галерной улице, в доме под № 225, отдаются в наем квартиры: в бель-этаже одна о 9, а другая о 7 чистых комнат с балконами, кухнями, конюшнями, сараями, ледником, сухим подвалом, чердаком... на хозяйских дровах каждая по 2 500 рублей в год“⁹⁸.

Судя по цене, которую платил Пушкин—2 500 руб., он, видимо, занял одну из этих двух пустовавших квартир.—„Женясь,—писал он Нащокину в том же октябре месяце,—я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро“.

В этом доме Брискорн Пушкины прожили до весны 1832 г., переехав отсюда на Фурштадтскую ул., в дом Алымовой.

Через год по отъезде Пушкина был несколько переделан корпус на набережной. В нем жила тогда владелица дома, две дочери ее, Елизавета и Ольга (вдова Потемкина), и сын от первого брака Петр Струков, шт.-капитан л.-гв. Конно-гренадерского полка. По смерти старой Брискорн, ее дома на Английской набережной и Галерной улице, где жил Пушкин, перешли к ее сыну. В 1917 г. им владели еще Струковы.

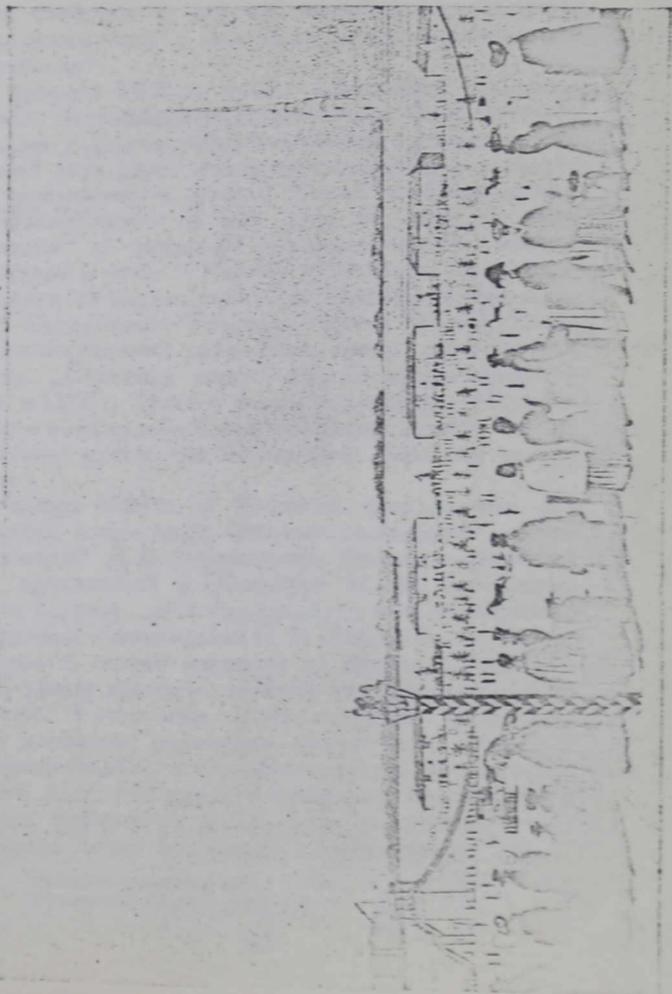
Фасад дома на Галерной ул., ныне Красная, за истекшее время не подвергся снаружи существенным изменениям. Памятная доска должна была бы предохранить его и в будущем от переделок.

Близ дома Брискорн, у моста лейтенанта Шмидта, стоит на набережной Невы, ближе к Адмиралтейству, длинное двухэтажное здание с колоннами по фасаду, принадлежавшее некогда Коллегии иностранных дел (ныне дом № 32 по набережной Красного Флота).

Здесь одновременно служили Грибоедов и Пушкин.

Оба они были определены сюда на службу в июне 1817 г. Первый—9 июня, а второй—13 июня. И оба оставили Петербург против своего желания. Грибоедов был отправлен в почетную ссылку за причастность к дуэли. Пушкин же заплатил изгнанием за дерзновенные песни своей юной музы.

Вероятно здесь, в стенах Коллегии, и произошло их знакомство. „Я познакомился с Грибоедовым



Е. Барт. Вид Дворцовой набережной, 1830 г. Акварель.

в 1817 г.,—отметил Пушкин.—Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие,—самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества—все в нем было необыкновенно привлекательно“.

В феврале 1822 г. среди чиновников Коллегии появился восемнадцатилетний юноша Ф. И. Тютчев. Кандидат словесных наук московского университета, будущий поэт здесь начал свою служебную карьеру. Его пребывание в стенах Коллегии было очень непродолжительно. В мае того же года он был причислен к русской дипломатической миссии в Мюнхене и уехал в Москву проститься с родными. В Мюнхен он выехал вместе со своим родственником А. И. Остерманом-Толстым, героем Кульма, потерявшим в сражении руку. Поэт прожил за границей 21 год. „Странная вещь—судьба человеческая,—писал в 1840 г. Тютчев своим родителям.—Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшею Остермановскою рукою, чтобы закинуть меня так далеко от вас“.

В конце 1826 г. в Коллегии иностранных дел появилось новое лицо. Это был московский „архивный юноша“ Д. В. Веневитинов, уже прославленный поэт, приехавший в Петербург делать дипломатическую карьеру. „Это был красавец в полном смысле этого слова,—вспоминала П. Н. Лаврентьева.—Высокого роста, словно изваяние из мрамора. Лицо его имело кроме красоты какую-то еще прелесть неизъяснимую. Громадные глаза голубые, опущенные очень длинными ресницами, сияли умом. Голос его был музыкальным, в нем чувствовалось, что он очень хорошо поет, что потом и оказалось. Он нам своим голосом, идущим из души, читал свои стихи“.

Сердце поэта не лежало к Петербургу.

И тихоструйная река
И невольский берег величавый

были ему чужды. Кляня „холодный ум и северную душу“, он уныло бродил в сумерках по пустынной набережной реки.

Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокий.

Веневитинов недолго прослужил в Коллегии. Когда управляющий министерством иностранных дел Нессельроде спросил директора азиатского департамента Родофиникина, у которого работал Веневитинов, как понравился ему его новый чиновник, тот ответил, что Веневитинов подает большие надежды и обещает принести в будущем много пользы. — „Но он недолго пробудет с нами. У него смерть в глазах. Он скоро умрет“, — прибавил Родофиникин. — Его предсказание сбылось очень скоро. Несколько месяцев спустя поэта не стало.

Одно время Коллегия иностранных дел помещалась на Морской ул., на углу Почтамтского переулка. Дом же на Английской набережной был куплен у Куракина, „под иностранную коллегию“, в 1764 г.⁹⁷ Однако, по архитектуре своей, здание несомненно относится к более позднему времени. Очевидно, оно было переделано в конце XVIII века.

При перестройке дома, вытянутый по горизонтальной линии фасад здания был в центре перебит полуколоннами. Не довольствуясь этим, архитектор подчеркнул вертикальные оси установкой на фронтоне трех статуй. Таковым мы видим здание на акварели Патерсона 1799 г. Но в начале XIX века признали необходимым его разукрасить, вследствие чего подверглись переделке окна первого этажа. Впоследствии был стилизован и орел, украшавший тимпан фронтона.

Кто же был автором основного проекта перестройки здания? В редкой и очень ценной для истории города книге *Zeichnungen eines Gemähltes von Russland* анонимный автор ее указывает, что лице-

вой фасад здания Коллегии иностранных дел принадлежит Кваренги⁹⁸. Эти сведения подтверждает сам Кваренги в подписанной его рукой автобиографии⁹⁹. Исполненный им чертеж проекта здания Коллегии хранится в Музее города. Вид фасада здания Кваренги проектировал расставить ряд высоких массивных тумб—столбов, соединенных цепями.

В лицевом корпусе на Английскую набережную помещались присутствие Коллегии и ее канцелярия. Надворные же постройки были заняты казенными квартирами канцеляристов и протоколистов. Некоторые из чиновников, благодаря своей долгой службе, становились как бы „живою летописью“ Коллегии. К таковым относился некто Дубинин, из шестидесяти лет своей жизни проведший пятьдесят на службе в канцелярии. Он славился своим убористым почерком и пристрастием к „чарочке“. Поэтому, в предупреждение несвоевременных его отлучек со службы, безжалостные обер-секретари приказывали его разувать. Большой известностью пользовался также сторож Воронин, доживший до 95 лет, „очевидец происшествий, известных только по преданиям и то не весьма верным“. Был тут и экспедитор Веньяминов, более сорока лет занимавшийся одним и тем же делом—изготовлением конвертов и запечатыванием их. Эти конверты он делал мастерски, по принятому в Коллегии обычаю, без помощи ножниц.

Когда сюда был определен на службу актуарисом С. П. Жихарев, светский юноша, автор поэм и трагедий, старый экспедитор приветствовал его следующими словами: „Вот, батюшка, милости-ка просим к нам: выучим тебя делать кувертики“. — В своем дневнике, много месяцев спустя, Жихарев с грустью отметил: „До сих пор я ничего другого не делаю, как только дежурю в месяц раз, да толкую о Троянской войне“. Эти дни дежурств, по словам одного из сослуживцев Жихарева, были очень

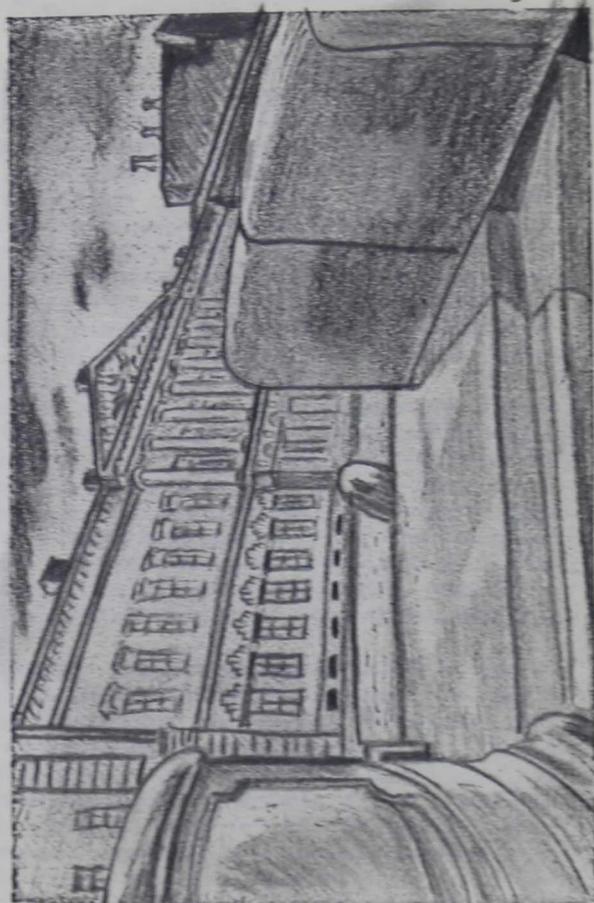
тягостны, так как приходилось оставаться в Коллегии бессменно целые сутки. Тогда обед, а также подушки и одеяло, приносили из дома. Спать приходилось на тех же столах, за которыми днем работали.

Коллегия помещалась на Английской набережной до 1828 г., когда ее перевели в новое здание, построенное архитектором Росси для министерства иностранных дел на Дворцовой площади (ныне площадь Урицкого). В этом новом здании Коллегии Нессельроде объявил Грибоедову о назначении его министром-резидентом при персидском дворе; а вскоре у одного из столов архива стала подолгу склоняться над старинными документами курчавая голова Пушкина.

Лишь несколько домов отделяют от бывшего здания Коллегии на набережной небольшой трехэтажный дом № 10, принадлежавший до революции Воронцовым-Дашковым. Старый дом этот, сохранивший внутреннюю отделку, снаружи обезображен громадным, выступающим на тротуар, подъездом, приделанным впоследствии. Здесь в 1887 г., в присутствии Александра III, читалась впервые „Власть тьмы“, долгое время находившаяся под запретом и лишь по „высочайшем“ одобрении, увидевшая свет.

Участок этот некогда принадлежал приближенной Екатерины II Анне Никитичне Нарышкиной, свадьбу которой Екатерина описала в своих „Записках“. Но стоящее ныне на набережной здание построено следующим владельцем этого участка, кульмским героем А. И. Остерманом-Толстым¹⁰⁰. Его дом считался в то время одним из лучших в столице. Одна отделка белой залы, в два света, стоила почти 50.000 руб. Все окна были из цельного богемского стекла, тогда еще большой редкости в Петербурге. На пышных приемах у Остермана бывал весь город.

Усеян плашками кругом,
Блестит великолепный дом;



Здесь служили А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Д. В. Веневитинов и Ф. И. Тютчев.
Коллегия иностранных дел на Английской наб., ныне № 32.

По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам, и модных чудаков.

Среди ценных картин и статуй, украшавших комнаты, обращал на себя внимание заранее заготовленный надгробный памятник владельца дома, работы Кановы, изображавший графа распростертым на поле битвы, после ранения. Некоторые помещения были отделаны весьма своеобразно, например, комната, обложенная распиленными бревнами, придававшими ей вид русской избы. Достопримечательностью столовой были живые орлы и дрессированные медведи, стоявшие во время обеда с алебардами. Разгневавшись однажды на чиновников и дворянство одной губернии, Остерман приказал одеть своих медведей в мундиры той губернии.

Человек чрезвычайно богатый, жестокий крепостник, Остерман, вместе с тем, не терпел Николая I. Он все же добился от царя смягчения участи своего внучатного племянника Александра Голицына, замешанного в декабрьские события. Но его усиленные хлопоты о брате Александра—Валериане Голицыне оказались тщетны. По словам декабриста Д. И. Завалишина это и послужило причиной отъезда за границу обиженного вельможи, оставившего навсегда Россию.

Пользуясь большим покровительством Остермана, Завалишин в декабрьские дни жил в его особняке на Английской набережной. Завалишин был одним из незаурядных людей того времени. „По уму и способностям это был человек выходящий из ряда обыкновенных“, — записал о нем декабрист Беляев. Даже в следственных документах была отмечена его „чрезвычайная проницательность, наблюдательность и прозорливый ум“.

Широко образованный молодой моряк, перед которым открывалось блестящее будущее, Завали-

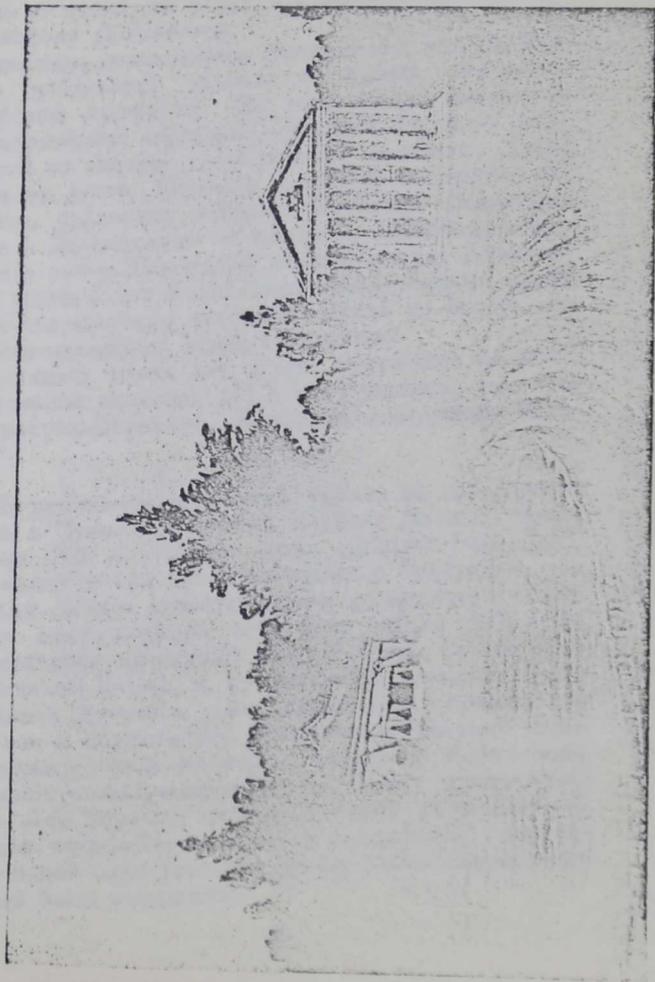
шин много работал над составлением проектов преобразований России и, „храня все горячие составы в сердце“, вступил в сношения с членами Тайного Общества. Здесь в этом особняке на набережной у него часто бывали Рылеев и его друзья.

„Презренный Рылеев! — писал после событий 14 декабря Следственной комиссии Завалишин. — Каких коварств ты не употребил, чтобы завлечь меня, — лезть способностям моим, возвышенные чувства, не прерывность убеждений... Я не устоял против ложной славы и поскользнулся, возмечтал о себе высоко — считая себя необходимым даже самому Небу“... — „Вот пред вами, — продолжал он, — Дмитрий Завалишин в обнаженном виде, в зеркале Истины. — Несчастная жертва коварства, тщеславия и стечения странных обстоятельств. — Рожденный и сохранивший всю жизнь чувства непорочные, в два месяца заблуждения невольного“...

Но покаянная исповедь не смягчила сурового приговора его судей. Он был присужден к вечной каторге, замененной двадцатью годами.

Завалишин долго не мог примириться с крушением своих честолюбивых надежд. По пути в Сибирь, непрестанно возвращаясь мыслью к недавнему прошлому, он заметил с горечью одному из своих сотоварищей: „И с такой высоты так низко пасть!“ — И он указал при этом на свои закованные в кандалы ноги. Этих слов никогда не простили ему его сотоварищи. Известно с какой гордостью носили они свои кандалы, бережно храня их до конца жизни, даже по возвращении из ссылки.

Дворовый флигель дома Остермана своей другой стороной выходил на Галерную (ныне Красная) ул. Это скромный двухэтажный дом начала XIX века. Тут в августе 1819 г. поселился адъютант Остермана, поручик л.-гв. Павловского полка И. И. Лажечников, впоследствии известный писа-



А Брюллов. Театральная дача и театр на Коменном острове. Акварель.

тель, автор „Ледяного дома“. Он жил здесь в нижнем этаже, занимая две комнаты. Одну из них, первую от входа, он уступил приехавшему в Петербург майору Денисевичу.

Однажды, рассказывал Лажечников, в переднюю вошел небольшой человек во фраке, курчавый, с арабским профилем. За ним важно выступали два гвардейских офицера.—Это был Пушкин, приехавший со своими секундантами вызывать Денисевича на дуэль. Поводом к вызову послужило замечание, сделанное майором Пушкину, сидевшему рядом с Денисевичем в театре и мешавшему ему слушать пьесу. Благодаря вмешательству Лажечникова, запугавшего Денисевича последствиями дуэли с „сыном знатного человека“, дуэль не состоялась и майор извинился перед Пушкиным.

Тридцать шесть лет спустя, вспоминая об этом, Лажечников написал: „И я могу сказать, как старый капрал Беранже: „Я послужил великому человеку“.

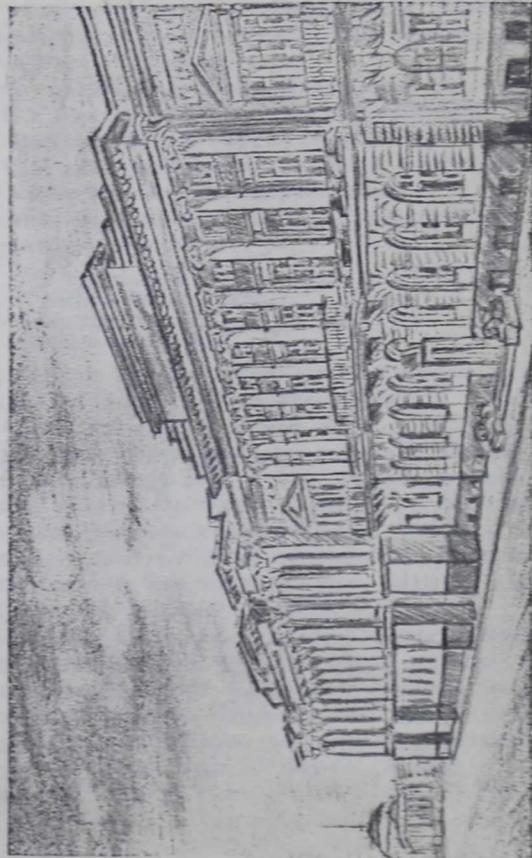
От пушкинского времени уцелел на набережной рядом с Сенатом, пышный особняк Лавала. Здесь 16 мая 1828 г. Пушкин читал „Бориса Годунова“. Его слушателями были Мицкевич и Грибоедов.

Дом Лавала является одним из немногих памятников строительного искусства начала XIX века. Он построен известным зодчим Тома де-Томоном, строителем Биржи, и, по преданию, закончен Ворониным. Длинные, узкие панно дома Лавала, так же как и перекрытые фронтонами боковые окна, встречающиеся в некоторых творениях Воронихина, придают большую вероятность этому предположению. Дом украшен аттиком и стройной колоннадой. Весьма эффектные балконы и прорезанные уверенной рукой окна третьего этажа, лишённые каких-либо украшений.

Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром
Перед подъездом львы...

Участок этот принадлежал в XVIII веке Трубецким, затем, последовательно, Муравьевым и А. Н. Строганову. И, наконец, Тома де-Томон, роялист, бежавший в Россию от бурь Французской революции, построил здесь для Лавала великолепный особняк. „Его гранитная лестница является, вероятно, самой красивой в Петербурге, — описывал особняк Лавала сардинский посланник Жозеф де-Местр в письме к своему другу гр. Блака в декабре 1811 г. — Это лучшее произведение нашего друга Тома де-Томона“¹⁰¹.

Лаваль был сыном французского винооторговца, получившего графский титул за денежную ссуду, выданную будущему королю Людовику XVIII, „Луи Дивитскому“, в годы его изгнания. Попав в Россию учителем Морского корпуса, молодой речистый француз обратил на себя внимание юной А. Г. Козицкой, наследницы богатейших купцов Мясикиных и Твердышевых, пожелавшей соединить с ним свою судьбу. Но мать ее, уже имевшая своим зятем российского посланника в Турине кн. Белосельского-Белозерского, решительно закрыла двери своего дома перед бедным учителем. Тогда невеста подала Павлу I особую челобитную, опустив ее в существовавший для этой цели „просьбоприемный ящик“. Павел затребовал объяснения и Козицкая привела следующие резоны своего отказа: „Во-первых Лаваль не нашей веры; во-вторых никто не знает откуда он; в-третьих чин у него больно не велик“. — Павел на это отвечал: „Во-первых он христианин; во-вторых я его знаю; в третьих для Козицкой у него чин достаточен, и потому обвенчать“¹⁰².



Дом Лавала на Английской наб., плане № 4.
Здесь жил декбрист С. П. Трубецкой.

Повеление это было тотчас выполнено, несмотря на то, что последовало накануне постного дня. — Ходил слух, что женьтьбе Лавалю содействовал военный генерал-губернатор Петербурга Пален, отрекомендовавший Павлу Лавалю, как пострадавшего от террора эмигранта.

С этого времени началась блестящая карьера Лавалю. Он был пожалован в церемониймейстеры двора и получил вскоре орден Александра Невского и чин действительного тайного советника. Немалую роль в его карьере сыграли пышные празднества в честь высоких особ, которые он устраивал в своем роскошном доме.

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы.

Салон Лавалю служил также местом встреч петербургских литераторов. Как вспоминал Ш. Сен-Жюльен, „тут по определенным дням собирались самые выдающиеся представители поэзии и литературы; это здесь, между 1827 и 1830 годами, я имел возможность видеть Пушкина, Крылова и Жуковского, то есть московитских Байрона, Лафонтена и Ламартина, также—Гнедича, переводчика Гомера, и Козлова, слепого, как певец Улисс, давшего образцы прекрасной и тонкой русской поэзии“¹⁰³.

Лаваль любил похвалиться перед гостями своими ценнейшими собраниями первоклассных картин и произведений скульптуры. Посланник Северо-Американских Штатов Джон Куинси Адамс видел здесь „Точильщика ножей“ Тенирса, „Римское милосердие“ Гверчино, „Водопад в Тиволи“ Клода, „Давида с голвою Голиафа“ Гвидо Рени, „Гермафродита“ Альбани, „Св. семейство“ Фра Бартоломео. В отделе скульптур выделялись бюсты Германика и Цицерона из базальта и статуя императора Бальбина в нату-

ральную величину. Одну из зал занимала колоссальная фигура Дианы. Тут же находились статуи Вакха и Ариадны, Плутона и Терминуса. В следующей зале были выставлены древние ростральные колонны, античная квадрига, фигура римского консула и собрание редкого оружия. Особое внимание посетителей привлекали надгробный барельеф и саркофаг с надписью „Юлия, дочь Августа“¹⁰⁴.

Одна из дочерей Лавалей Екатерина Ивановна, вышла замуж за С. П. Трубецкого, жившего со своей женой здесь же в доме тестя. Тут у будущего „диктатора“, являвшегося, как теперь установлено, одним из главных организаторов восстания, собиравшихся его друзья по Тайному Обществу. Дом, где он жил, оказался в центре событий, разыгравшихся 14 декабря на Сенатской пл. „Мертвые тела солдат и народа валялись и валялись на каждом шагу, — записал впоследствии Бестужев. — Солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечь прыгала от стен в стены и не щадила ни одного закоулка“. Вследствие своей близости к площади, особняк Лавалей явился убежищем для участников бунта. Дом был оцеплен войсками и тщательно обыскан. Однако поиски Трубецкого остались тщетны. Он скрылся у австрийского посланника Лебцельтерна (женатого на свояченице Трубецкого), откуда и был доставлен во дворец.

Трубецкой, как известно, заплатил за участие в заговоре многолетней ссылкой в Сибирь, куда последовала за ним его жена, Екатерина Ивановна, воспетая, за свой подвиг, Некрасовым. Но ни трагическая судьба молодого заговорщика, ни разлука с любимой дочерью не наложили траура на дом Лавалей. Здесь по-прежнему устраивались спектакли и празднества, на которых присутствовали и члены царской семьи.

В тридцатых годах дом Лавалей служил местом собраний „Музыкальной Академии“; в сороковых годах тут на вечерах выступали Виардо, Рубини и Тамбурины¹⁰⁵. На одном из балов Лавалей в феврале 1840 г. состоялась известная встреча Лермонтова с де-Барантом. Здесь между двумя поклонниками М. А. Щербатовой произошло объяснение, в результате которого последовал вызов со стороны де-Баранта. Тут же на вечере Лермонтов пригласил Столыпина в свои секунданты.

В летнее время многочисленные гости Лавалей собирались на их даче на Аптекарском острове. Типичная постройка классической архитектуры начала XIX века, дача выделялась среди густой зелени своим куполом и стройными колоннами портика. Гранитная лестница, обсаженная по сторонам деревьями, вела к реке. Красивая ферма в псевдоегипетском стиле, была выстроена Томоном¹⁰⁶. Гости Лавалей тут часто слушали проезжих знаменитостей, выступавших между колоннами портика. Молодой итальянец гр. Паллавичини описал 8 (21) июля 1843 г., в своем письме, один из таких вечеров. — „Общество было очаровательно. Г-жа Пушкина, вдова поэта убитого на дуэли, — прекрасна; омраченное тяжелым несчастьем ее лицо неизъяснимо печально“¹⁰⁷.

Дача на Аптекарском острове и блестящий особняк на набережной Невы перешли, после смерти старых хозяев, к их дочери, графине Борх. В 1853 г. по проекту архитектора А. Кумуцци, особняк Лавалей был увеличен пристройкой небольшого флигеля на Галерную ул. Следующим владельцем участка был известный „железнодорожный король“ С. С. Поляков. Начав свою жизнь скромным штукатуром в Киеве, Поляков впоследствии оказался владельцем ряда русских железных дорог, а также великолепного палатца, построенного Томоном. По желанию Полякова, архитектор Ю. Бруни пере-

строил в 1873 г. корпус на Галерной ул., лишив его первоначальной простоты. Наконец, в девятидесятых годах бывший дом Лавалья был приобретен для расширения помещений Сената; на его ремонт и переделку в 1912 г. было отпущено 180.000 руб.

Но грандиозный вестибюль с колоннами и расписанные залы, времен Рылеева и Пушкина, уцелели до наших дней.



Дача А. Н. Вороникина на Каменноостровском пр., ныне № 62

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На Кадетской линии Васильевского острова, в небольшом домике (ныне № 23 по Съездовской линии), жил самый выдающийся русский портретист рубежа XVIII—XIX веков Дмитрий Левицкий¹⁰⁹.

Сын провинциального священника, он родился в мрачные годы правления Анны Иоанновны. Отец его, по фамилии Нос, принял, при женитбе на некоей Левицкой, ее фамилию. Этот скромный священник был выдающимся гравером своего времени. Молодой Левицкий унаследовал от отца любовь к искусству, посвятив ему свою долгую жизнь. Тяжелая, полная лишений старость ожидала художника, создавшего столь замечательную портретную галерею современников. Старый и немощный, он оставил службу в Академии Художеств и, получив жалкую пенсию в 200 руб. в год, зажил в неболь-

шом домике на Кадетской линии со своей овдовевшей дочерью.

Однако, необходимость поддержать внуков заставила семидесятидвухлетнего старца вернуться в 1807 г. на службу в Академию. К сожалению, ни об этом периоде его жизни, ни о его молодых годах, до нас не дошло почти никаких сведений. Даже сотоварищи его по Академии не нашли нужным сохранить для потомства сведений об этом замечательном художнике. Между тем оставленное им художественное наследие представляет огромный интерес. В технике своего мастерства он не имел соперников. Одной из лучших работ Левицкого является портрет великого энциклопедиста Дидро, чьи тонкие черты не смог уловить Э. М. Фальконет, уничтоживший исполненный им бюст писателя. Дидро сам признал, что его портрет работы русского художника стоял значительно выше творений прославленных французских живописцев.

Один из просвещеннейших людей своего времени, Н. А. Львов, с которым Левицкий очень дружил, получив свой портрет от художника, написал:¹⁰⁹

Скажите, что умен так Львов изображен?—
В него с искусством ум Левицкого вложен.

Чуждый профессиональной зависти, Левицкий стремился передать свое искусство многочисленным ученикам, к которым относился по-отечески. Многие из них, и по окончании Академии Художеств, продолжали навещать патриархальную семью любимого всеми учителя, жившего в своем маленьком домике на Кадетской линии. Особенно шумно и весело праздновался тут день имени художника, в середине мая. Праздник длился три дня, заканчиваясь уже в день рождения Левицкого.

Левицкий умер 87 лет. Но для нас утеряна даже его скромная могила. Не уцелел и его дом.

На Кадетской линии сохранился без изменения длинный ряд зданий начала XIX века. Но двухэтажный домик Левицкого, имевший по фасаду всего 4 окна, оказался надстроенным четырьмя этажами и превратился к нашему времени в узкое шестизэтажное здание, разукрашенное глазурированными кирпичами с разводами.

Весьма интересный одноэтажный старинный дом, с характерной высокой крышей, в конце 2-й линии, за Средним проспектом (№ 43), долгие годы принадлежал известному ученому и писателю Н. Я. Озерецковскому. После его смерти участок перешел к титулярному советнику Шоберту.

Тут во дворе поселился, по своему выходе в отставку, бывший директор пушкинского лицея Е. А. Энгельгардт, сохранивший со многими из своих воспитанников самые сердечные отношения.

Одетый по моде 1805 г. в синий фрак и короткие панталоны с черными шелковыми чулками, старик подолгу грелся на солнце, сидя на скамье своего укромого дворика.—Сперанский однажды шутя сказал, что „Энгельгардт 25 лет не переодевался“. В 1824 г., в дружеском письме к одному из своих бывших учеников, пушкинскому товарищу Ф. Матюшкину, Энгельгардт писал: „Я поселился на краю Васильевского острова в маленькую квартиру, в заду на дворе, и боже солнышко светит в мои окна не хуже, как в окна дворца“.

Он прожил здесь недолго, перебравшись в дом Флетчера на Большом проспекте, между 7-й и 8-й линиями (теперь дом № 25 по проспекту Пролетарской Победы, впоследствии надстроенный). Энгельгардт прожил тут девять лет, вернувшись в 1836 г. на 2-ю линию, где и нанял квартиру в доме Пальянова, ныне № 31. Он с любовью вспоминал свое старое жилье: „Как ни ветх и ни

холоден Hôtel Fletcher, — писал Энгельгардт, — но мне было грустно расставаться со старым знакомцем, в котором каждый уголок напоминает о каком-нибудь происшествии... Новое мое жилище просторнее, теплее и удобнее, лучше, но оно новое, я его не знаю, оно мне ничего не говорит“.

Недалеко отсюда, на 3-й линии, между Средним проспектом и Малою Невною, жил в 1825 г. будущий декабрист А. Е. Розен, пользовавшийся репутацией человека высокой нравственности и стойких принципов. Он переехал сюда после своей женитьбы на А. В. Малиновской, сестре пушкинского лицейского товарища.

Присужденный к ссылке за участие в событиях 14 декабря, Розен, описывая впоследствии в своих мемуарах Петропавловскую крепость и свой путь в Сибирь, вспомнил близкий его сердцу уголок Васильевского острова: „Свет луны и ярко горящих звезд освещал нашу дорогу; тихой рысью переехали Неву. Я все глядел в сторону Васильевского острова, благословляя жену и сына. Я знал, что жена в эту минуту стояла на молитве; она, извещая отца моего о моей отправке и припоминая эту светлую, звездную ночь, написала ему слова Паскаля: „Нет ничего в мире прекраснее звездного неба и чувства долга в человеческом сердце“.

На 7-ой линии Васильевского острова, в скромном домике мещанина Гурьева (ныне этот участок № 18) находилось „гнездо Бестужевых“. Здесь жила со своими многочисленными детьми мать декабристов, Прасковья Михайловна Бестужева.

В декабре 1825 г. внешне жизнь семьи еще текла попрежнему и ничто не предвещало грозных событий. 13 декабря, накануне восстания, тут обедал Рылеев. В тот же день сюда заезжали Батенков

и Пушкин. А через день грозный удар разразился над семьей Бестужевых. Много слез пролила в гурьевском доме мать декабристов, оплакивая судьбу своих сыновей. Петр Бестужев был разжалован в рядовые и послан на Кавказ. Александр присужден к пятнадцати годам каторжных работ, Михаил и Николай — к двадцати годам каждый.

Николай Бестужев по своим блестящим дарованиям занимает по праву одно из первых мест среди декабристов. Недавно опубликованное литературное наследство Николая Бестужева вполне оправдывает тот авторитет, которым он пользовался в среде декабристов. Как отметил в своих записках Якушкин, „в глазах высшей власти главная виновность Николая Бестужева, как кажется, состояла в том, что он очень смело говорил перед членами Комиссии и столь же смело действовал, когда его привели во дворец“.

Прасковья Михайловна Бестужевой было суждено пережить смерть двух сыновей — Петра и Александра. Петр сошел с ума на Кавказе и умер в Петербурге, в сумасшедшем доме. Его брат, талантливый писатель Бестужев-Марлинский, был переведен из Сибири рядовым также на Кавказ. Там, получив известие о трагической смерти Пушкина, он написал старшему брату Николаю: „В монастыре св. Давида на могиле Грибоедова слушал я панихиду, которую просил служить в память Пушкина; когда священник возгласил за упокой боярина Александра и боярина Александра, я заплакал, зарыдал; мне казалось, мне чувствовалось, что отец духовный уже поминает и меня“.

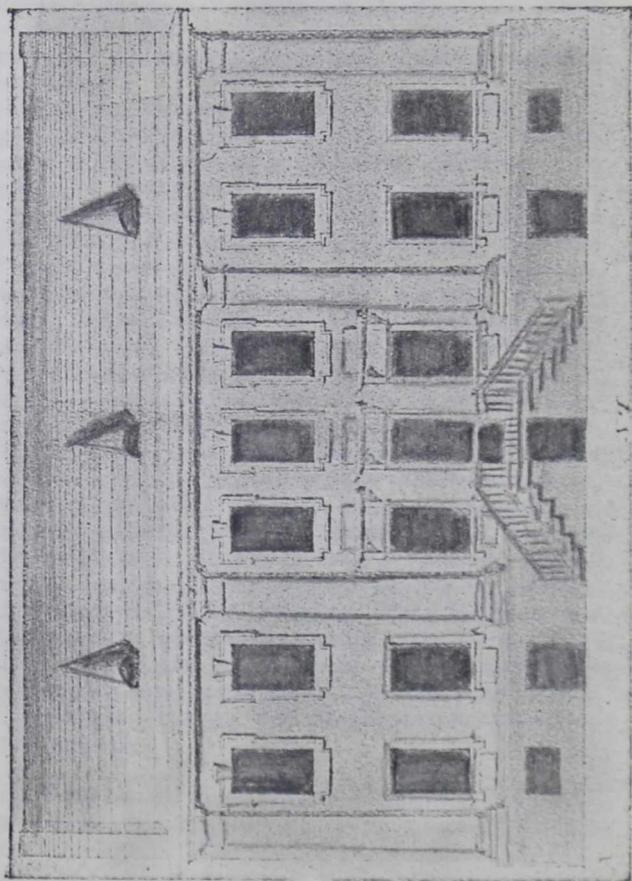
Полгода спустя после смерти Пушкина погиб и Александр Бестужев. Беспросветная жизнь на Кавказе, без каких-либо надежд на будущее, довела его до отчаяния и он стал искать смерти. В 1836 г. Александр Бестужев писал брату Николаю в Си-

бирь: „Когда я кончу это нищенское кочеванье по чужбине, вдали от всяких средств к занятиям?! Об одном молю я, чтоб мне дали уголок, где бы я мог поставить свой посох... Видно не хотят этого. Да будет! Не могу ли, гоняемый из конца в конец, не проводя двух месяцев на одном месте, без квартиры, без писем, без книг, без газет, то изнуряясь военными трудами, то полумертвый от болезней, не вздохнуть тяжело и не позавидовать тем, которые уже кончили земное скитальничество“. При взятии мыса Адлер Бестужев с мужеством отчаяния устремился глубоко в ряды горцев и был изрублен в куски. Получив известие о его смерти, А. В. Никитенко с горечью отметил в своем дневнике: „Новая потеря для нашей литературы: Александр Бестужев убит. Да и к чему в России литература!“

Юный Владимир Философов, горячий почитатель Бестужева, с волнением прочел напечатанные в „Литературных Прибавлениях“ стихи Бестужева „Шебутуй“:

Стеняй, шуми поток пустынной,
 Неизмеримый Шебутуй,
 Сверкай от высоты стремнинной
 И кудри пенные волнуй...
 Катись под роковую силой,
 Неукротимый Шебутуй,
 Твое роптанье—голос милой,
 Твой ливень—братний поцелуй.
 О жребий! если в этой жизни
 Не знать мне радости венца—
 Хоть поздней памятью обрызгни
 Могилу тихую певца.

„Вот по моему мнению,—записал в своем дневнике восторженный юноша,—лучшие стихи русской литературы. И про такого человека, как Бестужев, осмелился сказать Николай, что смерть на поле битвы слишком для него хороша... О если бы всевышний дал мне когда-нибудь силу отомстить за Бестужева, я бы с охотой пожертвовал жизнью, не-



Дом Гурьева на 7-й линии Васильевского острова, ныне № 18.

Архив Лен. Отд. ком. ховяйства.

Здание не существует.

нужной для человечества. Всевышний, я верю, что рано или поздно кровь праведника возопиет о мщении,—и на развалинах самодержавной власти воздвигнется сильное и цветущее здание, и на месте Александровской колонны благодарное потомство воздвигнет памятник Бестужевым и другим жертвам 14-го числа“.

После жестокого удара, постигшего семью Бестужевых, мать и сестры переехали на 15-ю линию, в дом купца Штильцова, оставив навсегда дом Гурьева, с которым у них было связано столько тяжелых воспоминаний. Дом Гурьева представлял собою в то время небольшое двухэтажное строение в 7 окон, с интересными пилястрами и наличниками. Посредине возвышалось высокое крыльцо со ступенями, спускавшимися по обеим сторонам подъезда. Постройка здания относится к первой половине XVIII века. В свое время оно являлось, вероятно, одной из лучших частных построек на острове. Первоначально дом был крыт черепицей и только весной 1824 г. его перекрыли железом. Сохранившийся в городском архиве чертеж фасада гурьевского дома, относящийся к этому же году, воспроизводится при настоящей работе. Этот небольшой домик, с очень высокой крышей, устоял на углу 7 линии и Глухого переулка, теперь Днепровского, вплоть до девятидесятых годов. В 1907 г. аптекарь Пель (один из его предков, также аптекарь,—владел уже этим участком в 50-х годах XIX века) путем пристроек и перестроек превратил домик Гурьева в пятиэтажное строение. Теперь тут возвышается громадное здание аптеки.

На 9-ой линии Васильевского острова под № 22 в настоящее время стоит большое, недавно отстроенное здание. В 1830 г. дом этот, тогда № 228, принадлежал купцу Волгову. Сюда в эту отдаленную

часть острова переехала в 1830 г. А. П. Керн, разойдясь со своим мужем. Здесь по прежнему навещали ее старые друзья. До нас дошли стихи, написанные в 1832 г. братом А. С. Пушкина, Львом Сергеевичем, навестившим Керн, по своему приезде в северную столицу.

Приехавши на берег Невский,
Лев Пушкин ныне был у Вас,
А вместе с ним и Соболевский, —
Прождали здесь Вас целый час.

В 1837 г. она переехала еще дальше, на 14-ю линию, в дом Вестмана (ныне № 27)¹¹⁰. От старых построек здесь ничего не сохранилось до настоящего времени. Не уцелело и скромное жилище Керн. — Но имя ее не забыто. Образ Керн вдохновил юную музу Пушкина, посвятившего ей свои самые прекрасные, по отзыву Белинского, стихи. Большой заслугой Керн перед последующими поколениями являются ее записки, в которых она сумела запечатлеть подлинный, живой облик поэта.

Малый проспект, между 11-й и 12-й линиями, представляет собой ряд новых построек. От прошлого здесь сохранилось лишь одно небольшое двухэтажное строение в два (!) окна и старый деревянный сарай во дворе на каменных столбах. Это остатки владений известного ученого, переводчика „Омира“ (Гомера) И. И. Мартынова. Он был одним из составителей устава лицея, а его сын, Аркадий Иванович, был школьным товарищем Пушкина. В 1811 г. Мартынов купил тут участок и, на собранные от издания своих трудов деньги, выстроил хороший дом. В дни наводнения 1824 г. вода затопила дом и уничтожила оранжерею и сад. Ценная библиотека, собиравшаяся в течение свыше тридцати лет, оказалась затопленной. Старик Марты-

нов плакал навзрыд, видя, как его любимые, ценные фолианты уносила вода через разбитые окна.

На 16-й линии, где теперь стоит под № 17 небольшой деревянный дом с мезонином, жил Рылеев. Выйдя в отставку после женитьбы, он переехал со своей молодой женой в Петербург. Рылеев поселился здесь в небольшом деревянном доме Белобородова, нанятом за 750 руб. в год. „Квартера выгодная, — писал он матери, — четыре комнаты довольно большие, из коих одна перегороженная. Людская с кухней особенная. Сарай и ледник, в который можно будет складывать дрова“. Тут и по ныне сохранились следы сада, по дорожкам которого когда-то ходил Рылеев.

Некогда известный поэт Туманский воспел Черную речку в следующих стихах:

Пора покинуть терем древний,
Пора мне воспевать луга,
Свободу, светлые деревни
И Черной речки берега.

Местность эта обязана своим названием темному цвету воды. Эту окраску придают ей прибрежные заросли ольхи, спускающие свои корни в воду. Она на корнях настаивается и становится темной. Отсюда и название — „Черная речка“, которое она носила уже в петровское время, когда вся местность эта была в 1721 г. подарена Остерману. В старину здесь было расположено сельцо, носившее название Никольское, все население которого составляли крестьяне трех фамилий: Вдовины, Баулины и Дрожины. В начале XIX века они стали сдавать тут немущим жителям столицы, главным образом немцам, небольшие домики, получая за лето 25 руб. Кухон при них не было вовсе, их заменяли вырытые на берегу реки ямы, завешенные рогожами.

Небольшие дачи появились здесь лишь к двадцатым годам. „На Черной речке, — сообщали в 1823 г. болгаринские „Литературные Листки“, — живут по большей части люди среднего состояния, Пасторы, Ученые, Литераторы и чиновники, не имеющие больших доходов, а потому здесь всякий день можно быть в самом хорошем обществе, освежить ум и душу в приятной беседе и в излиянии благородных чувствований“¹¹¹.

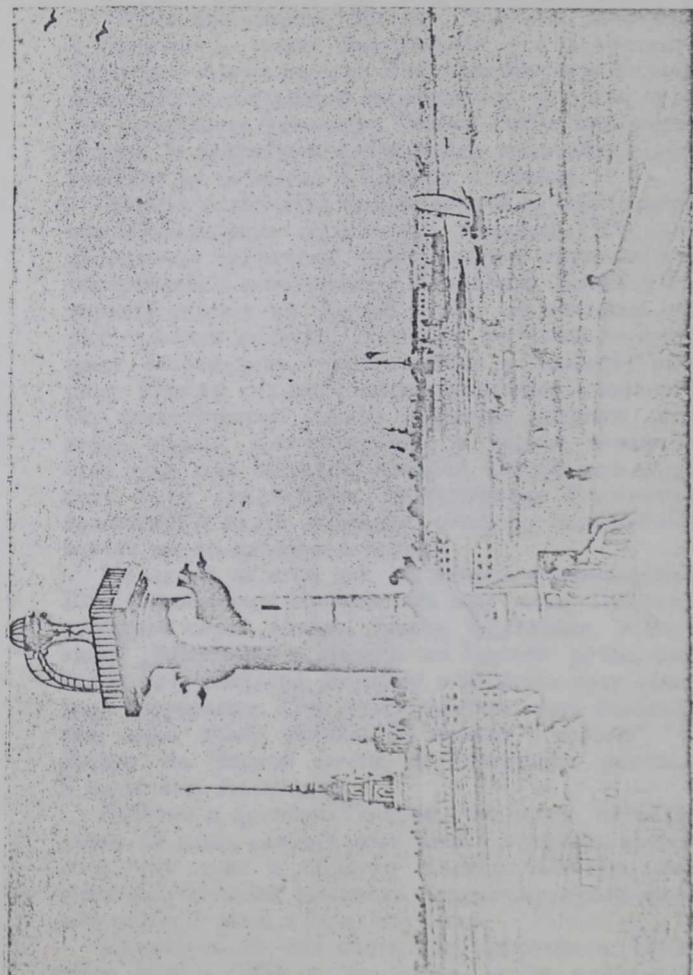
Вскоре здесь стала селиться и аристократия; среди новых обитателей Черной речки уже появились имена Элизы Хитрово, Д. Фикельмон, медальера Федора Толстого. На одной из дач жил Н. И. Греч, которого в следующем году сменил тут А. И. Тургенев, писавший Вяземскому: „Третьего дня обедали у нас на Черной речке — Жуковский, Крылов, Гнедич, Сабуренок, Дашков, Греч, Мейстер и пр.“ Жилых строений было здесь не много и даже двадцать лет спустя на Черной речке насчитывалось всего сорок домов и столько же в прилегающих переулках — Языковом, Глухом и т. д. По сделанному подсчету, в то время здесь жило летом всего до двухсот сорока семейств.

Один из крупных участков принадлежал здесь в пушкинское время некоему Миллеру. Его знала вся Россия, так как метрдотель Миллер, совместно с лейб-медиком Виллие и кучером Байковым, неотлучно сопровождал Александра I при его постоянных разъездах.

Надо помянуть — повара или историографа Миллера...

Так в шуточных стихах Пушкин и его друзья помянули метрдотеля. Он был с Александром и в Таганроге. „Кочующий деспот“, как называл Александра Пушкин,

Всю жизнь провел в дороге
И умер в Таганроге.



Вид на Петропавловскую крепость с Васильевского острова. Акварель.

После его смерти, Миллер перешел на службу к Николаю I, также сопровождая его в поездках. Однажды, при посещении Николаем Вязьмы, Миллер, покровительствовавший иностранцам, устроил невесте декабриста Анненкова Полине Гебль аудиенцию у царя. В результате последовало высочайшее разрешение на ее выезд в Сибирь к жениху.

Миллер разбогател на придворной службе (в архивах Шереметевых сохранились приказы 1798 г. по дворцовому ведомству, изобличающие крупные злоупотребления, совершенные Миллером). Купив у Бахерахта участок на Черной речке, он построил тут ряд сельских домиков, „которые по ценам, — сообщает современник, — принадлежат к высшему разряду. Жители сих дач составляют особую колонию“. По свидетельству одного журнала, дачники „под вечер иногда прогуливаются в весьма неважном саду дачи г-на Миллера; говорят, что деревья этого сада были свидетелями бесчисленных пламенных признаний и клятв в вечной страсти, нарушенных тотчас же по приезде в город“.

На одной из этих дач во второй половине мая 1833 г. поселился Пушкин. 24 мая мать Пушкина сообщила своей дочери, Ольге Сергеевне, в Варшаву: „Александр и Натали на Черной речке, они взяли дачу Миллера, которую в прошлом году занимали Маркеловы. Она очень красива, есть большой сад, дача очень велика: 15 комнат с верхом“¹¹². Здесь, на Черной речке, у Пушкиных родился 6 июля сын Александр.

Работая в архивах, Пушкин, несмотря на отдаленность дачи, каждый день бывал в городе, совершая путь туда и обратно пешком. Он был, как известно, большой любитель дальних прогулок и ходил пешком даже в Царское Село.

Миллеровский сад настолько понравился Пушкину, что в 1835 г. он снова летом поселился

здесь, но уже, видимо, на соседней даче, так как на одной из рукописей Пушкина сохранилась пометка: „1835, Черная речка, за Мил... 25 июня“.

Сосед Пушкина по даче К. В. Гроссгейрих, наставник известной поэтессы Елизаветы Кульман, так рано умершей, отметил следующее: „Я жил в соседстве с ним (Пушкиным) на островах, внутри большого и открытого для публики сада, * и через милых детей его познакомился с ним самим. Этот приветливый и, несмотря на громкое свое имя,нисходительный человек помнил, что слышал имя наставника Елизаветы от других еще прежде, нежели от него самого“. — „Моя покойная ученица, — сказал я, — при всем неограниченном почтении к вашему гению, находила в вас один недостаток“. — „Какой?“ — спросил он с любезной улыбкой. — „Тот, что вы написали одну только сказку, вместо того, чтобы пройти всю череду русских сказок“. — „На это не стало бы человеческой жизни“. — „Но я сказал вам только половину упреха“, — продолжал наставник. — „Что же еще?“ — „Что после вас никто не пойдет с успехом этим путем“¹¹³.

Где же стояла эта дача Миллера? — По сообщению журнала „Беседа“, — „Пушкин на Черной речке жил в том самом доме, который впоследствии 11 лет подряд занимал покойный Сергей Атава (Терпигорев). Дом этот до сих пор цел“. — Установить, где именно жил и умер Атава, не представляется больших трудностей. В газетном извещении о смерти писателя сообщалось: „Вынос тела из квартиры по Строгоновской набережной, дом № 17“¹¹⁴. Таким образом, если верны сообщенные „Беседой“ сведения, дача Миллера должна стоять на Строга-

* Под названием Мюллеровой дачи на Черной речке, напротив сада гр. Строгоновой.

новской набережной, на углу Строгановской ул., под № 17.

Однако, при ближайшей проверке, сведения эти оказались не точными. На всех планах этой местности 1828 — 1849 гг. участок метрдотеля Миллера, а затем его наследников, показан не на Строгоновской набережной, а на набережной Черной речки. Этот обширный участок был в свое время застроен рядом дач. Каждая из них имела свой особый сад; в глубине стояли службы. Участок Миллера был впоследствии разделен. Теперь это участки по набережной Черной речки, на углу Языкова переулка, расположенные от № 55 по направлению к Сердобольской улице. — Точные указания на то, где именно находилась дача Пушкина мне удалось найти лишь недавно в книге „Невские острова“, изданной дочерью Сперанского Е. М. Фроловой-Багреевой, в Брюсселе, в 1858 г. „Остановимся на минуту перед этим угловым домиком, перед которым играют прелестные дети в русских рубашках, — пишет автор, — здесь в этом доме Пушкин провел последние годы своей жизни“¹¹⁵.

Как видно из слов Е. Фроловой-Багреевой, дом Миллера, в котором жил Пушкин, существовал еще в 1858 г. Указание на „угловый“ участок дает полное основание считать, что миллеровская дача стояла на набережной Черной речки, на углу Языкова пер., на территории нынешнего участка № 55.

Проведя лето 1835 г. на Черной речке, Пушкин в следующем году поселился на Каменном острове.

По преданию остров получил свое название от большого камня, лежавшего в Малой Невке. Первым владельцем острова был канцлер Г. И. Головкин, получивший его в подарок от Петра I в 1704 г. Затем он перешел во владение другого канцлера, А. П. Бестужева-Рюмина, не жалевшего средств на

украшение острова. Здесь был разведен голландский сад и проведены выложенные камнем рвы. Затем остров перешел к вел. кн. Павлу Петровичу, построившему тут дворец¹¹⁶. Здесь же впоследствии был основан инвалидный дом для стариков-матросов.

Однако, местность все еще оставалась не заселенной. Соседние острова поддерживали старики-инвалиды, державшие для перевозки целую флотилию лодок.

Когда же Александр I избрал Каменный остров своей излюбленной резиденцией, здесь все преобразилось. „Вдруг прервалось угрюмое молчание окрест лежащих островов, — пишет Вигель, — везде на них застучали топор и молот и зашестела пила; болота их осушились и поросли дачами“. Вскоре остров приобрел настолько привлекательный вид, что посетивший его известный английский путешественник нашел, что, после окрестностей Калькутты, он не видел ничего более прекрасного¹¹⁷. Французский посол бар. де-Барант, в одном из своих писем 1836 г. к Анисон-дю-Перрон, так описал дельту Невы: „Острова составляют одну из красот Петербурга. Вообразите себе по ту сторону реки, за мостом, целый лабиринт, около двух квадратных верст, дерна, лесов, садов, перерезанных тысячами потоков, то маленькими ручейками, то речками или озерами; все это граничит с большими сосновыми лесами, прилегающими к морю. Здесь у каждого своя дача, тщательно отделанная, обсаженная цветами. Никакой ограды, все места для гулянья общие и тем не менее этот огромный общественный сад отлично содержится“. Невские острова вскоре избрал своим местопребыванием двор, а за ним последовала туда вся петербургская аристократия.

Люди более скромного достатка продолжали селиться на Петергофской дороге, Крестовском острове и Колтовской набережной.

Пушкин поселился на Каменном острове на даче Добровольского¹¹⁸. Это был громадный участок по набережной Большой Невки, недалеко от Каменноостровского театра. От известной театральной дачи у моста он отделялся лишь участками Штиглица и Челищева. На этом живописном месте стояло несколько дач. Это видно из письма К. Булгакова, сообщавшего 17 мая 1834 г., что Лазаревы поселились на Каменном острове на „одной из дач Добровольского“. На планах Каменного острова 1828—49 гг. на участке Добровольского также показано несколько строений. Теперь тут сплошь новые постройки (набережная Большой Невки № 20/18). Владелец дач, Ф. О. Доливо-Добровольский, был в эпоху наполеоновских войн полевым инспектором почт. В пушкинское время он занимал должность члена совета при главноуправляющем над почтовым департаментом. Богатый человек, он владел также домом на Гороховой ул., близ Загородного проспекта, рядом со съезжим домом.

Как сказано выше, Пушкин поселился на даче Добровольского в 1836 г. Здесь, после смерти матери, гостила у брата Ольга Сергеевна. К этому периоду времени, проведенному на Каменном острове, относятся два замечательных произведения Пушкина: „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“ и „Когда за городом задумчив я брожу“. Последнее стихотворение имеет пометку: „14 августа 1836. Кам. Остр.“. Эти исполненные печали стихи были навеяны, очевидно, посещением кладбища; но это не могло быть еще несуществовавшее тогда Новодеревенское кладбище, как указано в примечании к этому стихотворению в собрании сочинений А. С. Пушкина, изд. под ред. Венгерова (т. VI, стр. 494). Между тем из окон дачи Пушкина виднелась вдали, по ту сторону реки, ограда Благовещенского клад-

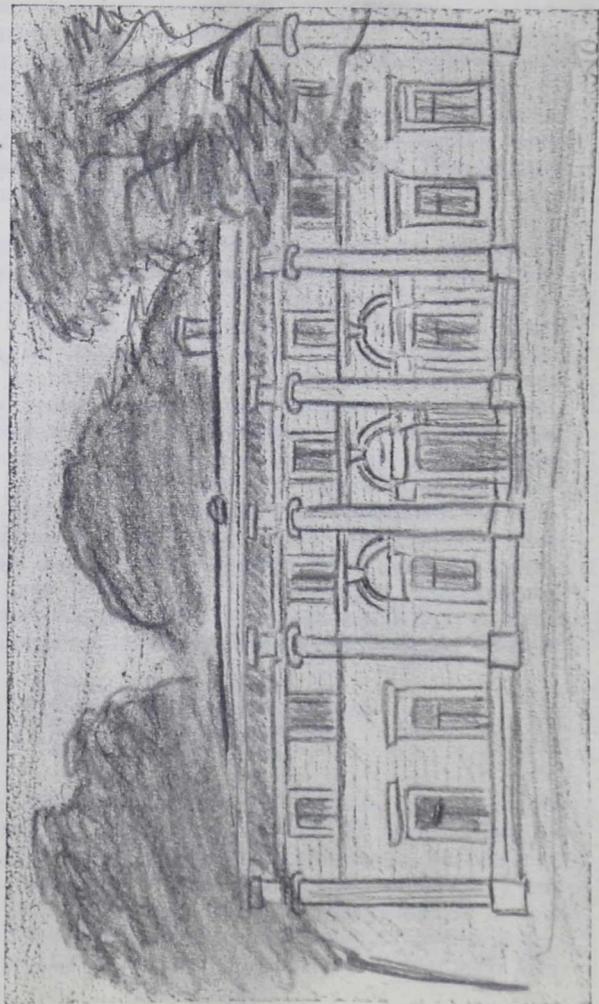
бища, основанного в 1762 г. Вероятно бродя там, среди могил, поэт отметил:

Купцов, чиновников усопших мавзолен
Дешевого резада нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах.

Дальше за мостом, соединявшим с середины XVIII века Каменный остров с Аптекарским, тянулся между небольшими глухими улицами Каменноостровский проспект. Современники еще в шестидесятых годах отмечали там — „кривые, неправильные, грязные улицы; дома деревянные, большей частью ветхие; обилие садов; вместо тротуаров — мостки или просто кое-как брошенные на землю доски; плохое освещение и пр.“

В районе Аптекарского острова, Каменноостровский проспект, по левой стороне, был застроен в начале XIX столетия дачами, принадлежавшими ряду известных петербургских архитекторов, образовавших свою особую колонию. Тут стояли „мызы“ Готлиба Паульсона, участника постройки Зимнего дворца, Якова Феррари, строителя башни городской думы на Невском проспекте, и, наконец, Андрея Воронихина, автора проекта Казанского собора. Рядом с ним на большом участке расположены были „мызы“ прославленного зодчего Василия Баженова.

Из всех строений этой маленькой колонии петербургских архитекторов до нашего времени уцелела лишь дача А. Н. Воронихина, ныне № 62 по ул. Красных Зорь. Исполнившееся в текущем году 120-летие со дня смерти зодчего было отмечено рядом собраний, организованных ленинградской общественностью.¹¹⁹ По сообщению журнала „Старые Годы“, Воронихин прожил в этом доме свои „последние годы“¹²⁰. Хорошие формы дачи, отличающие уверенную руку большого мастера, дают



Дача С. Аллера на Каменноостровском пр., ныне № 56.
Здесь жили К. Н. Батюшков и Н. И. Гнедич.

полное основание приписать эту постройку А. Воронихину. К сожалению за 125 с лишним лет своего существования дом этот неоднократно варварски переделывался и снаружи и внутри. ¹²⁵ Старинные круглые кафельные печи уничтожены совсем недавно. По рассказам старожиллов весь верхний двухсветный зал дачи служил Воронихину проектировочной мастерской.

Тут же по близости, у Карповки, на нынешнем участке № 56 стояла дача составителя петербургского адрес-календаря С. Аллера. В двадцатых годах ее занимал известный А. С. Шишков. Этот старинный двухэтажный дом, с пилястрами, сохранился до нашего времени. К сожалению он пришел ныне в такую ветхость, что предназначен к сломке.

Когда заболел психическим расстройством поэт Батюшков, его привезли в Петербург к его тетке, К. Ф. Муравьевой, жившей в своем доме на Фонтанке. Переехав на свою дачу на Каменном острове, она наняла для больного поэта стоявшую против ее дома, по другую сторону реки, дачу Аллера. При даче находился, как гласили публикации, „большой Англинский сад, с качелями и каруселью“.

Некогда воспетый Пушкиным „чудотворец“ стихов

Философ резвый и прит,
Парнасский щастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых воинов —

теперь одиноко бродил по своему уединенному саду, избегая встреч с людьми. И когда один из навестивших его друзей спросил поэта, не написал ли он что-либо новое, Батюшков ответил: „Что писать мне и что говорить о стихах моих? Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Со-

суд сорвался с головы и разбился вдребезги. Поди, узнай теперь, что в нем было“.

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земле,
Где постоянно жизни счастье?

Через несколько лет на той же даче Аллера поселился Гнедич, тщетно искавший следов пребывания здесь поэта. Лишь на одном окне он прочел нацарапанную на стекле надпись: „Есть жизнь и за могилой“ и на другом — „Ombra adorata!“ — Это было все, что осталось от пребывания здесь Батюшкова.



Дома Лазаревых на Невском пр., ныне № 42.
Здесь жили Г. С. Батенков, М. М. Сперанский и Ф. И. Тютчев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Случайно уцелевший скромный двухэтажный дом на углу проспекта Огородникова, бывшего Рижского пр. (д. № 76/6), и Эстляндской ул. связан с летописью жизни декабриста М. С. Лунина, одного из выдающихся людей своей эпохи. Благодаря ряду опубликованных за последнее время работ, посвященных Лунину, его образ встает перед нами в новом, достойном его освещении.

Человек большого образования и блестящих способностей, он был, по словам французского драматурга Ипполита Оже, — „поэт, музыкант и в то же время реформатор, политико-эконом, государственный человек, изучивший социальные вопросы, знакомый со всеми истинами, со всеми

заблуждениями... В нем чувствовалась сильная воля... Голос у него был резкий, пронзительный, слова точно сами собой срывались с насмешливых губ и всегда попадали в цель. В спорах он побивал противника, нанося раны, которые никогда не заживали; логика его доводов была также неотразима, как и колкость шуток. Он был высокого роста, стройно и тонко сложен, но худоба его происходила не от болезни: усиленная умственная деятельность рано истощила его силы.

В своих воспоминаниях о Луине И. Оже подробно рассказывает о постоянных столкновениях, происходивших между стариком Луиним и молодым кавалергардом, жившим в отцовском доме этажом ниже. После одной жестокой ссоры с отцом, Луин, проведя бессонную ночь над обдумыванием своего положения, поутру послал своего камердинера доложить отцу, что он просит разрешения к нему зайти. Поднимаясь по лестнице в апартаменты старого барина, слуга встретил его камердинера. „Болваны останавливаются на лестнице побалагурить,— рассказывал М. Луин Исполиту Оже.—В это время я выхожу и иду на верх, отец мой спускается вниз. Мы встречаемся, лакеи уступают нам место.—„Отец мой, говорю я весьма почтительно, умоляю вас, простите меня: я виноват перед вами“.—Сын мой,— отвечает он мне, — я был слишком суров, эта правда... Но, подумай, Миша: если я выплачу твои долги, ты сделаешь новые... Нужно как-нибудь умиротворить твоих кредиторов. —„Отец мой, самое лучшее средство—расплатиться с ними; иного исхода нет“.— Но если я заплачу им, они опять тебе дадут взаимы. —„Батюшка, я боюсь, что именно так и будет“. —„Чорт возьми, да именно этого-то я и не хочу.“ —„Ну так я вам предложу очень разумную вещь“. — Говори, я слушаю.—„Но, дорогой батюшка, вам неудобно на лестнице“... —Мне очень ловко; какое

твое разумное предложение? Говори. —„Батюшка; вы заплатите за меня долги“.— Да я не хочу платить твоих долгов. —„Позвольте, дайте договорить. Вы заплатите долги и кроме того вы мне еще выдадите небольшую сумму, которая мне необходима“.— Да ты с ума сошел, бедный Миша! —„Батюшка, до некоторой степени это верно. Вы увидите сами, дайте договорить: если вы заплатите долги мои и дадите мне еще деньжонок, то вы навсегда разделаетесь со мной. Я выйду в отставку“.—Наступило молчание. Наконец старик заговорил: „У тебя десять тысяч долгу?“—Может быть даже немного больше. —„Ты хочешь путешествовать?“—Из экономии, батюшка; я соблюдаю ваши выгоды.—„На это требуется тысяча пять?“—По крайней мере.—„И больше тебе ничего не нужно?“—Мне нужно ваше благословение, батюшка. —„Благословляю тебя“.—Вы начинаете с конца, батюшка.—Тогда,—закончил рассказ Луин,—так как он все еще сидел на ступеньке и жалобно смотрел на меня, с мольбой простирая руки, я помог ему встать. Он объявил, что принимает мои условия. Я его проводил и вернулся к себе. Вот моя просьба об отставке, только что испеченная: еще чернила не успели высохнуть. В ней моя будущность, моя свобода. По-испански свобода libertade. Прочь обязательная служба! Я не хочу быть в зависимости от своего официального положения; я буду приносить пользу людям тем способом, какой мне внушают разум и сердце. Гражданин вселенной—лучше этого титула нет на свете. Свобода! Libertade! Я уезжаю отсюда“.

Когда Александру I доложили о желании Луина выйти в отставку, царь сказал: „Это самое лучшее, что он может сделать“.—„Он просит позволения ехать за границу“. —„Позволяю: с богом!“

Луин получил отставку в ноябре 1815 г., но собрался выехать за границу лишь через полгода.

В мае и июне 1816 г. в „С. Петербургских Ведомостях“ появились публикации об отъезде за границу „Михаила Сергеевича Лунина, отставного Гвардии Ротмистра и Кавалера; с дворовым человеком Алексеем Еремеевым; живущего в Мал. Коломне в доме госпожи Дубецкой, № 7“. Дом Дубецкой сохранился до нашего времени. Теперь это дом № 14 по ул. Союза печатников, ранее Торговой ул.¹²¹

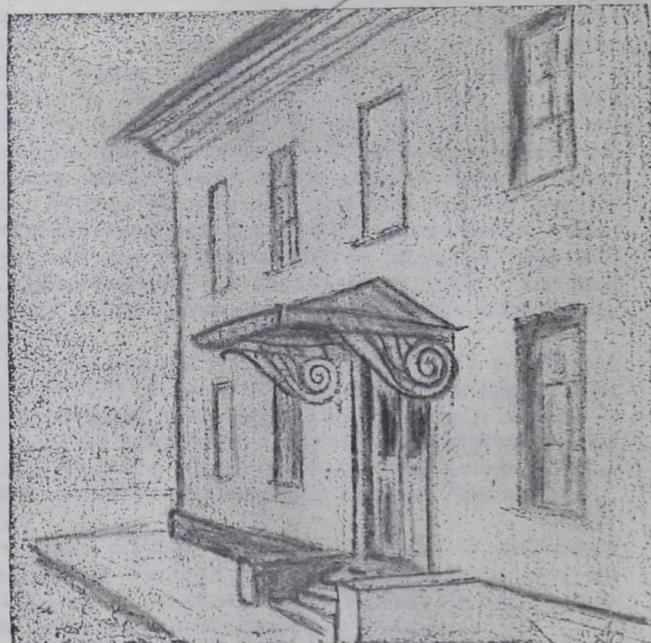
Судя по тому, что Лунин, уезжая за границу, уже не жил в доме отца, надо думать, что к этому времени, они уже окончательно рассорились между собою. Как сообщает его спутник по путешествию, Ипполит Оже, отъезд их состоялся лишь 16 сентября 1816 г.¹²² Приехав в Париж, Лунин вступил в тесную связь с тайными политическими кружками; смерть отца вынудила его вернуться, для устройства своих дел в Петербург. Здесь он примкнул к недавно основанному Союзу Спасения. Вскоре Лунин стал членом Союза Благоденствия, а затем и Северного Тайного Общества, где он сразу занял самую крайнюю позицию. Согласно следственным документам, именно от Лунина исходила идея царевубийства. Ему же принадлежал проект устройства тайной литографии.

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...

К этому времени Пушкин только что окончил лицей. Общность симпатий связала юного поэта с кружком Лунина и его друзей. Пушкин встречался с Луниным у Тургеневых, у Карамзина, у К. Ф. Муравьевой, приходившейся теткой Лунину. В октябре 1819 г., провожая Батюшкова, уезжавшего за границу, Лунин и Пушкин вместе обедали в Царском Селе в тесном кругу друзей больного поэта, которому врачи предписали пребывание на юге. Вскоре север

оказался „вреден“ и для Пушкина, вынужденного в 1820 г. уехать в Бессарабию.

Лунин также вскоре оставил Петербург.



Дом декабриста М. С. Лунина на Рижском пр., ныне № 76.

Предлагаемые Луниным „решительные меры“ — „умертвить императора на царскосельской или другой какой-либо дороге“ — не нашли реальной поддержки. Убедившись в „безуспешном и непостоянном ходе занятий Общества“, Лунин уехал в Варшаву, где

вновь поступил на военную службу. В бумагах Лунина, относящихся к этому периоду его жизни, недавно найден карандашный портрет Пушкина, единственная зарисовка, исполненная самим Луниным, не считая автопортрета.

Когда после восстания 14 декабря имя Лунина было занесено в список активнейших членов Тайного Общества, в. кн. Константин Павлович, очень благоволивший к Лунину, призвав его к себе, предложил ему, как говорили, бежать за границу. — «Бежать, избегая той участи, которой подвергнутся мои товарищи, было бы малодушием», — ответил Лунин. — Я разделял с товарищами их убеждения, разделяю и наказание». На всех допросах Лунин, один из немногих декабристов, проявил удивительную твердость духа, не выдав никого из своих сотоварищей. Присужденный к двадцати годам каторжных работ, сокращенных потом до 15 лет, он провел несколько лет в казематах Петропавловской, Свеаборгской и Выборгской крепостей, откуда в 1828 г. был отправлен в нерчинские рудники, в Сибирь.

Лишения ссылки не сломили твердый дух Лунина. Как передает декабрист Свистунов, Лунин был того мнения, что «настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны, словом и примером, служить делу, которому себя посвятили». Ряд его исключительных по интересу писем из Сибири бросают яркий свет на личность этого «замечательного», по выражению Пушкина, человека. «Я любил справедливость и ненавидел несправедливость и потому нахожусь в изгнании», — записал Лунин. — «Мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни», — отметил он в своем дневнике. — «В России два проводника, — говорил Лунин, — язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга».

Язвительное перо Лунина его погубило. Блестящие памфлеты, написанные им в далекой ссылке, стали известны правительству Николая I и Лунин был заключен в Акатуевский тюремный замок. Недавно опубликованы дотоле неизвестные письма Лунина, рисующие картину медленного умирания этого человека непреклонной воли и героического мужества. Лунин был заживо погребен в темной камере, настолько сырой, что одежда и книги его покрывались плесенью. «Чай без сахара, хлеб, вода, иногда каша, — вот моя ежедневная пища», — записал Лунин. — С горькой иронией отметил он, что «единственное его развлечение заключается в присутствии при наказании кнутом во дворе тюрьмы». Посетившему его в остроге сенатору Толстому Лунин сказал: «Окажите честь посетить меня в моем гробу».

Лунин умер в Акатуе в декабре 1845 г. «Могила его, — сказала Волконский, — должна быть близка какому-нибудь доброму русскому». Герцен назвал Лунина — «одним из тончайших и деликатнейших умов», сожалея о том, что современное ему поколение не обладало «гордой, непреклонной отвагой Лунина»¹²³.

Годы ссылки Пушкина совпали с усиленной застройкой Петербурга. И тщетно искал поэт, по возвращении, знакомые дома старой Коломны, связанные с воспоминаниями его юности.

Исчезла и «смирная лачужка» у Покрова, приют бедной вдовы и ее дочери Параши.

Дни три тому, туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построил трехэтажный дом...

.....
на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы обхватил кругом,

То моему-б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном
Бывает сердце полно; много взору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.

„Наружность столицы, видимо, изменяется,— писал в то время Греч.—Кто не побывает в течение года в некоторых частях города, тот с трудом их узнает. Так, например, квартал Коломны, между Фонтанкой и Мойкой, у Калинкина моста, обстроен в короткое время и с удивительным богатством“.¹²⁴

Однако, слова Греча были, видимо, преувеличены, так как Гоголь в это же время дал совершенно иное описание Коломны. „Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим и не похоже и на провинциальный городок... Тут совершенно другой свет, и, въехавши в уединенные коломенские улицы, вы, кажется, слышите, как оставляют вас молодые желания и порывы... Здесь все тишина и отставка... Сюда переезжают отставные чиновники, которых пенсия не превышает пятсот руб. в год; вдовы, жившие прежде мужними трудами, выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею и на 4 копейки сахару. Жизнь в Коломне всегда однообразна; редко гремит в мирных улицах карета, кроме разве той, в которой ездят актеры и которая звоном, громом и бряцаньем своим смущает всеобщую тишину. Здесь почти все—пешеходы. Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 14 до 20 и 30 р. в месяц, не считая множества углов, которые отдаются с отоплением и кофеем за четыре с полтиной в месяц. Вдовы-чиновницы, получающие пенсия, — самые солидные обитательницы этой части. За ними следуют актеры, которых жалование не позволяет выехать из Коломны.

После этих тузов, этого аристократства Коломны, следует необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя также трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как поименовать все то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе“.

Коломна еще долгие годы оставалась самой бедной и малонаселенной частью города. К. Н. Лебедев, автор известных записок, отметил в шестидесятих годах полное отсутствие здесь магазинов. А в девятисотых годах известный архитектор Н. Султанов говорил, что он знал в Петербурге одного старожилы, хорошо помнившего время, когда на площади, в конце Торговой ул., было такое глубокое болото, что петербургские чиновники ходили туда по праздникам стрелять куликов.

Острая нужда заставила поселиться в Коломне известного писателя Николая Полевого. Здесь была его последняя квартира. Он жил у Аларчина моста, близ Английского проспекта, в скромном трехэтажном доме, ныне № 75 по Екатеринбургскому проспекту. В девятисотых годах дом был надстроен двумя этажами.

Литературная карьера Полевого началась в Москве. Он приехал сюда из Курска, где вел торговые книги одного богатого купца. В Москве Полевой сблизился с рядом передовых людей и вскоре целиком отдался литературной работе. Ему удалось добиться разрешения на издание нового журнала; весть о выходе в свет „Московского Телеграфа“, издаваемого второй гильдии купцом Николаем Полевым взволновала весь литературный Олимп. Насмешкам над выскочкой-купцом не было конца.

Он первой гильдии подлец.

Второй он гильдии купец

И третьей гильдии писатель.

Между тем, по словам Белинского, „Московский Телеграф“ был несомненно лучшим журналом в России от начала журналистики.

Герцен заметил о Полевом, что „он родился быть журналистом, летописцем успехов и открытий политической и ученой борьбы“. — Однако Полевой отличался большой умеренностью во взглядах, полагая, что для реформ еще „не настало время“. Но для правящих кругов 30-х годов даже этот благонамеренный журналист показался „опасным либералом“. Помещенная им в „Телеграфе“ критика патриотической пьесы Кукольника „Рука всевышнего отечество, спасла“ послужила поводом для обвинения издателя журнала „в революционном направлении мыслей, которое справедливо можно назвать нравственной заразой“. „Телеграф“, „по высочайшему повелению“, был закрыт. Полевому было запрещено редактировать какие-либо издания и подписывать своим именем статьи в журналах. Совершенно разоренный журналист уехал в 1837 г. в Петербург. Здесь ему пришлось испытать до дна горькую чашу унижений. Надо было заботиться „о политическом и гражданском спасении своем“. Полевой начал писать патриотические пьесы. Наконец, острая нужда заставила его сблизиться со своими прежними литературными противниками. В письме к брату он писал: „Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... Надобно было решиться — я отправился к Гречу, Булгарину, Смирдину: сказал им все... говорил сильно и искренно. Нет! Все могут быть людьми: Булгарин расплакался, Греч обнял меня, Смирдин сказал, что меня с ним ничто не разлучит. Все мы подали друг другу руку и, благословясь, подписали наши условия“. — Новый, знаменательный союз был заключен.

По переезде в Петербург, Полевой первоначаль-

но поселился в небольшом доме Смирдина на Лиговской ул., на углу Гусева переулка. Он занял тут со своей многочисленной семьей тесное, сырое помещение в первом этаже. Убогая квартира литератора стала вскоре известна многим петербуржцам. В конце 1838 г. в дневнике Полевого встречаются записи о посещении его „юношей Белинским“, Некрасовым, кавалерист-девицей Дуровой, Каратыгиным, Глинкой. Здесь в доме Смирдина умер его сын. „Сорок третий год тернистого пути, — писал Полевой брату, — сорок третий год страданий“.

Тяжелые воспоминания, связанные с домом Смирдина, заставили Полевого переехать осенью 1839 г. на Большую Мастерскую в дом Зейделя, а затем на Екатерингофский проспект. Однако новые литературные связи создали резкое отчуждение между Полевым и его прежними друзьями. Далеко в прошлом было теперь время, когда Пушкин и его друзья горячо поддерживали начинания московского журналиста, сотрудничая в его издании. Различие убеждений разделило их навсегда.

Весть о внезапной смерти Пушкина глубоко потрясла Полевого. — „Я забыл мое горе, мои ничтожные, но тяжкие заботы жизни, горькими слезами почтил память Пушкина, — записал Полевой. — В порыве души я призывал тогда всех литераторов воздвигнуть достойный памятник на могиле Пушкина. Голос мой не нашел отзыва других... Не льстил я Пушкину при жизни его, а чувство уважения к нему, чувство сознания его высоких дарований хранил я и тогда постоянно в душе моей... я сохранил их до конца моей жизни — кто знает — может быть удаленного еще несколькими грустными годами, а может быть и близкого...“

Его предчувствия оправдались. Пережитые испытания и суровая нищета сократили его жизнь. Он умер внезапно.

Его отпевали в Никольском соборе. Полевой лежал в гробу, согласно его воле, в том виде, в каком настигла его смерть — в халате, небритый. Когда гроб выносили из церкви, Булгарин пожелал нести его с другими. — „Полноте, — заметил ему П. А. Каратыгин, — зачем вам? Вы уже при жизни довольно его поносили“.

Похороны отличались большой торжественностью. Многочисленная толпа пришла отдать последний долг талантливому русскому журналисту.

Его гроб несли на руках до самого Волкова кладбища. Впоследствии мостки, пролежавшие возле его могилы, получили название „Литераторских мостков“. Здесь, близ Полевого, нашли себе последний приют Белинский, Добролюбов и Писарев.

На том же Екатерингофском проспекте под № 51 стоит один из лучших домов старой Коломны. Фронтон, мощный модульонный пояс карниза, прекрасной лепки узкие панно и хорошие маски на замковых камнях, так же как и выдвинутая вперед центральная часть дома, подчеркивают некоторую торжественность форм здания, по архитектурному замыслу очень скромного. Неблагоприятное впечатление производит дурное состояние раскраски дома и утеря четкости рисунка скульптурных вставок благодаря заливке. Во двор выходят любопытные балконы.

Участок этот в начале XIX века принадлежал некоему статскому советнику Андрею Карцеву, от наследников которого перешел к коллежскому советнику Рогинскому, вероятно и построившему ныне существующий дом.

Здесь, по возвращении из похода в Исландию, поселился в 1823 г. будущий декабрист, мичман Гвардейского экипажа Александр Беяев. Он занял квартиру, состоявшую из двух „отделений“, в первом и втором этажах. В одном поместились братья

Беяевы и их сотоварищ, мичман Дивов, в другом их общий друг и сослуживец Бодиско. Братья Беяевы и их друзья — Мусин-Пушкин, Вишневецкий, Бодиско, Дивов и другие составляли кружок флотской свободомыслящей молодежи. Здесь, на Екатерингофском проспекте, частыми гостями были лейтенанты Арбузов и Завалишин, оказавшие большое влияние на образ мыслей Беяевых. Своими пламенными речами они утвердили Беяевых в мысли о необходимости „учреждения в России Республиканского Федеративного правления“. Согласно следственным документам, молодые заговорщики „стремились к сей цели с горячностью“¹²⁵. Здесь у Беяевых лейтенант Завалишин декламировал написанные им стихи:

Ах, скоро-ль кончится терпенье,
И долго-ль будем в рабстве жить,
Свободы нашей похищенье
Ах, долго-ль будем мы сносить?
Я песни страшные слагаю—
Моих песен не петь рабам.
Дворяне — вас так называю
И гибель возведаю вам!

Участники событий 14 декабря, Беяевы были заключены в Петропавловскую крепость. Старший из них оставил подробную историю своего заключения, описав свою камеру, величиною в четыре шага, „немного больше гроба“.

Участие Беяевых в декабрьских событиях могло пройти незамеченным; их погубило предательство их соседа по квартире, мичмана Дивова, „раскаившегося“ и выдавшего всех своих сотоварищей. Беяевы были присуждены к восьми годам каторжных работ и долголетней ссылке в Сибирь.

Когда до сосланных декабристов дошла весть о „всемилодивейшем“ освобождении их от ношения кандалов, Беяев отметил в своих записках: „Кто

поверит, но скажу истину, нам стало жаль этих оков, с которыми мы уже свыклись, в течение этих трех—четырёх лет и которые все же были для нас звучными свидетелями нашей любви к отечеству“¹²⁶.

В Сибири А. П. Беляеву пришлось пережить тяжёлую минуту расставания с горячо любимым братом. „Где, бывало, встретитесь с Александром, там наверно увидите и Петра,—писал о них декабрист Лорер. — Эти братья-друзья должны были расстаться: одного ссылали за тысячу верст, в одну сторону, другого за шестьсот в другую. Я провожал их до заставы, где братья, обнявшись, может быть последний раз в сем мире, повалялись отдельно в сани и были увезены неумолимыми казаками“.

Близ дома Рогинского, где жили Беляевы, дальше по Екатерингофскому, за Кашиным мостом, возвышается дом № 39, долгие годы принадлежавший финляндскому статс-секретариату (ныне финляндское консульство). Этот старый дом, украшенный фронтоном, сохранил, в главных чертах, свою отделку. Уцелели и старинные балконы.

Участок этот, против Никольского собора, принадлежал в XVIII веке одному из замечательных русских зодчих, В. И. Баженову. „Посмотрите на церкви, на дома, воздвигнутые Баженовым,—писал современник,—какая смелость, благородство, величие, прочность дела. Сличите лучшие труды других зодчих—какая бедность воображения, какое жалкое безвкусие“. Знаменитый Новиков назвал Баженова „фантастом, которому кажутся небывалицы“.

Этот участок на Екатерингофском проспекте стал собственностью Баженова, вероятно, по переезде его из Москвы, в начале девяностых годов XVIII века. Возможно, что он был пожалован ему вел. кн. Павлом Петровичем, весьма к нему благоволившим. По вступлении Павла на престол, Баженов тотчас же полу-

чил чин действительного статского советника, звание вице-президента Академии Художеств и тысячу душ крестьян. Баженов вскоре внезапно умер, будто бы отравленный. Посвященная Баженову работа В. Згуры, пытавшегося дать общий формальный анализ его творчества, к сожалению, осталась незаконченной, за внезапной смертью талантливого молодого искусствоведа¹²⁷. Между тем давно назрела необходимость полного пересмотра списка архитектурных произведений, приписываемых Баженову в Ленинграде. Так, например, во вновь выпущенном Управлением дворцами и парками Ленсовета издании „Центральный парк культуры и отдыха“ в Ленинграде, к постройкам Баженова отнесена церковь Иоанна Предтечи на улице Красных Зорь. Между тем в планировке здания и внутреннем пространственном разрешении совершенно отсутствуют обычные приемы Баженова. Проект церкви с полной достоверностью можно приписать архитектору Фельтену.

Первоначально на этом участке на Екатерингофском пр. расположен был морской полковой двор, против которого, по другую сторону улицы, архитектор Чевакинский построил Никольский собор¹²⁸. Однако составленный в 1798 г. при Сенате атлас Петербурга свидетельствует, что означенный участок принадлежал уже тогда действительному статскому советнику В. И. Баженову. Те же сведения мы находим и в „Истории Петербурга“ П. Н. Петрова¹²⁹.

В XVIII веке участок Баженова простирался от Крюкова канала до нынешней улицы Глинки. Наследники архитектора, разделив место, распродали его трем различным владельцам¹³⁰. Один из них, вскоре после 1805 г., построил на Екатерингофском пр. уцелевшее до нашего времени здание (ныне № 39), носящее несомненные следы некоторых позднейших переделок. Они относятся к сороковым годам, когда

стоявший здесь дом кн. Хованской был приобретен статс-секретариатом по делам вел. кн. Финляндского и приспособлен (1844 г.) для его нужд известным архитектором Боссе¹³¹.

Этот дом на Екатерингофском пр. занимал в свое время „Петербургский крез“, заводчик Всеволод Андреевич Всеволожский¹³². Человек необычайной предприимчивости, основатель волжского пароходного дела, Всеволожский принадлежал к тем кругам русской аристократии, которая тесно связала свои интересы с промышленным капиталом.

Большую часть времени Всеволожский проводил в окрестностях Петербурга, в своем имении Рябово, на которое он затратил несколько миллионов рублей.

Рябовские оранжереи славились по всей России и в день нового года, поздравляя императрицу, Всеволожский неизменно подносил ей на золотом блюде фрукты и ягоды собственного „выроста“. На его обедах часто бывало до 100 приглашенных, к услугам которых была огромная дворня из 400 слуг. Для крепостного театра Всеволожского писали сцены и комедии Хмельницкий, Федор Глинка, Шаховской и Крылов.

Здесь же на Екатерингофском пр. жил и сын Всеволожского Никита,

Счастливым сын пиров,
Балованный дитя свободы.

Это был известный театрал и затейник, объединявший вокруг себя кружок веселящейся молодежи. Федор Глинка так охарактеризовал Никиту Всеволожского:

Он весел, любит жизнь простую,
И страх, как всеми он любим!
И под кафтаном золотым
Он носит душу золотую...
Зимой живет он в Петрограде

Для службы, света и связей,
А летом он гостит в „Отраде“
И сам отрада для друзей.

В пушкинские дни этот дом на Екатерингофском пр. служил приютом „Зеленой Лампы“; тут у Всеволожского за круглым столом, при свете зеленой лампы, обсуждались новости литературы и политики. Гнедич декламировал здесь свои гекзаметры, мечтательный Дельвиг читал послания к друзьям. Тут, не стесняясь, говорили --

На счет глупца, вельможи злого,
На счет холопа записного,
На счет небесного царя,
А иногда на счет земного...

Покончив с литературными темами, члены „Зеленой Лампы“ переходили к „зеленому полю“. Нередко карточный азарт сменялся веселыми пирушками, украшением которых являлись

Красотки молодые,
Которых поздною порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой.

То были, большею частью, „театральные сифиды“, всегда желанные гости Всеволожского, страстного поклонника театра, переводчика ряда комедий и опер. При их участии здесь устраивались веселые представления, как например, „Изгнание Адама и Евы“ или „Гибель Содомы и Гоморры“.

На одном из слуг Всеволожского, калмыке, лежала обязанность строго следить за беседою гостей; услышав излишне нескромное слово, калмык тотчас подносил провинившемуся „штрафной“ бокал, со словами: „Здравия желаем“.

Ревностным посетителем кружка был Пушкин, назвавший Всеволожского „лучшим из минувших друзей моей минувшей молодости“. Известный актер П. А. Каратыгин рассказывал, что он однажды ви-

дел юного Пушкина, весело приветствовавшего из окна квартиры Всеволожского проходивших мимо друзей. Пушкин размахивал при этом своим париком, снятым с наголо обритой, после горячки, головы.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой,
Его мучительная лапа
Не тяготее надо мной...

Членами кружка „Зеленой Лампы“ были также—приятель Пушкина и Грибоедова гусар Каверин, будущий диктатор декабристов С. П. Трубецкой, философ и политик Яков Толстой и др. Есть предположение, что на собраниях кружка бывал и Грибоедов.

Многие посетители кружка состояли в то же время членами „Союза Благоденствия“. Связь „Союза“ с „Лампой“ была, конечно, совершенно негласной, но умонастроение его членов передавалось кружку Всеволожского. Пушкин, как известно, не был членом „Союза Благоденствия“ и не принадлежал ни к одному из тайных обществ, но через кружок „Зеленой Лампы“ он также испытал на себе влияние „Союза“. Оторванный ссылкой от своих петербургских друзей, он с грустью вспоминал

Пустынный дом,
Где мы так часто пиروвали...

Поэт переносился мыслью к беззаботному прошлому.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?..

Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Надейте мне вина кометы!
Желай мне здравия, Каалмык!

Дальше за Харламовым мостом, на углу канала стоит многоэтажный доходный дом № 25/104.— Это

известный в старину дом Вальха. В екатерининское время тирольцы Вальхи вели в городе торговлю птицами. У них можно было достать „преизрядных канареек, в числе коих и обученные, папогаев и какатунов с хохлами“. В начале XIX века один из Вальхов, водочный и уккусный заводчик, владел уже на канале, „на весьма выгодном месте“, большим двухэтажным домом.

Тут поселился приехавший впервые в Петербург Грибоедов. „Квартира у меня славная,—писал он в 1816 г. своему другу Бегичеву,—как приедешь, прямо у меня останись на Екатерининском канале, у Харламова моста, угольный дом Вальха... Приезжай, приезжай, приезжай скорее. В воскресенье я с Истоминой и с Шереметевым еду в Шустер-клуб; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился.—Сколько здесь портеру и как дешево“¹³³.

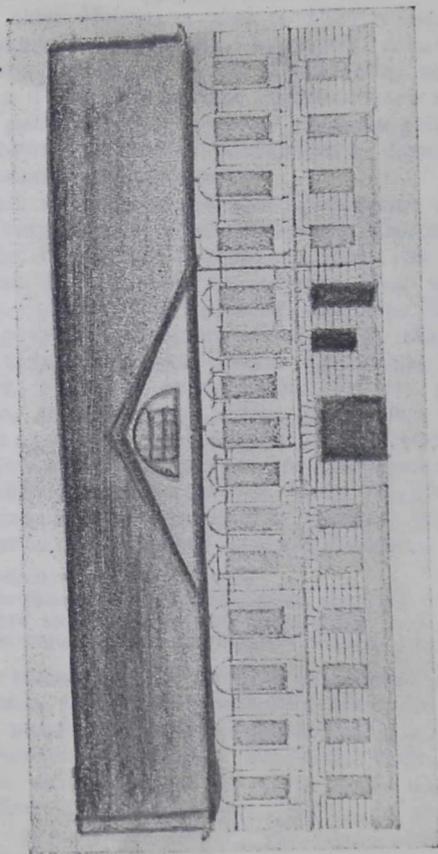
Воспетая Пушкиным знаменитая танцовщица Истомина была приятельницей Грибоедова, близкий друг которого кавалергард Василий Шереметев, заплатил жизнью за любовь легкомысленной красавицы. Участие Грибоедова в состоявшейся дуэли Шереметева с камер-юнкером Завадовским послужило одной из причин ссылки писателя. Трагический исход дуэли произвел на него неизгладимое впечатление. Грибоедов никогда не мог забыть „бедного Васто“.

Екатерининский канал, где жил писатель в этот период своей жизни в Петербурге, получил после революции наименование канала Грибоедова. Но дом, в настоящем его виде, не сохранил ничего от своего прежнего облика. В тридцатых годах он был надстроен двумя этажами. В начале XX века его вновь надстроили. И скромные, до сих пор отличающиеся своей отделкой, два этажа старого вальховского дома теперь несут на себе тяжесть шести надстроенных этажей¹³⁴.

С именем Грибоедова связан также старинный трехэтажный дом № 5 по улице Печатников, ранее Торговой улице. Буква „Б“ над воротами означает недавних владельцев дома, купцов Балуевых.

В городском архиве сохранился первоначальный вид этого дома (воспроизводится чертеж фасада дома 1848 г.). Он имел в свое время два этажа; третий этаж надстроен в 1894 г., когда дом был значительно видоизменен по проекту Андреева. В первые годы XIX столетия дом этот принадлежал корабельному мастеру И. Амосову, вероятно его и построившему. Следующим его владельцем была жена коллежского ассесора Погодина.

Н. Греч в своих записках оставил яркую характеристику ее мужа, В. В. Погодина. Он начал свою карьеру женитьбой на любовнице Шереметева и, сделав себе этим состояние, вышел в люди. „Что лучше,—думал Погодин,—как служить у Аракчеева?“—И он втерся к нему, соглашался на все его гнусные мероприятия и, как ему казалось, обратил на себя милостивое внимание графа. Но однажды, во время его доклада Аракчеев был вызван из кабинета. Воспользовавшись этим Погодин заглянул в лежавшие на столе формулярные списки.—Против своего имени он увидел знакомый почерк Аракчеева: „глуп, подл и ленив“.—Погодин рассказывал всем об этом, жалуясь на несправедливость и неблагодарность Аракчеева. При Николае I он пристроился к Паскевичу, заняв должность генерал-интенданта русской армии в Польше (при Погодине служил одно время в Варшаве Н. И. Павлищев, женатый на Ольге Сергеевне Пушкиной). Любимец Паскевича, Погодин был однажды обвинен в хищениях неким Петрашко. В залог справедливости своих обвинений Петрашко отдавал—„честь, жизнь и имущество“. Но варшавский проконсул оставил это сообщение без внимания. Погодин дослужился



Дом Погодина на Торговой ул., ныне № 5.

Здесь жили А. С. Грибоедов и А. И. Одоевский.

Архив Лен. Отд. Ком. Хозяйства.

Здание надстроено.

до сенаторства и даже получил в подарок от Николая I майорат в Царстве Польском.

В этом доме Погодина жил в 1824 г. молодой поэт Александр Одоевский, будущий декабрист. Здесь у него поселился А. С. Грибоедов, возвратившийся в Петербург после шестилетнего отсутствия¹³⁵. Грибоедов был к этому времени уже видный дипломат, любимец всемогущего Ермолова, автор прославленной комедии.

С первых же дней появления Грибоедова в Петербурге у него „голова пошла вихрем“. Шаховской, Греч, Жандр, Паскевич, требовали, чтобы он поселился у них. И всем им он должен был читать свою пьесу.—„Читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть: 8 чтений,—писал Грибоедов Бегичеву.—Нет, обчелся, двенадцать... Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет“. Весь город заговорил о пьесе и у Одоевского на Торговой собирались любители литературы переписывать под диктовку грибоедовскую комедию. Часто какой-либо гусар, расхаживая по комнате и звеня шпорами, диктовал тут прославленные слова Скалозуба:

Я вас обрадую: всеобщая молва,

Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий,

Там будут лишь учить по-нашему: раз, два!

А книги сохранять так: для больших оказий.

Военная молодежь, как записал декабрист Завалишин, уезжая в отпуск, развозила пьесу по всей России. А некоторые канцелярские писцы, отличавшиеся быстротой почерка, составили себе даже капиталы на ее переписке. Ни одна книга не превзошла грибоедовской пьесы по количеству переписанных от руки экземпляров.—К петербургскому литературному миру Грибоедов относился с большим презрением: „Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов,—писал он из Петербурга Бегичеву,

чеву.—Не могу пожаловаться, отовсюду колено-преклонение и фимиами, но вместе с тем сытость от их дурачеств, их сплетен, их мишурных талантов и мелких их душишек“. Много тяжелых дней пережил он, пытаясь добиться постановки своей комедии на сцене. „Жду, урезаю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополювели,—писал Грибоедов, переделывая для цензуры пьесу,—серьезь и восстанавливаю старое, так что, кажется, работе конца не будет...“—Но принесенные жертвы были напрасны. Пьесу в печать „не пускали“ и эта неудача тяжело отразилась на авторе.

Тесная дружба, связывавшая Грибоедова с Одоевским, его близкие отношения с Кюхельбекером, Рылеевым, Бестужевым-Марлинским, дают основание предположить, что Грибоедов был посвящен своими друзьями в планы Тайного Общества. Вот почему, быть может, в герое „Горя от ума“—Чацком есть некоторые черты будущих декабристов.

Здесь в доме Погодина, живя с Одоевским в нижнем этаже, Грибоедов пережил наводнение 1824 г. Он подробно описал эту катастрофу, когда в „мгновенье ока“, из-под пола выступили ручьи и все комнаты оказались затопленными. Пришлось спешно спасаться у соседей во втором этаже. А на Торговой, „где за час пролегла оживленная проезжая улица, катились ярые волны, с ревом и пеной“.

Через несколько лет, в 1828 г., когда Одоевский, осужденный за участие в событиях 14 декабря, был сослан в нерчинские рудники, Грибоедов вспомнил в письме к нему дни их совместной жизни в погодинском доме на Торговой ул.: „Ты, верно, теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельно и в Коломне, в доме Погодина. Помнишь, мой друг, во время наводне-

ния, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти“. Тщетны были все хлопоты Грибоедова, умолявшего Паскевича о смягчении участи своего друга. А вскоре и самого Грибоедова не стало.

Когда весть о его внезапной смерти дошла до Одоевского, узник-поэт оплакал своего друга трогательными стихами:

Он и погиб и погребен;
А я—в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не донесут,
И капли слез с горячей вжды
К нему на дерн не упадут.

После десяти лет ссылки в Сибири, Одоевский послан был рядовым на Кавказ,

в страну,
Где яхонт неба рдеет
И где из роз себе гнездо природа вьет.

Он отыскал в Тифлисе могилу „милого, славного Саши“. И много скорбных часов провел в монастыре св. Давида, у надгробной плиты Грибоедова, его старый друг—„могилы памятник живой“¹⁸⁶.

По другую сторону Торговой ул., ныне улицы Печатников, на углу Мастерской (теперь № 10/8), стоял некогда дом, принадлежавший генерал-майору Никите Васильевичу Арсеньеву, родному брату деда М. Ю. Лермонтова¹⁸⁷. Это был большой барский двухэтажный особняк. Оба фасада на Торговую и Мастерскую ул. были украшены в центре тяжелыми аттиками.

В двадцатых годах XIX века Арсеньев занимал должность директора Военно-Сиротского Дома у Обухова моста. Относясь с исключительной небрежностью к своим обязанностям, он появлялся в кор-

пуге лишь в дни больших экзекуций. Для этого в рекреационном зале собирали всех кадет, с трепетом ожидавших появления Арсеньева. Входя в зал, он, не здороваясь, тотчас набрасывался с бранью на провинившихся и, в ответ на мольбы о пощаде, бил их тяжелой табакеркой по лицу. Однако, вследствие обнаруженных в корпусе не порядков, Арсеньев был уволен, получив новую должность директора вновь открытой на Петергофской дороге больницы для умалишенных. Очевидно, его грубость и жестокость почитались достоинствами, вполне соответствующими его новым обязанностям.

Между тем, по свидетельству современников, в частной своей жизни Арсеньев был приветливым и радушным хозяином, у которого обычно собиралась на воскресные обеды многочисленная родня.

Обширный двухэтажный дом Арсеньева замыкал с трех сторон двор. При доме был сад, тянувшийся по Мастерской ул., ныне Лермонтовскому проспекту, с большой деревянной беседкой, существовавшей еще в шестидесятых годах. Садовый участок был впоследствии продан и на нем возвели новое большое здание. Не уцелел и старый дом Арсеньева. Архитектор Долгинов в 1912 г. перестроил и надстроил арсеньевский дом, превратив его в шестиэтажное здание, отделанное в стиле модерн¹⁸⁸. Но во дворе заметны еще и поныне следы старого двухэтажного здания. На лестнице по улице Печатников выступают заложенные аркады.

В этом доме Арсеньева его дальний родственник Н. М. Лонгинов встречал в 1832 г. Лермонтова. Юный поэт, приехавший в Петербург для поступления в университет, был поручен попечению своего деда. Но поэту, как известно, не удалось вступить в число студентов и вскоре Лонгинов увидел его здесь в форме юнкера школы гвардейских подпрапорщиков. Следующая их встреча произошла

уже в Царском Селе, где стоял гусарский полк, в котором, по окончании школы, служил Лермонтов.

В 1836 г. они снова встретились в доме Арсеньева, где поэт приезжавший из Царского Села, обычно занимал комнаты нижнего этажа. „После обеда,—рассказывает Лонгинов,—Лермонтов позвал меня к себе вниз, угостил запрещенным тогда плодом—трубкой, сел за фортепиано и пел презабавные русские и французские куплеты (он был живописец и немного музыкант). Как-то я подошел к окну и увидел на нем тетрадь in folio и очень толстую; на заглавном листе крупными буквами было написано: „Маскарад, драма“. Я взял ее и спросил у Лермонтова: его ли это сочинение. Он обернулся и сказал: „Оставь, оставь, это секрет“. Но потом подошел, взял рукопись и сказал, улыбаясь: „Впрочем, я тебе прочту что-нибудь; это сочинение одного молодого человека“,—и действительно прочел мне несколько стихов“.

Напрасно я иду повсюду развлекенья,
Пестреет и жужжит толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

Недалеко от улицы Печатников, на Театральной площади, на углу улицы Глинки, стоит бывший дом Анненковой¹⁸⁹. Он связан с именем жившей здесь в двадцатых годах XIX века известной танцовщицы Истоминой, пользовавшейся всеобщим поклонением. Пушкин также увлекался А. Истоминой в свои юные годы, когда „под сению кулис младые дни“ его— „неслись“.

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина...

Знаменитая танцовщица вела здесь открытый и шумный образ жизни. Часто всю ночь тут не смолкала музыка и только под утро толпа ревностных поклонников покидала ее дом. В начале тридцатых годов, по свидетельству А. И. Дельвига, Истомина жила уже на Фонтанке в доме Колотушкина, рядом с владением Полторацких. К тому времени уже тяжеловесная и немолодая танцовщица вышла замуж за юного актера Экунина. Получив от жены в подарок целое состояние в бриллиантах, Экунин украшал ими свои кольца, булавки для галстухов и даже пуговицы жилетов. Но супружеское счастье знаменитой танцовщицы длилось недолго — она вскоре умерла от холеры.

С отъездом Истоминой с Театральной площади, дом Анненковой не утратил своего интереса для петербуржцев. Здесь поселился один из видных персонажей николаевской эпохи — А. В. Дубельт. „Один из первых крикунов-либералов в южной армии“ Дубельт, по словам Греча, в двадцатых годах был членом двух масонских обществ. Поэтому, когда арестовывали участников „14 декабря“, то все, по свидетельству Греча, спрашивали: „Что же не берут Дубельта?“ — Однако, он не только уцелел, но в 1835 г. был уже начальником штаба корпуса жандармов. Человек умный и ловкий, он быстро завоевал себе положение в III Отделении. Бенкендорф называл его своей „правой рукой“, современники же считали его „головной“ графа. „Вашего сиятельства нижайший раб“ — подписывался в своих донесениях Бенкендорфу „почтительно“ преданный Дубельт. Еще с большим раболепием относился он к „престолу“. „Про Александра Павловича говорили, что он был на троне человек, — записал Дубельт, — про Николая надо сказать, что это на троне ангел, сущий ангел“.

„Дубельт — лицо оригинальное, — заметил Герцен. — Он наверно умнее всего третьего и всех трех

отделений Собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттененное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу, ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил, или лучше, — накрыл все, что там было“. — Очень характерной для Дубельта была его привычка выдавать вознаграждение агентам, придерживаясь цифр, кратных трем, „в память тридцати серебряников“, — пояснял он в кругу друзей.

С литераторами, артистами и художниками Дубельт старался быть приветливым, называя каждого „мой добрый друг“. Достоверный, допрошенный им по делу петрашевцев, отозвался о Дубельте как о „преприятном человеке“. Однако при допросе Костомарова этот „приятнейший из жандармов“ не постеснялся его „ругать площадными словами и даже угрожать“. Вместе с тем Дубельт не был чужд сентиментальных настроений. Он сам рассказывал о том как рыдал, глядя на „Распятие Христа“ Карла Брюллова.

В доме Анненковой на Театральной площади Дубельт жил с начала тридцатых годов. Сюда к нему возили на допрос арестованных. Иногда их здесь временно задерживали. Известный литератор Николай Полевой, осмелившийся поместить в „Московском Телеграфе“ критику „патриотической“ пьесы Кукольника, был доставлен сюда из Москвы. Дубельт оставался в доме Анненковой до приобретения им собственного дома на Захарьевской ул., где он поселился в начале сороковых годов. Впоследствии вместе с ним жил и его сын, женившийся на Наталье Александровне Пушкиной, дочери поэта¹⁴⁰. Такова была ирония судьбы, соединившей дочь Пушкина с сыном николаевского жандарма.

Имя Пушкина не пользовалось милостью Дубельта. Недаром он сказал Краевскому, собиравше-

муся издавать сочинения поэта: „Довольно этой дряни, сочинений вашего Пушкина, при его жизни печатано, чтобы продолжать еще и по смерти отыскивать его творения, да печатать их“¹⁴¹.

В квартире своего тестя дочь Пушкина могла любоваться бюстом старого жандарма со следующей трогательной надписью:

Быть может он не всем угоден,
Ведь это общий наш удел,
Но честен, добр он, благороден,—
Вот перечень его всех дел.

Булгарин.

От старинного дома статского советника Клеопина на Средней Подъяческой (ныне участок № 12) осталась лишь груда кирпичей. Небольшой дом этот недавно разобран. В начале двадцатых годов тут жил известный писатель и драматург А. А. Шаховской, один из видных театральных деятелей первой четверти XIX века. Его частым гостем бывал Пушкин. В письме к Катенину поэт вспоминал впоследствии „один из лучших вечеров моей жизни— на чердаке у Шаховского“. Обычно громче всех здесь ораторствовал Катенин, но и ему не удавалось перекричать хозяина дома. Шаховской, легко раздражаясь, быстро переходил в состояние неистовства, бил себя в грудь и ударяя по лысине ладонью, проклинал всех громовым голосом. Его гневные окрики раздавались и во время происходивших тут репетиций.— „Ты, миленькая, дурища,— кричал он какой-нибудь молоденькой актрисе,— уха у тебя нет, где у тебя размер стиха? В прачки тебе идти надо было“. Не щадил он и стариков. „Зарычал, завыл,— набрасывался он на Каратыгина.— На ярманках, в балагане тебе играть“. Доставалось, бывало, и Сосницкому: „Опять зазюзюкал, миленький,— язвительно замечал Шаховской.— Ведь ты с при-

дворной дамой говоришь, а не с горничной, что губы сердечком складываешь? Раскрывай рот!“

Такое обращение с актерами и учениками школы, пристрастие к любимчикам и склонность к интригам создали ему множество врагов. По словам Р. Зотова, Шаховской, возвращаясь однажды домой на Подъяческую, был окружен близ своего дома толпой театральной молодежи и сильно избит.

Здесь же на Средней Подъяческой жил в декабрьские дни 1825 г. один из главных участников восстания— штабс-капитан л.-гв. Московского полка Д. А. Щепин-Ростовский, пришедший первым со своим батальоном на Сенатскую площадь.

Тут в его квартире происходили собрания офицеров его полка, в которых принимали участие В. Ф. Волков, А. А. Корнилов, Михаил Бестужев, А. А. Брое, М. Ф. Кудашев и П. И. Цицианов. Человек увлекающийся, „вечно без толку кипящая натура“, как характеризует его Бестужев, Щепин-Ростовский участвовал также в известном собрании у Рылеева и так горячился, что „бил ногами и руками“.

Он пользовался большой любовью в полку, а потому, при первом же сигнале к возмущению, поданном молодым энтузиастом, его солдаты изъявили готовность следовать за ним на Сенатскую площадь. Когда же генерал Фредерикс попытался его остановить, Щепин-Ростовский, в пылу возбуждения, ударил его своей остро отточенной татарской саблей по голове. У выхода он столкнулся со своим командиром Шеншиным, который обратился к солдатам с речью, убеждая их вернуться назад— и тут же упал под ударом сабли Щепина-Ростовского. Наконец в воротах ему преградила путь полковник Хвоцинский, также не избежавший удара его сабли. Выйдя на улицу, солдаты, по при-

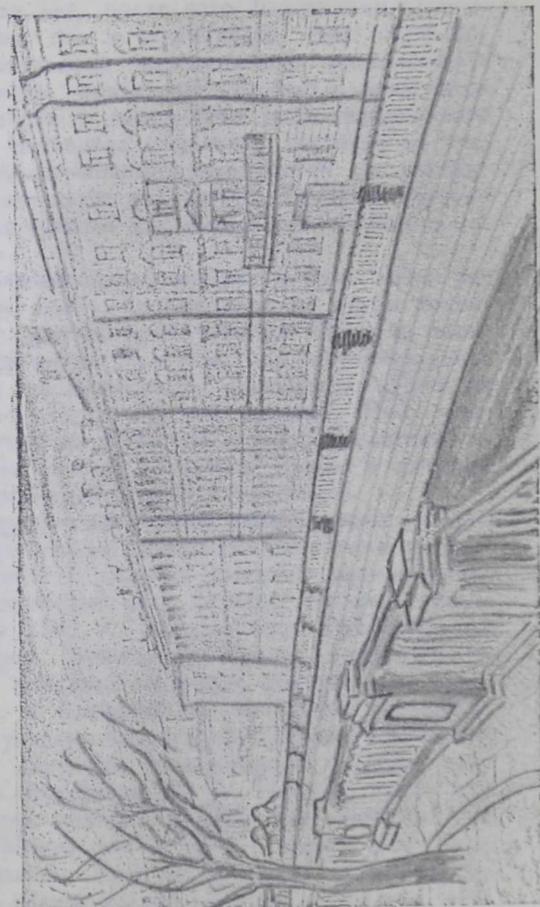
казанию своего командира, избили прикладами полицейского офицера, пытавшегося отогнать простой народ, бежавший на площадь за солдатами. Прибыв на место, Щепин построил свой батальон в карре и когда к нему подъехал с увещеваниями Милорадович, восставшие солдаты, по приказанию Щепина, обстреляли Милорадовича и кавалерию.

Щепин-Ростовский был арестован в доме Кусовниковой на Сенатской площади и отвезен во дворец. Герцог Вюртембергский, встретивший его там, с презрением отметил в своих мемуарах: „Его мрачная, но решительная физиономия обличала, казалось, скрытного злодея“. Осужденный на вечную каторгу, сокращенную до 20 лет, Щепин был сослан в Нерчинские рудники, где он провел тринадцать лет. И только манифест 1856 г. позволил ему вернуться на родину, где он и умер через три года, в большой бедности.

Дом, в котором жил Щепин-Ростовский в памятные декабрьские дни, уцелел до нашего времени. Это небольшой скучный дом на Средней Подъяческой ул. под № 7. Здесь несколько подновлены балкон и окна третьего этажа.

Одним из центров театральной жизни начала XIX века была известная театральная школа на Екатерининском канале, у Львиного мостика. Теперь это дом № 93 по каналу Грибоедова, близ Фонарного переулка.

В литературе встречаются совершенно ошибочные указания на то, что театральная школа находилась в нынешнем доме № 101 по Екатерининскому каналу (теперь каналу Грибоедова) ¹⁴². В действительности же, как совершенно точно указывает атлас Петербурга, составленный в 1828 г. Шубертом, театральная школа помещалась в нынешнем доме по каналу Грибоедова.



Театральная школа на Екатерининском кан., ныне № 93.

По правилам 1809 г. сюда принимали лишь детей „свободного состояния“. Школа состояла из четырех отделений. В первом оставались дети до тринадцати лет, после чего переходили во второе отделение, где и заканчивали свое обучение. В третье отделение переводились воспитанники и воспитанницы, оказавшие „особые и превосходные способности в каком-либо роде театрального искусства“. Четвертое отделение состояло из учеников, не обнаруживших способностей „к какому-либо драматическому искусству“. Таковых обучали живописи или нужным для театра рукоделиям и мастерствам.

Общеобразовательные предметы были здесь поставлены так слабо, что ученики не могли похвалиться даже простою грамотностью. Один из окончивших, по фамилии Полетаев, при получении денег из Кабинета его величества, расписался: „Пучи из бента танцер Полита“,—что должно было значить: „Получил из Кабинета танцор Полетаев“.—Оканчивавшие школу не имели права в течение десяти лет оставить службу в театре.

По сообщению известного театрального деятеля Р. М. Зотова, школа помещалась на канале со времени Екатерины II (другим фасадом здание выходило на Офицерскую ул.). Однако, согласно сенатскому плану 1798 г., участок этот еще значится принадлежащим „булошнику Ивану Гарверцу“; на этом плане показано каменное строение на Офицерскую ул. и большой сад на канал. В 1804 г. владельцем участка был портной Крепс, у которого театральная дирекция и приобрела, видимо, этот участок. По сообщению С. В. Танеева, место это было куплено казною в 1807 или 1808 гг. за 35.000 руб. Между тем в 1806 г. здесь уже была устроена церковь. Едва ли дирекция произвела бы этот расход, если-б здание не принадлежало к тому

времени казне. Поэтому следует, вернее, относить приобретение участка и постройку нового здания на канале к 1806 г.

В 1810—20-х гг., по свидетельству бывших учеников школы, театр, классные комнаты, столовые, квартиры служащих при школе, помещались в надворном флигеле. Второй этаж на Екатерининский канал был отведен воспитанникам. Над ними жили в третьем этаже воспитанницы. Помещение школы было, однако, крайне тесно и неудобно и только благодаря содействию председателя Театрального комитета Милорадовича была, наконец, ассигнована крупная сумма на переделку здания.

Летом 1822 г. под наблюдением архитектора Штауберта было значительно улучшено помещение школы¹⁴³. Тогда же в особом флигеле был устроен для учеников постоянный театр. Во избежание какого-либо общения между воспитанницами и их поклонниками, непрестанно разъезжавшими мимо школы по набережной канала, окна дортуара были специально сделаны очень высоко от пола, а подоконники так узки, что на них нельзя было стоять. При этом три нижних стекла в окнах были покрашены белой краской. Но все эти меры не достигали цели и случалось, что, подкупив прислугу, поклонники проникали в школу под видом полотеров или даже трубочистов. Однажды в Малом театре, во время переодевания воспитанниц в уборной, полураздетые девицы в неловком портновском подмастерьи, помогавшем им одеваться, узнали молодого сенатского чиновника Хлопова, оплатившегося за свой смелый поступок отправкой в полицию. Были случаи, когда офицеры проникали на сцену переодетыми в солдатские шинели, изображая музыкантов. Особенной изобретательностью в подобных проделках отличался молодой офицер Якубович, будущий декабрист. То он проникал в школу под

видом сбитенщика, угощая всех горячим шоколадом, то оказывался в театральной карете, предназначенной для возвращения воспитанниц из театра. Случалось, что экипажи многочисленных поклонников занимали всю набережную против школы, задерживая этим движение. Тогда для поддержания порядка сюда посылали жандармов, но и это не помогало.

Местом встреч влюбленных часто служила открытая для посторонних училищная церковь. В письме к Никите Всеволожскому Пушкин напомнил ему в 1824 г., как однажды, в дни пылкого увлечения своего друга воспитанницей Овощниковой, он в страстную пятницу провел его под руку в училищную церковь— «да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овощникову».

По словам Панаевой, Пушкин, подобно другим, очарованный какой-то „танцовкой“, целую весну прогуливался близ школы по каналу.

Зимой 1824 г. ученики школы решили поставить у себя, в строгой тайне, запрещенное „Горе от ума“. Пьеса репетировалась под руководством самого автора, явившегося на одну из репетиций вместе с Кюхельбекером и Бестужевым-Марлинским. Но кто-то услужливо донес обо всем Милорадовичу, накануне спектакля воспретившему постановку пьесы.

Грозою школы был известный балетмейстер Дидло. В ожидании его прихода, уже с шести утра, при свете сальной свечи, воспитанники подготавливались к уроку в холодной танцевальной зале. Наконец, в одиннадцать часов дверь с шумом растворялась и в шляпе на затылке, в шинели, спущенной с плеч, входил грозный балетмейстер. Каратыгин, вспоминая об этих уроках, говорил, что здесь он увидел, как Дидло был „легок на ногу и тяжел на руку“.— „В ком он находил больше способностей,

на того больше обращал и внимания и щедрее на-
делял колотушками. Синяки часто служили знаками
отличия будущих танцоров. Малейшая неловкость
и непонятливость сопровождалась тычком, пинком
или пощечиной“.

Яркую картину жизни школы оставил Лермон-
тов в своем „Монго“.

Встаешь, бывало, утром рано,—
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист на часах.
Флери хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час!
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры
Стоят все в ряд, порою в два.
Какие милые манеры!
И все отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь;
Зато, вернулись лишь домой,
Директор порет на убой:

Ни взгляд не думай кинуть лишний,
Ни слова ты сказать не смей;
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!

Почти рядом с театральной школой, всего лишь
через один участок отсюда (тогда дровяной склад),
помещался известный в театральной летописи дом
Голидея. Своими тремя фасадами он выходил на
канал, небольшой Марининский переулок и Офицер-
скую улицу.

Дом этот представлял собою в то время краси-
вое трехэтажное здание, с небольшими колоннами.
На Марининский переулок выходили службы с гро-
мадными аркадами¹⁴⁴. Участок этот в конце XVIII века
принадлежал поручику Порохову; в начале девят-
надцатого столетия владельцем его был Джульяно

Сеппи, содержатель „Северного трактира“, от кото-
рого дом перешел к купцу Голидею и, наконец,
к известному доктору Вольфу. Свой нынешний
ординарный облик здание приняло в 1888 г., после
перестройки его новым владельцем, купцом Эшем.

Дом Голидея был занят театральной дирекцией
вскоре по окончании войны 1812 г. В нижнем этаже
поместилась типография, печатавшая афиши и пьесы.
В верхнем этаже поселили хористов. Это были кре-
постные певчие, в количестве тридцати человек,
приобретенные дирекцией театров у Д. Нарышкина.
Остальные помещения были заняты театральными
чиновниками и актерами. Здесь жил знаменитый
трагик Яковлев. Близ него, в небольшой квартирке,
теснились Каратыгины. Соседями их была семья
театрального деятеля Зотова; его сын, впоследствии
известный литератор, вспоминал, как он играл тут
во дворе с сыновьями актера Брянского и как
часто ему доставалось от их младшей сестры, чер-
ноглазой Дуни. Эта Дуня, впоследствии жена
И. И. Панаева, долгие годы была подругой жизни
Некрасова. Ее интересные мемуары только недавно
нашли себе должную оценку.

Отец ее, известный трагический актер Брянский,
занимал в доме Голидея большую квартиру, в ко-
торой собирались его многочисленные друзья
и поклонники. Ни один актерский дом в Петербурге
не славился таким гостеприимством. Частым гостем
Брянского был петербургский генерал-губернатор
Милорадович, игравший с хозяином на бильярде.
Бравый генерал, ревностный поклонник женщин,
навещал проживавшую в этом же доме танцовщицу
Телешову, воспетую Грибоедовым.

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?

Здесь же, в доме Голидея, в корпусе, выходявшем на Офицерскую ул., помещался „Северный трактир“. У Джудьяно Сеппи, владевшего всем домом с конца XVIII века, „господа путешественники и приезжающие“ могли найти, „чистые и хорошо меблированные комнаты, хороший стол, наемные кареты и слугителей, кои говорят на разных языках, в Европе употребляемых“.

Долгие годы этот „Hôtel du Nord“ („Готель дю Норд“) служил местом встреч комиссариатских чиновников и близ живущих актеров. Случалось, что скромные музыканты пропивали тут казенные инструменты. Тогда в трактире тотчас появлялась треуголка местного квартального, учинявшего допрос. В морозные дни в „Северном трактире“ собирались „обожатели“, поджидавшие здесь выхода воспитанниц из театральной школы.

Театральная дирекция занимала в течение долгих лет эти два дома на Екатерининском канале. Когда же архитектор Росси построил, в середине тридцатых годов, по вновь проложенной Театральной ул., за Александринским театром, два корпуса, получившие название „Пале-рояль“, директор театров Гедеонов возбудил ходатайство о передаче левого корпуса в распоряжение театральной дирекции. Ходатайство это было удовлетворено и дирекция со всеми своими учреждениями оставила в 1836 г. Екатерининский канал.

Дом театральной школы был продан аптекарию Шенбергу, надстроившему четвертый этаж со стороны канала. Отделка центральной части дома, его старинный балкон и замковые камни над окнами первого этажа, остались без изменений. Добавлены были лишь типичные для своего времени надоконные украшения третьего этажа; кроме того существовавшие дотоле ворота заменили дверью. Во дворе сохранились остатки конюшен конца XVIII века.

Дом этот является любопытным памятником истории и быта театральной жизни первой половины XIX века.

Небольшой Толмазов переулок у Александринского театра славился в те времена своим питейным домом, двери которого украшал двуглавый орел.

Дальше по переулку стоял старый почти развалившийся домик. Ветхая лестница вела в подвал, намалеванные на вывеске ветчина, жареные цыплята и паштеты свидетельствовали, что тут помещается трактир. Вся обстановка его состояла из стола и нескольких стульев. Ножи и жестяные ложки были, из предосторожности, прикреплены к столу железными цепями. Вилки вовсе отсутствовали. Салфетки и скатерти почитались также излишней роскошью. Зато мясной обед стоил 25 коп., а ужин 16 коп. По объяснению хозяина, ужин отличался от обеда лишь тем, что „когда народ поест, так мы подливаем воду в щи, да привариваем“¹⁴⁵.

Сюда приезжали иногда обедать Дельвиг и его друзья, интересовавшиеся нравами посетителей трактира. Они являлись переодетыми, не желая вызывать любопытства окружающих. С ними бывал тут и Пушкин¹⁴⁶.

Завсегдатаями такого рода трактиров бывали извозчики, лакеи, торговцы. Мелкие же чиновники, после службы, посещали „кофейные дома“.

Один из известных в городе „кофейных домов“ — Соколова помещался долгое время на Екатерининском канале, в длинном двухэтажном здании, с небольшими окнами¹⁴⁷. Участок на углу канала и Вознесенского пр., где помещалась кофейная (ныне № 79/23), в начале XIX века принадлежал поручику Губкину, а затем перешел к его зятю, Александру Мюссару. Он происходил из семьи извест-

ных швейцарских выходцев Мюссаров и, „подобно своему дяде Жан Жаку Руссо“ (Мюссары хвалились родством с Руссо), занимался часовым мастерством. Фирма Мюссаров была широко известна в самых знатных домах столицы.

Магазин одного из них служил даже местом встреч дипломатов. Безбородко и Кобенцель, Сегюр и Гаррис часто посещали магазин Мюссара, подолгу ведя тут интимные беседы, полагаясь на скромность хозяина. Его дочь была замужем за литератором Н. И. Гречем.

В конце первой четверти века кофейный дом Соколова сменила гостиница „Неаполь“. Здесь стали сдаваться „для господ, приезжающих в сию столицу, в лучшем виде отделанные большие и малые квартиры под номерами. Тут можно получать и кушанья из самых свежих припасов, равно и напитки превосходных доброт за умеренную цену“.

В декабрьские дни 1825 г. здесь, в бедном номере, жил Каховский.

Вечером 14 декабря, после всех событий этого памятного дня, Каховский направился на Сенатскую площадь, но ему не удалось туда проникнуть, так как площадь оказалась оцепленной войсками¹⁴⁸. Тогда он повернул назад и, дойдя до Синего моста, зашел к Рылееву. Предвидя приближение неминуемой развязки, Каховский вручил находившемуся тут Штейнгелю свой кинжал со следами крови раненого им свитского офицера: „Вы спасетесь,—сказал он,— а мы погибнем. Возьмите этот кинжал на память обо мне и сохраните его“.

Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...

Переночевав у своего товарища Кожевникова, Каховский лишь на следующий день явился в гостиницу. Но полиция уже с вечера розыскивала его

по городу и казак, поджидавший Каховского в „Неаполе“, тотчас же повез его во дворец, где состоялся известный допрос его Николаем I. „Говоря с государем, я заметил слезы на глазах его,—писал Каховский,—и они сильнее меня тронули, чем все лестные обещания и угрозы. К несчастью народов, история не много представляет нам людей на престолох“¹⁴⁹.

Каховский не ошибся в царском великодушии. Николай „не пролил его крови, предав казни, с пролитием крови не сопряженной“.

Множество жильцов перебивало после Каховского в этой скромной гостинице на Вознесенском проспекте. Однажды сюда явился, в сопровождении слуги, молодой человек, занявший бедный номер в самом конце коридора. Он несколько раз уходил со своим слугой и снова возвращался, принося каждый раз тяжелые пачки книг. К вечеру новый жилец затопил в номере печь и стал бросать в огонь, одну за другой, принесенные им книги. — Это был молодой Гоголь, сжигавший скупленные им по всему городу экземпляры своего злополучного „Ганца Кюхельгартена“, над которым так жестоко посмеялись журналисты¹⁵⁰.

На Сенную пл. выходит скромный Таиров переулок, некогда носивший название Сенного. Тут, рядом с домом № 6, вошедшим в летопись жизни Ленина, стоит в глубине переулочка, под № 4 четырехэтажное мрачное здание. Когда-то это был маленький дом в два этажа, владельцем которого в александровскую эпоху был лицейский учитель Пушкина — Теппер. Он был сыном „богатейшего варшавского банкира, славившегося своими финансовыми операциями во всей Европе“. Этот Крез внезапно разорился и его сын, оставшийся без всяких средств к существованию, приехал в Петербург. Здесь, при помощи

своего старого знакомого Е. Энгельгардта, директора лицея, он получил место преподавателя музыки и пения в лицее. Это открыло ему доступ в царско-сельский дворец и чрез несколько лет Теппер был уже учителем музыки императрицы Елизаветы Алексеевны и вел. кн. Николая Павловича, будущего Николая I.

Человек образованный и „приятный“, Теппер был дружески принят в доме известного банкира Северина, на дочери которого он женился. Ее племянница, бар. Софья Вельо, пользовалась, как известно, благосклонностью Александра I, о чем упоминает Пушкин в одном из своих ранних стихотворений. На полученные за женой 100000 руб. Теппер купил дом на Сенном пер. и дачу в Царском Селе. Этот прекрасный ампирный домик близ Александровского дворца, против памятника Пушкина в лицейском саду, сохранился без всяких изменений до наших дней. Здесь незадолго до революции жила фрейлина Вырубова, у которой происходили встречи императрицы Александры Федоровны со „старцем“ Распутиным.—Став петербургским домовладельцем Теппер не бросил своих уроков в лицее, приезжая для этого в Царское Село. Летом же, живя на своей даче, он, по рассказам М. А. Корфа, „зазывал к себе кого-нибудь из нас, человек трех или четырех: пили чай, болтали, пели, музицировали.“ В день торжественного акта при выпуске первого курса была исполнена сочиненная Дельвигом лицейская прощальная песня; музыка к ней была написана Теппером, дирижировавшим хором.

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятиях сладкой тишины,
И уж отчества призванье
Гремит нам: Шествуйте сны!
Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Ученики Теппера с любовью вспоминали впоследствии своего старого учителя. „Это был вдохновенный старик“,—записал о нем один из них.

Дом Теппера в Петербурге после его смерти перешел во владение крупного петербургского домовладельца Таирова. В 1825 г. новый хозяин дома предоставил свой дом под больницу, после чего Сенной пер., уже в то время переименованный в Телячий, был назван, в честь жертвователя—Таировым переулком. Бывший дом Теппера стал известен всему городу в 1831 г., во время свирепствовавшей в Петербурге холерной эпидемии. Ворвавшаяся в больницу разъяренная толпа, заподозрившая врачей в отравлении больных, перебила их, выбросив трупы на улицу.

Бунт на Сенной пл. был быстро усмирён, но больницу власти поспешили закрыть.

Бывший дом Теппера долгое время пустовал, пока литератор А. Ф. Воейков не устроил тут типографию. Ее открытие было отпраздновано торжественным обедом, на котором присутствовало до 150 приглашенных. Как рассказывает И. И. Панаев, здесь, наряду с Крыловым, Жуковским, Вяземским, Одоевским, присутствовали все петербургские литераторы, до последнего фельетониста. С отъездом почетных гостей обед превратился в страшную попойку, на которой Полевой и Кукольник пустились в присядку.¹⁵¹

Дальше по каналу, в нынешнем доме № 44, на углу Спасского переулка, жил известный музыкант Рупини.¹⁵²

Крепостной человек большого любителя музыки Юшкова, Иван Рупини был отдан своим владельцем в обучение к известному московскому певцу, итальянцу Мускети. Последний сразу оценил прекрасное дарование своего ученика и вскоре певец „Рупини“

стал широко известен в Петербурге, как исполнитель русских песен, переложенных им на музыку. Он написал до пятидесяти песен, романсов и кантат, в том числе: „Вот мчится тройка удалая“, „Кого-то нет, кого-то жаль“, „Не белы снеги“, „Ах не одна-то во поле дороженька“.

Рупини занимался также преподаванием, приобретая славу прекрасного учителя пения. Его открытый, простодушный характер сблизил его с кружком литераторов и поэтов. Пушкин, Туманский, Дельвиг считались в числе его близких друзей. Увлеченный талантом Рупини, Дельвиг написал, под его влиянием, ряд своих лучших стихотворений, переложенных композитором на музыку. После смерти жены, глубоко потрясенный горем, Рупини стал небрежно относиться к своим урокам. Возникшие вскоре материальные затруднения принудили его переехать в Малую Коломну, в небольшую квартиру во дворе, где он и зажил в полном одиночестве. Когда его навестил однажды известный литератор и театральный деятель Федор Кони, композитор сыграл своему гостю „Последнюю песню Рупини“:

И некому уж мне пенять:
Мои все близкие далеко—
Они лежат в земле глубоко,
И мне их больше не видать.

„При последних словах песни,—записал Кони,—голос певца задрожал и слезы полились на клавиши“.

Пять месяцев пролежал больной певец в своей убогой квартирке, где и скончался, всеми забытый. „В хороший весенний день,—передает Кони,—из маленькой надворной квартиры одного из домов близ Николая Морского, потянулась к Смоленскому кладбищу скромная похоронная процессия. Никто не обратил на нее внимания, никто не остановил вопросом, кого хоронят.“—Тело певца опустили в могилу и его имя забыли. Но песни Рупини его пережили.

За проспектом 25 Октября, на канале Грибоедова, на углу ул. Ракова возвышается здание, построенное некогда архитектором Луиджи Руска для иезуитов (ныне № 8). По красоте своих пропорций это здание может поспорить с домом Бобринских на Галерной и церковью „Всех скорбящих“, прекрасными творениями того же талантливого зодчего. Путешественники с удивлением говорили об этом здании, „фасад которого, украшенный колоннами, возвещал скорее жилище принца, чем нескольких служителей Христа“. ¹⁵³ Странное впечатление производил этот дворец, выстроенный общиной монахов, давших обет нищеты. Между тем, „смирненные отцы“ владели в России, на правах помещиков, 14000 душ крестьян, получая ежегодно 700000 руб. доходов.

Дом этот на Екатерининском канале обязан своим существованием патеру Груберу. Пользуясь особой милостью Павла, он получил от него разрешение выстроить здесь здание иезуитского коллегиума. Этот угловой участок был в 1801 г. продан казною иезуитам за 20000 руб. ¹⁵⁴ Здание коллегиума было закончено уже в царствование Александра I и в начале 1803 г. здесь открылся благородный пансион для знатного русского юношества.

Не прошло и двух лет, как пансион оказался заполненным молодыми аристократами—Голицыны, Вяземские, Одоевские, Гагарины, Толстые, Строгановы, Шуваловы и множество других воспитывались тут иезуитскими патерами. *

Представители древних русских родов молились по латыни, читали евангелие по латыни и во время

* Родители А. С. Пушкина специально ездили в Петербург для переговоров об определении сюда их сына и только открытие лицей изменило их планы.—П. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина СПб. 1855 г., стр. 15.—А. С. Пушкин записал в своей автобиографии: „Меня везут в Петербург. Иезуиты. Тургенев. Лицей.“

католической мессы прислуживали в церкви патерам. Каждому воспитаннику предоставлена была отдельная комната, но входная дверь была снабжена небольшим отверстием для наблюдения брата-гувернера, и этот, постоянно светившийся, испытующий глаз приводил в трепет даже самых исполнительных и скромных воспитанников.

Но не долго благоденствовал иезуитский орден в великолепном доме, построенном Руска. Испуганный возникшим ночью пожаром в доме иезуитской коллегии, патер Грубер внезапно умер в припадке астмы. Несколько лет спустя, подозрительно относившееся к деятельности иезуитов правительство решило выслать их из Петербурга. 16 декабря 1815 г. в коридорах дома загремели солдатские шаги—все иезуиты были арестованы. А через неделю, во избежание отговорок святых отцов в неподготовленности к внезапному выезду, патеры, одетые в казенные шубы и теплые сапоги, были отвезены в Полоцк и Витебск. Ученики их были распущены по домам, училище закрыто. Коллегия иезуитов на канале перестала существовать.¹⁵⁵

Дальше по каналу, на углу Инженерной ул., возвышается новое здание филиала Русского Музея (дом № 2), так называемый „Дворец искусств“. Условия конкурса, объявленного в 1911 г. Академией Художеств, гласили, что „стиль здания“ должен быть „в соответствии с соседним дворцом“. Но построенное по проекту Л. Н. Бенуа и С. О. Овсянникова здание, крайне неудачно оформленное, никак не может почитаться достойным дополнением ансамбля Михайловской пл., созданного когда-то Карло Росси.

На участке, ныне занимаемом выставочным помещением, в екатерининское царствование стоял дом садовых служителей. При Александре I, в период гос-

подства религиозно-мистических настроений, стоявшее тут здание было передано Библейскому обществу, ставившему себе задачей распространение среди народа библии.¹⁵⁶ Однако, Николай I, опасаясь широко развившейся деятельности общества, основанного 289 отделений, закрыл его вскоре по своему вступлении на престол. Дом Библейского общества перешел в казну и здесь разместилась типография „Собственной его величества канцелярии“. Сюда в казенную квартиру въехал вскоре управляющий типографией М. Л. Яковлев, товарищ юности Пушкина¹⁵⁷. Это был известный „лицейский староста“, восторженный хранитель школьных преданий и устроитель лицейских собраний—„годовщин 19 октября“, связанных с днем основания лицея. „Паяс“, как называли Яковлева товарищи, пользовался всеобщей любовью. Здесь у него постоянно собирались друзья, играл М. И. Глинка, пела звучная скрипка самого хозяина.

Когда в 1836 г. исполнилось 25 лет со дня основания лицея, решено было, по примеру прежних лет, торжественно отпраздновать этот день в „лицейском подворье“ у Яковлева на Екатерининском канале.

19 октября 1836 г. у Яковлева днем стали собираться лицейские первокурсники. Сначала было шумно; шутили, выпили за процветание лицея. Но когда вспомнили отсутствующих товарищей, томившихся на поселении в Сибири, шутки смолкли. Все задумались.—Пушкин был мрачен, какие-то смутные предчувствия волновали его. К нему приступили с просьбой прочесть стихи. Он вынул из кармана сложенный лист, долго его не раскрывал, наконец, стал читать. И тут зазвучали прекрасные слова:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой...
Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебсился:
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его задранных чаш,
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздастся;
И чаще мы вздыхаем и молчим...

При первых же словах его грустной элегии, слезы полились из глаз поэта. Он опустил бумаги на стол и, отойдя в темный угол, бросился на диван. Элегия оборвалась, голос Пушкина смолк.— А через три месяца уста, которые могли бы сказать еще так много, умолкли навсегда. И лицейский товарищ Матюшкин писал Яковлеву: „Пушкин убит!— Яковлев, как ты это допустил—у какого подлеца поднялась на него рука. Яковлев, Яковлев, как ты мог это допустить? Наш круг редееет, пора и нам убираться...“



Дом Рогинского на Екатерингофском пр., ныне № 51.
Здесь жили декабристы А. П. и П. П. Беляевы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Михайловская площадь и Михайловская улица являются для Петербурга приобретением XIX века. В начале XVIII века на месте Михайловской улицы было болото и для проезда через него на Невском пришлось проложить гать. При рас планировке города, все пространство между Екатерининским каналом, Мойкой, Итальянской и впоследствии проложенной Садовой ул. отведено было под „Третий императорский сад“. Тут выстроили большую оранжерею, насадили фруктовые деревья. В 1747 г. „СПБ. Ведомости“ вызывали желающих поставить для сада 25.000 кленовых шпалерных деревьев. Несколько дубов и лип елизаветинской эпохи уцелели в Михайловском саду до настоящего времени.

В конце XVIII века площадь сада сократилась и границы его стали доходить не до Итальянской, а до нынешней Инженерной улицы. В двадцатые годы XIX столетия место, занимаемое ныне Михайловским дворцом и площадью перед ним, представляло собой пустырь, куда окрестные жители сваливали мусор.

Когда возник проект постройки дворца для вел. кн. Михаила Павловича, было избрано именно это место, как расположенное в центре города и позволявшее окружить дворец садом. Это был последний в городе дворец, построенный по старинному типу городских феодальных дворцов-усадеб.

Здание было закончено в 1823 г. Однако, внутренней отделки его затянулась и окончательно дворец был готов лишь к осени 1825 г.¹⁶⁸ Условия местности позволили его строителю, архитектору Росси, создать два фасада. Грандиозное здание это, с его лоджией-колоннадой, производит наибольшее впечатление со стороны сада.—Ничто в этом творении Росси не нарушало его строгой гармонии и даже мебель дворца была сделана по рисункам самого архитектора.¹⁶⁹

По словам Вигеля, Павел I, при рождении своего младшего сына, приказал ежегодно откладывать для него по несколько сот тысяч рублей, „дабы сей Вениамин, коему не суждено было царствовать, достигнув совершеннолетия, по крайней мере, мог жить по-царски“. Когда постройка была закончена, А. Я. Булгаков написал своему брату: „Все говорят, что Михайловский дворец превеликолепная игрушка, теперь, видно, экономнее строят. Замок Михайловский стоил 17 миллионов, а как сравнить его с новым Михайловским, стоящим только 7 миллионов“.

Дворцовый сад был разбит тогда же по плану известного архитектора Менеласа. Он был украшен

двумя павильонами, вазами, статуями и бюстами.¹⁶⁰ В 1913 г. возник, неосуществленный, к счастью, проект вырубki сада для сооружения здесь здания Государственной Думы.

План Росси не ограничивался постройкой Михайловского дворца. Им был представлен проект устройства перед дворцом новой площади и улицы.—Ученик Бренна, Росси принимал, как известно, участие в работах по постройке Михайловского замка для Павла I. Поэтому, при составлении проекта нового дворца, Росси воспользовался замыслом Бренна и распланировал все окружающее дворец пространство в строгом соответствии с новой постройкой, развертывая постепенно эффект ее от самого Невского проспекта. Так, в свое время, Бренна постепенно развертывал панораму Михайловского замка—сначала манеж и конюшни, потом оба павильона, площадь коннетабля и, наконец, замок.

В соответствии с этим, было решено прорезать новой улицей длинную линию домов Невского проспекта от Екатерининского канала до Садовой улицы. С этой целью были куплены два участка Эккерта и Сабира, стоявшие тут постройки были в 1834 г. снесены и на этом месте проложена Новомихайловская улица. Проекты всех строившихся на площади и новой улице зданий подлежали утверждению особой комиссии по постройке Михайловского дворца. Новые здания должны были составлять с ним единое целое.

Планы Новомихайловской улицы были закончены к августу 1823 г., но Росси, занятый другими проектами, не имел возможности взять на себя выполнение работ по застройке новой площади и улицы. Это задание было поручено его ученику Александру Брюлову, брату живописца. Он явился строителем зданий по Михайловской площади и улице, разработав их, хотя и в соответствии с планами Росси,

но скромнее по замыслу, и только фасады по Михайловской ул. были им намечены несколько богаче.

Пространство, оставшееся свободным по сторонам Михайловской площади, было тогда же роздано, в виде отдельных участков, частным лицам для застроек. Некоторые участки были оставлены за казною.

К числу таковых относится ближайшее к Михайловскому дворцу, с левой стороны площади, место, на котором, по проекту Росси и А. Брюллова, возведено было здание Михайловского театра. Скромное снаружи, оно было отделано внутри с большой роскошью. Плафон был расписан кистью художника Козрое Дузи (1803—59) из Венеции,¹⁶¹ а вся резьба принадлежала известному резчику Василию Захарову.¹⁶²

Театр торжественно открыли 8 ноября 1833 г. „Театр,—писала „Северная Пчела“,—внутренним расположением, удобством, просторностью и разнообразием с целью подобного здания займет первое место. Кажется, только в „раю“ видно не слишком много. Да и возможно ли и видеть и слышать за полтину? За эти деньги довольно одного последнего!“

Стоящий рядом с Михайловским театром скромный трехэтажный дом принадлежал в свое время генералу Голенищеву-Кутузову; здесь, в верхнем этаже, поселилась в 1833 г. Катерина Андреевна Карамзина. Два нижних этажа кутузовского дома занимал М. Ю. Виельгорский.¹⁶³ Вскоре он отсюда переехал в соседний дом, где в 1840 г., по случаю празднования свадьбы молодой С. М. Виельгорской с В. А. Сологубом, дан был концерт с участием знаменитой итальянской певицы Паста.—Дом, в котором поселились Виельгорские, принадлежал добродушному знакомому Пушкина И. А. Яковлеву (ныне

площадь Лассаля № 5, угол улицы Ракова). Правнук известного богача Саввы Яковлева (Собакина), он жил тут с большой роскошью; множество рассказов ходило по городу про этого несметно богатого человека.—Этот дом стал известен в девятидесятых годах всему артистическому и литературному Петербургу; здесь в подвале был открыт Прониным ночной кабачек „Бродячая собака“. Заброшенный пыльный подвал был расписан Судейкиным, Сапуновым, Борисом Григорьевым и др. Впоследствии кабачек перевели на Марсово поле¹⁶⁴.

По другую сторону площади, против Михайловского театра, большое, теперь пустопорожнее, место было когда-то занято известным домом петербургского городского головы, коммерции советника И. Жербина. Этот дом, один из первых на площади, другим своим фасадом выходил на Инженерную улицу (по сообщению И. Грабаря, он построен Абр. Мельниковым. Однако в городском архиве не имеется подписанных А. Мельниковым проектов этого дома). Первоначально он был трехэтажный, на подвалах, с замками над окнами. Высокий второй этаж имел красиво отделанные окна с сандриками и балюстрадами. Третий этаж был украшен фризом и увенчан небольшим аттиком с гербом.

Одним из первых обитателей этого дома была широко известный в Петербурге литератор и путешественник П. П. Свиньин. Как написал о нем А. Е. Измайлов:—

Павлушка, медный лоб, приличное прозвание,
Имел ко лжи большое дарование.
Мне кажется, еще он в колыбели лгал.

Измайлов не ошибался в расценке достоинств „Павлуши“, который не только лгал, но и грубо

льства, когда это было ему выгодно. Своему пребыванию в знаменитом имении Аракчеева „Грузино“ Свињин посвятил следующие восторженные стихи:

Я весь объехал свет,
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом,
Но только в Грузиином одном
Был счастлив сердцем и душою
И пожалел, что не поэт.

Страстный коллекционер и любитель редкостей, Свињин собрал в своей квартире „Музеум“, занимавший большую часть его квартиры, расположенной в третьем этаже жербинского дома. Каждый провинциал считал своим долгом здесь побывать. Посещали его и иностранцы, в том числе знаменитый Гумбольдт.¹⁶⁵ Составлению этого музея Свињин отдавал очень много времени и для него не было большего удовольствия, как похвастать перед знакомыми своими новыми приобретениями. Заметив из окна кого-либо из друзей, он поспешно сбегал по лестнице на площадь и с криком: „миный, мивый“, увлекал свою жертву любоваться его новыми приобретениями.

„Музеум“ занимал в квартире три больших комнаты. В первой, кроме картин, помещались минералогический кабинет и собрание медалей и миниатюр. Во второй зале были развешаны картины Кипренского, Венецианова, Левицкого, Лосенко, Щедрина, Егорова, Варнека и др. Тут же помещался отдел скульптуры с произведениями Козловского, Шубина и Рашетта и хранились предметы из малахита и яшмы, фарфор и старинное серебро. Здесь же была выставлена мозаичная работа Ломоносова. Над дверями висело древнее оружие. Рядом был выставлен сшитый из паутины чепчик, работы некоей Бородин-

ной. Ей же принадлежала целая картина из паутины — „знак неимоверного терпения благородной девицы Бородинной“.

Особое внимание посетителей обращал на себя портрет основателя „Музеума“ кисти Тропинина. По описанию современника, Свињин был одет „просто в сертук, коего покроей и воротник закрыт плащом, весьма натурально наброшенным на плеча и застегнутым серебряною бляхою; он сидит у подножия Ниагарского водопада, переносит на бумагу прелести американской природы, но мысли его, кажется, летают далеко от тех мест и взор говорит ясно, что душа его на отчизне; между тем, ветерок играет листками раскрытого его альбома“.

Недостаток средств заставил Свињина объявить в 1834 г. о продаже „Музеума“ с аукционного торга, который и состоялся вскоре на Морской ул., в помещении диорамы Палацци. В „Северной Пчеле“ помещено было любопытное описание этого аукциона. При продаже публика высказала сомнение в подлинности некоторых вещей. — „Где доказательства?“ — раздался голоса. — „Доказательства не продаются“, — отвечал находчивый аукционист. Сообщая об этом, хроникер газеты попутно рассказал, как в одном губернском городе некий любитель старинны забыл свою старинную трость в аукционном зале. На другой день он нашел ее уже на гвозде, посреди других редкостей, с надписью: „Посох царя Ивана Васильевича“. — На аукционе же Свињина, прибавляла газета, продавались ковш Годунова и кашник царя Алексея Михайловича.

В бель-этаже дома Жербина, под „Музеумом“, жил одно время известный Мехти-хан, владетель Дагестана. Пожалованный в генерал-лейтенанты русской армии, Мехти-хан, удивлявший петербургский свет исключительной роскошью своей жизни, однако, лишь в Петербурге впервые ознако-

мился с употреблением носового платка. Покидая русскую столицу он имел неосторожность пригрозить своему управляющему, уличенному в хищениях, что он, по приезде в Дагестан, отрубит ему голову. Последний, сговорившись с секретарем и камердинером, принял свои меры и лишь только девяностолетний старик в июньскую жару сел в карету, его там заперли и гнали лошадей до самого Новгорода. Когда карету открыли—хан лежал мертвый, сраженный апоплексическим ударом.

После смерти Жербина (1840 г.) дом перешел к жене генерал-лейтенанта Крыловой. К этому времени тут поселился известный литератор О. И. Сенковский.

В начале шестидесятых годов дом снова вернулся к Жербиным, но владельцем его был уже не купец, а гвардейский офицер Ф. И. Жербин, сын бывшего городского головы; он быстро сделал свою карьеру, дослужившись до чина генерал-лейтенанта. Покровитель искусств, ревностный поклонник театра, он устроил у себя постоянную сцену. Памятные доски свидетельствовали о том, что здесь, наряду с любителями, играли М. Г. Савина, В. П. Далматов, Н. Ф. Сазонов и др.

Такова история дома Жербина*. Остается добавить, что по переходе его к молодому Жербину, новый владелец возбудил в 1870 г. ходатайство о разрешении надстройки двух этажей. Однако намеченное при этом уничтожение фриза здания не получило утверждения и надстройка была разрешена при условии сохранения первоначальной отделки дома. В этом сказалось стремление предотвратить полное уничтожение проектированных

* В этом доме Жербина жил в двадцатых годах, как об этом сказано ниже, величайший польский поэт Адам Мицкевич.

когда-то Росси фасадов зданий по Михайловской площади.

Но в 1903 г., после смерти Ф. Жербина, последовало разрешение снести здание за его ветхостью. Место Жербина перешло к Международному обществу спальных вагонов, предполагавшему приступить весной 1906 г. к постройке нового многоэтажного здания. Проект, однако, не был осуществлен и тогда возник вопрос о сооружении здесь здания городской думы.¹⁶⁶ Начались переговоры, которые ни к чему не привели. Место осталось не застроенным и перешло, наконец, во владение Государственного банка. И. А. Фоминым и М. М. Перетятковичем были составлены чрезвычайно интересные проекты постройки здесь здания для Отделения вкладов хранения и Отдела зернохранилищ. Но они также не были приведены в исполнение, как не был осуществлен и разработанный Л. Н. Бенуа, уже после революции, конкурсный проект постройки здесь здания Государственного Банка¹⁶⁷. В настоящее время здесь намечена постройка гостиницы.

Рядом с бывшим участком Жербиных, на Инженерной ул., на углу улицы 3 июля, возвышается громадный дом ордонанс-гауза (комендантское управление), типичное здание николаевского времени, отличающееся интересной обработкой двора. Журнал „Зодчий“ (1885 г., стр. 1—2) относил в свое время это здание к постройкам А. И. Мельникова. Однако, в статье „Выставка в Академии Художеств“ („Отечественные Записки“. 1827 г., окт., стр. 133) отмечено: „Старший профессор архитектуры, и. д. ректора Михайлов кончил производящееся под его смотрением, по сочиненному им же плану, строение нового ордонанс-гауза“. Сооружение это начато было в 1824 г. и окончено в 1826 г.

Здесь содержался под арестом Лермонтов,
после дуэли с де-Барантом.*

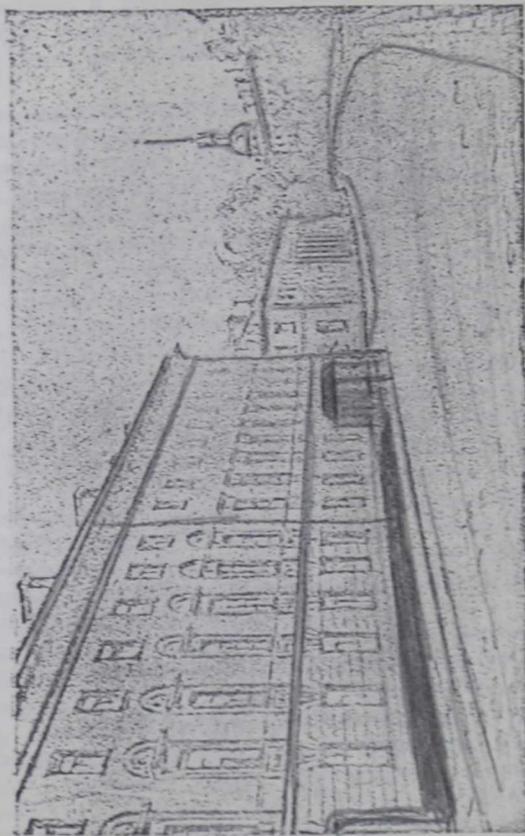
Не дожидаться мне, видно, свободы..
А тюремные дни будто годы,
И окно высоко над землей,
А у двери стоит часовой.
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки...
Мы проснулись сегодня с зарей,—
Я кивнул ей слегка головой...
У окна лишь поутру, я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко стук—
Занавеска подымется вдруг...

Эти строфы лермонтовского стихотворения „Соседка“, написанные в заключении,¹⁶³ относились к замеченной поэтом из окна молодой девушке, вероятно, дочери одного из комендантских чиновников.

Но бледна ее грудь молодая,
Но сидит она долго вздыхая,—
Видно, буйную душу тая,
Все тоскует по воле как я.

По словам А. П. Шан-Гирея, к поэту в ординанс-гауз никто не допускали. Однако, Белинскому удалось его навестить. „Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком,— говорил он И. Панаеву.— Вы знаете мою светскость и ловкость: я взшел к нему и сконфузился по обыкновению. Думаю себе: ну зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у меня никаких, я буду его женировать, он меня...“—Однако, их беседа длилась четыре часа.—

* Лермонтов содержался под арестом в третьем этаже и у дверей его стоял часовой.—„Я в ординанс-гаузе наверху в особенной квартире“,—писал Лермонтов С. А. Соболевскому— А. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. Лгр.1928 г., стр. 72.



Ординанс-гауз на Садовой ул., ныне № 3.
Здесь сидел под арестом М. Ю. Лермонтов.

„Боже мой! — восклицал Белинский, — сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем! Мне, наконец, удалось таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хоть на минуту быть самим собой“.

Здание ордонанс-гауза находится, как было указано выше, рядом с нынешним пустопорожним местом, принадлежавшим ранее Жербиным. По другую же сторону жербинского дома, участок на углу Михайловской площади и Итальянской улицы принадлежал, в свое время, генералу Ланкри, от которого перешел к Юрию Долгорукову. В документах архива на проекте фасада дома Долгорукова имеется надпись: „Высочайше подтвержденный фасад г-на архитектора Росси по Ново-Михайловской площади“¹⁶⁹. Случайно уцелевшие проекты некоторых мелких надворных построек, как колодез и сушилка, показывают с какой тщательностью и вкусом они были разработаны. Дом был закончен к весне 1832 г. и уже в марте в „СПБ. Ведомостях“ объявлялось, что „на Михайловской площади во вновь выстроенном доме, подле дома коммерции советника Жербина, будут отдаваться разные большие и малые квартиры, также помещения для торговых заведений, как-то: погребов, магазинов, аптек и пр.“

После Долгорукова домом этим владел известный табачный фабрикант Жуков. Сюда же переехали из кутузовского дома Карамзины. Тут у них бывал Пушкин, связанный давней дружбой с вдовой историка. Катерину Андреевну, одну из немногих, поэт посвятил в историю своей назревавшей личной драмы. — И на смертном одре Пушкин вспомнил о Карамзиной и пожелал с ней проститься. Из других жильцов этого дома следует упомянуть А. О. Смирнову, а также Алексея Толстого, известного

поэта, поселившегося тут в начале сороковых годов. К этому времени дом уже перешел (1844 г.) к Михаилу Юрьевичу Виельгорскому¹⁷⁰.

Виельгорский был одним из самых образованных и блестящих людей своего времени. Его жизнь тесно связана с Михайловской пл., где он прожил долгие десятилетия в домах Кутузова и Яковлева и, наконец, в приобретенном им доме Жукова.

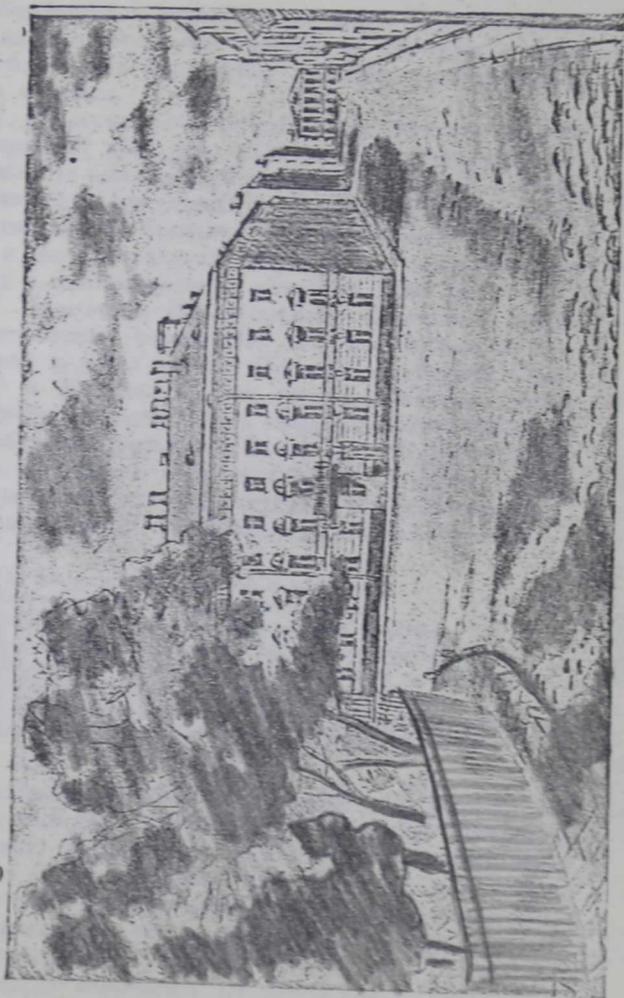
По словам П. Плетнева, Виельгорский был „старик многообъятнейшего образования и удивительной еще юности. Он во всей полноте обнял все науки, все искусства и даже ремесла. Он — блистательнейший придворный, первый в России знаток музыки и готов прогулять целую ночь с молодежью“. В нем „с зрелой осенью еще цвела весна“...

Всего прекрасного поклонник иль сподвижник,
Он в книге жизни все перебрал листы:
Был мистик, теозоф, пожалуй, чернокишник,
И вежный трубадур под властью красоты.

Тонкими чертами лица Виельгорский напоминал Россини. „Тучный, он держался, однако, прямо, выступал плавно, в разговоре сильно напирал на букву „р“ и отличался утонченной вежливостью“. Обстановка его жизни была очень скромна. К ужину подавался начатый ростбиф, простой медок и жареный картофель с луком. Кабинет Виельгорского, его большая библиотека (пожертвованная его дочерьми, после смерти отца, Румянцевскому музею), бильярдная и пр. помещались по Михайловской площади в верхнем этаже.

Всемирной ярмонкой и выставкой всесветной
Был кабинет его, открытый настеж всем;
Кто приносил туда залог мечты заветной,
Кто мысль, кто плод труда, кто приходил ни с чем,

Бель-этаж здания занимали приемные и гостиные хозяйки дома и большой зал, хорошо известный



Дом М. Ю. Виельгорского на Михайловской пл., ныне № 4.

в петербургском музыкальном мире. Тут постоянно давались музыкальные вечера, на которых, наряду с любителями, выступали лучшие артистические силы столицы.

У Виельгорского собирался в течение долгих десятилетий весь цвет русского образованного общества: тут были своими людьми Жуковский, Гоголь, Вяземский, Лермонтов, В. Ф. Одоевский, Глинка, Даргомыжский, Брюллов и целая плеяда их учеников и последователей. Это была „своеобразная живая и многосторонняя академия искусств“.

С Пушкиным Виельгорского соединяли самые дружественные отношения. Он был одним из слушателей первого чтения Пушкиным „Бориса Годунова“ в Москве. И, как гласит предание, сюжет „Медного Всадника“, был отчасти навеян одним из тех образных рассказов Виельгорского, которые так ценил Пушкин. — При последних минутах поэта, в числе немногих, присутствовал и Виельгорский.

Как сказал П. А. Вяземский о Виельгорском —

Он старостою был, душой и запевалом
Бесед аттических и дружеских трапез;
С Жуковским чокался он пенистым бокалом
И с Пушкиным в карман он за слово не лез.
Способный в спор вступать с равным о Талмуде,
С Россини, как знаток, Моцарта оценить,
С врачом про мозг спинной, про тиф и о простуде,
Как будто врач он сам, мог с толком говорить.

Виельгорский был блестящим пианистом; по словам одного современника, „главная прелесть и главное достоинство игры его состояли в том, что он редко исполнял уже знакомые ему вещи, а чаще всего импровизировал и импровизации его, гармоничные, увлекательные, вдохновенные, так далеко уносили его в мир фантазии, что он на время совершенно отрешался от всего его окружающего

и весь отдавался своему вдохновенному искусству". Помимо больших вечеров, раз в неделю у Виельгорского, для ограниченного кружка любителей, устраивался вечер классической музыки.

Когда Глинка закончил в 1836 г. своего „Ивана Сусанина“, он явился к Виельгорскому с просьбой помочь ему с постановкой оперы на сцене Большого театра. Тут, на Михайловской площади, состоялась первая репетиция оперы. Хоры исполнялись придворными певчими, партии пели артисты, оркестром, составленным из театральнх музыкантов, дирижировал сам Глинка. Музыканты, однако, недостаточно разучили партитуру и первое исполнение увертюры вышло неудачным. Глинка сердился, бегал, отбивал такт. По окончании оперы, зал огласился бурными рукоплесканиями. И вскоре, благодаря хлопотам Виельгорского, опера была поставлена в Большом театре, где имела громадный успех. В кругу приятелей Глинка называл Виельгорского своим „Иоанном Крестителем“.

Здесь на Михайловской площади у Виельгорского бывали все иностранные знаменитости того времени — Вьетан, Виардо, Гризи, Марио, Тамберлик, Серве, Лаблаш. В 1844 г., под управлением Роберта Шумана, тут была исполнена, с громадным успехом, одна из его симфоний. В 1847 г., когда Берлиоз впервые приехал в Россию, он прежде всего явился к Виельгорскому в его „маленький храм изящных искусств в России“, по его выражению¹⁷¹. Выразительное, со следами глубоких переживаний, лицо Берлиоза привлекло всеобщее внимание. В 1842 г. здесь запросто бывал Лист. Если в дни его визитов, случалось, играли в карты, великий музыкант облачался, по примеру хозяина, в халат и туфли и присоединялся к играющим.

„Какими торжествами окружил он (Виельгорский) пребывание здесь любимцев своих, — писал

Плетнев Жуковскому. — Сколько денег брошено в одну нынешнюю зиму на венцы им из натуральных и золотых цветов“.

Здесь в гостиной Виельгорского целые дни просиживал в мягком шелковом халате его младший брат Матвей, не расстававшийся со своей знаменитой виолончелью. Блестящий музыкант, он долгие годы увлекал виртуозной игрой своих друзей. Слепой поэт И. И. Козлов писал ему:

Когда же виолончель твой дивный,
То полный неги, то унывный,
Пробудит силою своей
Те звуки тайные страстей...

Он был помоавлен с Е. Г. Строгоновой, но брак этот по неизвестным причинам не состоялся. Оставшись навсегда одиноким, он все свое состояние оставил детям брата. Их было много и они жили здесь же, вместе с родителями, на Михайловской площади. Старший из них, Иосиф, был большим любителем и знатоком русской истории. Постоянно роясь в книгах, он „жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки“. Этот, по выражению А. О. Смирновой, „прекрасный цветок“ погиб в Италии на руках Гоголя. — „Я провожу теперь бессонные ночи у одра больного, умирающего моего друга Иосифа Виельгорского, — писал Гоголь Балабиной 20 мая 1839 г. — Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его“. Но уже 5 июня Гоголь написал Данилевскому: „Я похоронил на-днях моего друга, которого мне судьба дала в то время, в ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются“. — Брат Иосифа Виельгорского, Михаил, весьма одаренный и образованный человек, был хромым от рождения; он никогда не женился и умер от тифа во время крымской войны, заразившись при оказании помощи больным и раненым.

Тут же на Михайловской площади, в „Ноевом ковчеге“, как называли в городе дом Виельгорского, жили и его замужние дочери. Старшая, Аполлиария, вышла замуж за А. В. Веневитинова, брата поэта. Плетнев писал Гроту: „Она попрежнему умна и мила, а муж попрежнему и не умнен и не мил“. Относительно второй дочери Виельгорского—Софьи Михайловны, тот же Плетнев писал: „Она вся в белом, точно чистый ангел... Это роза, сорванная в тени, куда не доходили ни палящие лучи солнца, ни дерзкие взгляды“. Софья вышла замуж, по любви, за В. А. Сологуба, молодого писателя. Но его тяжелый и беспорядочный характер омрачил ее жизнь.

Третья дочь, Анна Михайловна, „Нози“ или Анолит, наряду с умом и прекрасным образованием, проявляла выдающиеся способности к музыке. Не желая вовсе выходить замуж, Анолит уступила просьбе отца на его смертном одре и согласилась на брак с совершенно ничтожным А. И. Шаховским. Она вскоре умерла от родов, оставив дочь. Анолит Виельгорская была, повидимому, единственной в жизни любовью Гоголя. Он просил ее руки. „У нее есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин, писал Гоголь Плетневу,—не ум, а разум; но ее не скоро узнаешь: она вся внутри“.

Дочь Анолит—Мария Шаховская, Аполлиария Веневитинова и Софья Сологуб, после смерти старика Виельгорского, продали этот дом в 1872 г. известному кондитеру Кочурову¹⁷².

При взгляде на панораму Невского проспекта тридцатых годов, вновь проложенная Михайловская улица представляется нам оформленной по обеим сторонам однотипными постройками. С левой стороны, на углу Михайловской улицы и площади, в начале тридцатых годов, стоял небольшой дере-

вянный дом Дюклу. Он был вскоре продан за 130.000 руб. асс. Половцовой, выстроившей тут каменный дом. Здесь в 1836 г. книгопродавцы Смирдин и Глазунов открыли типографию по печатанию афиш. Этот угловой дом был широко известен Петербургу, так как здесь издавна помещался популярный ресторан Кулона, впоследствии перешедший к Клее.

Интересна также судьба двух домов, ныне №№ 11 и 13, по улице Ракова. В середине XVIII века первый из этих участков, сквозной на Невский проспект, принадлежал Саблукову. Тут жил в 60-х годах XVIII века архитектор Растрелли, величайший предшественник барокко в России.

Дом № 13 по улице Ракова (ныне театр) был построен на месте стоявшего тут с первых лет царствования Александра I небольшого деревянного дома. Владелец его, Л. Я. Лазарев, крупнейший заводчик, отделал свой дом внутри с таким великолепием, что многие ездили специально его осматривать. В городском архиве не сохранилось сведений о строителе здания, но в заседании Общества „Старый Петербург—Новый Ленинград“ И. И. Эбертом было сообщено в январе 1927 г., что дом построен архитектором де-Симон. Этот дом служил часто местопребыванием иностранных послов. Здесь жил посол Американских Соединенных Штатов Генри Мидльтон, а также английский посол лорд Вудгауз. Недолгое время тут помещался Английский клуб. В начале восьмидесятих годов здесь поселился Алексей Бобринский, квартира которого служила местом встреч представителей петербургского литературного мира. Здесь запросто бывали Майков, Гончаров, Лесков, Миннаев, Алексей Толстой. От наследников Лазарева дом перешел во владение ред. кн. Николая Николаевича, который жил здесь

вплоть до пожара, значительно повредившего здание. Когда был закончен новый дворец на Петровской наб., вел. князь продал свой дом на Итальянской ул. под опереточный театр. Его перестроили в 1910 г.

Каков же ныне вид Михайловской площади? Что сохранилось здесь от проекта Росси? Царский Петербург не сумел сохранить общий вид площади даже в течение одного века. Ни министерство императорского двора, ни высокоцензовая городская дума, ни петербургское дворянство не позаботились оградить от варварских переделок строгий ансамбль площади. Не сохранился в неприкосновенности даже Михайловский дворец. В девятисотых годах, несмотря на решительные протесты художественных кругов, при возведении на месте одного из служебных флигелей дворца—Этнографического музея, здание последнего было повышено на целый аршин. В меньшей степени пострадал фасад Михайловского театра. Но внутри театр несколько раз перестраивался. Сравнительно мало изменились стоящие рядом с театром, на площади, бывшие дома Голенищева-Кутузова и Яковлева. На месте же скромного отеля Клее выстроено безвкусное здание „Европейской гостиницы“.

Что касается старого Дворянского собрания, нынешней Филармонии, то уже при постройке его, в отступление от плана Росси, над третьим этажом был прорезан ряд низких окон.* В последние же годы XIX века здание подверглось значительным изменениям. Дом Жербина на углу площади и Инженерной ул. не существует, но дом Виельгорского уцелел до наших дней.

* Основной проект здания, разработанный Росси, утвержден Николаем 13 декабря 1834 г. Дальнейшая разработка проектов, одобренных 18 марта 1839 г., принадлежит архитектору Павлу Жако. Помощником Жако, при производстве работ, состоял архитектор Буржуа. (Общ. Архив Лен. Отд. ком. хозяйства).



Дом Иохима на Б. Мещанской, ныне ул. Плеханова, № 39.
Здесь жили Н. В. Гоголь и А. Мицкевич.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В XVIII веке ряд улиц, пересекавших местность за нынешней площадью Плеханова, ранее Казанской пл., носил наименование Переведенских слободок. Три из них получили, во второй половине столетия, название Мещанских улиц—Большой, Средней и Малой. Впоследствии Большая Мещанская была переименована в Казанскую улицу, а Средняя Мещанская в Мещанскую. Малая же Мещанская стала Казначейской по помещавшемуся на углу Екатерининского канала Губернскому казначейству.

В течение первой четверти XIX века Мещанские улицы были заселены, главным образом, ремесленным людом, по преимуществу немцами. Тут же

селились так называемые в старину „бездельные женщины“, заполнявшие по вечерам тротуары скромных Мещанских улиц*.

Гоголь в своем „Невском проспекте“ назвал Большую Мещанскую — „улицей табачных и мелочных лавок, немцев, ремесленников и чухонских нимф“. Но он любил этот район бедного трудящегося люда, где с утра раздавалась деловая немецкая речь и до поздней ночи грохотал токарный станок. За восемь лет петербургской жизни Гоголь переменил ряд квартир, но все они были расположены тут — на Большой Мещанской, на Екатерининском канале (у Кокушкина моста), в Новом переулке, на Офицерской (вблизи Вознесенского) и, наконец, у Исаакиевской площади, в конце Малой Морской. Вот почему герои его петербургских повестей имеют то или иное отношение к этой местности. Жестяник Шиллер („Невский проспект“) живет на Офицерской улице, цирюльня Ивана Яковлевича в „Носе“ помещается на Вознесенском проспекте. Наконец в „Записках сумасшедшего“ много раз упоминаются Мещанская, Столярный, Кокушкин мост.

Гоголь приехал в Петербург в конце 1828 г. На последней почтовой станции он и его спутник Данилевский прочли объявление о сдающемся помещении в доме Трута у Кокушкина моста. Здесь они и поселились. Большой дом аптекаря Трута стоял на Екатерининском канале рядом с церковью Вознесения (участок этот впоследствии перешел во владение причта церкви). „За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, — писал Гоголь вскоре матери, — за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на

* После постройки Марининского двора для в. кн. Марии Николаевны, дочери Николая I, возникло особое дело о „выводе непотребных женщин с Вознесенского проспекта“.

хозяйской кухне“. Выбор квартиры в этом районе объяснялся, вероятно, близостью к школе гвардейских подпрапорщиков (помещавшейся у Синего моста), куда собирался поступить Данилевский.

Но Гоголь недолго оставался в доме Трута. В апреле 1829 г. он переехал на Большую Мещанскую, впоследствии Казанскую, в дом каретника Иохима.

Этому дому на Мещанской в 1909 г., в дни столетнего юбилея со дня рождения Гоголя, посвящена была в „Слове“ (1909 г., № 741) статья И. Щеглова: „Пушкин у Гоголя на Мещанской“ (по поводу одного позабытого дома). — „Сколько просвещенных петербуржцев (из них наверное сколько завязанных поклонников Гоголя), — писал автор, — шмыгают изо дня в день, из года в год, из Казанской улицы в Столярный переулок и равнодушно заворачивают направо за угол, на Мещанскую, мимо невзрачного четырехэтажного дома... И никому в голову не придет, что в этом самом угловом доме, набитом большей частью бедным ремесленным людом (№ 19), наверху, под самой крышей, семьдесят лет тому назад жил развеселый рассказчик Рудый Панько, от рассказов которого наборщики, набравшие книгу, прыскали со смеху“...

Предприняв в 1909 г. розыски этого дома на Мещанской ул., Щеглов действительно нашел там дом под № 19, некогда принадлежавший каретнику Иохиму. Он сделал отсюда вывод, что здесь жил Гоголь. Между тем, в то время в этой местности было три Мещанских и указанный Щегловым дом стоял на улице, называвшейся Средней Мещанской. Однако Гоголь в своем письме матери от 30 апреля 1829 г., определенно сообщает, что живет в доме каретника Иохима на Большой Мещанской, где стоял в то время другой дом того же каретника Иохима. Итак, надо считать вполне установленным,

что Гоголь жил на улице Плеханова, в то время Большой Мещанской ул., в стоящем тут и поныне бывшем доме Иохима, теперь № 39.

Владельцу этого дома Иоганну-Альберту Иохиму, известному каретному мастеру того времени, принадлежали дома на Мещанских, являвшихся центром каретного дела. Один из путеводителей по Петербургу той эпохи указывает, что немецкие колесники и каретники живут, по большей части, на Литейном пр. и в Мещанских улицах. „Они с большим вкусом и прочнее,—сообщал он,—отделывают свою работу, нежели Парижские, Лондонские и Брюссельские мастера“.¹⁷³ Работа Иохима особенно славилась в городе. Недаром Хлестаков в „Ревизоре“ говорит во втором действии: „Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты“.

В этом доме Иохима, своим мрачным видом породившим даже таинственные легенды о привидениях (в 1934 г. дом этот, давно нуждавшийся в ремонте, прекрасно отделан), Гоголь пережил много горьких часов. Пустая служба в одном из бесчисленных петербургских департаментов его угнетала и будущий автор „Мертвых душ“ уже готов был стать актером, но его не приняли на сцену.

В июле 1829 г. Гоголь выехал отсюда за границу¹⁷⁴. Но первые годы жизни писателя в Петербурге тесно связаны с этим домом на Большой Мещанской.

В том же году в доме Иохима поселился великий польский поэт Адам Мицкевич.

После убийства Коцебу в государствах „Священного Союза“ начались аресты и преследования; не избежала общей участи Литва. В числе арестованных студентов виленского университета оказался и Мицкевич. После шестимесячного тюремного заключения, он был освобожден весной 1824 г. и выслан на службу в Россию. В своих „Дзядях“

поэт с дантовской мощью изобразил картину жестокой расправы русских властей над польской молодежью.

Его первый приезд в Петербург совпал с наводнением 1824 г. Картина разрушения грандиозного города произвела на поэта глубокое впечатление. Мицкевич скоро сблизился с русскими передовыми литературными кругами, дружески сойдясь с Рылеевым и Бестужевым-Марлинским.

Сохранился любопытный рассказ об одном собрании, на котором польский поэт отказался поддерживать тост „смерть царю“ и был за это обвинен своими пылками друзьями чуть ли не в измене свободе. Мицкевич спокойно возразил, что такие тосты являютя бессильным бахвальством. Если же присутствующие действительно хотят посвятить себя делу освобождения родины, то он готов тотчас идти с ними во дворец. В ответ раздались голоса, что народ не подготовлен, что не настал еще подходящий момент и... все мирно разошлись.

Трагическая участь Рылеева и Бестужева глубоко потрясла поэта. Он посвятил впоследствии памяти своих русских друзей следующие негодующие строфы:

Где все вы теперь? Посылаю позор и проклятья
Народам, предавшим пророков своих избению...
Рылеев, которого братски я принял в объятия
Жестокою казнью казнен по цареву велению.
Бестужев, который, как друг, мне протягивал руку,
Тот воин, которому жребий поэта дарован,
В сибирский рудник, обреченный на долую муку,
С поляками вместе, он послан и к тачке прикован.

Мицкевич недолго прожил в столице; он уехал на службу в Одессу, откуда чрез некоторое время снова вернулся в Петербург, поселившись на Михайловской площади в доме Жербина¹⁷⁵. Поэт оставил очень яркое описание Петербурга. Он глубоко нена-

видел царскую резиденцию, олицетворявшую для него всю российскую крепостническую „империю“.

Восстание 1831 г. и последовавший разгром Польши вызвали к жизни одно из лучших его произведений — „Петербург“. Мицкевич охарактеризовал в нем основателя Петербурга в следующих гневных словах:

Во глубь песков зыбучих, в топи блат,
Вогнать сто тысяч кольев приказал он;
Потом сто тысяч тел людских втоптал он;
Потом на кольях и телах солдат,
Грунт заложив, иное поколенья
Запряг в телеги, в тачки, в корабли,
Чтобы с пучин морских, со всей земли,
Свозить и тес и бревна и камня...

Безжизненными и холодными кажутся ему широкие проспекты столицы.

Все улицы к реке сбегают, длинные,
Широки, как ущелия в горах;
Дома из камня или в кирпичках,
И мрамор вперемежку с липкой глиной.
Все скучной поражает прямою;
В самих домах военный виден строй,
А на домах — таблицы и записки;
Смесь языков — столицы той усл...

Далее следует описание жизни улицы.

Модники идут, молокососы
Гвардейские, затянуты, как осы,
Тонки, как пики; шею гнут слегка
Чиновники и смотрят осторожно,
Кому поклон отдать, кого толкнуть,
Кого избегнуть надо как-нибудь.

К последнему периоду жизни поэта в Петербурге относится его сближение с возвратившимся из ссылки Пушкиным.

Они недавно подружились,
Но быстро души их сроднились,
Как две альпийские скалы,
Что дружно вознесли вершины,
Не внемля, как среди душной мглы,
Грозя, шумят на дне долины
Реки враждебные валы.

Мицкевич неустанно хлопотал о разрешении выезда из России и, наконец, в марте 1829 г., благодаря стараниям друзей, ему удалось получить заграничный паспорт.

Поэт стал спешно готовиться к отъезду. Он жил в это время с Малевским и своим слугой Никифором на Большой Мещанской, в доме Иохима А. Погодин, в своей работе, посвященной Мицкевичу, сообщает, что он жил на Большой Мещанской в доме № 21. Однако дома под таким номером здесь в то время не существовало¹⁷⁶.

Недолго прожил поэт на Мещанской. — Вскоре в СПб. Ведомостях“ объявлялось о предстоящем отъезде за границу „Адама Мицкевича, 12 класса, спросить в Б. Мещанской в доме Иохима под № 78“¹⁷⁷. А через несколько дней на набережной Невы друзья прощались с поэтом. „Он стоял на палубе парохода и махал провожающим платком, — писал современник. — Заходящее солнце озаряло его стройную фигуру, закутанную в плащ, казавшийся медно-красным“.

В Кронштадте, опасаясь, что его снимут с корабля, Мицкевич прятался на палубе. И только в открытом море, почувствовав себя, наконец, свободным, он с злобной радостью выбросил за борт оставшиеся у него деньги с изображением ненавистного русского орла.

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный

Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И с высока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на Запад — и благословенем
Его мы проводили...

Мицкевич никогда не мог забыть пяти долгих лет, проведенных в ссылке. И, вспоминая русскую столицу много лет спустя, он написал:

Кто видел Петербург, тот скажет, право,
Что выдумали дьяволы его!

На улице Герцена стоит под № 20 небольшое трехэтажное строение, где помещается абонентный отдел городской телефонной сети. Скромно отделанный дом этот, в противоположность гладким стенам третьего этажа, имеет пышное, декоративное обрамление окон внизу.

Здание это обычно относят к екатерининскому времени. Однако, фамильные бумаги И. Листовского, женатого на внучке Завадовского, устанавливают, что дом этот существовал уже в 1748 г. и был приобретен от купца Миллера статс-дамой М. С. Чоголоковой, двоюродной сестрой императрицы Елизаветы Петровны. Следующими владельцами дома были, последовательно, П. И. Панин и П. В. Завадовский. Последний писал в 1786 г. П. А. Румянцеву: „Дом Панина я купил, скупив у Антонова, наскучив состоянием постояльца и видя, что дела и служба приводятся к тому, чтобы мыслить об основании сколько-нибудь покойного здесь своего пребывания“. Фаворит Екатерины II Завадовский, впоследствии министр народного просвещения при Александре I, прожил в своем доме

почти тридцать лет, время от времени выезжая в свое знаменитое имение „Ляличи“, славившееся дворцом, выстроенным Кваренги.

По смерти Завадовского его дом на Морской перешел, в начале двадцатых годов, во владение купца Козулина. К этому времени часть помещенной была предоставлена конторе дилижансов, а манеж во дворе сдан под устройство зрелищ. Вскоре тут открылся цирк Лемана, „признаваемый в Европе за самый большой“. И „прелестные девицы и ловкие юноши, одетые амурами, зефирами и в различных характерных нарядах, делаа на лошадях трудные балетные па, удивляли скачками и опытами, основанными на равновесии“. В октябре 1824 г. в доме Козулина обосновался „Олимпийский цирк“ Турньера, вскоре закрывшийся по случаю траура по Александре I. Выставленная здесь модель Петербурга работы Антонио Росси собирала толпу любопытных.

Этот дом екатерининского вельможи дал некогда приют одному из замечательных наших художников — Тропинину, написавшему один из лучших портретов Пушкина.

В. А. Тропинин был крепостным гр. И. Моркова. Отец его, заметив склонность сына к рисованию, просил графа отдать мальчика в ученье к художнику. — „Толку не будет,“ — решил Морков и мальчик был послан в Петербург в дом гр. Завадовского, в обучение к кондитеру. На его счастье в доме графа проживал в то время живописец, с сыном которого и подружился Тропинин. Мальчик стал постоянно бегать из кухни в мастерскую художника, терпя за это побои от кондитера. Юный Тропинин начал понемногу сам рисовать и, когда слух об его выдающихся способностях дошел до Моркова, он определил его в Академию Художеств¹⁷⁸. Но яркий талант молодого художника

встревожил его покровителя. Боясь лишиться своего крепостного, Морков потребовал возвращения Тропинина в деревню, в Подольскую губернию, не дав ему закончить курс учения.

Здесь сотоварищ Кипренского и Варнека вынужден был красить колодцы, стены и каретные колеса. Отличаясь сильным характером, Тропинин терпеливо переносил все унижения, работая часто до полного изнеможения. Иногда барин требовал от него „портретов“ и тогда художник писал семейные группы Морковых. Какой-то француз, приглашенный однажды графом осмотреть работу его крепостного художника, был поражен талантом Тропинина; каково же было изумление иностранного гостя, когда у обеденного стола, в числе парадно-разодетой прислуги, он увидел художника. Экспансивный француз схватил свободный стул и стал усаживать Тропинина, сконфузив этим барина и его крепостного. Однако с этого дня художник был освобожден от стояния за графским стулом.

Только восемь лет спустя Морков отпустил Тропинина на волю и то лишь благодаря хлопотам ценителей его таланта. Семья же художника продолжала оставаться в крепостной зависимости; сын Тропинина получил „вольную“ лишь после смерти графа.

Дальше по ул. Герцена в угловом доме № 26 жил А. С. Пушкин.

Участок этот в последние годы XVIII века принадлежал „капитанше Авроре Шмитовой“. В начале XIX столетия он перешел во владение богатого купца Гаврилы Таирова, имя которого носит до сего времени небольшой переулок близ Сенной площади. В дом Таирова на Морской ул. в начале двадцатых годов XIX века переведена была ресторация Потапа Афанасьева, где для любителей имелись „самые лучшие кислые шти“. И, наконец, в 1830 г. здесь

процветала виноторговля Юнкера, предлагавшего покупателям „лучшие вина, равно как и крепкие напитки, кои, не взирая на свою неподдельность и доброту, продаются по самым сходным ценам“.

Но к этому времени Таиры уже разорились и их дом на Морской перешел к крупнейшим петербургским купцам и домовладельцам Жадимеровским. Имя их носил в Петербурге еще до 1917 г. целый остров — Жадимировка, близ нынешнего острова Декабристов (Голодай).

Основатели этой купеческой „династии“ Жадимеровских были уроженцами деревни Жадимирово, в Борисоглебских слободах Ростовского уезда. Они появились в Петербурге в середине XVIII века и один из них — Яков Жадимеровский положил основание процветанию этой фамилии. Это был крупный торговец, владевший рядом домов в Петербурге. Ему принадлежал в конце XVIII столетия большой дом на Мойке, у Конюшенного моста (ныне № 8), где в то время жил он сам. Здесь же занимал небольшую комнату будущий переводчик „Омира“ Иван Иванович Мартынов, а полвека спустя тут поселился М. Е. Салтыков-Щедрин. Этот дом „именитого гражданина“ Якова Жадимеровского на Мойке перешел по наследству к его сыну Ивану. В 1831 г., во время известной холерной эпидемии, Жадимеровский, „движимый усердием к облегчению участи страждущего человечества“, решил, как сообщали газеты, „употребить под временную больницу наследственный дом свой, не желая иметь платы“.

Жадимеровские стали играть видную роль в петербургском обществе и вскоре скандальная хроника города уже передавала об увлечении Николая I невесткой Жадимеровского. Однако, прекрасная Лавиния предпочла Николаю гвардейского офицера С. В. Трубецкого, с которым она пыталась бежать

заграницу. Соперник царя заплатил за это заключением в Алексеевском равелине и ссылкой¹⁷⁹.

Брату владельца дома на Мойке, Алексею Жадимеровскому, принадлежал в то время другою большою дом, стоявший тут же на набережной Мойки. Он был продан им в начале XIX века А. Н. Волконской. Это дом № 12 по Мойке, где скончался Пушкин. Сын Алексея Жадимеровского, Петр, приобрел таировский дом на углу Морской и Гороховой, где поселился в начале тридцатых годов Пушкин.

К сожалению архив не сохранил документов этого участка, относящихся к пушкинскому времени. Дошедший до нас чертеж дома, воспроизведенный в книге, относится к 1867 г. В свое время тут стояла типичная петербургская постройка в три этажа (первый этаж полуподвальный), с хорошим фризом и скульптурной лепкой замковых камней над окнами. Судя по некоторым деталям, в особенности фризу, постройку надо относить к первому десятилетию XIX века и, весьма вероятно, что она была возведена Таировым. В городской табели 1846 г. дом показан в том же виде, простояв без изменений до 1868 г.

Но к этому времени участок на Морской уже не принадлежал больше Жадимеровским. Подобно большинству „именитых“ петербургских купцов они разорились. Это произошло после войны 1856 г., в период известного грюндерства, обогатившего одних и разорившего других. Дом Жадимеровских был продан тогда некоему действительному статскому советнику Воронину, который надстроил его, по проекту архитектора Гедике, совершенно изменив фасад здания. В настоящее время дом этот представляет собой четырехэтажное доходное строение, совершенно утратившее свой облик пушкинского времени.

Пушкин поселился здесь в конце 1832 г. 1 декабря Фридрихсгамский первостатейный купец Петр Жадимеровский заключил с титулярным советником Пушкиным условие о сдаче последнему на Гороховой ул., в третьем этаже, квартиры из двенадцати комнат и кухни, сроком на один год, за плату 3300 руб. асс. Наниматель при этом обязывался: „от пожарного случая (от чего боже сохрани) иметь мне, Пушкину, осторожность и смотрение и, если случится от моей или живущих у меня людей неосторожности пожар,—и от того причинится повреждение дому и стенам, то обязываюсь за все сгоревшее и поврежденное ответствовать беспрекословно,—а ежели же оный случится от соседей или молнии, тогда я не отвечаю“.

Поэт прожил в доме Жадимеровского недолго (Пушкин и его современники писали обычно Жадимеровский, сами же купцы в документах именовали себя Жадимеровскими). В мае 1833 г. Пушкин переехал на дачу Миллера на Черной речке, освободив в июле месяце, с согласия домовладельца, свою квартиру на Гороховой ул. Осенью же, прямо с дачи, поэт надолго уехал из Петербурга.

В отсутствие мужа, Наталия Николаевна переехала в сентябре на новую квартиру в доме Оливии на Пантелеймоновской ул. Оставленная же Пушкиными квартира простояла некоторое время пустой, так как домовладелец повысил ее цену. В конце сентября Жадимеровский публиковал в газетах, что в его доме сдается „бель-этаж (дом стоял на подвалах и потому, вероятно, в договоре квартира Пушкина показывалась в третьем этаже), состоящий из 12 комнат и кухни, чисто отделанный и из бных три покоя оклеены французскими обоями“¹⁸⁰.

Однако, бывшая квартира Пушкина простояла незанятой до конца ноября 1833 г., вследствие чего именитый купец предъявил к Пушкину через на-

дворный суд исковое требование об уплате 1063 руб. 33¹/₂ к., причитающихся, якобы, Жадимеровскому по день истечения договора. Дело это тянулось в судебных инстанциях ряд лет и закончилось уже после смерти поэта.

„... Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты, одна за другою, катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались, то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чудок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился. — „Чей это дом?“ — спросил он у углового будочника. — „Графини * *“, — отвечал будочник“. Так в повести „Пиковая дама“ Германн узнал дом старой графини.

Кто же была „Пиковая дама“ и где стоял ее дом? — На первый вопрос ответил сам Пушкин, записав в своем дневнике 7 апреля 1834 г. „При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и, кажется, не сердятся“. — В своей повести Пушкин несколько раз по ошибке назвал графиню — „княгиней“. Теперь есть ряд оснований думать, что прообразом „Пиковой дамы“ могла служить кн. Н. П. Голицына, знаменитая „Princesse Moustache“, „Княгиня Усатая“¹⁸¹.

Отец ее, старший сын денщика Петра I (по достоверному преданию, даже сын Петра) Петр Чернышев, известный своей скупостью, сделал карьеру благодаря женитьбе на единственной дочери начальника Тайной канцелярии Ушакова, прославившегося своей жестокостью. Эту жестокость сердца и безграничный эгоизм унаследовала, по словам кн. Петра Долгорукова, внучка Ушакова, Наталья

Чернышева, вышедшая замуж за кн. Голицына. Некогда известная красавица, царица турниров, в старости она была чрезвычайно непривлекательна, обросла бородой и усам, откуда и получила свое прозвание. Ряд художников оставил портреты Голицыной — Людерс, Друэ, Рослэн, Сидо, Петер и Митуар. Последний вопреки действительности изобразил ее статной красивой старухой.

Между тем посланник Северо-Американских Штатов Д. К. Адамс отметил, что такой бороды у женщин он никогда не встречал. Старая княгиня походила, по его словам, на греческого философа Платона¹⁸².

Вигель в своих записках сообщает, что княгиня являлась главой „компании на акциях, куда вносимы были титулы, богатства, кредит при дворе, знание французского языка, а еще более незнание русского...“ — Голицына сумела своим умом и ловкостью завоевать себе в свете совершенно исключительное положение и, хотя обстановка дома ее не отличалась роскошью, на ее обедах, изготовленных прославленным поваром, бывали даже члены царской семьи. В таких случаях обед сервировался на серебре, подаренном Петром I одному из Голицыных.

Дом ее находился на левой стороне Малой Морской ул. на углу Гороховой, не переходя ее; ныне это № 10 по улице Гоголя. Длинный трехэтажный дом этот сохранился до нашего времени. Сюда к Голицыной — „представляться по начальству“ — приезжали все, начиная с юнкера, впервые надевшего эполеты, и кончая посланником в золотом мундире. Заботливые матери привозили к ней на поклон своих дочерей. Надменная с равными, приветливая с низшими, Голицына в приемные дни торжественно следовала из внутренних покоев в зал, мерно постукивая костылем. Ее почтительно усаживали в глубокое кресло, после чего гости по очереди допускались к ее руке. Все окружающие трепетали

перед старой княгиней. Ее сын, Д. В. Голицын, в то время уже всесильный московский генерал-губернатор, не смел без разрешения матери сесть в ее присутствии. Она скончалась 97 лет, 20 декабря 1837 г. — „Пиковая дама“, таким образом, пережила обесмертившего ее Пушкина.

После смерти Голицыной, дом ее на Малой Морской был приобретен казной и тут в казенной квартире поселился военный министр А. И. Чернышев. Это был известный красавец своего времени, некогда приближенный Александра I, ездивший с секретными поручениями к Наполеону. После событий 14 декабря он был назначен членом Чрезвычайной следственной комиссии над декабристами. Своим беспощадным отношением к ним он снискал особое расположение молодого императора, до конца дней своих благоволившего к Чернышеву. Тем не менее петербургское общество враждебно относилось к царскому фавориту и Бенкендорф, видевший в нем опасного соперника, с особым удовлетворением отметил в одном из своих докладов царю: „Гр. Чернышев пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти публики, всех классов без исключения“.¹⁸³ Когда дочь Чернышева вышла замуж за Бярятинского (брата победителя Шамяля), отец уступил новобрачным свой дом на Миллионной ул. и переехал на Малую Морскую в казенный дом военного министра, специально приспособленный для него проф. А. А. Тоном.¹⁸⁴ Во времена „Пиковой дамы“ дом ее был лишен каких бы то ни было украшений. Нынешняя же отделка дома — полуциркульные окна в центре здания и по сторонам, бесвкусное декоративное оформление наличников, богатый скульптурный пояс, пышный растительный орнамент герба, покрывающий весь тимпан фронтона, свидетельствуют о несомненно упадочных вкусах конца первой половины XIX века.

У крыльца этого дома, где некогда под дождем и ветром проводил долгие часы Германн, с его профилем Наполеона и душой Мефистофеля, уже не стояла, как прежде, старомодная карета „Пиковой дамы“. Ее сменил известный всему Петербургу щегольской экипаж николаевского фаворита, запряженный четверкой пугом, с лакеем в военной ливрее. 26 августа 1852 г., в день двадцатипятилетнего юбилея Чернышева на посту военного министра, Николай I подарил ему этот дотоле казенный дом в вечное и потомственное владение. При этом министру финансов было дано распоряжение выплачивать ежегодно из сумм государственного казначейства 15000 руб. в год на содержание этого дома, пока он будет находиться в роду князей Чернышевых. — Николай I не жалел щедрот для своих любимцев.

К концу семидесятых годов в этом доме жил одно время молодой гр. Александр Сологуб, начинающий писатель, сын известного автора „Тарантаса“. И тут, как при „Пиковой даме“, привлекаемые хорошим поваром, собирались друзья Сологуба. Душой молодого, исключительно мужского общества, здесь собиравшегося, был известный поэт Апухтин. Весьма любезный и подчеркнуто-почтительный с дамами, толстый Апухтин совершенно преображался в мужской компании. И слушая этого занимательного рассказчика, блиставшего своими экспромтами и юмором, веселая компания засиживалась до утра. Однако, сологубовские приемы длились недолго. Молодой хозяин, бывший дерптский студент, беспутный мот, как и его отец, печально закончил свою жизнь. Этот представитель русской знати, прокутив свое состояние, был уличен в каком-то подлоге и сослан на поселение, где вскоре и умер.

Такова история дома „Пиковой дамы“, о котором один современник сказал, что „ее дом был первый

дом в Петербурге и, конечно, уже не будет такого дома". *

Близ дома „Пиковой дамы“ на Малой Морской ул., в доме Аша (ныне № 18), жил много лет начальник III Отделения, всесильный Бенкендорф, чья зловещая тень преследовала Пушкина в течение десяти лет, не покидая поэта ни на смертном одре, ни у отверстой могилы.

Несколько месяцев спустя после кончины Пушкина, здесь на Малой Морской ул. царило необычайное оживление. У подъезда дома Аша беспрестанно дежурила фельдьегерская тройка, сновали фигуры лакеев в богатых ливреях; к дому непрерывно подъезжали придворные кареты. Конные жандармы и квартальные в мундирах с красными воротниками „осаживали“ собиравшуюся толпу любопытных.

Суэта, царившая на тихой улице, объяснялась тем, что проживавший тут в доме Аша начальник III Отделения Бенкендорф был опасно болен. И вся знать столицы, трепетавшая перед могущественным временщиком, являлась сюда лицемерно справляться о его здоровьи. Сам царь долгие часы просиживал у изголовья своего любимца. Когда к „всеобщей радости“ Бенкендорф выздоровел, он с гордостью сказал, вспоминая о своей болезни: „Общее участие превзошло все самые тщеславные мои надежды.. В православных церквях просили священников молиться за меня; такие же молитвы произносились

* Существует ни на чем не основанное предание, что дом „Пиковой дамы“—это б. дворец Юсуповых на пр. Володарского, против Симоновской улицы. Но тот дом, на самом деле, даже не существовал еще при Пушкине и построен архитектором Боншиедом лишь в 1858 г., как свидетельствует „Архитектурный Вестник“ (1859 г., стр. 122—26).

в лютеранской и армянской церквях, даже в мечетях и синагогах“...

Человек ничему не учившийся, по словам Корфа, не знавший даже основательно грамоты, он, волею судьбы, оказался во главе управления всей империей. Лукавый царедворец докладывал Николаю „только то, что царь хочет знать“. „В общем, — сообщал он царю, — настроение умов превосходно. — Народ и общество вообще искренно привязаны к государю императору и с каждым днем все более и более ценят его выдающиеся качества, служащие залогом их процветания; они ждут от него спасительных перемен и благодетельного законодательства, благодаря которым самый могущественный народ станет также и самым счастливым“. Бенкендорф придерживался мнения, что „не должно слишком торопиться с просвещением России, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул бы тогда на ослабление их власти“. Ослабление же царской власти отнюдь не входило в намерения Бенкендорфа, услуги которого так высоко ценил Николай.

Весь город знал, что Бенкендорф, несмотря на свое совершенно особое положение, принимал участие в целом ряде крупнейших коммерческих предприятий столицы. Автор *Système de législation, d'administration et de politique de la Russie*, Пельчинский, хорошо знавший современное ему состояние России, отметил, что предприимчивость Бенкендорфа обращала на себя всеобщее внимание. „Шеф жандармов, — записал Пельчинский, — является директором ряда обществ: железнодорожного, любекского пароходства, страхования от огня и страхования жизни. Везде он получает по 10000 руб. в год, не считая огромного количества акций, спекуляция которыми может дать ему полмиллиона“. „Что делает он, однако, как директор? Он является один

раз в год, во время утверждения годового отчета, чтобы его прочесть.—Эта привилегия шефа жандармов—вступать в коммерческие предприятия,—является очень предосудительной, приняв во внимание его служебное положение, исключающее всякую возможность каких бы то ни было возражений против разного рода злоупотреблений администрации данных предприятий. И в наиболее передовых странах не поверили бы, что в России промышленные предприятия не могут существовать без покровительства шефа жандармов, в то время как всюду они требуют полной независимости. Мы могли бы перечислить много подобных случаев злоупотреблений в разных отраслях, но это бесполезно, ибо давно уже установлено, что тайное учреждение, обеспеченное дискреционной властью, приводит к очевидному увеличению злоупотреблений, а не к их искоренению“.¹⁸⁵

Осведомленный обо всем Николай смотрел на это сквозь пальцы, не мешая своему любимцу обогащаться таким способом.

Привилегии, которыми пользовались многочисленные общества, состоявшие под покровительством Бенкендорфа, были столь исключительны, что известен даже случай, когда прусское правительство выступило с протестом против чрезмерных льгот, полученных Любекским пароходным обществом, председателем которого состоял Бенкендорф.¹⁸⁶

Бенкендорф умер в 1844 г. Сопровождавшая траурную процессию толпа лицемерно скорбела об этой „утрате России“. И лишь один человек „со слезами истинной горести“ возложил цветы на его могилу.— Это был Булгарин.

Против дома Аша на Малой Морской, где жил Бенкендорф, на углу улицы Дзержинского, прежней Гороховой, стоит (надстроенный впоследствии) дом, принадлежавший на рубеже XIX века известному

деятелю русского просвещения Степану Струговщикову. „Человек умный,—сказал о нем Греч,—основательно ученый, но вздорный, злоязычный, сквернослов и пьяница“. После его смерти, опекуны его наследников продали в 1820 г. этот дом бар. Класену.

Дом этот был хорошо известен петербуржцам, главным образом, благодаря ресторану Андрие, где, по словам А. Н. Вульфа, „обедали все люди лучшего тону“.

„В те времена,—писал один современник,—ресторационная часть в Петербурге была еще в детстве. В лучших русских трактирах почти нельзя было обедать. Кроме дурного приготовления и скверного масла, там строго еще придерживались разделения кулинарных продуктов на допетровские категории. Так, даже у пресловутого Палкина на карте обеда обозначено было: горячее — ботвинья и окрошка; холодное — бифштекс; соус — раки, жаркое — всегда нечто вареное; пирожное — компот. Единственным спасением для холостяков, не имевших своей кухни, являлись французский табльдот у Андрие и так называемые пансионы у нескольких французенок и немок на главных улицах. Стол у Андрие был хорош, но довольно дорог; собиравшееся здесь общество было, однако, довольно смешанное и тут всегда бывали неизбежные один или два фискала“.

Андрие служил некогда по продовольственной части в наполеоновской армии и, после ее разгрома в 1812 г., остался в России. Открытая им на Малой Морской ул., в начале двадцатых годов, „ресторация“ первоначально посещалась только французами, главным образом, коммивояжерами и капитанами коммерческих кораблей. Когда же ресторация вошла в славу, ею, по словам Булгарина, „завладели русские“.

„В половине пятого,—рассказывает современник,—садились здесь за стол многочисленное обще-

ство: и военные генералы и статские, графы, князья и неважные люди, купцы, артисты, иностранцы и были угощаемы простым здоровым вкусным обедом, с хорошим вином вволю. Такой обед с закуской стоил 6 руб. ассигнациями, а по введении счета на серебро — 1 руб. 75 коп.“ За обедом председательствовал обычно сам хозяин, человек добродушный, веселый, „приятный в обхождении“. После обеда часть гостей садилась играть в домино, причем проигрыш уплачивался вином, которое тут же со смехом и распивалось. „Мы иногда, — говорит один из посетителей ресторана, — так забывались, что обедаем не дома и не в гостях, что при выходе старый слуга Бартеlemi должен был напоминать о плате за обед, так как кредит здесь никому не оказывался“. Все остатки еды Андрие ежедневно отсылал в городскую тюрьму „от неизвестного“. И только забытая однажды в миске ложка с надписью „Андрие“ открыла имя жертвователя ¹⁸⁷.

Здесь также отдавались в наем и комнаты для приезжающих. В. Зубков, привлеченный к следствию по делу декабристов, по освобождении из крепости, занимал тут комнату. Этот ресторан служил долгое время сборным пунктом „золотой молодежи“, разезжавшейся отсюда по различным увеселительным местам столицы. В недавно опубликованной памятной книжке А. А. Бестужева-Марлинского на 1824 год встречается запись: „Обедал очень хорошо у Андрие с французами. Поехали дурачиться. Был с Мух(ановым) и Аку(ловым) у Софьи Астафьевны“. Последняя была содержательницей известного увеселительного заведения того времени. В черномом наброске „Пиковой дамы“ Пушкин также упомянул те же имена Андрие и Софьи Астафьевны: „Мы вели жизнь довольно беспорядочную. Обедали у Андрие без аппетита, пили без веселости, ездили к Софье Астафьевне...“

В 1826 г. за табльдотом Андрие появился Д. В. Веневитинов: „Обедаю за общим столом у Andrieux, — писал он брату. — Там собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумеется, молчу“.

В 1829 г. уже состарившийся Андрие решил удалиться во Францию. Усердные посетители его ресторации устроили в честь его великолепный пир и, пропев хором куплеты, посвященные гостеприимному хозяину, поднесли ему золотую табакерку. „Это первый, кажется, пример от постройки Петербурга, — говорит Булгарин, — что трактирщик уехал с деньгами, остался доволен своими посетителями и посетители остались ему благодарны“.

Свою ресторацию Андрие передал некоему Дюме, своему земляку, при котором она продолжала по-прежнему считаться лучшей в городе. Все званые обеды неизменно заказывались здесь. Известный обед у Смирдина по случаю его новоселья был приготовлен у Дюме.

Но Дюме недолго возглавлял свою ресторацию. Пельц, оставивший под именем Треймунда Вельпа воспоминания о Петербурге, отметил в 1835 г., что „Дюме лежит уже на Волковом кладбище; его обязанности несет его наследник с бледным лицом и в золотых очках“. Ресторан, числившийся официально за „вдовой Дюме“, продолжал пользоваться репутацией „беспорно лучшего табльдота в городе“, как гласил в 1840 г. путеводитель по Петербургу. В эти годы за табльдотом председательствовал обычно кн. Петр Голицын, занимавший всегда место в конце стола, если он не оказывался, по словам современника, под столом, от хорошего шампанского ¹⁸⁸.

В числе обедающих у Дюме, в свое время можно было встретить и отца Пушкина — Сергея Львовича. Одну из встреч с ним здесь в июне 1830 г. описал П. А. Вяземский. — „Это был как раз день именин Александра Сергеевича и тут, — по словам

Вяземского, — „чадолюбивый отец разделил человек на семь свою радость и свою бутылку шампанского“. Постоянным посетителем ресторана был и брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин. Денег, как известно, он никогда не имел и обедал здесь в долг. В марте 1827 г. А. С. Пушкин жаловался Дельвигу, что Лев Сергеевич „задолжал у вашего Андриэ 400 руб. и ублудил жену гарнизонного майора“. Через несколько лет, уже в письме к Наталии Николаевне, Пушкин снова возмущался поведением Льва Сергеевича, проигрывавшего у Дюме в домино по 14 бутылок шампанского.

Александр Сергеевич, как „человек лучшего тона“, также посещал Андриэ, а затем Дюме. Однажды он обедал тут в отдельном кабинете в обществе А. П. Керн, П. А. Осиповой и А. Н. Вульфа. За десертом хозяин ресторана, войдя в кабинет, развязно спросил: „Ну, как идут дела?“—Но, увидя за столом светских дам, француз сам понял неуместность своего появления и тотчас удалился. — „Вероятно, — записала Керн, — в прежние годы Пушкину случалось обедать у Дюме и не совсем в таком обществе“.

Поэт и его друзья помянули прославленного ресторатора в шуточном послании:

Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме...

После женитьбы Пушкин перестал посещать табльдот Дюме. Он появился тут снова лишь в 1834 г., когда его жена уехала летом с детьми из Петербурга. Свое возвращение „к холостой шайке“ он описал Наталье Николаевне следующими словами: „Явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне. — Все это меня

смutilo так, что я к Дюме являться уже более не намерен“. Действительно, он стал обедать у Дюме в два часа.

Однажды Пушкин познакомился здесь с молодым французом, приехавшим в Россию в поисках счастья. Это был Дантес¹⁸⁹.

Рядом с домом, где помещался некогда ресторан Дюме, стоит небольшое двухэтажное здание на подвалах. Оно скромно декорировано двумя небольшими выступами по сторонам и поясом мелких сухариков карниза. Два соседних дома сдавали его по сторонам, и дом неравномерно, осел, изображая по горизонтали дугу. В довершение этого, между окнами второго этажа и крышей в 1930 г. пробили с правой стороны два окна, сильно искажившие здание. Мраморная доска указывает, что здесь жил Гоголь.

Как сказано выше, Гоголь всегда тяготел к этому району и все его квартиры, так или иначе, связаны с этой частью города. По приезде в Петербург в конце 1828 г. Гоголь поселился в доме Трута, у Кокушкина моста, а потом в доме Иохима на Большой Мещанской, впоследствии Казанской. Сюда же, на Малую Морскую, он переехал лишь летом 1833 г. Где жил Гоголь, выехав из дома Иохима? Точных данных по этому вопросу нет. — Как известно, лето 1831 г. он провел в Павловске и вернулся в Петербург 16 августа. Адрес свой он сообщил тотчас же Пушкину в письме от 21 августа: „Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений, а к стати квартира моя во 2-й Адмиралтейской части, в Офицерской улице, выходящей на Вознесенский проспект, в доме Брунста“ Этот же адрес мы встречаем и в его письмах к Жуковскому и Данилевскому, помеченных 10 сентября и 2 ноября 1831 г. Но не смотря на такие, казалось бы, точные сведения, мои

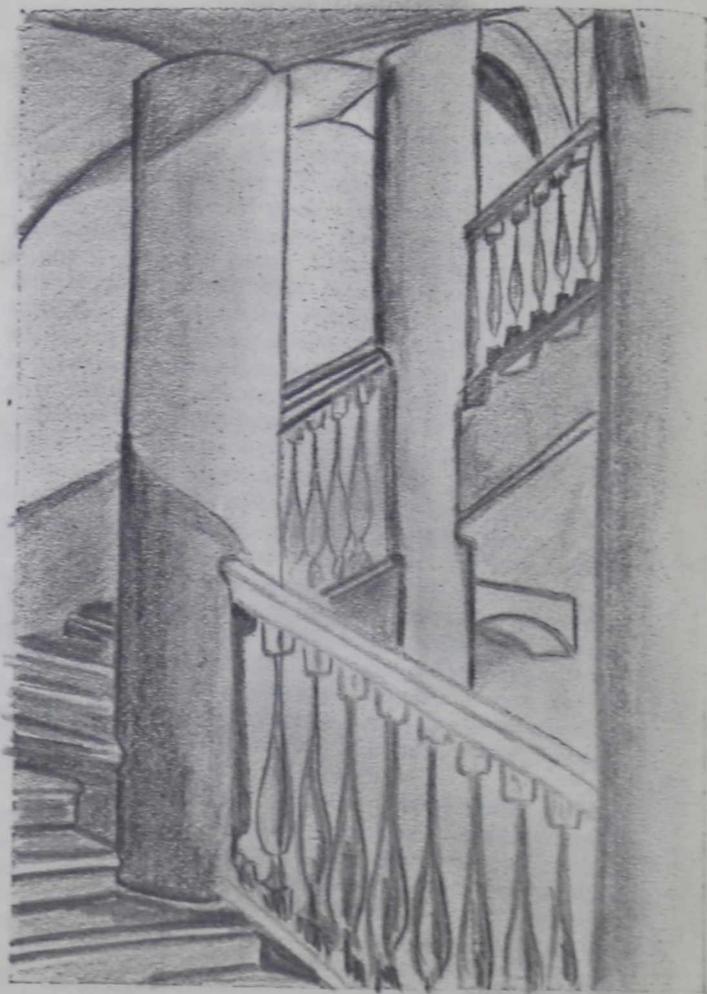
розыски этого дома Брунста на улице Декабристов (б. Офицерской) оказались напрасны.

Неизвестно, долго ли жил на Офицерской Гоголь. Но, по рассказам слуги его, Якимя Нимчемко, в эти годы он проживал в доме Зверькова, близ Кокушкина моста. Однако, А. И. Дельвиг, двоюродный брат пушкинского друга, сообщает в своих воспоминаниях, что „Гоголь жил в верхнем этаже дома Зайцева, тогда самого высокого в Петербурге, близ Кокушкина моста, а так как я жил в доме Дружинина, — пишет Дельвиг, — вблизи того же моста, то мне иногда случалось завозить его“ (сведения относятся к зиме 1831 г. и первой половине 1832 г.).

Между тем, ни у Кокушкина моста, ни вообще во всех четырех Адмиралтейских частях в то время не было дома Зайцева. Самый высокий дом в городе принадлежал тогда Зверкову и стоял действительно у самого Кокушкина моста, наискось от дома Дружинина, в котором жил А. И. Дельвиг. Очевидно, Дельвиг, составляя свои воспоминания много лет спустя, упомянул ошибочно Зайцева вместо Зверкова.

Громадный дом Зверкова стоял на Екатерининском канале у Кокушкина моста. Это было первое в городе пятиэтажное здание.¹⁹⁰ Владелец его был богатый купец, не брезгавший „дачею денег в рост“. Коммерции советнику И. Д. Зверкову в собственном доме у Кокушкина моста¹⁹¹ был должен по росписке 500 руб. Лев Сергеевич Пушкин.

Дом этот перешел впоследствии к известным коммерсантам Жадимеровским (в доме которых на Морской жил в начале тридцатых годов Пушкин) и, наконец, в девятисотых годах он принадлежал И. С. Никитину. Новый домовладелец надстроил, по проекту гражданского инженера А. Зазерского, этот некогда „самый высокий дом города“, еще двумя этажами. Это громадное здание, на подвалах,



Лестница дома Зверкова на Екатерининском кан., ныне № 69.
Здесь жил Н. В. Гоголь.

и поныне стоит на канале Грибоедова, на углу Столярного переулочка под № 69/18. На плане дома, возведенного в двадцатых годах прошлого столетия, несомненно отразились близость его к торговому центру города — Сенной площади. Дом Зверкова отличается одной очень характерной особенностью: третий этаж его, самый высокий в доме, в комнатах, выходящих во двор, разделен на два этажа. Благодаря этому, здание имеет шесть этажей на улицу и семь во двор. Объясняется это тем, что дом в свое время был заселен, главным образом, купцами, занимавшими помещения на улице. Низкие же комнаты во двор, высотой всего около 1½ метра, заселялись приказчиками, вся жизнь которых протекала, таким образом, под неусыпным надзором хозяина.

Этот дом Зверкова был издавна знаком Гоголю, так как здесь жил одно время близкий друг писателя — А. С. Данилевский, сосед Гоголя по его первой петербургской квартире в доме Трута. „Александр Семеновичу, душечке бесстыднику в дом Зверкова“, — адресует ему сюда письмо Гоголь в 1831 г. Несколько лет спустя, уже переехав в дом Лепена на Малой Морской ул., Гоголь в „Записках сумасшедшего“ неоднократно вспоминает дом Зверкова: „Этот дом я знаю, — говорит Поприщин, — это дом Зверкова. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! А нашей братии — чиновников, как собак: один на другом сидит, а третьим погоняет“.

В этих скромных „углах“ Мещанских Гоголь пережил, по его словам, „первые сладкие минуты молодого вдохновения“. Он жил тут до весны 1832 г., переехав, с наступлением лета, на дачу на Поклонной горе. В конце июня Гоголь уехал на родину, возвратившись в Петербург в конце октября. По приезде он поселился снова в этом же районе, в доме Демута-Малиновского, в небольшом

Новом переулке, упирающемся в Большую Мещанскую. Каковы были внешние условия жизни Гоголя в этом доме—мы не знаем. Лишь в письме к И. И. Дмитриеву он обронил слова „мой чердак..“

В этой каморке под крышей Гоголь обдумывал уже свои бессмертные драматические произведения. 8 декабря 1832 г. Плетнев сообщил Жуковскому, что „у Гоголя вертится на уме комедия“. „Не знаю, разродится ли он ею нынешней зимой, но я ожидаю от него в этом роде необычайного совершенства“. Однако, через два месяца тот же Плетнев писал, что комедия у Гоголя „не пошла из головы“, так как он „целую зиму принужден был бегать от дому, боясь там заморозить себя“.

Этот дом Демута-Малиновского в Новом переулке до нашего времени не сохранился. Когда перестраивали бывший чернышевский дом на Мойке (в то время школа подпрапорщиков) под дворцом для дочери Николая I—вел. кн. Марии Николаевны, участок Демута-Малиновского понадобился для расширения площади дворца и был приобретен казною. На этом месте возвышается теперь дворцовый служебный флигель.

В доме Демута-Малиновского Гоголь жил до весны 1833 г. В первых же числах мая он сообщил Погодину о предполагаемой им перемене квартиры. 4 июля Гоголь писал матери: „Теперь я принялся за перо для того только, чтобы известить вас о перемене моей квартиры. Когда будете писать, то адресуйте в Мал. Морскую, в доме Лепена, под № 97“.

Поэтому совершенно неправильными являются имеющиеся указания на то, что Гоголь жил будто бы на Малой Морской в доме Лепена с 1831 г., как об этом сообщает Б. Семенников в статье „Дом, где жил Гоголь“; эти же ошибочные указания мы находим и в помещенной в „Красной Ве-

черней Газете“ любопытной заметке „Забывтая лаборатория гения“, подписанной инициалом „Р.“, а также и у В. Мушникова в его недавно вышедшей книге „Из литературного прошлого“¹⁹¹.

Таким образом, надпись на памятной доске этого дома содержит две неточности.—Гоголь жил в доме Лепена не с 1831 по 1835 гг., а с 1833 г. по 1836 год.

Дом Лепена на Малой Морской ул. некогда принадлежал купцу Юге (Guge).—Это очень старый дом. В нем еще в эпоху Павла I жил Максимилиан-Вильгельм Нессельроде, отец известного канцлера. В этом же доме в павловские дни жила семья С. С. Апраксина (сына известного фельдмаршала), „преотменного ферлакура, циника, покорителя женских сердец“. Жена его, Екатерина Владимировна, была дочерью „Пиковой дамы“ (Н. П. Голицыной). В свете ее звали „Разгневанной Венерой“, благодаря всегда суровому выражению лица, не покидавшему ее даже в минуты веселья.

После Гуге, уже в двадцатых годах XIX века, дом этот, тогда № 97 первой Адмиралтейской части, перешел во владение придворного музыканта Лепена. Гоголь подробно указал свой тогдашний адрес в „Ревизоре“: Тряпичкин живет „в доме под номером девяносто седьмым, поворота во двор, в третьем этаже, направо“. Сто лет спустя, в 1917 г., дом этот все еще оставался в роду Лепенов и принадлежал виноторговцу Генриху Лепену¹⁹². Любопытна старинная парадная лестница дома, с внутренними окнами, сохранившимися форточки в нижних стеклах. Звенья старой решетки уцелели лишь в верхнем этаже.

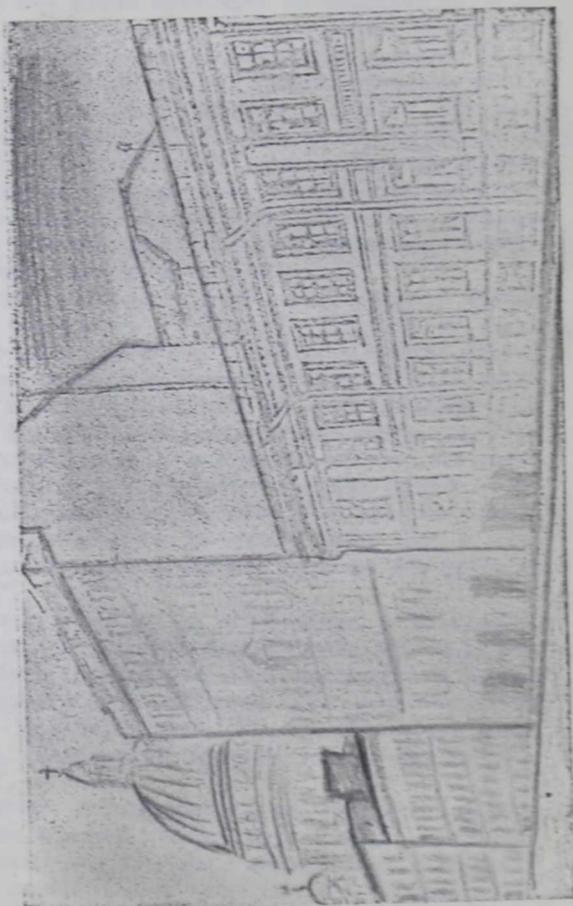
Эта квартира Гоголя в доме Лепена, расположенная во дворе*, состояла всего из двух неболь-

* Как расходилась эта грустная действительность с мечтами, высказанными когда-то Гоголем Высоккому „о веселой комнатке с окнами на Неву“ (письмо от 26 июня 1827 г.).

ших комнат, куда надо было подниматься по темной лестнице. Небольшая комнатка, отделенная перегородкой от прихожей, служила спальней. Здесь близким друзьям подавался чай. Рядом, в более просторной комнате, стоял у стены диван. К окну был приставлен большой стол, заваленный книгами. Возле него стояло письменное бюро. По словам слуги Якова, „Гоголь писал иногда днем, но чаще вечером. Сидел ночью долго, пока две свечи не сгорят“.

Сколько бессонных ночей провел тут Гоголь, склонившись над рукописями „Ревизора“ и „Невского проспекта“! Горькой ценой купил он свою славу. — Одни восхищались его талантом, другие завидовали ему и возмущались успехом этого никому дотоле неизвестного провинциала. Вигель и ему подобные удивлялись тому, что едва ли не половина России провозгласила великим этого „циника“. Многие же считали „Ревизора“ просто „глупой фарсой“, недостойной искусства. Фаддей Булгарин посоветовал, даже друзьям Гоголя передать автору „Ревизора“, что он не знает сцены и должен изучать драматургическое искусство. А Сенковский отметил, что в „Ревизоре“, „в изображении одного лишь лакея, Гоголь, наконец, отыскал свое природное назначение“.

„Все против меня, — писал Гоголь, — чиновники, пожилые и почтенные, кричат, что для меня нет ничего святого, полицейские против меня, купцы против меня; литераторы против меня“. В особенности угнетало его злостное невежество цензоров, которые по самым нелепым поводам уродовали его произведения, А наряду с этим — суровая борьба с нуждой, вечные поиски денег и скитание по холодным каморкам. Гоголь писал Погодину, приглашая его в Петербург: „Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь по-



Дом Лепена на Мал. Морской ул., ныне № 17.
Здесь жил Н. В. Гоголь.

местимся. Впрочем, ведь мы люди такого сорта, которых вся жизнь протекает на чердаках“.

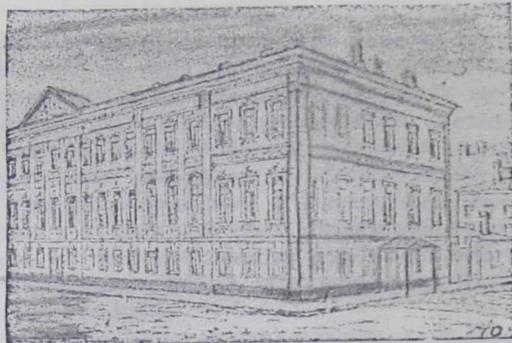
Эти унылые каморки были, однако, колыбелью целого ряда его замечательных произведений. Здесь из-под пера Гоголя вышли „Записки сумасшедшего“; тут были написаны повести: „Нос“, „Портрет“ и „Невский проспект“. Сквозь завесу причудливой фантастики Гоголя, пред нами встает Петербург в его новом оригинальном облике, где на смену обычным героям чопорной николаевской столицы явились ничтожные и жалкие чиновники, бедные художники, уличные женщины.

Восемь лет безотрадной петербургской жизни тяжело отразились на Гоголе. Недаром в своих „Петербургских записках“ 1836 г. он писал: „Народ все так же пестрится, теснится; те же чувства выражаются на лице его; с тем же любопытством глядит он, с каким глядел и год тому назад, два и три и несколько лет; а я и каждый человек из этого народа уже не тот: уже другие в нем чувства, нежели были за год перед сим; уже суровее мысли его; менее улыбается на устах душа его, и что-нибудь да отпадает с каждым днем от его прежней живости“.

Его тянуло прочь от этой жизни, с ее нуждой, оскорблениями и злословьем, прочь от чердаков и петербургских туманов. Он стремился в милую его сердцу Италию. „Италия—она моя,—писал он оттуда.—Я родился здесь. Россия, Петербург, снег, подлецы, департамент, кафедра, театр—все это мне снилось“.

И теперь, сто лет спустя, при виде этого скромного дома, в памяти встает образ автора „Ревизора“, склоненного над столом, освещенным оплывшей сальной свечей. Перед нами воскресают давно знакомые образы славных миргородских друзей — Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича и коллеж-

ского ассесора Ковалева, однажды утром обнаружившего пропажу своего носа. Вот и зловещий старик процентщик из „Портрета“ и несчастный „испанский король Фердинанд VIII“.



Дом „Пиковой дамы“ (Н. П. Голицыной)
на Мал. Морской ул., ныне № 10.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В числе несуществующих более построек Деламота, этого верного последователя традиций Блонделя и Габриеля, надо отметить здание Вольно-Экономического Общества, построенное им совместно с русским архитектором Квасовым в 60-х годах XVIII века. Оно было уничтожено в 1846 г., когда заканчивалось оформление зданий Главного Штаба на углу Невского пр., против Адмиралтейс ва¹⁹³.

В сохранившихся иллюстрациях того времени дом Вольно-Экономического Общества показан в виде трехэтажного здания, украшенного пилястрами. Четыре тяжелых дорических колонны поддерживали балкон.

Этот дом широко эксплуатировался Обществом, сдававшим помещения частным предпринимателям. Здесь устраивал свои прославленные маскарады предприимчивый француз Лион. В 1779 г. тут выступал под именем кавалера Пинчи известный авантюрист Калиостро. При Александре I, в период расцвета масонских лож, в доме Вольно-Экономического общества открылась в 1815 г. ложа „Избранного Михаила“, подробно описанная в воспоминаниях Т. Пассек.—„Мастером стула“ был избран известный медальер Федор Толстой, наместным мастером ложи—полковник Данилевский. Аdjутант Милорадовича Федор Глинка состоял „оратором“, обязанности секретаря исполнял Н. И. Греч; казначеем был купец первой гильдии Ю. И. Кусов, церемониймейстером—А. И. Уваров.

Все внутреннее устройство ложи было выполнено по плану Толстого.—Огромная зала представляла собою открытую со всех сторон ионическую колоннаду, со стенами, расписанными „под сад“. Потолок, сделанный сводом, изображал небо, усеянное золотыми пятиугольными звездами. Вокруг всей залы спускалась до самого пола голубая драпировка, обшитая золотой бахромой. Вдоль стен стояли поднятые на одну ступень скамьи, с голубыми подушками, для „братьев“. Против входных дверей на возвышении стояло позолоченное, обитое голубым бархатом, кресло для мастера ложи. Над ним сияло солнце в виде большого шара, освещавшегося изнутри. На треугольном столе, наподобие аналоя, стояли бронзовые канделябры с тремя свечами. Тут же лежали большое евангелие и меч ложи, с золоченой рукояткой, в голубых бархатных ножнах. Молоток из слоновой кости символ, власти мастера ложи, лежал перед его креслом. По обоим сторонам кресла, на небольших пьедесталах, стояли два мужских скелета.

В доме Вольно-Экономического Общества помещалась также в те годы популярная в городе кондитерская Лареда. Дочь арзамасца Блудова в своих воспоминаниях об отце рассказывает о его постоянных посещениях кондитерской Лареда, куда он ходил обычно днем. Вечера же его были неизменно заняты театром. Здесь у Лареда Блудов встречался с А. Тургеневым и Жуковским. Завязывалась дружеская беседа. Мороженое с бисквитами, предоставляемое в кредит любезным кондитером, служило им обедом. Но молодой аппетит давал себя чувствовать и, возвращаясь домой, они съедали ши блудовского слуги Гаврилы.

„Эта лавка одна из лучших кондитерских Петербурга“,—аттестовал Лареда автор „Чувствительного путешествия по Невскому проспекту“,—хвала господам швейцарцам. Они лакомят всю Европу. Комнаты в лавке хорошо убраны, есть фортепиано, „Инвалид“, „Гамбургский Корреспондент“, „Петербургские Ведомости“.—На этом фортепиано у Лареда играл А. С. Грибоедов, содержавшийся несколько месяцев под арестом в Главном Штабе.

За отсутствием места в Петропавловской крепости, Грибоедов и ряд других арестованных по делу 14 декабря был отправлен на гауптвахту Главного Штаба. Как рассказывает декабрист Завалишин, заведывавший гауптвахтой капитан Жуковский был большим любителем музыки. „Узнав, что Грибоедов хорошо играет на фортепиано, стал водить его и меня в кондитерскую Лоредо, находившуюся на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта. Водил он впрочем не в самую кондитерскую, а в небольшую комнатку, примыкавшую к ней и, вероятно, принадлежавшую к помещению самого хозяина, с которым Жуковский был, повидимому, хорошим приятелем, потому что, заказывая угощенье (разумеется на наш счет), он не пускал к нам никого из прислуги кон-

дитерской, а что было заказано приносил или сам или хозяин. В этой комнатке стояло фортепиано; мы приходили обыкновенно в часов 7 вечера и проводили там часа полтора; Грибоедов играл, Жуковский слушал его, а я читал газеты“.

Рядом с домом, занимаемым кондитерской Лареда, на Дворцовую площадь выходило в первые годы XIX века огромное здание, принадлежавшее богатому откупщику Кусовникову; здесь помещалась гостиница „Hôtel de l'Europe“, принадлежавшая знакомцу Пушкина Тардифу.

Ресторация Тардифа пользовалась в городе заслуженной популярностью:

Пускай Тардиф
В компот из слив
Мадеру подливает,
А Жан Расин
Как в масле блин
В бессмертии утопает...

Так воспел Тардифа известный юморист С. А. Нелов, прозванный „Русской золотой арфой“. „Роскошь, богатство убранства и пространство помещения были огромны, — передает современник. — Два посланника, баварский и шведский, постоянно жили тут. По внезапном выступлении гвардии в марте 1814 г. на гвардии осталось много долгов: это было еще ничего, — продолжает автор, — но Тардиф был кутила; прелестная жена его вдруг исчезла с кирасирским полковником, забрав все, что было ценнее и всю кассу. Тардиф скрылся от описи и был увезен тайно одним фельдегером к собрату своему Отону, в Одессу, но уже совершенно спившимся и чуть не голым“.

Ко времени пребывания Тардифа в Кишиневе относится пушкинская „Записка к приятелю“.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.

Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной!
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура,
Тардиф, который Коленкура
И откормил и обокрал,
Тардиф, полицией гонимый
За неоплатные долги,
Тардиф, умом неистощимый
На entre-mets, на пироги...

Жена „любимца Кома“ объявилась в Петербурге в 1815 г. Кредитор ее мужа, майор Липман поспешил объявить в газетах, что „купец и б. содержатель трактира „Лондон“ и „Отель де-Л'Ероп“, что в доме Кусовникова, Тардиф, ныне скрылся, оставшись по долговым счетам 1811 и 1812 г. должным до 14000 руб. Уведомившись, что жена Тардифа получает должное ее мужу“, Липман просил уплачивать долги Тардифа не его жене, а объявителю¹⁹⁴.

Много знатных постояльцев перебивало в „Отель де-Л'Ероп“, где некогда был хозяином Тардиф. В книге посетителя в 1812 г. значилась, в числе других, „баронесса Стаель фон-Голштейн“, прославленная французская писательница г-жа де-Сталь.

Дочь известного банкира Неккера, она, против воли, была выдана замуж за шведского посланника в Париже бар. Стаель фон-Гольштейн. Человек уже немолодой, малообразованный, он не сумел привязать к себе юную жену, целиком отдавшуюся литературным и общественным интересам. Вынужденная бежать во время террора за границу, она вернулась в Париж в 1796 г. Роман „Дельфина“ положил начало литературной славе г-жи де-Сталь. Когда же ее салон стал центром оппозиции цезаристским стремлениям Бонапарта, г-жа де-Сталь получила прика-

зание покинуть пределы Франции. Теофиль Готье в своей книге „Г-жа де-Сталь и Наполеон“ пишет: она „тотчас угадала в первом консуле будущего тирана, она увидела „Наполеона под Бонапартом“, и, пролив много слез 19 брюмера над участью свободы, она вооружилась с головы до ног на ее защиту. В течение 15 лет она неустанно боролась, не проявляя ни усталости, ни слабости; преследуемая, лишенная родины, она была в дни молчания порабожденной Европы ее голосом призыва к борьбе во имя благородных интересов человечества, за свободу, энтузиазм и мораль“¹⁹⁵.

Эта ярая защитница буржуазной революции, противница Наполеона и реакции, скитаясь по Европе, написала два своих лучших произведения — „Коринна или Италия“ и „О Германии“. Некоторое время она провела в Швейцарии, откуда преследуемая Наполеоном, бежала чрез Австрию в Россию. — Это был роковой для Наполеона 1812 год. Г-жа де-Сталь долго не могла забыть трудностей своего путешествия в Россию, чрез Галицию, среди „поляков-нищих, немцев-шпионов и русских крестьян, лобызавших ноги встречных господ“. Она возмущалась невежеством трусливых австрийских чиновников, смеялась над глупостью полиции, не опознавшей в путешественнице всюду розыскиваемую г-жу де-Сталь. Между тем на дверях всех полицейских управлений, мимо которых она проезжала, висели огромные объявления, в которых населению предлагалось вознаграждение за ее задержание.

Приезд в Россию ярого врага Наполеона был встречен овациями. За свое кратковременное пребывание в России, г-жа де-Сталь пыталась разгадать страну „великого северного сфинкса“. — „Все здесь теряется, даже дворцы, даже само население, — писала она. — Кажется, что мы проезжаем по стране, из которой ушли обитатели“. Однако Петербург

она назвала „одним из самых красивых городов мира. Невидимый волшебник мановением жезла перенес сюда на пустынную почву все, что есть прекрасного в Европе“, — отметила она. „В Петербурге, — продолжает г-жа де-Сталь, — конечно, нельзя повторить о женщине французскую поговорку: „она стара, как улица“, ибо улицы имеют совершенно новый вид. Здания блистают ослепительной белизной, а ночью, освещаемые луною, они кажутся громадными белыми привидениями, которые, неподвижно застыв, следят за течением Невы. Я не нахожу ничего особенно красивого в этой реке, но таких прозрачных вод я не видела нигде. Гранитная набережная, длиною в тридцать верст, окаймляет ее русло и величие этого создания человеческих рук достойно хрустальных вод, которые оно украшает“.

Г-жа де-Сталь жила в Петербурге не одна. „Ее семья состояла из дочери, — пишет один из современников, — молодой, хорошенькой 15-ти или 16-летней девушки, из ее сына, который был несколькими годами старше сестры, и из одного бледного и болезненного молодого человека, повидимому также принадлежавшего к числу ее родственнику. Впоследствии я узнал, что это был пьемонтский офицер Рокка, с которым она сошлась во время его пребывания в Швейцарии и за которого она вышла замуж после смерти барона Сталь“.

Пребывание г-жи де-Сталь в Петербурге было омрачено атмосферой всеобщей ненависти ко всему французскому. Однажды ее сын и кавалер Рокка были свидетелями беспорядков, происшедших в театре. Публика требовала прекращения представления французской пьесы. „Шумом, свистками, криками, направленными против французов было встречено величайшее произведение Расина — „Федра“. — Пришлось прекратить пьесу. — „Вар-

вары! — воскликнула г-жа де-Сталь, обливаясь слезами, — не захотеть слышать „Федру“ Расина!

В середине августа 1812 г. в „С.-Петербургских Ведомостях“ появились публикации о предстоящем отъезде „бар. Сталь фон Голстейн, живущей в трактире Европа“¹⁹⁶. 7 сентября нового стиля она выехала в Стокгольм. В день отъезда г-жу де-Сталь посетил посланник Соединенных Штатов Америки Адамс, отметивший, что „ее чувства порождены скорее личной враждой к Бонапарту, чем общими видами, вытекающими из государственных благ“¹⁹⁷.

Пребывание г-жи де-Сталь в Петербурге возбуждало большой интерес русского читателя к ее произведениям. „Из всех сочинений г-жи Сталь книга „Десятилетнее изгнание“ должна была преимущественно обратить на себя внимание русских, — отметил Пушкин. — Взгляд быстрый и пронизательный, заключения разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившее пером сочинительницы — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины“. — Пушкин еще раз вспомнил г-жу де-Сталь в 1831 г. в „Рославлеве“: „Она казалась не в духе, несколько раз принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ели и пили в свою меру и, казалось, были гораздо более довольны ухую князя, нежели беседою мадам де-Сталь. Дамы чинились. Те и другие только изредка прерывали молчание, убежденные в ничтожестве своих мыслей и оробевшие при европейской знаменитости“. — „Как ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщине, — воскликнула Полина. — Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой! Ни одной

мысли, ни одного замечательного слова в течение целых трех часов! Тупые лица, тупая важность и только. Как ей было скучно! Как она казалась утомленною“. — Таково должно было быть, по мнению Пушкина, впечатление г-жи де-Сталь о русском „высшем свете“. Ее влияние на Пушкина сказалося в известной степени в описаниях Петербурга в „Медном Всаднике“. Излюбленный Пушкиным герой также читал

Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо...

„Она имеет душу Руссо, но не его ум, — пишет один из биографов г-жи де-Сталь, — она дочь Вольтера, дочь XVIII века, приличного и светского. Она имеет расстроенное и взволнованное воображение, горячее, мятежное сердце, из которого льется неистощимый источник страсти. О ней можно сказать, что она мать или по крайней мере крестная мать парламентского и доктринерского либерализма. Она разрешает пользоваться завоеваниями революции лишь людям хорошо воспитанным, „милостивым государям“, которых можно принять в салоне“.

„Стоящая между двумя великими столетиями, — заметил о ней Альберт Сорель, — она была последним цветком уходящего века и предвозвестником нарождающегося, скорее великим свидетелем, чем участником событий своего времени“.

В начале XX века ряд лучших участков на Невском пр. и Морской ул., был застроен пышными зданиями банков, сооруженными финансовым капиталом. Одной из неудачных построек той эпохи является здание Коммерческого банка „Юнкер и К-о“, стоящее на пр. 25 октября под № 12. Дробность фасада, нарочитая сухость направляющих линий и жесткость пропорций, лишают здание жизни.

В городском архиве не сохранилось подписных проектов здания, поэтому имя автора постройки остается не вполне установленным. Журнал „Зодчий“ приписывает постройку архитектору Ван-дер-Гюхту, а историк архитектуры Г. Лукомский зодчему Эриксону¹⁹³. Некогда на месте банка Юнкера стоял украшенный пилястрами дом, связанный с одной из страниц жизни Пушкина. Верхний этаж этого дома занимал в 1819—22 годах петербургский военный генерал-губернатор Милорадович, по распоряжению которого был выслан из Петербурга Пушкин в 1820 г.

Участник наполеоновских войн, Милорадович отличался храбростью, сохраняя невозмутимое спокойствие в сражениях. Под ним убивали лошадь, пуля сносила султан с его шляпы, а он закуривал трубку или небрежно играл золотой табакеркой. Милорадович принадлежал к разряду людей, которые, по словам Герцена, „занимали не только все военные места, но девять десятых высших гражданских должностей, не имея ни малейшего понятия о делах, и подписывали бумаги, не читая их. Они любили солдат и били их палками, не на живот, а на смерть оттого, что им ни разу не пришло в голову, что солдата можно выучить не бивши его палкою. Они тратили страшные деньги и, не имея своих, тратили казенные; красть собак, книги и казну у нас никогда не считалось воровством. Но они не были ни доносчиками, ни шпионами и за подчиненных стояли головой. Один из полнейших типов их был гр. Милорадович, храбрый, блестящий, лихой, беззаботный, десять раз выкупленный Александром из долгов, волокита, мот, болтун, любезнейший в мире человек, идол солдат, управлявший несколько лет Петербургом, не зная ни одного закона...“

На приемах Милорадовича бывал весь „веселящийся Петербург“. Обстановка его квартир похо-

дила, по словам историка А. И. Михайловского-Данилевского, на „магазины мебели или изящных художеств по великому множеству разнообразных предметов и вещей, в них находившихся; я не видал нигде подобного убранства: это был совершенно беспорядок, соединенный с утонченнейшим вкусом, например, тут стояли картины Тициана, Вернета, Сальватора Розы, Гвидо Рени, а подле них книги, планы, птицы, трубки, янтарные мундштуки и два фортепиано. Почти каждая горница имела свое собственное освещение; в одной свет происходил от восковых свечей, в другой от алебастровых ламп, в третьей свечи были приспособлены таким образом, чтобы их не было видно, и они освещали одни картины. Одна комната была вся зеркальная; не только стены, но и потолок состоял из зеркал; другая комната убрана была диванами на турецкий манер, и в ней повешены были самые сладострастные картины. Посреди библиотеки был птичник; прекрасные мраморные статуи находились повсюду. „Где же ваша спальня?“—спросил я его.—„У меня нет спальни,—отвечал он,—я провожу ночь, где мне вздумается“. В одной зале, где находились прекрасные картины и статуи, я увидел черную мраморную вазу. Возле нее стоял горшок с увядшим кипарисом и на вопрос мой, что сие значит, хозяин отвечал мне, что „это памятник его потерянного счастья“.

Милорадович любил хвалиться перед гостями своими приобретениями, преувеличивая их ценность. Занимательный рассказчик, он любил пересыпать свою беседу французскими словами, хотя он плохо знал этот язык. „Savez vous, вы знаете, ce qui se fache,—передавал Башуцкий его разговор с Бенкендорфом в роковой для Милорадовича день 14 декабря 1825 г.—que c'est un понедельник, c'est vrai. Вы знаете, mon cher, je n'ai pas un seul des пред-

рассудки, mais ce понедельник, voyez vous, мне не нравится, с'а me deplait“.

Вероятно таким же языком беседовал он и с юным Пушкиным, вызванным к нему весною 1820 г. Подробностей их беседы оставил в своих записках близко знакомый Пушкину Федор Глинка, состоявший „по особым поручениям“ при генерал-губернаторе. Когда Глинка явился однажды к своему начальнику, Милорадович, „лежавший на своем зеленом диване, закутанный в дорогие шали, закричал навстречу: „Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин. Мне, ведь, велено взять его и забрать все его бумаги: но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом и когда я спросил о бумагах, он отвечал: „Граф! Все мои стихи сожжены. У меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкой, что мое и что разошлось под моим именем“. Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь. Вот она (указывая на столу окна), полюбуйтесь. Завтра я отвезу ее государю. А, знаешь ли, Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения“.—На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя и первым словом его было: „Ну вот дело Пушкина и решено!“ И продолжал: „Я подал государю тетрадь и сказал: „Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать“. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а, наконец, спросил: „А что-же ты сделал с автором?“—„Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!“—Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного,

он с живостью сказал: „Не рано ли?“—Потом, еще подумав, прибавил: „Ну коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг.“—Вот как было дело.—Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину. Карамзин, как говорили, обратился к государыне, а Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению“.

Прошло два года со дня высылки Пушкина из Петербурга и осенью 1822 г. петербургский генерал-губернатор переехал с Невского пр. в казенные апартаменты на Морской ул. В июне 1822 г. в „С. Петербургских Ведомостях“ появилось объявление о предстоящей сдаче с сентября месяца „двух этажей, в коих жительствоет ныне Его сиятельство С.П.В. Военный Генерал-Губернатор гр. Михайло Андреевич Милорадович“. Для перевозки имущества генерал-губернатора на новую квартиру был прислан особый отряд, но Милорадовичу недолго пришлось прожить на Морской ул. Выстрел на Сенатской пл. 14 декабря 1825 г. положил конец жизни „русского Баярда“¹⁹⁹.

Дом на Невском пр., в котором первоначально жил Милорадович, принадлежал в течение первой половине XIX века грекам Калержи, выходцам из Венеции. По мнению одного из исследователей, образ Дездемоны был навеян Шекспиру фамильной хроникой знатных венецианских патрициев Калерджисов. Потомки этих гордых нобилей, упоминавшихся в венецианской истории еще в XIV веке²⁰⁰, переселились в Грецию, а затем в Таганрог. Тут они заня-

лись торговлей пшеницей и вывозом в Ливорно и Анкону сальных свечей, изготовляемых на их таганрогском заводе. Иван Калержи составил себе удачными оборотами огромное состояние и переехав в Петербург, приобрел дом на Невском пр. Здесь Калержи, в качестве „Генерального Консула семи греческих островов“, принимал у себя всех приезжавших в столицу знатных иностранцев. Его потомки продолжали владеть этим домом, в верхних этажах которого жил одно время Милорадович.

Последним владельцем этого дома, носившим имя Калержи, значится, по официальным спискам, — „Мария Федоровна Калержи, жена коллежского советника“. Под этим скромным именем скрывается одна из самых блестящих светских женщин Европы 40—50-х годов.

Дочь генерала Нессельроде, племянница и воспитанница николаевского канцлера, 16-летняя белокурая красавица была выдана замуж за богача Ивана Калержи. В качестве свадебного подарка жених преподнес ей два миллиона руб. и дом на Невском проспекте. Но юная супруга скоро оставила своего мало привлекательного мужа и уехала за границу с одним известным музыкантом. Купив себе в Париже особняк на Анжуйской ул., она вскоре заинтересовала светский Париж своим салонном, где можно было встретить весь цвет художественного и музыкального мира.

Калержи была ученицей Шопена, ее горячего поклонника, считавшего ее самой талантливой из своих учениц. Она никогда не расставалась с роялем и даже в постоянных путешествиях по Европе в ее дормезе неизменно находилась немая клавиатура. — „Гениальная музыкантша“, — говорили одни о Марии Калержи; „любезолюбивая сердцем красавица-авантюристка“, — утверждали другие; „просто

напросто шпионка Нессельроде“, — горячо доказывали третьи.

Одно время неизменным посетителем салона Калержи был друг ее сердца Моле, министр иностранных дел Луи-Филиппа. Некоторое время спустя здесь стала появляться статная фигура принца Луи-Бонапарта, в заговоре которого Калержи приняла самое горячее участие. „Когда Париж покрылся в 1852 г. баррикадами, — рассказывает Виктор Гюго в „Истории одного преступления“, — и по приказу Бонапарта по всему городу производились аресты, одни лишь окна Елисейского дворца оставались всю ночь освещенными. Редкие прохожие наблюдали мелькавшие в окнах „привидения преступления“. Тут были и женщины. Одна из них, Калержи, „была русская, высокая, белокурая, веселая, причастная к тайным дипломатическим интригам, показывавшая шкатулку, наполненную любовными письмами гр. Моле; чуть чуть шпионка, бесконечно обольстительная и отчаянная женщина“²⁰¹. Эта столь ненавистная Виктору Гюго женщина была предметом увлечения целого ряда великих людей того времени, обессмертивших ее в своих произведениях. Ее любил Мериме и Теофиль Готье, посвятивший ей „симфонию“ в своих „Эмалях и Камеях“.

С изгибом белым шей влекущих
В сказаньях северных ночей
У Рейна старого поющих
Видали женщин лебедей...
Из этих женщин между нами
Порой является одна,
Бела, как там, над ледниками
В холодном воздухе луна...

Гейне воспел ее в своем „Romanzero“, художник Каульбах называл Калержи вдохновительницей его лучших творений. В ее салоне Вяземский познакомился со Стендалем. Блестящая хозяйка дома произвела на русского путешественника столь силь-

ное впечатление, что он приказал увековечить ее черты на одном из живописных плафонов своего остафьевского дома под Москвой²⁰². Круг ближайших друзей Калержи составляли Лист, Рубинштейн, Венявский, Дрейшок, Таусиг, Виардо-Гарсиа. Когда концертные выступления Рихарда Вагнера в Париже в 1840 г. закончились неудачей, все убытки Калержи приняла на свой счет. Множество нуждавшихся писателей, художников и музыкантов были обязаны ей постоянной денежной помощью.

Эта „немка по происхождению (Нессельроде), — как выразился один дипломат, — гречанка — по мужу, русская — по воспитанию, полька — по национальности матери и влечению сердца“, — иногда покидала столицы Европы, чтобы пожить некоторое время в Петербурге в своем доме на Невском пр. или у своего дяди гр. Нессельроде, гордившегося ею. Последние годы своей жизни она прожила в Варшаве, разбитая тяжелым ревматизмом, превратившим ее в полукалеку. Когда до Листа дошла весть о смерти Калержи, он устроил в Веймаре, в память ее, грандиозный концерт, составивший целое событие в музыкальной летописи того времени. Тут была впервые исполнена специально написанная великим музыкантом элегия, посвященная его близкому и многолетнему другу. — „Она играла, как никто, — говорил Лист, вспоминая тонкую игру своей приятельницы. — Кому довелось слушать ее, тот, конечно, этого не забудет, потому что это была не игра, но единственное в своем роде воссоздание творчества“.

Лишенный всяких украшений дом № 13 по пр. 25 октября, стоящий на углу улицы Герцена, не переходя ее, был построен в первые годы XIX в. купцами Чаплиными. Разбогатев в конце екатерининского царствования они открыли тут крупную торговлю „мягкою рухлядью“. — „Здесь находятся

драгоценные плоды дикой промышленности сыновимы — Камчадала, Алеута и Канадца“, — сообщали в 1824 г. болгаринские „Литературные Листки“. Предприимчивые коммерсанты Чаплины вывозили свои товары в Китай, где на вырученные деньги закупили чай, продававшийся затем в России с большой выгодой²⁰³. Петербургские обыватели, доверяя чаплинским торговым конторам больше, чем казенной почте, нередко поручали сибирским комиссионерам Чаплиных пересылку денег и вещей, отправляемых в отдаленные места Сибири. Многие из декабристов, как, например, Волконский, получали таким путем посылки и деньги.

Дом Чаплиных, уцелевший без всяких переделок, связан с именем Грибоедова, жившего тут в 1817 г. у своего приятеля А. П. Завадовского, известного игрока и кутилы. Предметом увлечения Завадовского в то время была прославленная танцовщица Истомина, дань увлечению которой уплатил в свое время и А. С. Пушкин. Но на пути графа стоял кавалергард В. В. Шереметев, с которым Истомина была близка. Однажды, воспользовавшись случайной ссорой Истоминой с „Васькой“ Шереметевым, Грибоедов, добрый приятель танцовщицы, привез ее после спектакля к Завадовскому. Здесь в стенах этого дома разыгралась та печальная история, которая оставила след на всей последующей жизни Грибоедова. Шереметев, узнав о посещении Истоминой Завадовского, вызвал своего соперника на дуэль и был убит. Секундант Шереметева Якубович, впоследствии известный участник декабрьских событий, вызвал, в свою очередь, на дуэль Грибоедова, как „участника интриги“. Но Якубович был арестован, как секундант Завадовского и не состоявшаяся в Петербурге дуэль произошла уже в 1818 г. в Тифлисе; Якубович прострелил Грибоедову руку, воскликнув: „по крайней мере играть перестанешь“.

Участие Грибоедова в несчастной дуэли Шереметева с Завадовским, вызвавшее множество неблагоприятных толков, послужило одной из главных причин его отъезда на Кавказ.

Однако, у Грибоедова были очевидно и другие основания для скорейшего отъезда из Петербурга. Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расстаться однажды навсегда со своею молодостью и круто поворотить жизнь. Он простился с Петербургом и с праздною „рассеянностью“ — многозначительно отметил Пушкин в своем „Путешествии в Арзрум“.

По другую сторону Морской ул., на углу Кирпичного переулка, стоял в середине XVIII века дом известного придворного банкира Кнутзена. Тут в 1759 г., по возвращении из прусского похода, поселился Григорий Орлов, тогда еще незаметный артиллерийский офицер, проводивший все свое время в кутежах. Против кнутзеновского дома, через переулок, возвышалось в то время здание Летнего дворца, занимавшее все пространство от Кирпичного переулка до Невского проспекта. Окна комнат Орлова оказались расположенными как раз против апартаментов вел. кн. Екатерины Алексеевны (будущей Екатерины II). Орлов скоро заметил, что „ее высочество“ скучает в одиночестве и честолюбивый красавец, решив во что бы то ни стало обратить на себя ее внимание, стал целыми часами просиживать у окна. — „Она, наконец, это заметила, — сообщал один французский дипломат, — а также и то, что Орлов был молод и красив“²⁰⁴.

Вскоре последовало сближение Екатерины с молодым красавцем, а затем вступление ее на русский престол при поддержке братьев Орловых.

Громадный елизаветинский „Летний дворец“ был построен в 1755 г. Гордостью русского двора был зеленый тронный зал, с позолоченными шпалерами. „Нигде так не восхищался зрелищем, как в большом тронном зале, занимавшем целый и особый приделанный с боку ко дворцу флигель, — записал Болотов, — преогромная была то и такая комната, какой я до того нигде и никогда еще не видывал“. — Болотов, офицер русской армии, победоносно сражавшийся в Пруссии, был допущен до внутренних апартаментов, в то время как „рядовой Преображенского полка Гаврила Державин“, будущий автор „Фелицы“, стоял на карауле в погребах дворца²⁰⁵. Грандиозный дворец просуществовал всего десять лет. Ненавидевшая свою тетку Екатерина II, переехав во вновь построенный Зимний дворец, приказала разобрать старый дворец. Его уничтожили в 1765 г.

Прошло несколько лет и при регулировке бывшей территории дворца, через нее проведена была к Невскому пр. Морская улица. Образовавшиеся по сторонам улицы участки были розданы, частью проданы. В 1846 г. Иван Расторгуев в своих „Прогулках по Невскому проспекту“ отметил еще сохранившиеся здесь службы и кухни, своим старинным фасадом „напоминавшие о былом елизаветинском дворце“.

При распределении участков, место между Большой Морской и Мойкой было подарено Екатерине II СПб. генерал-полицеймейстеру Чичерину. Он выстроил здесь в конце шестидесятых годов XVIII в. здание, выходившее на Невский, Мойку и Морскую, один из интереснейших образцов архитектуры города второй половины XVIII века. Обилие деталей, эффектные наличники третьего этажа, а также прием постановки колонн на колонны изобличают определенное влияние эпохи барокко. Очень удачно разрешены углы здания, подчеркивающие прекрасную

разбивку всего фасада. По предположению П. Столянского, проект дома принадлежит Деламоту. Но архитектура здания не характерна для творчества этого зодчего. Значительно ярче тут выражен характер произведений Растрелли, а потому постройку эту, вернее, надо приписывать одному из его последователей; что касается парадного зала дома, то его строгое оформление следует, видимо, отнести к работе какого-либо крупного мастера более поздней эпохи.

Здание это, существующее свыше 150 лет, неоднократно перестраивалось. В 1855 г. архитектором Карповым круглые окна второго этажа были заменены прямоугольными. Четыре года спустя архитектор Гребенка уничтожил ряд других интересных деталей. Тем не менее здание это в значительной мере сохранило до нашего времени свою первоначальную отделку. Недавно отремонтированное, оно и поныне является одним из украшений проспекта 25 Октября.

Первым владельцем этого дома был, как сказано выше, петербургский генерал-полицеймейстер Чичерин, занимавший этот пост в течение почти пятнадцати лет. Управлявший городом с „примерной строгостью“, Чичерин, как отметил А. М. Тургенев, всегда возил в своей карете несколько десятков плетей с железными наконечниками, называвшихся „подлинниками“; он пускал их в ход „по мере надобности“, иногда тут же в своем присутствии. Наводнение 1777 г. оказалось роковым для карьеры Чичерина. Он был уволен со службы за проявленную им полную нераспорядительность, стоившую жизни тысяче людей. После его смерти, его дом на Невском пр. унаследовал его сын, вице-полковник кирасирского полка, продавший его в 1792 г. кн. Алексею Куракину. Это был богатый вельможа екатерининского времени, „чья развратная жизнь, — по словам

А. Ф. Воейкова, — мотовство, хлопотливость без пользы, проекты неисполнимые и пустые, недостаточное образование — хотя при уме от природы остроумном, делали его тяжелым для подчиненных, несправедливым..“

В числе подчиненных Куракина был молодой Сперанский, живший в его доме на Невском пр. в качестве секретаря. Историю его поступления на службу к князю рассказывает лицейский товарищ Пушкина М. А. Корф. „Кн. А. Куракину, — пишет автор, — управлявшему в последние годы царствования Екатерины II третьей экспедицией, понадобился, в прибавку к двум домашним секретарям, которые уже были у него для иностранной переписки, еще третий, собственно для русской. Некто Иванов, земляк Сперанского, служивший под начальством Куракина и живший у него в доме, был коротко знаком со своим земляком и часто посещал его. Он и рекомендовал Сперанского — Куракину. Для испытания молодому человеку велено было явиться к восьми часам вечера. Куракин поручил ему написать одиннадцать писем к разным лицам. Сперанский остался ночевать у Иванова и тут же написал все одиннадцать писем, так что в будни они уже лежали на столе у Куракина. Князь сперва не хотел верить своим глазам, что дело уже выполнено, а потом, прочитав письма и вида, как они мастерски изложены, расцеловал Иванова за присланный клад и тотчас принял Сперанского“.

Молодому секретарю, в виде особой милости, разрешалось обедать за княжеским столом. „Однако Сперанскому было неловко в чуждом ему мире, и он предпочитал обедать со старшими из прислуги — камердинерами князя, первыми горничными княгини и нянями их дочерей. Все три секретаря Куракина жили в одной комнате; часть ее была занята их кроватями, которые стояли за простыми бумажными

ширмами, а незанятое пространство составляло и общий кабинет и общую гостиную“.

Сперанский оставался в доме Куракина до своей женитьбы, состоявшейся 3 ноября 1798 г. Он нанял для себя небольшую квартиру на Б. Морской, куда и переехал с женой. Последовавшая вскоре опала Куракина разъединила Сперанского с его покровителем. Исключительные дарования Сперанского быстро создали ему блестящее положение. Но, как известно, путь великих почестей завершился падением Сперанского и его ссылкой. В 1823 г., возвратившись из изгнания, он встретился с Куракиным, занимавшим уже высокий пост председателя департамента Государственного совета. „Все тот же квартальный надзиратель или следственный пристав“, — записал о нем Сперанский. — Тем не менее их, видимо, связывали отношения, смысл которых и поныне для нас не ясен. Сын Куракина застал однажды отца, бросающим в камин толстые связки. „Это письма Сперанского, — сказал он. — Если ты будешь когда-нибудь в моем положении, то советую тебе поступить таким же образом. Одни мертвые не говорят, а письмо обращается в мертвеца тогда только, когда оно сожжено“.

Роскошный дом Куракина на Невском пр. в последние годы XVIII века был продан известному откупщику Абраму Перетцу. Новый владелец занял лишь часть бывшего чичеринского дворца, сдав остальные апартаменты петербургскому военному губернатору гр. Палену. Этот ловкий царедворец держал, как известно, в своих руках все нити заговора против Павла I. В числе тайных посетителей приемной генерал-губернатора особое любопытство адыютантов возбуждал бородатый мужчина в тулупе и валенках, которого предугадательно сопровождал в кабинет Палена его доверенный камердинер. Это была Ольга Александровна Жеребцова, сестра ека-

теринских фаворитов Зубовых, одно из главных действующих лиц заговора, являвшаяся к Палену за тайными инструкциями.

Александр I, опасаясь влияния честолюбивого вельможи, внезапно выслал Палена из Петербурга и его квартиру занял хозяин дома, коммерции советник Перетц, устраивавший здесь роскошные приемы. „Богатый откупщик, — характеризует его Н. Греч, — но человек добрый, истинно благородный“. — „Он человек был ученый, — сообщает И. М. Долгоруков, — с хорошими сведениями, знал разные иностранные языки, одевался и жил по гражданским обычаям, а что лучше всего, имел множество червонных, которые, зная довольно хорошо изъясняться по русски, умел употреблять к стати в свою пользу“.

Подрядчик-кораблестроитель, Перетц состоял в то же время крупнейшим поставщиком соли для казны. „Где соль, там и перец“, — заметил о нем С. П. Жихарев. Державин в своих записках называет Перетца „плутом“, что не мешало ему ходатайствовать за откупщика при разборе его дел в Сенате. Последовавшие вскоре крупные неудачи при военных поставках в 1812 г. подорвали громадное состояние Перетца и он был вынужден продать свой роскошный дом на Невском проспекте. Сын его, Григорий Абрамович, был единственным евреем среди декабристов. Роль Перетца в Тайном Обществе была незначительна, но с него, как замечает его биограф Я. Баум, придется начинать каждому историку, который захочет выяснить участие, значение и роль русских евреев в истории русской революции“. Перетц был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел полгода, после чего его выслали под надзор полиции в северные губернии.²⁰⁶

Дом его отца перешел во владение именитых купцов Косиковских, составивших себе состояние, как гласят документы, злоупотреблениями при казен-

ных поставках и „недозволенными операциями“ с хлебом. Княжеский герб Куракиных заменили скромные буквы „А. К.“ — Андрей Косиковский. Ряд бытовых подробностей об этом доме сообщает П. Столпянский в своей книге „Адмиралтейский остров“. Следует лишь добавить, что тут, в доме Косиковского, помещался прославленный в пушкинское время ресторан Талона.

„Поди, поди,“ раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К Талон помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.

Ресторация, которую посещал пушкинский герой, закрылась весной 1825 г. В газетах появилась публикация о предстоящем отъезде за границу „Петра Талона, повара, французского подданного, из Парижа“. В помещении же прославленного ресторана разместилось „Справочное место“. Позднее в доме Косиковского был открыт французский ресторан Фельета, часто упоминаемый в записях и дневниках современников.

В этом доме прожил целый ряд лет Н. И. Греч, переехавший сюда в 1821 г.²⁰⁷ Он занимал квартиру в третьем этаже окнами на Морскую. Над ним помещалась известная типография А. Плюшара. Сюда, в квартиру Греча, переехал летом 1825 г. В. Кюхельбекер. „Я вошел в компанию теперь с Гречем и Булгариным — некогда моими противниками, — писал он 10 июня 1825 г. — живу вместе с Гречем в доме Косиковского на Большой Морской. Мои сотоварищи хотят издать собрание моих сочинений... Я занимаюсь редакцией наших журналов“.

Однако содружество Кюхельбекера с „Грачами-разбойниками“ длилось недолго. Пять дней спустя



Дом Косиковского на Невском пр., ныне № 15.
Здесь жил поэт М. Ж. Жорж.

„Кюхля“ уже сообщал, что он намерен вскоре „оставить квартиру Греча“.

В этом же доме Косиковского в первые годы XIX века жила выдающаяся французская актриса той эпохи—Жорж, приехавшая в Петербург летом 1808 г. Она впервые выступила на сцене пятилетней девочкой, вызвав восхищение публики, приветствовавшей крошку криками: „Браво, Мими!“ Ее юность протекала в Париже, в крайней нужде. Будущая великая артистка жила в убогой комнатке, питаясь одной чечевичной похлебкой.—Первое выступление четырнадцатилетней Жорж перед парижской публикой в „Ифигении“ 29 ноября 1802 г. сопровождалось, по выражению современника, „чудовищным“ успехом. „Сам первый консул“ просидел в своей ложе до конца спектакля. Имя юной актрисы увенчалось ореолом славы. В числе ее поклонников был будущий император французов. — „Спутник Марса стал спутником Венеры“. Близость Жорж с Наполеоном длилась недолго. Как отметили современники, охлаждение императора тяжело отразилось на молодой актрисе.—Расставаясь с Наполеоном, Жорж обратилась к нему с просьбой подарить ей его портрет. — „Вот, возьми, говорят я тут похож“, — ответил Наполеон, вынув из кармана золотую монету с его изображением.

В апреле 1808 г. Жорж внезапно исчезла из Парижа. И в то время, как публика с нетерпением ждала ее выхода в пьесе „Артаксеркс“, Жорж уже мчалась в почтовой карете в Петербург. Виновником ее исчезновения был будущий шеф жандармов, блестящий флигель-адъютант Бенкендорф. По приезду в Петербург, Жорж поселилась со своим новым покровителем на Мойке, близ Зимней канавки, в доме Грушкина. Весть о предстоящем выступлении знаменитой актрисы в роли „Федры“ привлекла в столицу всю придворную знать, развехавшуюся на

летний сезон. В устах Жорж зазвучали по новому бессмертные строфы Расина, передаваемые с блестящим мастерством французской классической школы — „гармоничной, протяжной и несколько певучей“. Но однажды разученную роль Жорж играла всегда одинаково, как по нотам, не изменяя никаких деталей. И в то время, как в патетических местах зал неистово рукоплескал, актриса, пользуясь паузой в репликах, невозмутимо пререкалась с актерами. Жозеф де-Местр находил игру Жорж „иногда хорошей, чаще дурной, но совершенной — никогда“. „Общий тон ее декламации, — отметил де-Местр, — мне показался фальшивым и напыщенным, как все, что приходит из Парижа: начиная с закона и кончая водевилем. Что касается ее внешности, тут не может быть двух мнений, — она прекрасна“.

Вскоре на смену Бенкендорфу, от которого Жорж была некогда „без ума“, по словам Коленкура, явился Нарышкин и, наконец, сам русский император. Но его увлечение длилось не долго и актриса уехала в Москву в поисках новых успехов. События 1812 г. побудили Жорж обратиться к Александру I с ходатайством о разрешении вернуться во Францию. „Я готов выдержать войну с Наполеоном, чтобы удержать вас в России“, — ответил ей Александр I. — Но, государь, отныне мое место не здесь, а во Франции, — заметила Жорж. — „Позвольте моей армии вас опередить и я вас отвезу сам“. — В таком случае я предпочту выждать французов в Москве, я буду ждать меньше, — отвечала Жорж.

При вступлении французских войск в Россию, она поспешила в Петербург, куда вскоре стали поступать сведения о победоносном походе неприятеля, за которым последовала ошеломляющая весть о занятии французами Москвы. Когда же счастье изменило Наполеону и Петербург, празднуя победу над французами, засверкал огнями иллю-

минаций, один лишь дом Косиковского выделялся темным пятном на общем фоне. Жорж, глубоко чтившая память великого полководца, одержавшего некогда победу и над ее сердцем, облеклась в глубокий траур. Ей удалось, наконец, добиться разрешения выехать на родину. В последних числах 1812 г. в списке отъезжающих публиковалось имя „Маргерит Жозефин Жорж-Веймер, французской актрисы“, уезжавшей вместе с „сестрой Луизою-Шарлоттою Жорж-Веймер и отцом их, Франсуа Жорж-Веймер из уголовного дома Косиковского на Невском пр“.²⁰⁸

Печально было возвращение великой актрисы на родину. Белые лилии Бурбонов на французских знаменах были ей глубоко ненавистны и, желая подчеркнуть свою верность Наполеону, Жорж появилась на сцене королевского дворца, держа в руках букет фиалок — цветы Бонапарта. Между тем в эту эпоху носить фиалки, служившие знаком приверженности Наполеону, почиталось преступлением более дерзким, чем белая кокарда при Наполеоне III.

Карьера Жорж была закончена. Она заняла скромное амплу исполнительницы мелодрам. В конце 30-х годов ее увидел в Париже П. А. Вяземский. „Она уже не царствовала на первой французской сцене Корнеля, Расина и Вольтера, но спустилась на другую сцену — мелодраматическую, — писал он. — Увидев ее, я ахнул: передо мной стояла какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная белилами и румянами. Обезображенный памятник, изуродованный временем, обломок здания, некогда красивого и величественного“.

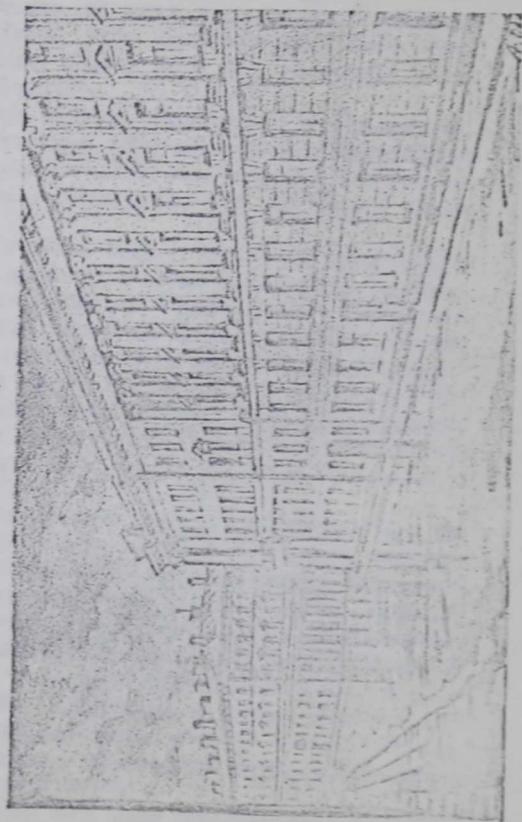
Вскоре Жорж совсем оставила сцену и всеми забытая, доживала свои дни в суровой нищете. Согласно последнему желанию великой артистки ее похоронили в плаще, в котором она выступала

в излюбленной ею роли Родогуны в трагедии Корнея.

Рядом с домом, в котором некогда жила Жорж, Косиковские в 20-х годах XIX века построили по Морской ул. высокий трехэтажный дом (ныне № 14 по ул. Герцена). Он украшен богатой ионической колоннадой и отличается прекрасной обработкой несколько удлиненных окон третьего этажа.

Кто же был строителем этого здания?—В. Курбатовым было высказано предположение, что автором его был Кваренги.²⁰⁹ Однако, этому противоречит время его сооружения. П. Столянский, в свою очередь, полагает, что его строил архитектор Горностаев.²¹⁰ Не касаясь чисто архитектурных приемов строителя здания, достаточно отметить, что Алексей Горностаев родился в 1808 г., следовательно предположение это отпадает само собой. Городской архив также хранит молчание об авторе этого прекрасного здания, имя которого так и останется неизвестным. Есть основание думать, что строитель находился под известным влиянием творчества Камерона.

В этом доме А. Косиковского в 1828 г. жил некоторое время А. С. Грибоедов. Он прибыл в Петербург 14 марта 1828 г. вестником заключенного с Персией Туркманчайского мира, остановившись первоначально в „заездном доме Демута“. Назначенный 25 апреля того же года министром-резидентом в Тегеран, Грибоедов временно поселился в верхнем этаже дома Косиковского. Он занял скромную квартиру в несколько комнат, обставив их с „походной простотой“, вызвавшей удивление Ксенофонта Полевого. Главным украшением квартиры был богатый роуль, неизменный спутник жизни Грибоедова, страстного музыканта.—Петербург его встретил радушно. На Грибоедова смотрели, как на восходящую звезду



Дом Косиковского на Морской ул., ныне № 14.
Здесь жил А. С. Грибоедов.

и уже считались с его влиянием. Его маленькую квартиру на Морской посещали важные чиновные лица, толковавшие о назначениях и наградах.— Чего эти господа хотят от меня,—жаловался Грибоедов Полевому.— Целое утро они сменяли у меня один другого. А нам, право, не о чем говорить: у нас нет ничего общего“.

Три месяца прожил Грибоедов в Петербурге. С тяжелым чувством готовился он к предстоящему отъезду в Персию.— „Там моя могила,— говорил он своим друзьям.— Чувствую, что не увижу более России“.

Это было в июне 1828 г. А летом следующего года Пушкин встретил в горах Кавказа убогую арбу. Это было тело убитого Грибоедова.— Трагически сложилась жизнь писателя. Осужденный на вечные скитания, лишенный радости видеть свою бессмертную сатиру на сцене, представитель свободомыслящей России, друг декабристов, Грибоедов окончил свою жизнь в чуждой ему Персии представителем „особы государя императора Николая Павловича“.

Против чичеринского дворца на Невском пр., по другую сторону улицы, стоял в XVIII веке небольшой окрашенный зеленой краской домик. Тут помещалась одна из известных в городе аптек, принадлежавшая ученому немцу, носившему растрепанный парик и башмаки с красными каблуками. Бархатный черный кафтан и золотой глазетовый камзол дополняли его туалет. Лекарства в аптеке были очень дороги и поэтому клиентура ученого немца состояла, главным образом, из придворной знати, доверявшей его обширным познаниям.

В первые годы XIX века участок этот перешел к купцу Котомину, построившему четырехэтажный дом, выходящий ныне „покоем“ на улицу Герцена, проспект 25 октября и набережную Мойки. Нам

неизвестно имя здчего, построившего это прекрасно оформленное здание, одно из первых доходных строений Петербурга того времени. Фасад этого дома был даже помещен в изданном в 1826 г. альбоме „Планов, фасадов и разрезов примечательных зданий Петербурга“. Центральная часть его, выходящая на просп. 25 октября, подчеркнута выступом с восемью тяжелыми дорическими полуколоннами. Такие же полуколонны оформляют две лоджии по сторонам здания. Ниши со статуями и скульптурные вставки дополняют пышность отделки. Ритмическое чередование колонн, поставленных между окнами, нарушает длинные линии фасада; он расчленен также междуэтажными скульптурными поясами, хотя к этим приемам отделки зданий стали прибегать лишь к концу 20-х годов. Необычные для петербургской архитектуры эффектные лоджии просуществовали до 1846 г., когда, как видно из архивных дел, они были наполовину заделаны. Через 10 лет по проекту архитектора Дмитриевского, галереи были уже окончательно уничтожены.

Первый владелец дома, купец Конон Котомин, весьма гордившийся им, был очень обижен распространявшимися слухами о предполагаемом розыгрыше его дома в лотерею. Он поспешил поместить в газетах опровержение, отмечая, что „о розыгрыше в лотерею дома своего никогда не мыслил и не мыслит: то и опровергает вымысел сей, который, вероятно, произошел от неблагоприятно расположенных к нему людей, оставляя, впрочем, оный на упрек совести их“. Однако в скором времени дела Котомина, видимо, пошатнулись, так как в 1823 г. он предложил П. М. Волконскому купить его дом („один из первых в городе“) за 500000 руб., указывая, при этом, что дом приносит ежегодно 58000 руб. дохода.

Сделка эта, однако, не состоялась. В доме же Котомина в следующем году поселился Фаддей

Булгарин. Это были первые годы расцвета его карьеры, которую он начал здесь в скромной роли издателя „Литературных Листков“. Тут же в доме Котомина Булгарин начал редактировать журнал „Сын Отечества“.

Ну исполать Фаддею!

Пример прекрасный подает!

Против отечества давно-ль служил злодею,
А „Сын Отечества“ теперь он издает,—

написал А. Е. Измайлов, намекая на службу Булгарина в 1807 г. в наполеоновских войсках.

В напечатанной Булгариным в „Литературных Листках“ статье „Прогулки по Невскому проспекту“ Фаддей Венедиктович сообщал, между прочим, своим читателям, что он „посещает, только доброго, честного швейцарца Вольфа, который слишком 15 лет занимается своим ремеслом и заслужил уважение посетителей своей честностью и добротой своих товаров“.²¹¹

Прославленная кондитерская Вольфа и Беранже помещалась в первом этаже дома Котомина на углу Невского пр. и Мойки. В роковой день дуэли здесь ожидал Пушкина его секундант. „Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, — пишет Аммосов, — Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкиным заранее: пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его. Было около 4-х часов. Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской, сели в сани и отправились по направлению к Троицкому мосту. „Бог весть, — рассказывал потом Данзас, — что думал Пушкин. По наружности он был покоен“.

А несколько дней спустя, здесь же в кондитерской Беранже В. Глинка читал украдкой В. Бурнашеву только что написанные стихи Лермонтова—„На смерть поэта“.

Модная кондитерская, посещаемая всей светской молодежью столицы, привлекала особое внимание тайной полиции, установившей за нею постоянный надзор. Агенты Бенкендорфа, располагавшиеся за столиками кондитерской с журналами в руках, тотчас же заносили в записные книжки каждое услышанное слово. Усиленный штат сыщиков дежурил здесь в 1831 г., в период польского восстания.²¹² Как отметил Пельц, целый ряд иностранцев подвергся неприятностям, вследствие „неосторожных“ бесед в кондитерской Вольфа.²¹³

В сороковых годах при кондитерской была особая читальня и курительная. „Мы помним,—писал журнал „Иллюстрация“,—когда Беранже и Вольф открыли в 1834 г. свой Café-chinois, роскошь мебели, сервизов, до последнего блюдечка и ложки, все в китайском стиле, заставляли людей бегать смотреть на это диво“.²¹⁴

В эти годы частым посетителем кондитерской был молодой начинающий писатель Ф. М. Достоевский, с увлечением читавший тут газеты и новые журналы. Весною 1846 г. автору „Бедных людей“ здесь был представлен Чернышевский.²¹⁵

На углу Невского пр. и Екатерининского канала, с левой стороны, за мостом, стоял во вторую половину XVIII в. трехэтажный дом генерал-фельдцейхмейстера Вильбоа. Над огромными окнами бельэтажа узкими щелями выглядывали окна верхнего этажа. Тут жил некогда Станислав Понятовский, будущий король Польши²¹⁶. Следующим владельцем дома был один из приближенных Екатерины II А. М. Голицын.

В 1799 г. его купил богатейший откупщик Кусовников. Большой чудак, он ходил по улицам Петербурга в длинном нанковом зипуне и в лаптях, держа в руках лукошко с яйцами или боченок с сельдями. В таком виде он являлся в богатые ювелирные магазины покупать драгоценности, вызывая изумление приказчиков целым ворохом ассигнаций, которые он извлекал из своих карманов. Сын этого богача, лейб-гусар Алексей Кусовников, хорошо знал Пушкина, встречаясь с ним в лицейские годы в Царском Селе. Сестра лейб-гусара, Ольга Михайловна, получила в приданое дом отца на Невском пр. Она была замужем за Василием Васильевичем Энгельгардтом, внучатым племянником Потемкина, унаследовавшим часть несметного потемкинского состояния. Присоединив к своим миллионам приданое жены, Энгельгардт оказался в числе богатейших людей Петербурга. Третье Отделение исчисляло его состояние в 27 миллионов. П. А. Вяземский, учившийся с Энгельгардтом в иезуитском пансионе, писал, что он был „хорошо и всенародно знаком Петербургу. Расточительный богач, не пренебрегающий веселыми жизни, крупный игрок, впрочем, кажется на веку своем более проигравший, нежели выигравший, построитель в Петербурге дома, сбивавшегося на Парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты и за то, что очень удачно играл словами. Острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу“.

Пушкин сблизился с Энгельгардтом еще в юные годы, когда оба они состояли членами „Зеленой Лампы“. Пушкин, извещая однажды Энгельгардта о своем выздоровлении, выразил в стихах желание видеть его у себя.

Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакка верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений вавстелин!

Вступив в 1828 г. во владение своим огромным имуществом, Энгельгардт приступил к перестройке дома своей жены на Невском проспекте (ныне № 30 по пр. 25 Октября).

Как удостоверяет городской архив, автором проекта дома был архитектор Павел Жако (architecte Paul Jacot), подписавший ряд чертежей. Таким образом отпадает ряд утверждений — «Путеводителя по Петербургу», составленного В. Курбатовым, журнала «Зодчий» и альбома «Историческая Выставка Архитектуры», приписывавших постройку здания Абраму Мельникову²¹⁷. В число работ Жако, кроме дома Голландской церкви и его собственного дома на углу ул. Герцена и Кирпичного пер., надлежит таким образом включить здание Дворянского собрания (Филармония) и дом Энгельгардта, что существенно меняет представление о масштабе творчества Жако, одного из незаурядных мастеров эпохи, столь богатой крупными художниками.

Дом Энгельгардта долгое время простоял без переделок. Лишь пострадавший при пожаре зал, росписанный художником Скотти, был в 1850 г. заново отделан. Здание простояло без изменений до 90-х годов, когда новый владелец, Учетно-ссудный банк, поручил проф. Л. Н. Бенуа «перестроить фасад, имевший назначением служить украшением Невского проспекта». В 1895-96 гг. Бенуа выполнил задание, отяжлив фасад излишними деталями, мало связанными с замыслом П. Жако.

В пушкинское время петербургский «Пале-Рояль», как именовали дом Энгельгардта, служил местом

встреч всей светской молодежи. Здесь в своей роскошной, вновь отделанной, квартире Энгельгардт устраивал лукулловские пиры для своих друзей. Пушкин не порывал с ним дружеской связи и на страницах его дневника в ноябре 1833 г. встречается запись — «обед у Энгельгардта». Документально известно, что в трудные минуты жизни Пушкин прибегал к займам у своего старого приятеля.

В этом доме помещалась в течение ряда лет известная книжная лавка Сленина. Первоначально она была открыта в Гостином дворе, но в 1820 г., согласно указаниям новейшего путеводителя Шредера, книжная лавка уже находилась у Казанского моста.

По отзыву современника, Сленин «принадлежал к небольшому числу тех книгопродавцев-издателей, которые заботились не только о своих личных выгодах, но и о пользе литературы. Множество книг, журналов и альманахов издано иждивением Сленина. В позднейшее время с таким же бескорыстным усердием действовал только один Смирдин». Сленин сам принадлежал к кругу литераторов того времени, сочиняя экспромты и эпиграммы, печатавшиеся в «Северной Пчеле», «Благонамеренном» и «Дамском Журнале».

Этому «собрату по оружию», Пушкин написал в альбом следующие стихи:

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашней и простой,
Милей болталивостью любезной
И безыскусной простотой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться впрочем не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дав ему плечу.

Пушкин был издавна в добрых отношениях со Слениным, исполнявшим различные поручения поэта по покупке книг. В 1824 г. при появлении „Онегина“ Сленин предлагал за него Пушкину столько, „сколько он хочет“. — Как записал один из современников, к Сленину „по утрам любили собираться писатели и журналисты. У него почти каждый день можно было найти Дельвига, А. Измайлова, Ф. Булгарина, Ф. Глинку, А. Воейкова, Хвостова, Н. Гнедича. Сам знаменитый Крылов захаживал отдыхать к нему во время прогулки по Невскому пр“.²¹⁸

О лавка дорогая,
В нее как не придешь,
Всегда словесников найдешь, —

воскликнул однажды Измайлов.

В. Бурнашев в своих воспоминаниях о старом городе упоминает о лавке Сленина. „У него сходились, толковали, спорили, бранились и мирились тогдашние русские литераторы, — пишет он. — Сленин торговал преимущественно французскими книгами. Он был человек довольно образованный, умный (не одна его эпиграмма живет в памяти старых словесников), приветливый, услужливый. Кроме того у него собирались вследствие того, что остальные книжные лавки были в рядах, на ходу, где толпился всякий народ, а лавка Сленина была теплая, во втором этаже, без зазыва и не посещалась лицами ниже 15 класса и с неблагопристойными физиономиями“.

Н. Полевой так описал в 1825 г. книжную лавку Сленина.

Здесь мрачно! Книг ряды прилавки отягчают
И в смертной тишине на полках предстоят,
Громады свертков, кип, поллавки занимают
И под прилавками безмолвные лежат.
Лишь изредка с высот, под потолок взнесенный,
Огромный фолиант, от смелого толчка —
(Котом отшельником, иль крысой потрясенный)
Летит и падает, измятый с высота! . . .

Когда Энгельгардт приступил к перестройке своего дома, Сленин поспешил „известить почтеннейшую публику, что он перевел свой книжный магазин из дому г. Энгельгардта по другую сторону Казанского моста, в угловой дом г. аптекаря Имзена, в бель-этаже, парадный ход с Невского пр.“ — „Что значит, однако, насиженное место, — записал Бурнашев, — когда Сленин переехал в дом Имзена, магазин его не собирал прежних литературных посетителей“.²¹⁹

По окончании перестройки, в верхнем этаже „Пале-рояля“ поместилась гостиница, где приезжим предлагались „удобные и прекрасные квартиры“²²⁰.

Однако Фаддей Булгарин неодобрительно отзывался в „Северной Пчеле“ о „прекрасной гостинице“, где две комнаты с темной передней стоили 260 руб. в месяц, постельное белье и сохранение экипажа — 50 руб. „В Париже вы можете иметь за 5 руб. в день две прекрасные комнаты с постелями, прислугой, освещением и отоплением. В Париже вы не услышите „нет дров“ или ответ прислуги — „некогда“. Кормят худо“. — В 1835 г. здесь остановился Лев Сергеевич Пушкин. „Вообрази, что он здесь взял первый номер в доме Энгельгардта, за который он платил двести руб. в неделю“, — писала Ольга Сергеевна Павлищева своему мужу.

„Энгельгардтовская гостиница“ помещалась над „бальными комнатами“, где со времен Екатерины происходили традиционные маскарады. Устроителем знаменитых маскарадов в екатерининское время был француз Лион. „Огромный парадный зал, расточительное освещение, великолепное устройство, которое облегчается громадными размерами всего здания, потоки нескольких тысяч прекрасно одетых или карикатурно наряженных людей, такую картину можно увидеть лишь в наиболее крупных городах Европы“. Так описал Г. Шторх эти маска-

рады. — „Люди из общества бывают здесь только в конце карнавала, — отметил Меерман. — В последний день масляницы народ собирается тут с 12 час. дня. Но самое большое скопление народа бывает вечером. Если появляется двор, то маски должны быть сняты. Для лиц неправославных последним днем карнавала является лишь вторник, но православные, под страхом штрафа в эти дни не допускаются. На этих балах собирается 2000-3000 чел. Маскированные одеты, главным образом, в национальные костюмы населяющих страну народностей; встречаются костюмы японцев, диких племен. Некоторые щеголяют в богатых костюмах из золотой парчи. Танцы происходят под роговую музыку“.

По свидетельству современников, на этих аристократических маскарадах, посещение которых было обязательно для людей „хорошего тона“, царила страшная скука.

... Уже карета ждет;

Пора в театр, а там на бал к Лиону, —

писал И. Дмитриев в 1794 г. в своем прославленном „Чужом толке“²²¹.

В XIX веке здесь в доме Кусовникова открылся „Биргер-клуб“ или „Малое Мещанское собрание“. Обстановка вечеров, как удостоверяет Ф. Булгарин, была „домашняя“ — „прелестные немочки, дочери петербургских зажиточных ремесленников, веселились истинным веселием на балах, вальсировали до первого обморока с щеголеватыми сидельцами и полуважными подмастерьями и с сердечным трепетом поверяли дюжим маменькам тайное пожатие руки или аллегорическое любовное объяснение. Амур присутствовал на сих балах не с завязанными глазами, но в очках и с арифметической таблицей“.

В 20-х годах на смену Бюргер-клубу тут открылись „общественные маскарады“, не имевшие, однако, успеха у публики. — „Несмотря на веселые мотивы,

наигрываемые оркестром, — записал О. Пржевальский, — маскарады всегда без танцев, имели вид похоронного шествия и утомляли мундирным однообразием костюмов — монахов и пилигримов, маркизов и пьерро“.

В тридцатых годах, когда маскарады именовались уже „Энгельгардтовскими“, „Северная Пчела“ писала, что тут „во первых — ни одной маски, за исключением двух-трех женщин в тирольских костюмах, сидящих в уголках и все время ждущих, что их угостят ужином. Во вторых — никто не танцует. В третьих — чрезвычайно мало публики, в большой зале — 100 человек“. — „Тут можно было бы подумать, что здесь собрались отшельники, раздумывать о суете мира сего и повторять друг другу на ухо: „memento mori“, — писал игривый фельетонист.“²²²

Завязка драмы в лермонтовском „Маскараде“ происходит, как известно, в доме Энгельгардта. Арбенин говорит Звездичу:

Рассеяться-б и вам и мне не худо...

Ведь нынче праздники и, верно, маскарад
У Энгельгардта.

„Маскарадные комнаты“ в доме Энгельгардта сдавались также под устройство вечеров и концертов. „Вы помните прекрасную Филармоническую залу и весь великолепный бель-этаж дома Энгельгардта? — писал один из журналов. — Когда это помещение было отстроено и отделано, весь Петербург сбегался смотреть на это удивительное, тогда несравненное, явление. Весь город был полон толками про готическую и китайские комнаты. А зала! Кого мы там не переслушали! Вьетана, Виардо-Гарсиа, Рубини, Листа...“ В 1842 г. на одном из концертов Лист блестяще исполнил здесь бетховен-

скую „Sonata quasi una fantasia“. Она произвела такое впечатление, что юный Стасов, находившийся в числе слушателей, громко разрыдался среди глубокой тишины зала. Здесь же в следующем году выступал с громадным успехом четырнадцатилетний Антон Рубинштейн. В ангельгардтовском зале в 1847 г. в последний раз выступила на подмостках знаменитая трагическая актриса Катерина Семенова.

Одними из старейших частных построек на пр. 25 октября являются бывшие дома Лазаревых, ныне №№ 40-42. Их строителем был архитектор Фельтен, типичный представитель в Петербурге стиля, получившего в свое время название Людовика XV. Согласно своим обычным приемам, зодчий стремился, главным образом, подчеркнуть красоту линий зданий армянской церкви и выходящих на улицу двух жилых корпусов. За 160 лет своего существования (церковь и дома построены в 1771—1772 годах) оба корпуса потерпели довольно значительные изменения.—Один из них в середине XIX века даже надстроили. Тогда же была уничтожена интересно задуманная Фельтеном металлическая решетка со столбами, завершавшимися двумя фигурами лежащих львов. Они отмечены на хранящемся в городском архиве хорошем чертеже фасадов зданий, расположенных на этом участке (1823 г.). В конце 30-х годов они были зарисованы художником Садовниковым на панораме Невского пр., весьма ценном документе эпохи.

В 1891 г. был высочайше утвержден проект архитектора В. Шретера о надстройке фельтеновских зданий еще двумя этажами по фасаду. Но осуществлено это не было. В правом корпусе, где сейчас помещается почтовое отделение, обращают на себя внимание прекрасный плафон парадного зала и штучный пол. Владелец этого дома кн. Абамелек-

Лазарев купил на Миллионной ул. так называемый „бироновский дом“ и, пристроив к нему дом по набережной Мойки, сооруженный по проекту И. А. Фомина, перенес туда из своего дома на Невском пр. часть отделки дома, в том числе превосходную печь с колоннами (копия известного памятника Лизикрата), повторения которой имеются в дворцах Гатчины и Останкина.

В лазаревском доме помещалась в 20-30-х годах кондитерская Андрея Амбиеля, где служил в качестве „первого гарсона“ Иван Излер. Купив у Амбиеля его „дело“, Излер значительно расширил помещение. Его кондитерская стала вскоре одной из лучших в городе.

Здесь в лазаревском доме в верхнем этаже левого флигеля (ближе к Пассажу) прожил с 1854 г. по 1872 г. Федор Иванович Тютчев. Его переезд сюда совпал с началом злополучной крымской войны. „Известия все плохие, — писал он жене, — и чувствуется по их глупейшим бюллетеням, что они совершенно растерялись. Мне кажется, что никогда, с тех пор, что существует история, не было ничего подобного: империя, целый мир рушится и погибает под бременем глупости нескольких дураков“. По вечерам, набросив на себя зеленый плащ, Тютчев, в сопровождении кого-либо из своих многочисленных друзей, шел посидеть и погреться в лучах заходящего солнца на скамейке, стоявшей у ворот. „Собой он был дурен, — писал В. А. Панзев, — небрежно одет, неуважлив и рассеян, но все это исчезало, когда он начинал говорить, рассказывать; все мгновенно умолкало“...

Вы помните его среди друзей—
Как мысли сыпались, неожиданные, живые,
Как забывал мы под звук его речей
И вечер давший, и годм прожитые...

С домами Лазаревых связана жизнь еще двух других выдающихся людей первой половины XIX века—Сперанского и Батенкова.

Опальный сановник вернулся в Петербург из ссылки в марте 1821 г. „Выехал 17 марта 1812 г.,—записал Сперанский,—возвратился 22 марта 1821 г. Странствовал 9 лет и 5 дней“. Сперанский, по приезде, жил одно время на Малой Морской ул. в доме Жерве, а затем в доме сенатора Неплюева на Фонтанке, и, наконец, окончательно обосновался в доме Лазарева на Невском пр.

„Я нанял этаж в доме Лазарева, — писал Сперанский дочери 25 сентября 1823 г., — и дешевле и покойнее, хотя и потеснее. Дом на перспективе и следовательно очень шумно; но я имею одну комнату во двор, где и буду спать, а кабинет в столовой. Всего четыре чистые комнаты, но для меня достаточно; наверху, в роде антресолей, помещается канцелярия“.

Тут в узеньком кабинете, обращенном окном на Невский пр., Сперанский принимал известного впоследствии мемуариста В. Бурнашева, тогда еще юношу, которого отец привел „на поклон“ к влиятельному сановнику. Сперанский сидел у приставленного к окну письменного стола, — описывает свой визит Бурнашев, — одетый в светло-голубой левантиновый утренний сюртук; шея была повязана коричневой косынкой, на ногах красовались вышитые гарусом туфли. — Внешность Сперанского описал подробно сенатор К. Фишер. „Довольно высокого роста, с маленькой головой, худощавый, согнувшийся вперед, лысый, с сединами, бледный или вернее белый, blafard, с розовыми кружками на щеках, как у чахоточных, редко-рябоватый, с тонкими чертами лица и хитрыми глазками — чистый тип поповича в совершеннейшем виде или начальника иезуитов“.

Вместе со Сперанским здесь жила его дочь Елизавета Михайловна, которую он выдал замуж за некоего Фролова-Багреева, состоявшего в родстве с влиятельным гр. В. П. Кочубеем. Дочь Сперанского долго противилась этому браку, не желая соединять свою судьбу с человеком, над „простотою“ которого трунил весь петербургский „свет“. — Как передает декабрист Батенков, отец добился согласия дочери лишь после того, как запер молодую девушку на замок, посадив ее на хлеб и воду. „Так сильна была у генерала-кутейника жажда знатности“, — отметил по этому поводу один историк. Здесь в доме Лазарева Сперанский пережил декабрьские дни 1825 г.

Надо думать, что о существовании Тайного Общества Сперанский был осведомлен; знал он, вероятно и о том, что его имя на ряду с именем его политического единомышленника Мордвинова, производилось декабристами при обсуждении состава будущего правительства. Когда до Петербурга дошли вести о внезапной болезни и смерти Александра I, Сперанский насторожился. Всякие разговоры о политике в его доме были прекращены. Когда Г. С. Батенков в дружеской беседе коснулся слухов, ходивших по городу в эти тревожные дни, Сперанский прервал его словами: „Ежели не хочешь погибели себе, то не занимайся бы тем, что до тебя не относится“.

Получив приказ о своем назначении членом Следственной комиссии над участниками мятежа, Сперанский глубоко взволновался. По словам его дочери, возвращаясь с заседаний комиссии, он часто плакал по ночам. Дорогой ценой заплатил Сперанский за избранный им путь карьеры и почестей. Ему пришлось подписать приговор над своим близким другом Батенковым, присужденным к 20 годам каторги.

По своему образованию и блестящим дарованиям Батенков был одним из наиболее выдающихся людей своего времени. Он был издавна связан со Сперанским добрыми отношениями, завязавшимися в период их совместной службы в Сибири. Приехав в Петербург, Батенков перешел в 1823 г. на службу в Управление военными поселениями.

Он поселился сначала у Сперанского в бельэтаже лазаревского дома, откуда перешел вскоре в дворовый флигель, заняв квартиру из трех комнат в третьем этаже.

В этих небольших, скромно обставленных комнатах, Батенков вел долгие беседы со своими друзьями Рылеевым и Бестужевым-Марлинским о будущих преобразованиях России. Однако, членом Тайного Общества Батенков стал лишь за несколько дней до восстания. В событиях на Сенатской площади он участия не принимал. Даже в следственных документах было отмечено, что на совещаниях членов Тайного Общества Батенков „подавал мнения более умеренные и ограничивающиеся одним стремлением ко введению конституционного правления“. Но, как гласило обвинение, Батенков „питал честолюбивые виды быть членом Временного Правления и надеялся, в виде регентства, управлять государством под именем его высочества Александра Николаевича“. Этим, видимо, надо объяснить исключительную суровость наказания — 20 лет каторжных работ.

Осужденный Батенков был отправлен в Свартгольмскую крепость на Аландских островах, где он содержался в очень тяжелых условиях.

Скажите: светит ли луна?

И есть ли птички хоть на воле?

И дышат ли зефиры в поле?

По старому ль цветет весна?

Ужели люди веселятся?

Ужели их, их не страшит?

Друг другу смеет поверяться

И думает и говорит.

Таковы были мысли узника обреченного на долгую неволю.

В июне 1827 г. Батенков был возвращен в Петербург и заключен в Алексеевский рavelин, из которого он вышел лишь в 1846 г., т. е. 19 лет спустя. Столь суровому наказанию не был подвергнут ни один декабрист.

В течение первых четырех-пяти лет заключения его ни разу не выпустили из камеры. Наконец, он получил разрешение гулять по коридору; но разговаривать он не имел права ни с кем. Постепенно Батенков разучился говорить. Он потерял представление о времени... Ему стало казаться, что он находится в заключении несколько столетий. Узником начало овладевать безумие. „Я почувствовал себя Творцом, равным богу и вместе с богом решил разрушить мир и пересоздать“, — писал он. Прошли десятилетия, а Батенков попрежнему томился в каземате Алексеевского рavelина.

Живой в гробу

Клянусь судьбу

И день несчастного рожденья —

записал узник.

Наконец, через 20 лет о нем вспомнили. 31 января 1846 г. последовал высочайший приказ о высылке Батенкова в Томск, „с учреждением за ним там строгого наблюдения“. Но, как отметил в своих воспоминаниях сам Батенков, он „ни с кем не мог видаться, потому что уже вовсе ничего не знал — как дикой. Даже едва умел ходить, а видеть и говорить вовсе отвык. Любопытные приходили смотреть на меня“. — Батенков провел в крепостях в одиночном заключении — 21 год, 1 месяц и 18 дней.

Лишь после амнистии 1856 г. он вернулся в Европейскую Россию и поселился в Калуге, где и скончался в 1863 г. Такова была судьба одного из наиболее замечательных и достойных людей того времени.

Интересно отметить, что Батенков на всю жизнь сохранил благодарную память о Сперанском. Последний, после ареста Батенкова и заключения его в крепость, попрежнему оставался в доме Лазарева. Дочь Сперанского, после замужества, осталась жить с отцом. Хорошо владея пером, поклонница литературы, она сумела привлечь в свой салон А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, А. Мицкевича. Здесь у Сперанского бывал и Пушкин.

Стоявший некогда на месте нынешнего Пассажа двухэтажный дом, построенный „сундуком“, принадлежал в течение всей первой трети XIX века кн. Е. Н. Вяземской. Она была женой екатерининского генерал-прокурора, „истинного визиря, — по замечанию Винского, — владычествовавшего самовластно не только в губерниях, но и в самом Сенате“. — Скарденная, не брезгавшая, по словам Екатерины II, даже „дачей денег в проценты и заклад“, Вяземская, тем не менее, вела открытый образ жизни. Особенно охотно она принимала у себя иностранных дипломатов, рассчитывая найти среди них женихов для своих дочерей. Одну из них она выдала замуж за сардинского посланника, другую за датского, после чего старая княгиня стала называться в петербургском свете „Тещей дипломатического корпуса“. Она умерла в своем доме глубокой старухой. Особняк же ее на Невском пр. перешел к ее внучке гр. Влодек, некогда пленившей Александра I.

В тридцатых годах Влодеки не жили уже в Петербурге и бель-этаж их дома стал сдаваться в наем. В конце 1836 г. сюда переехал нидерландский по-

сланник бар. Геккерен, оставивший свою квартиру в доме № 60 по Невскому проспекту. ²²³ Тонкий знаток старины, Геккерен свою новую квартиру превратил в настоящий музей. По словам бар. Торнау, он „менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которою потом любил дразнить других знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной посредственной вещи. Геккерен был умен, — прибавляет автор, — полагаю о правде имел свои собственные довольно широкие понятия, чужим же прегрешениям спуску не давал“.

Здесь с Геккереном жил его приемный сын Дантес с женой. По словам современников это была странная пара: „Один из самых красивых кавалергардов и наиболее модных людей“ — и рядом с ним — „не то крупный иноходец — не то ручка от метлы“. Человек, убивший Пушкина, имел два имени — Дантес и Геккерен и три отчества — Францию, — по месту рождения, Голландию — по приемному отцу и Россию — по месту службы.

Когда после суда над Дантесом последовало „высочайшее повеление“ — „рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу“, 19 марта 1837 г. в 11 часов утра сюда, в квартиру Геккерена, был доставлен Дантес в сопровождении жандармского унтер-офицера, для прощания с приемным отцом и женой. „При сем свидании, — как гласил рапорт, — находились: жена рядового Геккерена, отец его — посланник и некто гр. Строгонова... Свидание продолжалось всего один час. Разговоров, заслуживающих особенного внимания, не было. Вообще в разжалованном Геккерене заметно никакого неудовольствия, напротив, он изъявлял благодарность к государю императору за милость к нему и за дозволение, данное его жене

бывать у него ежедневно во время его содержания под арестом. Между прочим, говорил он, что по приезде его в Баден он тотчас явится к его высокочеству вел. кн. Михаилу Павловичу. Во все время свидания, рядовой Геккерен, жена его и посланник Геккерен были совершенно спокойны: при прощании их не замечено никаких особых чувств²²¹.

В этот же день Александр Тургенев встретил отъезжавшего Дантеса в солдатской шинели и шитой шелком фуражке, лихо промчавшегося мимо него на тройке. Через неделю в «СПБ. Ведомостях» появилось объявление об отъезде за границу «баронессы Екатерины Николаевны Геккерен, французской подданной; спросить на Невском пр. в доме генерал-лейтенанта Влодека, под № 51». — А три дня спустя в газете уже сообщалось о предстоящем отъезде «барона фон-Геккерен, Чрезвычайного посла и полномочного министра короля Нидерландского»²²¹.

Как передает М. Н. Смирнов в своих памятных заметках — «бар. Геккерен, голландский посланник, должен был оставить свое место. Государь отказал ему в обыкновенной последней аудиенции и семь осьмиых общества прервали с ним тотчас знакомство. Сия неожиданная развязка убила в нем его обыкновенное нахальство, но не могла истребить все его подлые страсти, его барышничество: перед отъездом он опубликовал о продаже своей движимости и его дом превратился в магазин, среди которого он сидел, продавая сам вещи и записывая сам продажу. Многие воспользовались сим случаем, чтоб сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена: один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял его из под него»²²⁵.

Стоящий на проспекте 25 октября под № 54 (на углу ул. Пролеткульта) пятиэтажный дом был

построен в 1882 г. по проекту известного архитектора П. Сюзора. Нагроможденные карiatиды, вазы и балкончики не могут, однако, искупить полного убожества архитектурного замысла. Подобный стиль, видимо, отвечал вкусам промышленного капитала, застраивавшего центральную часть города. На месте постройки Сюзора стоял когда-то известный дворец гр. Головиной, в 40-х годах принадлежавший уже ее наследникам, Демидовым. Великолепное здание это, отмеченное в «списке выдающихся особняков русских аристократов», значительно изменило свой внешний облик в 1841 г. Тогда был надстроен третий этаж и произведен ряд переделок, превративших дворец в доходное строение с магазинами и частными квартирами.

Здесь открылись меблированные комнаты, известные под названием «Демидовской гостиницы», содержавшейся некоей Огюстин Шатильон, подругой сердца архитектора Монферрана. В качестве постояльцев сюда допускались только заезжие артисты.

Здесь в демидовской гостинице состоялось 1 ноября 1843 г. знакомство Полины Виардо с И. С. Тургеневым, предрешившее жизненный путь писателя. «Я ходил сегодня взглянуть на дом, где я впервые семь лет тому назад имел счастье говорить с вами, — писал Тургенев Полине Виардо 1 ноября 1850 г. — Дом этот находится на Невском пр., против Александринского театра; ваша квартира была на самом углу — помните ли вы? Во всей моей жизни нет воспоминаний более дорогих, чем те, которые относятся к вам... Мне приятно ощущать в себе после семи лет все то же глубокое, истинное, неизменное чувство, посвященное вам». Два года спустя, 1 ноября 1852 г., Тургенев снова вспомнил этот знаменательный для него день. — «Снова годовщина и знаете, какая? Сегодня ровно девять лет, как я вас встре-

тил в первый раз в Петербурге, в доме Демидова. Я помню этот визит, как будто это произошло вчера. Это было утром". — "День, когда мне не светили ваши глаза, для меня потерянный день".²²⁶

В пушкинское время на углу Невского пр. и Караванной ул. стоял длинный трехэтажный дом (ныне № 64 по пр. 25 октября), украшенный пилястрами и бросавшейся в глаза балюстрадой крыши. Построенный в конце XVIII века Д. А. Зубовым, братом екатерининского временщика, дом вскоре перешел во владение петербургского городского головы, именитого купца Меншикова, в роду которого оставался в течение ста лет. Дом не сохранил до наших дней своего первоначального вида. В 1881 г. по проекту архитектора Пруссакова он был надстроен двумя этажами и заново отделан согласно „духу и вкусу времени“. При переходе дома к Меншикову, он утерял прежний облик барского особняка. Дом начал сдаваться под квартиры „всем желающим — на год, помесечно или по особливим с владельцем условиям“.

Сюда, („в доме Меншикова на Невском пр.“) адресовали в начале 20-х годов письма Жуковскому его друзья.

Близкий к царской семье Жуковский, как известно, жил во дворце. Но, возвратясь в 1822 г. из своего заграничного путешествия, он решил „принести себя в жертву милому Сандручке“, своей любимой племяннице А. А. Воейковой, и переехал из Аничкова дворца в стоящий напротив дом Меншикова. Здесь, близ окна, выходящего на Невский пр., сидя на диване с поджатыми ногами, Жуковский принимал своих друзей, покуривая табак из длинного янтарного чубука. „Он походил на турецкого пашу, — записал К. Зейдлиц, — к чему способствовало сложение его головы и несколько желтоватое лицо его.

Широкий, короткий череп, с высоким лбом, прямой профиль, квадратный склад лица, не очень большие, но быстрые глаза, тучное телосложение, наклонность к неге, басовой голос — вот признаки, обнаруживавшие турецкую кровь в организме Жуковского“.

Тут же близ окна стоял любимый стол Жуковского, „мой старый друг“, как называл его поэт. „Вот, — сказал он однажды Зейдлицу, указывая на стол, — место, обоженное свечей, когда я писал пятую главу „Ундины“. Здесь я пролил чернила, именно оканчивая последние слова Леноры: „Терпи, терпи, хоть ноет грудь“. По словам А. И. Тургенева, тут собирались у Жуковского „ежедневно и ежечасно“ — „литераторы всех расколов и всех наций, художники, музыканты“. Гостей радушно встречала „любезная, изящная, остроумная хозяйка“, Александра Андреевна Воейкова, жена редактора „Русского Инвалида“. Когда этот „литератор — без сочинений, поэт — без стихов и профессор — без кафедры“ — появился на петербургском горизонте, Дельвиг написал Пушкину: „С приездом Воейкова из Дерпта и с появлением Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеце подлеца погоняет“.

Внешность Воейкова была, по словам современников, примечательная. Свалившись однажды с дрожек, он повредил себе ногу и сломал нос. С тех пор Воейков ходил с костылем и с черной повязкой на лице. „И трауром покрылся Капитолий“, — воскликнул, словами Батюшкова, Булгарин, увидев изуродованное лицо Воейкова. — Нравственные достоинства Воейкова соответствовали его внешности. „Человек желчный, — записал о нем Зотов, — завистливый, грязный в частной и общественной жизни, но несомненно умный и даровитый, он доставлял своей жене массу огорчений“. По словам П. Бартенева, Воейков „живал часто на счет людей, которых оглашал друзьями, —

и которые не прогоняли его от себя только из уважения к его жене“.

Александра Андреевна Воейкова пользовалась в литературном мире заслуженным уважением и любовью. Вяземский, Рылеев, Николай Бестужев, Козлов, Гнедич, оба брата Тургеневы были горячими поклонниками этой незаурядной женщины. Жуковский посвятил ей „Светлану“. Вместе со своею „Отрадою“, как называл Воейкову Жуковский, он отпраздновал в январе 1823 г. 40-летнюю дату своего рождения. Боратынский, вспоминая свои „тихие беседы со Светланой“, писал—

И при тебе душа полна
Священной тишиной.

Она была вдохновительницей юной музы Языкова. Пламенный поэт, в то время студент дерптского университета, просиживал целые ночи над элегиями и посланиями, посвященными „божественной“. „Не вы ли мне песни первые внушили, мне светлый указали путь“,—писал он Воейковой. В течение многих лет поэт не мог забыть

Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В лилющемся кристалле разговора.

„Молодая, прекрасная, с нежно-глубоким взглядом ласковых глаз, с легкими кудрями темнорусых волос и черными бровями, она осталась для меня таким неземным видением из времени моего детства, что я долго своего ангела-хранителя воображала с ее чертами“.—Так описала Воейкову А. Д. Блудова.

Жуковский и его „Светлана“ не долго прожили вместе в доме Меншикова. Поэт вернулся вскоре в Аничков дворец; Воейкова же поселилась на Литейном пр. в доме Гассе (где умер Некрасов). Отсюда в июле 1827 г. она выехала за границу.

Отъезд Александры Андреевны был вызван ее тяжелой болезнью. У нее открылось кровохаркание, после чего Воейков выразил, наконец, согласие на ее отъезд и „выдал ей паспорт“. Накануне отъезда он, по словам Греча, „послал ее в свой кабинет принести лист бумаги со своего письменного стола; пришедшая туда „Светлана“ нашла на столе написанную мужем эпитафию на ее смерть“. Она уехала в Италию, где вскоре скончалась от чахотки.

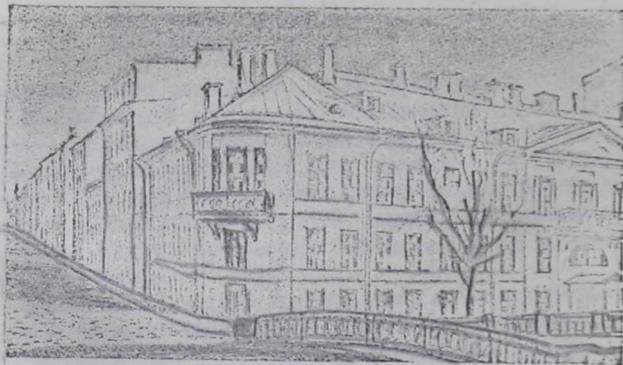
„С 15-летнего возраста до теперешнего времени была она во всем моим прелестным товарищем,—писал Жуковский Александру Тургеневу,—как была она мила в своей первой молодости... Потом, как предмет забот и сострадания, как смиренная, но всегда веселая, при всем своем бедствии, жертва Воейкова.—Все это пропало, от всего этого осталась последняя минута, светлая, возвышающая душу. Перед этою минутою молчит сожаление о ней“.

Пушкин никогда не бывал у Жуковского в доме Меншикова. Он провел эти годы в ссылке на юге. Дружеские отношения между юношей Пушкиным и Жуковским, завязавшиеся еще до поступления Пушкина в лицей, поэт сохранил до конца своей жизни. Он считал себя глубоко обязанным своему старшему другу и, возражая однажды Бестужеву-Марлинскому на его суровую критику поэзии Жуковского, Пушкин заметил: „Зачем кусать нам груди кормилицы нашей, потому что зубки прорезались?... Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности, к тому же переводный слог его останется всегда образцовым“.

Интересную характеристику друзей-поэтов дал П. Бартеков. — „Жуковский и Пушкин — люди не только разного, но почти противоположного характера. В стихах и жизни Пушкина ощущается пыл и зной Африки; по свидетельству лиц, близко наблюдавших его, он иногда чувствовал такую горяч-

ность и прилив крови, что должен был освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убежал в другую комнату. Вертячий и непосестный, Пушкин был весь жизнь и движение. Мать Жуковского—турчанка из нынешней Бессарабии и в сыне ее сказалась тихая, задумчивая созерцательность турецкого племени. По природе своей Жуковский был ленив и неподвижен, охотно привязывался к месту и обстановке, мог проводить целые часы на диване, потягивая трубку, и самый голос у него был протяжно-медлительный, а движения всегда спокойные. В беседе—добродушная и нередко затейливая шутка у Жуковского; краткое, меткое, изощренное слово—у Пушкина“.

Вяземский оставил следующую характеристику Жуковского: „У Жуковского все душа и все для души. Но душа свидетельница настоящих событий, видя эшафот, который громоздят для убийства народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальной Аркадии. Шиллер гремел в пользу притесненных. Байрон, который носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием на притеснителей и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими“.—Но лира Жуковского воспевала лишь „скипетр“ и „короны“. „Безумное равенство прав“ он почитал гибельным для человечества. Поэт считал, что образование для крепостных людей является „излишеством“, которое помещает им довольствоваться жребием, „в котором они помещены судьбою“. Гроза революции, пронесшаяся над Западом, не отразилась на мирозерцании Жуковского. События 14-го декабря вызвали лишь его негодование. „Какая сволочь!— писал он Александру Тургеневу,—чего хотела эта шайка разбойников... Презренные злодеи, которые хотели с такой безумной свирепостью зарезать Россию“.



Дом Гавриловой на Мойке, ныне № 70.
Здесь помещалась библиотека А. Ф. Смирдина.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В дни февральской революции стоявший на углу Почтамтской ул. и Конногвардейского переуллка дом министра императорского двора Фредерика был сожжен. Долгое время это место было покрыто грудой почерневших кирпичей и лишь недавно тут построили новый дом.

В двадцатых и тридцатых годах XIX века вся местность против конногвардейских казарм представляла собою пустырь, который стал застраиваться лишь к сороковым годам.

Тогда был заново перестроен и увеличен стоявший на углу Почтамтской ул. небольшой уединенный домик, принадлежавший сначала консулу Тешу, а затем подполковнику Брюну. Построенный в стиле Возрождения дом был украшен разноцветными ара-

бесками и медальонами с мифологическими сценами. В 1845 г. он перешел к потомкам богатого екатерининского банкира Фридрихса, именовавшимся уже баронами Фредерикс. Внешний вид дома сохранился без всяких изменений вплоть до 1885 г., когда здание было совершенно обновлено архитектором Шрейбером. Дом украсился тогда аттиком и вазами. В таком виде он простоял до 1917 г.

Здесь в небольшом доме подполковника Брюна, поселился в тридцатых годах известный литератор О. И. Сенковский, писавший под псевдонимом „барона Брамбеуса“. Это был один из весьма образованных людей своего времени, обладавший обширными познаниями в области истории и литературы Востока. Помимо европейских языков, он владел также арабским, турецким, персидским и новогреческим. Блестящий профессор петербургского университета нашел, однако, тесной для себя студенческую аудиторию. Он занялся публицистикой, сойдясь с Ф. Булгариным и Н. Гречем. Они были близки ему по духу, но к мощенничеству и подлогам, связанным с именами обоих журналистов, Сенковский не был причастен. Он не был близок и к III Отделению.

Своим участием в издаваемой Смирдиным „Библиотеке для Чтения“ Сенковский оказал новому журналу чрезвычайные услуги. Было время когда он писал до ста печатных листов в год. Это были рецензии, ученые статьи, водевили и повести.

„Библиотека для Чтения“ стала в руках „Брамбеуса“ не только источником громадных прибылей, но и ораторской трибуной. „Мефистофель николаевской эпохи“ (как назвал Герцен Сенковского) обозреживал соперников ядом своих сарказмов, злобно смеясь над непреложными истинами и признанными авторитетами.

Он не росу небес, но яд земли —
Здословье лет, как демон, от бессилья;
Не в небесах следит орла он крылья,
Но только тень их ловит он в пыли, —

написал о нем декабрист А. И. Одоевский.

Влиятельный журналист, пожелавший иметь барскую квартиру, решил снять дом Брюна. Однако, при первом осмотре, дом этот произвел на Сенковского и его жену невыгодное впечатление. Это было темное и сырое одноэтажное здание на подвалах, с семью окнами по фасаду. Комнатки были маленькие и грязные.

Сенковский, желая сделать жене сюрприз, втайне от нее занялся переделкой своей будущей квартиры. Из неприглядного помещения она вскоре превратилась в „роскошную бомбоньерку“. Покрытая богатым ковром лестница представляла собою сплошную аллею цветов, которая заканчивалась боскетом из апельсиновых деревьев, жасмина и роз. Повсюду была расставлена редкая мебель, бронза, мраморные статуи; огромные картины в золотых рамах и множество дорогих безделушек украшали квартиру. Специальный садовник ухаживал за цветами, заполнявшими все комнаты.

Сюда, в этот роскошно убранный дом, по вечерам собиралось множество лиц, искавших покровительства всемогущего редактора. — Он писал обыкновенно всю ночь напролет, а днем спал. Когда посетитель подходил к рабочему кабинету хозяина, лакей хлопал, по восточному обычаю, в ладони. Из-за портьеры доносился такой же ответный звук, и гость допускался к Сенковскому. Кабинет был убран в восточном вкусе и в глубине его, среди множества пестрых подушек, возлежал „барон Брамбеус“. Все лицо его было изуродовано оспой и покрыто пятнами. Приплюснутый нос, хитрые глазки без ресниц и бровей и ряд черных зу-

бов — такова была внешность „барона Брамбеуса“. Он был обычно одет в албанскую синюю куртку и красные шальвары. Его голову украшала красная феска. На ковре стоял хрустальный кальян, через который Брамбеус пропускал струю ароматного дыма.

Карл Брюллов сравнил лицо Сенковского с кладбищем, что не мешало его жене питать к нему нежную любовь. — „Сенковская, — пишет Пржецлавский в своих воспоминаниях, — была очень некрасива и, по странной игре природы, чрезвычайно похожа на своего супруга, *mutatis mutandis*. И так у него лицо было сально-желтого цвета, а у нее красно-желтого цвета; у нее глаза черные, как ночь, а у него какого-то бледно-бутылочного оттенка, и взгляд его имел что-то очень неприятное, но черты лица у жены и у мужа были тождественны... Раз в одном поезде я приехал в Павловск с Сенковским. Когда он с женою, встречавшего его на платформе, нежно обнимались, кто-то из задних вагонов громко воскликнул: „Господа, посмотрите, как леший с домовым целуются“.

От своей жены „Брамбеус“ требовал лишь, чтобы она была всегда одета с исключительной пышностью. Богато наряженная, она принимала по субботам гостей, которых Сенковский угощал изысканными ужинами.

Здесь можно было встретить Нестора Кукольника, скульптора Федора Толстого, Карла Брюллова и его брата Александра, женатого на сестре Сенковской. Но к литературной богеме „Брамбеус“ относился с пренебрежением. Он предпочитал гостей, к которым можно было за ужином во всеуслышание обратиться со словами: „ваше сиятельство“ или „ваше превосходительство“. Не чуждый музыкальных способностей, хозяин дома часто устраивал у себя интересные концерты. Тут пел свои романсы Глинка,

звучала виолончель знаменитого Серве. Блестящий молодой пианист Гензельт играл здесь свою прекрасную „*Roème d'amour*.“

Годы, проведенные Сенковским на Почтамтской ул., по словам его жены, были самым счастливым периодом его жизни. Он прожил тут лишь четыре года, так как непомерные расходы по содержанию дома вынудили его оставить Почтамтскую и переехать на Васильевский остров. К тому времени материальное благополучие Сенковского пошатнулось. Интерес к „Библиотеке для чтения“ упал, число подписчиков сократилось. Многие уже смотрели на журнал, как на „пустую бумагу, обернутую позолоченным переплетом“. Немалую роль в судьбе „Библиотеки“ сыграла конкуренция появившихся толстых журналов, а также скрытая борьба, возникшая между Сенковским и его прежними соратниками, завидовавшими его успеху.

Тут же поблизости, по другую сторону Мойки, в небольшом доме, стоящем и поныне на набережной под № 92, жил издатель „Северной Пчелы“ Н. И. Греч. По предположению В. Я. Курбатова, дом этот относится чуть ли не к аннинской эпохе. К сожалению, историю участка по данным городского архива можно проследить лишь с 1834 г., поэтому документально подтвердить это предположение невозможно.

Недавно еще огражденный с набережной старинной решеткой дом этот был варварски переделан в 1865 г., по продаже его Гречем (одним из его владельцев оказался известный архитектор Иероним Корсини, оставивший хороший чертеж фасада здания, хранящийся в городском архиве). Последними владельцами дома были Юсуповы, собственники стоящего рядом известного дворца, построенного Кваренги.

В начале XIX века участок этот принадлежал действительному статскому советнику А. А. Ржевскому, от которого он перешел к бар. Ашу. Тут поселился В. С. Попов, секретарь и любимец умершего на его руках „светлейшего князя Тавриды“ — Потемкина. В начале тридцатых годов здесь разместилась типография литератора Греча; в июле 1831 г. он сам переехал сюда, купив у Аша этот дом на Мойке.

Человек пронизательного ума, Н. И. Греч вполне трезво смотрел на современное ему положение России. „Может ли существовать порядок и благополучие в стране, где из шестидесяти миллионов нельзя избрать восьми умных министров и пятидесяти честных губернаторов?“ — отметил он в своих записках. — Но это не мешало ему быть верным слугой престола и раболепствовать перед „вышним правительством“.

Яркую характеристику Греча дал в письме к Боткину Белинский. — „Это литературный Ванька-Каин, — писал он, — это человек, способный зарезать отца родного и потом плакать публично над его гробом, способный вывести на площадь родную дочь и торговать ею (если-б литературные ресурсы кончились и других не было), это грязь, подлость, предательство, фискальство, принявшие человеческий образ“.

Когда на Западе вспыхнула революция и умолчать об этом было уже невозможно, Греч сокрушался над „развратом умов и совестей в Европе“, умиляясь „зрелищем здорового нравственного состояния“, в котором пребывала Россия. Сосредоточив в „Северной Пчеле“ — „всю заботливость сердец русских о любимом Отце-Государе“, ее издатели добились того, что Николай I называл „Пчелу“ — „моя газета“. Правительство всеми мерами содействовало ее распространению. Поэтому бывали годы, когда

каждый из издателей зарабатывал по 24 000 р. сер. — сумму для того времени весьма значительную.

Неизменным сотрудником Греча был Булгарин. Однако, „Грачей разбойников“, как назвал их Пушкин, связывали лишь материальные интересы. И когда много лет спустя между друзьями произошли разногласия по денежному вопросу, Греч в своих записках рассказал о Булгарине такую правду, „что хуже всякой лжи“.

За период их совместной работы Булгарин приобрел себе имение в Остзейском крае, а Греч — дом на Мойке, где помещалась редакция газеты.

Здесь составлялись доносы на конкурентов, тут щедро платили за пасквили и открыто торговали рекламными статьями. Наезжавшие в редакцию посланцы Бенкендорфа в жандармских мундирах чувствовали себя хозяевами, встречая здесь неизменное „слушаю-с“.

Кому из литераторов того времени не был известен этот „гречев дом“! Множество петербуржцев с раннего утра торопилось на Мойку к знакомой решетке дома Греча, ища свидания с „главой воинствующей литературы“, как назвал Греча один французский путешественник. В зеленой куртке и бархатных туфлях, Греч учтиво принимал посетителей, хитро поглядывая на них поверх свои очков. На „четвергах“ Греча собирался весь литературно-художественный Петербург. Здесь бывал также и весь театральный мир столицы и заезжие иностранные знаменитости. Вся эта пестрая толпа певцов, музыкантов, фокусников и чревоушителей, спешила засвидетельствовать свое почтение влиятельному литератору, с тайной надеждой на благоприятный отзыв в „Пчеле“.

Некоторых привлекало сюда присутствие младшего сына Греча, Николая. Это был очень талантливый юноша, любитель музыки, отличный

актер. При его участии тут ставились живые картины и разыгрывались водевили Шаховского, Ленского и Каратыгина.

Постоянным посетителем „четвергов“ Греча был, конечно, и Булгарин, старавшийся всегда занять самое почетное место. Он „был кругленький, на коротеньких ножках, — записала М. Каменская, — с порядочным брюшком, голова плотно подстриженная, как бильярдный шар, лицо смятое, глаза вытарашенные, как у таракана... вечно спорил и хохотал; одет был в светло-серенькое с ног до головы“. — У камина располагался Сенковский, не расстававшийся с чубуком розового дерева. В углу сидел неуклюжий Нестор Кукольник, поминутно нюхавший табак. А в столовой, поближе к бутылкам, усаживался неизменный спутник Брюллова — художник Яненко.

Однажды у Греча Бурнашев видел Пушкина. Поэт, как известно, открыто боролся с влиянием „Пчелы“, не порывая, однако, с Гречем личных отношений. — „Неожиданно и неприметно, — рассказывает Бурнашев, — вошел в комнату небольшого роста господин, с длинными, курчавыми, растрепанными, темнорусыми волосами, с бледно-темноватым лицом, окаймленным огромными бакенбардами, падавшими вниз. Господин этот был в коричневом сюртуке и держал мягкую, измятую шляпу в левой руке. В лице его было что-то необыкновенное, будто напоминающее наружность мулата: нос несколько приплюснутый, губы очень красные и широкие, а обнаруживаемые веселой улыбкой зубы — белизны необыкновенной“.

Со смертью сына, вечера Греча в значительной степени утратили свой интерес. Эта смерть совпала с дуэлью Пушкина. Тяжело раненый поэт просил Даля передать Гречу о его сочувствии.

В старом доме на Мойке жизнь постепенно замирала. Далеко в прошлом был успех „Пчелы“. И тщетны оказались все попытки ее нового редактора П. Усова (переехавшего в дом Греча в 1850 г.), восстановить былую славу газеты — число ее подписчиков все уменьшалось.

Вскоре дом на Мойке был продан Гречем для уплаты долгов. Женившись на старости лет на классной даме из института глухонемых, он переселился в казенную квартиру своей жены, где и умер, всеми забытый в 1867 г.

Но дому Греча было суждено еще раз послужить убежищем угоднического и лакейского духа. — Здесь, в его бывшей квартире, открылся в декабре 1864 г. „Клуб петербургских служителей“. Учредителями его были камер-лакеи, камердинеры и швейцары высокопоставленных особ, торжественно отпраздновавшие открытие своего клуба. Вскоре сюда стали, однако, наезжать сами высокие хозяева членов нового клуба, развлекавшиеся здесь с лакейскими женами и дочерьми. „Пьяные скандалы“ породили в городе столь неблагоприятные слухи, что власти вынуждены были закрыть клуб. — Такова история „гречева дома“, столь памятного его современникам.

Ранним утром на набережной Мойки, близ Прачечного пер., появлялась невысокая, подвижная фигура пожилого щеголя, одетого в наглухо застегнутый синий фрак с золотыми пуговицами. Белоснежные воротнички подпирали румяные щеки. Маленькие глазки, живые и умные, освещали всегда улыбавшееся лицо. Из под фуражки с большим козырьком выглядывал белокуры́й парик. Это был прославленный архитектор своего времени Монферран, отправлявшийся каждое утро пешком из своего дома на Мойке на место постройки Исаакиевского собора. Проходя по улице он ежеминутно раскланивался.

Его знал весь город и каждый имел к нему какое-либо дело.

Имя Монферрана не сходило с уст петербуржцев, падких на всякого рода „истории“ и сплетни. Необычайная судьба этого еще недавно никому неизвестного человека интриговала всех. Многие еще помнили, как этот „французик“ ютился под самой крышей в каморке, куда попадали через швальню соседа-портного. Теперь же это был строитель прославленного на всю Европу собора, владелец особняка, наполненного музейными редкостями, гостеприимный амфирион, потчевавший друзей тысячами ужинами.

Сведения о происхождении Монферрана сбивчивы. Обычно считают, что Август Рикар, по прозвищу Монферран, родился в Шальо в 1786 г.²²⁷ Как сообщает В. Курбатов, он получил свое прозвание от наименования парижского лица Монферран, в котором воспитывался²²⁸. Имеется, однако, свидетельство А. Старчевского, указывающего, что Монферран, внебрачный сын какой-то француженки и неизвестного немца, родился в Пюи де-Дом, в городе Монферран, составляющем часть города Клермон²²⁹.

Свое образование Монферран закончил в мастерской Персье и Фонтена, после чего судьба забросила его, по неизвестным причинам, в Россию. „Мне один француз сказал о Монферране, — писал 1 января 1820 г. своим родителям из Неаполя художник Сильвестр Щедрин, — что будто он один из негоднейших людей в Париже, что его там за дурное поведение все презирали, а у нас уважают, чему он не мало удивляется“²³⁰.

Пленивший Александра I рядом блестяще исполненных проектов собора, Монферран был назначен главным архитектором постройки, которой он отдал затем всю свою жизнь. Не слишком щепетильный

в выборе средств для пополнения своих доходов, Монферран вскоре оказался владельцем богатейшего особняка на Мойке, приобретенного им от жены вице-адмирала Симанского (дом № 86). Это было небольшое двухэтажное здание, всего в 5 окон по фасаду, с круглым закрытым балконом. Снаружи дом Симанской не был изменен Монферраном, подвергнувшись значительным переделкам лишь дворовый участок, имевший в конце особый выход на Прачечный переулок. Поперек двора Монферран построил увенчанный готической башней двухэтажный флигель, за которым был разбит сад. Флигель украшал фантастический герб; на его овальном глубоком поле, окруженном геральдической арматурой, была нарисована Александровская колонна, создание Монферрана, которым он очень гордился. При открытии прославленного памятника, Николай пожаловал Монферрану 100 000 рублей серебром.

Первый двор, атриум, с левой стороны был частично перекрыт флорентийской крышей. Из люнетов выступали бюсты великих архитекторов и ценные скульптурные рельефы.

Правая стена была уставлена античными саркофагами, вазами и статуями; верхнюю часть ее украшала огромная фреска, изображавшая рубеновский „Триумф Карла V“. Посреди двора стояла античная бронзовая фигура Юлия Цезаря в натуральную величину, вывезенная когда-то из Рима известным богачем Павлом Демидовым. Монферран розискал ее на чердаке одного из демидовских домов и, выпросив статую у владельца, поместил ее в своем музее. Это прекрасное творение античного мира оказалось одним из ценнейших произведений коллекции Монферрана. С Юлием Цезарем соперничала тонкостью работы выставленная тут же древняя „Муза“. Сад соединялся с атриумом крытым

переходом. Потолок его был расписан фресками, копиями с „Лоджий“ Рафаэля; в стены был вделан мрамор, главным образом, рельефы античных саркофагов. Среди них Монферран особенно ценит крупный мраморный барельеф „Мадонна с младенцем“ работы Луки дель-Роббиа—раннее произведение мастера.

Много труда уделил Монферран внутренней отделке своего дома. Его помощником в этом деле был младший архитектор Исаакиевского собора, академик Шрейбер, который „составил проекты и все шаблоны для внутреннего украшения вновь отделанных частей дома статского советника Монферрана и почти до окончания оного, наблюдал за верностью производства работ“²³¹.

В это „жилище каменщика“, как скромно называл Монферран свой дом, вступали чрез богато украшенный мрамором вестибюль, за которым следовал кабинет архитектора. Здесь хранилось богатое собрание книг по истории и искусству и коллекции египетской, греческой и римской бронзы и мрамора, среди которых выделялась превосходная мраморная голова молодого египтянина. Все стены комнаты были увешаны старинными миниатюрами, бронзовыми медальонами XV—XVI веков, ценными картинами. На почетном месте помещалась мраморная голова Генриха IV, работы Жана де-Дуз. Против нее висел деревянный резной рельеф „Избиение младенцев“, почти в два метра длины.

Достопримечательностью столовой являлась ценнейшая коллекция старинных блюд и тарелок, вделанных в особые углубления в стенах. Лучшие вещи хранились в четырех огромных шкафах. По углам стояли севрские, нюренбергские и саксонские фигуры и вазы. Всего в столовой находилось до 600 отборных предметов. На плафоне комнаты, выкрашенной в белый цвет, были изображены все

наиболее замечательные блюда и тарелки, хранящиеся в лучших европейских музеях.

В числе других редкостей Монферрана находилась кровать последней французской королевы Марии Антуанетты. Она была сделана из черного дерева, с балдахином, который поддерживали четыре колонны; изголовье украшали бургонские лилии. Это был подарок императрицы Марии-Терезии своей дочери. В одной из комнат выставлена была известная модель Исаакиевского собора. Кроме предметов древнего искусства Монферран владел также множеством прекрасных образцов современной ему живописи и скульптуры. Это были подношения художников, участвовавших в работах по отделке собора и считавших нужным отблагодарить таким способом Монферрана за привлечение их к работе.

Небольшая лестница из серого полированного камня, с бронзовыми перилами, вела во второй этаж. Плафон галереи был украшен портретами знаменитых художников, во главе с Рафаэлем. В соседнем зале в шкафах были собраны миниатюры, эмаль на золоте, слоновая кость с вставленными монетами, кубки работы лучших немецких мастеров. Да еще следовала золотая зала, отделанная по образцу дворца в Фонтенбло, излюбленного местопребывания Наполеона. Камин залы и скульптура были вывезены из знаменитого палаццо Гримальди.

Следующая комната была наполнена старинною резною мебелью красного дерева. Комоды, инкрустированные редкими камнями столы, легкие шкафчики лимонного дерева заполняли комнату. Тут же стоял бюст Монферрана, из цветного мрамора, исполненный в стиле итальянского Возрождения работавшими в Исаакиевском соборе скульпторами. Пятнадцать бюстов римских императоров, в одеждах из цветного мрамора, украшали стены. Небольшую выстав-

ленную здесь же мраморную статуэтку Геркулеса приписывали Микель-Анджело.

Как сообщал хранитель Эрмитажа бар. Кене, число античных скульптур в собрании Монферрана доходило до 110 экземпляров, из которых 73 могли считаться замечательными произведениями искусства. Число предметов пластики эпохи средних веков и более позднего времени достигало 140; здесь же было собрано от 300 до 400 небольших античных и других старинных предметов из золота, серебра, бронзы, слоновой кости и дерева. К этому надо прибавить 600 экземпляров лучших образцов фарфора и фаянса.—Таков был итог художественных сокровищ Монферрана, среди которых, по словам Кене „не было ничего посредственного“. Коллекцию древней скульптуры Монферрана Кене считал на втором месте после прославленного собрания античных предметов Эрмитажа²³².

В такой обстановке протекала здесь жизнь Монферрана. В обычные дни он возвращался домой с работы лишь поздним вечером. Зато воскресные дни он называл „своими“ днями и, окруженный десятиками и рабочими с постройкой, суетливо бегал в легком архаике по своему дому, то спускаясь во двор, то подымаясь на башню, заставляя людей то передвигать мебель с места на место, то носить тяжелые ящики с новыми приобретениями. За обеденным столом собирались друзья хозяина, главным образом иностранные художники и заезжие negociants, пировавшие здесь до поздней ночи. Недаром на камине, украшенном цветным мрамором из материалов строившегося собора, красовалась надпись:

*Pusilla domus,
Atque taliscunq̄ue est
Die nocteque amicis patet,—*

что означает— „маленький домик, двери которого днем и ночью открыты друзьям“. Изысканность обе-

дов Монферрана вызывала всеобщее восхищение. Но число приглашенных к столу никогда не превышало девяти; Монферран придерживался взгляда, что только число муз соответствует интимной беседе. За то, в дни балов, монферрановский дом широко раскрывал свои двери многочисленным гостям. Летом празднества переносились в сад, благоухавший редкими цветами и померанцевыми деревьями. К концу сороковых годов летние приемы Монферрана уже устраивались на его даче на Песочной улице.

Как сообщает А. Старчевский, Монферран еще задолго до приезда в Россию разошелся с своею женой, привезя с собою лишь ее портрет, с которым не расставался до самой смерти. Между тем в Петербург Монферран прибыл не один. Его сопровождала, по словам Вигеля, „мнимая мадам Монферран“. В 30-х годах он увлекся французской актрисой Элиз Пик де-Боньер (сохранились ее подписи, свидетельствующие о ее полной безграмотности). Нарушение артисткой подписанного ею с дирекцией контракта обошлось Монферрану в 40000 руб. Вскоре „Elise“ оказалась полновластной хозяйкой особняка Монферрана.

По словам одного французского литератора, Монферран жил здесь „как принц, утопая в изобилии и роскоши; его жена, бывшая наездница заезжего цирка, добродушная женщина, стремилась под маской излишней церемонности скрыть свое прошлое, что, как всегда, еще более его выдавало.“²³³

Однажды дом архитектора навестила некая высокопоставленная дама, которая, за отсутствием Монферрана, была принята „Elise“. Уезжая, гостья, встретив в дверях хозяина дома, поздравила его с „милой женой“. Сконфуженный Монферран поспешил к настоятелю церкви Екатерины, где, за щедрое приношение, получил свидетельство о браке, помеченное 1829 годом. Прошло несколько дней

и министр двора Волконский запросил Монферрана — действительно ли он обвенчан с особой, представленной им в качестве жены. На следующий день архитектор с торжествующим видом предъявил министру брачную выпись из церковных книг. — Н. Консидеран, познакомившийся с Монферраном в 1856 г. записал: „Это любезный старичек семидесяти лет, настолько живой и проворный, что ему можно дать тридцать. Он говорит с такою любовью о своем соборе, что слушая его понимаешь, что это мечта его жизни“²³⁴.

Как известно, работы по постройке собора занялись на сорок лет и были завершены лишь в 1858 г. Вследствие этого первоначально скромный замысел художника, в процессе постройки, потерпел значительные изменения. К середине XIX века классицизм уже не находил поддержки среди представителей господствующего класса; ставший у власти промышленный капитал, наложив руку на творчество художников, требовал пышности и изобилия украшений, отвечавших новым вкусам. Ряд вынужденных изменений значительно искажил простоту этого монументального здания, отразившись на всем архитектурном замысле Монферрана. Но строгие линии купола настолько совершенны, что искупают множество казавшихся бы крупных погрешностей.

„Этот памятник, как сказочная греза, и мрачная и лучезарная, воплощенная в мрамор и золото,“ — сказал о соборе д'Арленкур²³⁵.

По словам П. Усова, по Петербургу ходил слух, будто бы неким „ясновидцем“ было предсказано, что строитель Исаакиевского собора должен умереть тотчас по завершении постройки²³⁶. Говорили, что Монферран поэтому умышленно затягивал на долгие годы окончание сооружения собора. Однако, как отмечает Вельп, скептики утверждали, что не в интересах Монферрана было спешить с окончанием

постройки, приносящей ему громадные выгоды²³⁷.

Наконец, 30 мая 1858 г. собор был торжественно освящен. Монферран получил 40000 руб. сер. и золотую медаль с бриллиантами. А месяц спустя после открытия собора строитель его умер от карбункула. Зловещее предсказание в точности сбылось. „Он был счастливее Тассо, умершего, по преданию, накануне того дня, когда его должны были увенчать на Капитолии“, — отметил Ф. И. Тютчев по поводу смерти Монферрана²³⁸.

Монферран выразил желание быть погребенным в стенах собора, которому он посвятил свою жизнь. Но Александр II счел это слишком большой честью для простого смертного. Гроб Монферрана был лишь обнесен вокруг собора и поставлен в католической церкви на Невском пр., откуда был отправлен для погребения в Париж. Нежелание Александра II исполнить последнюю волю строителя Исаакиевского собора отчасти объяснялось его издавна неприязненным отношением к Монферрану. Царь однажды сделал ему резкое замечание за ношение усов — привиллегию, которой пользовались только военные. — „Это плоха под 80 лет“, — так охарактеризовал царский выговор престарелому строителю собора художник К. Ухтомский в письме к скульптору Рамазанову.

Дом Монферрана и все ценные коллекции перешли по завещанию к его жене, пожелавшей спешно ликвидировать наследство мужа перед отъездом в Париж. Между тем по городу уже пошел слух, будто бы имущество Монферрана, приобретенное им недобросовестным путем, не может быть продано на законном основании. — Множество доносов поступало на Монферрана с первых же лет постройки собора; осведомленный об этом Николай I повелевал однажды произвести расследование. Но, как сообщает

Старчевский, обвинения, предъявленные Монферрану, оказались, якобы, неосновательными. Несколько колонн розового мрамора от приделов собора, найденных в саду Монферрана, были, как выяснилось, взяты архитектором с разрешения министра двора. Тем не менее доносы продолжали поступать, но Николай I перестал обращать на них внимание, сказав будто-бы: „Ну бог с ним, с этим Монферраном; пускай себе берет сколько угодно, только бы другим не давал“. Между тем молва о злоупотреблении при постройке Исаакиевского собора все росла, проникнув даже за границу. Художник А. Иванов писал в 1843 г. своему отцу из Рима: „Я слышал, что раздача работ в Исаакиевскую церковь не без взяток“²³⁹.

Вдова Монферрана ничего не сохранила из накопленного им имущества. Захватив с собою самые ценные вещи, она уехала в Париж. Деловые бумаги, планы, чертежи, проекты собора, она оставила помощнику Монферрана архитектору А. А. Пуаро. Часть из них Пуаро, видимо, переслал в Париж, так как известный коллекционер П. Я. Дашков купил впоследствии у одного букиниста за 20 франков более 60 планов Исаакиевского собора.

Старчевскому случайно удалось отыскать в приобретенном им монферрановском доме 15 портфелей, в которых хранилось до 2000 листов с личной подписью Монферрана.

Дом архитектора, со всеми его коллекциями, намеревался приобрести один из Ротшильдов, наезжавший иногда в Петербург. Но сделка эта не состоялась и спешившая с ликвидацией имущества вдова архитектора продала дом литератору А. Старчевскому за 135 000 руб. Часть коллекций купил в рассрочку золотопромышленник Ушаков, имевший намерение распродать их по частям, с большой для себя выгодой.—Но Ушаков разорился и, не уплатив следуемых вдове Монферрана денег, объявил себя

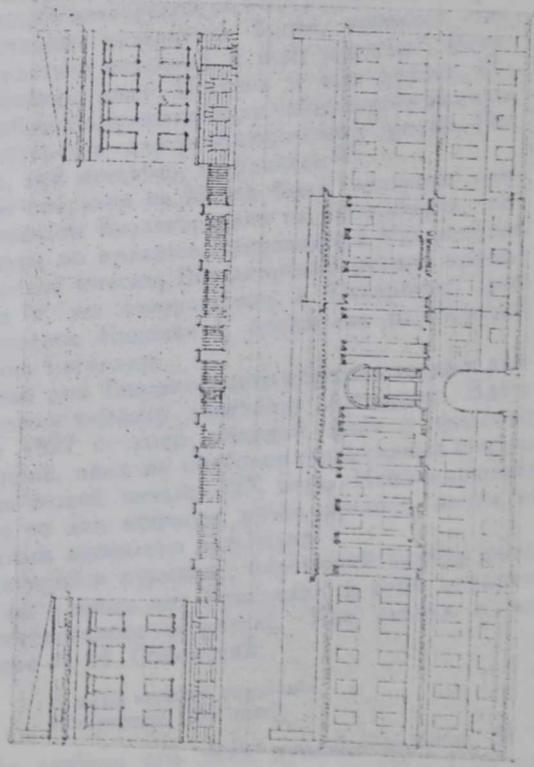
несостоятельным. Куда девались приобретенные им вещи, осталось неизвестным. Говорили, что Ушаков имел в Павловске дачу с садом, наполненным монферрановскими статуями, но дача эта, как выяснилось, также пошла с молотка. Много лет спустя Старчевский увидел однажды на парадной лестнице дома Печаткиных на углу Торговой ул. и Б. Мастерской (ныне № 12 по ул. Союза Печатников) несколько принадлежавших Монферрану статуй, в том числе и прославленного Юлия Цезаря. Но судьба большинства вещей Монферрана так и осталась неизвестной²⁴⁰.

Рядом с бывшим домом Монферрана стоит под № 84 большое здание, построенное в конце шестидесятых годов архитектором Бенуа для кн. Касаткина-Ростовского. Участком этим, в первые годы XIX века, владел известный архитектор императорских водяных строений И. Герард, автор проекта тринадцатипролетного каменного моста через Неву. Герард жил тут, по словам современников, „коммуной“, вместе с двумя дочерьми и пятью сыновьями, из которых четверо были уже генералами. После смерти Герарда (1808 г.) дом этот на Мойке перешел к Вильгорскому.

В то время здесь не было еще построек, выходящих ныне на набережную Мойки и Максимилиановский переулок, тогда Глухой. В начале XIX столетия посреди участка, фасадом к солнечной стороне, т. е. к Глухому переулку, стояло грандиозное, ныне не существующее здание (сохранившийся в городском архиве чертеж фасада его относится к концу тридцатых годов). Оно имело большой *cour d'honneur* с переулка и сад на Мойку, отделенный от набережной оградой на каменных столбах. Она соединяла два трехэтажных павильона, выходивших на набережную. Четвертый этаж был надстроен в конце

тридцатых годов (в 1869 г. на месте павильонов архитектор Бенуа построил новое здание). Строитель дома применил здесь принцип трех измерений, подчеркнув рельеф здания двумя выступами по сторонам ворот. Фасад расчленен в горизонтальном направлении — полуколоннами, а в вертикальном — карнизом. Здание характерно также своим ярко выраженным центром, излюбленным приемом зодчих эпохи классицизма, прибегавших к нему даже при раздробленной трактовке фасада. Этим центром являются здесь ворота, в виде огромной проездовой арки, объединяющие воедино два нижние этажа дома. Над воротами прорезано трехпролетное окно, захватывающее два верхние этажа.

Дом этот, весьма вероятно, был построен М. Ю. Виельгорским, так как по имеющимся документальным сведениям, стоявшее тут в первые годы XIX века здание представляло собой небольшую скромную постройку. — Дом Виельгорского на Мойке был широко известен в масонских кругах, где Виельгорский играл крупную роль, собирая у себя адептов тайных учений (масонские источники обыкновенно указывают дом Виельгорского стоящим „в Прачечном переулке“, близ которого действительно и расположен был дом). „Рыцарь Белого Лебедя“ с девизом „Непорочность“, Виельгорский состоял „Великим Суб-Префектом, Командором, в отсутствие Великого Префекта, правящим капитулом Феникса“. Его гостеприимный дом служил местом постоянных встреч „братьев“. „Священный Союз таков, — говорил Виельгорский, — что, сплетясь гармонически руками и сердцами, все идут вперед. Все сильные и крепки один другим“. Состоя великим мастером ложи „Трех Добродетелей“ с 1815 г., он председательствовал на собраниях, где присутствовали будущие члены Тайного Общества — С. Г. Волконский, П. П. Лопухин, С. П. Трубецкой, Ф. П. Шаховский



Дом Ланского на Мойке, ныне № 84.

Здесь жили Д. В. Веневитинов и М. Ю. Лермонтов.
Архив Лен. Отд. Ком. Хозяйства.

Здание не существует.

Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев и вождь греческого восстания Ипсиланти. На одном из этих собраний вступил в число масонских братьев П. И. Пестель. „Он был принят братьями нашей мастерской со всей радостью, какую может доставить созерцание брата, который так дорог, вследствие питаемой к нему дружбы“. Вступая в масонскую ложу Пестель и его друзья, будущие декабристы, преследовали тайную цель использования масонства для революционных целей. Попытка эта, как известно, не удалась²⁴⁸.

Тайные собрания на Мойке были внезапно прерваны отъездом Виельгорского из Петербурга, последовавшим по желанию Александра I. Удалившись в свое курское имение, Виельгорский вскоре продал свой дом и, по возвращении в Петербург, уже в царствование Николая I, поселился на Морской ул., в доме Гагарина.

Бывший дом Виельгорского перешел тогда к действительному тайному советнику Ланскому. Здесь в марте 1827 г. умер молодой поэт и философ Веневитинов, один из наиболее талантливых и образованных людей начала XIX века. Исполнившееся столетие со дня кончины поэта прошло почти не отмеченным несколько лет назад.

Выдающийся музыкант, блестящий знаток фило-софии, он с юных лет привлекал к себе внимание всего московского общества. Как сказал о нем декабрист А. И. Одоевский:

И музы юношей гордились
И говорили: „Он поэт!“

„Мы любили его всей душой,—записал М. П. Погодин.— Это был юноша дивный!“ — Сам поэт в послании к Рожалину писал:

Я молод, друг мой, в цвете лет,
Но я изведал жизни море,

И для меня уж тайны нет
Ни в пылкой радости, ни в горе.

В душе поэта нашла отклик и поэзия Байрона и высокие образцы творчества Гете. Последователь „идей просветительного века великой Франции“, Веневитинов был сторонником коренных преобразований России.

Недавно опубликованы страницы неизданных записок П. Н. Лаврентьевой, устанавливающие несомненную принадлежность Веневитинова к Тайному Обществу, факт до сего времени неизвестный биографам поэта.

По выражению Герцена, весь круг друзей Веневитинова был „полон фантазии и идей 1825 г.“ Когда в Москву пришла весть о внезапной смерти Александра I, юные „любомудры“ решили, что настал час решительного выступления. Дни и ночи проходили в горячих спорах, „предложениям и прениям не было конца... Казалось, что для России уже наступил великий 1789 год“.

Но надежды юных заговорщиков не сбылись. Трагическая развязка декабрьских событий тяжело отразилась на участи единомышленников Веневитинова. Целый ряд москвичей поплатились свободой за свою близость к Тайному Обществу.—„Мы, молодежь, почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец“, — записал один из друзей поэта.—Судьба пощадила Веневитинова. Имя его не было никем произнесено; он остался на свободе. Но кружок „любомудров“ распался, время радужных надежд миновало.

Веневитинов был переведен на службу в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Уезжая в северную столицу, поэт, по просьбе прославленной красавицы Зинаиды Волконской, которой он увлекался, взял с собой, в качестве спутника, некоего Карла Воше. Это был библиотекарь гр. Лаваль,

незадолго перед тем проводивший в Сибирь Е. И. Трубенскую, последовавшую туда за своим мужем. За Веневитиновым, видимо, был уже установлен надзор.

Поездка его в Петербург, в сопровождении только что прибывшего из Сибири иностранца, возбудила подозрение. Тотчас же по приезде в столицу, Веневитинов и Воше были арестованы, тогда как третий их спутник, Ф. Хомяков, брат известного впоследствии славянофила, остался на свободе. На допросах Веневитинов держался с исключительным достоинством, давая „чересчур прямые и резкие ответы“.

За полным отсутствием улик Веневитинов был освобожден. Но три дня ареста, проведенные им в сыром помещении, и унижительность допроса произвели на поэта тяжелое впечатление, гибельно отразившись на его здоровье. Им овладело чувство глубокой подавленности. Воспоминания о друзьях, томящихся в ссылке, его угнетали. Поэту казалось, что он не в праве пользоваться свободой, что его место рядом с ними за решеткой. „Помню его грустные глаза,—вспоминала П. Н. Лаврентьева,—его ресницы, какие едва нашлись бы еще в мире и помню слезы, когда вспоминали о Рылееве. Он жил во флигеле у Ланских“²⁴².

Эту квартиру в дворе дворовом флигеле, „в верхнем этаже“, Веневитинов назвал „пустынею.“—„На наше житье-бытье смешно смотреть,—писал Ф. Хомяков, сосед поэта по квартире,—мы сидим в двух комнатах, одна подле другой, с открытыми дверями, часто в одной, и в целый день иногда двух слов не промолвим, иначе как за обедом или когда придет кто-нибудь к нам в гости“. Веневитинов в одном из своих писем так описал свое душевное состояние: „Тоска не покидает меня... Пишу мало... Пламя вдохновения погасло. Зажжется ли его светильник? По-

следнее время меня тяготит сомнение в себе. Трудно жить, когда ничего не сделал, чтобы заслужить свое место в жизни. Надо что-то сделать хорошее, высокое, а жить и не делать ничего — нельзя... Здесь, среди холодного, пустого и бездушного общества я — один..."

Дни его были уже сочтены. — В начале марта 1827 г. хозяева дома, в котором жил поэт, устроили вечер. Пренебрегая сильным морозом, Веневитинов, возвращаясь в свою квартиру, перебежал, легко одетый, через двор. Следствием этой неосторожности была горячка, быстро унесшая Веневитинова в могилу.

Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Поэт, очень дорожил своим кольцом, найденным при раскопках Геркуланума. Он называл его талисманом и никогда с ним не расставался. В своих стихах он сказал, что наденет его в день свадьбы или перед смертью.

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пылы ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.

В своем „Завещании“ поэт писал:

Внимайте: чтоб сего кольца
С руки холодной не снимали:
Пусть с ним умрут мои печали
И будут с ним скоронены...

Друг Веневитинова Хомяков, живший вместе с ним, исполнил волю поэта, надев ему кольцо на холодеющую руку. „Меня обвенчали?“ — спросил Веневитинов, почувствовав на руке кольцо. „Нет!“ — ответили ему друзья. Юный поэт понял тогда, что

это смерть и глаза его наполнились слезами. Скоро его не стало.

Прах его был отправлен в Москву, для погребения в Симоновом монастыре. „Как знал он жизнь! Как мало жил!“ — эти слова из его элегии были вырезаны на его надгробной плите.

Близкие друзья поэта хранили трогательный обычай: в день его кончины они собирались на грустный пир и в память усопшего один прибор за столом всегда оставался пустым. Пушкин, приходившийся дальним родственником Веневитинову, был глубоко опечален его преждевременной смертью. „Как вы дали ему умереть?“ — писал он друзьям Веневитинова.

„Рядом с Пушкиным также стоит другой Лесский, — писал А. И. Герцен, — то был Веневитинов, чистая поэтическая душа, задущенная в 22 года грубыми тисками жизни... Ужасная, черная судьба выпадает у нас на долю всякого, кто осмелится поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; поэта, гражданина, мыслителя, неумолимый рок толкает в могилу. История нашей литературы — или мартиролог, или регистр каторги. Даже те, которых правительство пощадило, погибают, едва распутившись, спеша оставить жизнь“. Новейший биограф поэта Д. Благой пишет: „Веневитинов в лучших своих созданиях уже в середине 20-х годов писал стихом, по трагической энергии, стремительной звучности, патетической приподнятости, не уступающим лермонтовскому. Имя Лермонтова вообще как-то само собой приходит на мысль, как наиболее конгеннальное имя, когда хочешь представить себе, во что бы могли развиться те исключительные возможности, которые были заложены в Веневитинове природой, жизнью и историей — возможности, которым смерть сказала свое властное и беспощадное „нет“.“²⁴⁸

Долгая жизнь не была уделом поэта. Он не умер, по старинному выражению, „насытись днями“.

Рано выпала из рук
Едва настроенная лира,
И не успел я в стройный звук
Излить красу и стройность мира.

Прошло несколько лет и в доме Ланских на Мойке „Мещанское Общество“ открыло свои вечера; в „СПБ. Ведомостях“ объявлялось, что „в Обществе дан будет бал. Гости платят за вход по 3 рубля“²⁴⁴. И там, где некогда умирал Веневитинов, теперь танцовали экосез и пили портер.

Описанный участок Ланских выходил на Мойку. и Максимилиановский переулок. На Фонарном переулке, наискось от бывшего участка Ланских, на углу Максимилиановского, возвышается длинный серый дом № 3.

Тут Глинка писал своего „Руслана“. Участок этот, тянувшийся в свое время до Офицерской ул., принадлежал когда-то каретникам Шлодгауерам, упоминавшимся (под фамилией „Шлодгав“) еще в конце XVIII века. В начале XIX столетия здесь на Фонарном переулке возвышался небольшой трехэтажный дом в 9 окон. Угловое место оставалось однако еще не застроенным. В 1834 г. седельный мастер Шлодгауер построил на углу, по проекту Шауфельбергера, стоящее тут и поныне трехэтажное здание, объединив его со старым домом в одно строение.

В этом новом доме зимой 1836 г. поселился со своей молодой женой Михаил Иванович Глинка²⁴⁵.

„Лицом бел; особые приметы: на левом виске небольшая бородавка и вихор на правой стороне“, — таково описание наружности Глинки, взятое из его паспорта. К особенностям Глинки относилась также

его привычка приподниматься на носках, чтобы казаться выше.

Жена Глинки была красивая, но мало развитая женщина. Однажды на концерте, заметив, что композитор чем-то глубоко приволнован, она овеведомилась — что с ним? — „Бетховен!“ — отвечал Глинка. — Что же он тебе сделал? — удивилась простодушная подруга жизни Глинки. Когда композитор работал над своим „Иваном Сузайиным“, она непрестанно жаловалась друзьям на мужа, тратившего столько лишних денег на нотную бумагу.

Композитор недолго прожил в доме Шлодгауера. Получив место капельмейстера Певческой капеллы, он поселился на Мойке в казенной квартире. Глинка проработал здесь лишь до декабря 1839 г. вместе с директором капеллы А. Ф. Львовым, а также семейные неурядицы, побудили его бросить службу. Вскоре он разошелся с женой, предоставив ей обстановку и половину доходов.

К этому времени его ближайшие друзья Иустор и Платон Кукольники поселились на Фонарном переулке, в доме Шлодгауера, в той квартире, которую недавно занимал Глинка. Вскоре к ним переселился и композитор, средства которого были в это время очень скудны. Весь обед Глинки состоял из неизменных кислых щей и каши, которые мастерски готовил его любимый камердинер и дядька, отставной музыкант Яков. Он был трогательно привязан к М. И. Глинке и жил только его интересами. Как рассказывает К. А. Булгаков, однажды Яков встретил его в прихожей с радостным лицом: „Поздравьте нас, — сказал он, — мы уже совсем кончили каватину и приступили к писанию хора“.

Тут, на Фонарном, Глинка вел со всей кукольниковской „братией“ жизнь богемы, с общим диваном, накуренными комнатами и долгими ночными „возлияниями“. По словам Кукольника, все обита-

тели квартиры установили правило: „Не мешать друг другу и никем не стесняться в своих занятиях и времяпровождении: а часы обеда и утреннего и вечернего чая—помнить твердо, ибо семеро одного не ждут; кто же опоздал или проспал установленный час, тот не прогневайся и пекись сам о себе“.

Хозяином считался Платон Кукольник, пользовавшийся отдельной комнатой. Для остальных же, сняв в одной из комнат часть перегородки, устроили „альков“. Здесь на широком диване помещалась на ночь вся „братия“, причем каждый имел свое особое место. Здесь спали Глинка, Нестор Кукольник, а также те приятели, которые, запоздав, оставались ночевать в „монастыре братии“. Чаше других пользовались этим диваном художники К. Брюллов и Яненко („Пьяненко“). Раз в неделю здесь собиралось большое общество, иногда человек до пятидесяти, так что для гостей даже не хватало стульев. „Сюда сходились редакторы журналов и газет, цех литераторов и кандидатов на это звание; профессоры академии и художники, ищущие известности, актеры, книгопродавцы, издатели, типографы, словом все, что принадлежало к литературе и искусствам“.

„Шум, рассказы, рисование, немножко музыки, все продолжалось до двух часов,— рассказывает К. А. Булгаков.— Когда народ расходился, оставалось человек десять самых коротких (приятелей) ужинать—Брюллов, Яненко, Глинка, Степанов (карикатурист), архитектор Болотов и кое-кто еще. И тут шли веселые речи, а главное, музыка и шампанское. Глинка, сюртук долой—сядет за фортепиано и поет, восторженный, как бог. Я помню его любимые пьесы были: „В крови горит огонь желанья“ и из „Сомнамбулы“— „Voglio il ciel“.

Глинка в своих письмах к матери из заграницы, называл Петербург—„ненавистным“. — „Искусство,

эта небом данная мне отрада, гибнет здесь (в Петербурге) от убийственного ко всему прекрасному равнодушия,—писал он.—Если-б я не провел несколько лет за границей, я не написал бы „Жизнь за царя“. Я теперь вполне убежден, что „Руслан“ может быть окончен только в Германии или Франции“.

Беспорядочная жизнь Глинки, несомненно, вредно отражалась на его творчестве, в то же время давая повод для неблагоприятных отзывов современников. В личной жизни композитора было, действительно, много противоречивого. Чайковский в одном из своих писем, адресованном в 1888 г. к Н. фон-Мекк, сказал, что Глинка „производит впечатление человека доброго и милого, но пустого, ничтожного, заурядного... Как могла совместиться такая колоссальная художественная сила с таким ничтожеством?“

Талант Глинки не нашел признания у большинства его современников.

Аристократические круги, записал Кукольник, называли произведения Глинки „музыкой для кучеров“. Присутствовавший на представлении „Руслана“ Николай I, демонстративно выразив одобрение одному лишь декоратору Роллеру, уехал не дождавшись конца.

Публика также не оценила оперы.— „Были вы на первом представлении „Руслана?“ — передавал Булгарин беседу петербуржцев.— Был.— „А что вы скажете?“ — Декорации превосходны.— О музыке ни полслова“.

Бел. кн. Михаил Павлович нашел, более „хитроумный“ способ для выражения своего пренебрежения к музыке Глинки. Вместо гауптвахты, он послал провинившихся офицеров в Большой театр слушать „Руслана“. Однажды в Павловске великий князь спросил Листа: „Скажите, что это ваша дурная шутка—находить у Глинки гений?“ — и был

чрезвычайно удивлен, услышав, что таково глубокое убеждение композитора. Лист не напрасно отметил, что русскому артисту очень трудно проложить себе дорогу. „Не публике, а двору принадлежит в России право признания за артистом таланта“. Между тем, часто решения двора „зависят от случайности“, — осторожно добавил он.

Только близкие друзья и собутыльники Глинки ценили его гений. Его ближайший друг и соратник Нестор Кукольник сразу почувствовал в нем великого художника. Познакомившись с Глинкою в декабре 1834 г., он записал в своем дневнике следующие восторженные слова: „Я совершенно очарован Глинкой; влюблен в него! Игра его превосходна, изящна, экспрессивна... Но пение прошибает до слез! Мы разговорились, подружались... Мы братия по сердцу; мы тотчас поняли друг друга... Теперь я не один на этом свете“. Вот почему на карикатуре Степанова Кукольник изображен слушающим Глинку стоя, с воздетыми в безмолвном благоговении руками.

Окружавшая Кукольника „братия“, среди которой было не мало талантливых людей, преклонялась пред его литературным „гением“. Тонкий музыкант, певец и композитор, а также блестящий собеседник, Нестор Кукольник поддерживал дружбу чуть ли не с половиной обитателей Петербурга. Зарабатывая большие деньги литературными трудами, дававшимися ему необыкновенно легко, Кукольник тратил их исключительно на угощение друзей. Однако, аристократы-литераторы с презрением отзывались о „Клюкольнике“.

Его патриотические пьесы снискали ему расположение властей. Но все герои Кукольника были напыщены и неестественны и кончали жизнь ядом или ударом кинжала. В его сочинениях редко чувствовалась подлинная поэзия и Пушкин с полным

правом сказал, что в Кукольнике жар не поэзии, а лихорадки.

Было время, пишет П. М. Ковалевский, когда в понятии русского общества поэзия, живопись и музыка воплощались в тройственном созвездии Кукольника, Глинки и Брюллова. Последний, будучи связан с Глинкой тесной дружбой, тем не менее оставался холоден к таланту композитора. — „Неперебродившее пиво“, — таков был отзыв художника о музыке Глинки. И, бражничая с ним, он никогда не подумал написать портрет своего приятеля. Между тем встречались они постоянно. Достаточно было известить Брюллова, что в „монастыре“ будут к обеду кислые щи, макароны и красное вино, как он спешил в Фонарный. Обитатели переулка хорошо знали знаменитого художника, чья безнравственность, по словам одного современника, равнялась лишь его таланту.

Наружность Брюллова была мало внушительна. Он был небольшого роста, на коротких ногах; небольшие глаза с припухшими красными веками, смотрели насмешливо.

Он носил короткую жакетку, придававшую ему комический вид; но таково было общее настроение, „что все казалось в нем прекрасным, даже величественным“.

В молодости Брюллов был очень привлекателен, речь его была плавной, образной, он мастерски читал стихи. Теперь же его враги видели в нем только „пьяного сатира“, с „опухшим от вина и разврата лицом“. Плетнев, встретив его в мае 1841 г., писал о нем Гроту: „Видел я Карла Брюллова. Никогда не встречаюсь я с ним без горести и досады: видишь его бог знает в каком обществе и в каком туалете. Нет ни в чем и тени принадлежащего столь высокому гению. Боже мой! Как не похож был на него Пушкин!“

Угловой пустопорожный участок отделяет от Фонарного переулочка стоящий по набережной Мойки небольшой красный дом № 78. Его владелицей была приятельница Пушкина и Гоголя Александра Осиповна Смирнова.

В первоначальном своем виде дом представлял собою незначительную постройку в 9 окон, с „мезонином“. По переходе его во владение Смирновых, он был увеличен в 1839 г. пристройкой в 3 окна. Тогда же вытянули „мезонин“ во всю длину фасада. В 1931 г. над домом надстроили этаж.

А. О. Смирнова пользовалась большой известностью в литературном мире. Пушкин отметил ее

Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный.

Смирнова сумела побороть даже скептицизм Белинского, сказавшего о ней: „Чудесная, превосходная женщина, я без ума от нее“.

Ей же посвятил свои известные стихи М. Ю. Лермонтов:

Без вас хочу сказать вам много,
При вас—я слушать вас хочу;
Но, молча, вы глядите строго,—
И я в смущении молчу.

Скромная фрейлинская комнатка Смирновой в четвертом этаже Зимнего дворца, а потом в Аничковом дворце, служила местом постоянных встреч представителей литературного мира. Одним из ближайших друзей Смирновой был Гоголь, назвавший ее „перлом всех русских женщин, каких ему случалось из них знать, прекрасных по душе“. Пушкин также бывал частым ее гостем. Дружески расположенный к Смирновой поэт нередко читал ей свои неизданные произведения. Бывали случаи, когда Николай I получал рукописи Пушкина через руки

Смирновой; тем не менее, на вопрос Бартенева: „Вы ценили Пушкина?“—Смирнова не менее прямо ответила: „О нет! Ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветренном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания“.

Только теперь опубликованы незначительные по содержанию подлинные записки Смирновой.—Как мало содержателен и бледен был светский Петербург того времени, если Смирнова могла в нем играть роль „Северной Рекамье“!

Выйдя замуж за Н. М. Смирнова, впоследствии калужского и петербургского губернатора, она поселилась на Мойке осенью 1840 г. Здесь ее навещал Плетнев, сообщавший Гроту про ее „новый прекрасный дом, подле государственного контроля“, в котором она жила „с царской пышностью“.

В 1842 г. Плетнев слушал тут чтение Гоголем его новой комедии „Женитьба“. В числе гостей были Вяземский, Аркадий Россет и Тютчев. „Мы сидели в гостиной,—вспоминает А. О. Смирнова,—и он (Гоголь) начал читать в рукописи. Смех был постоянный: Подколесин, сваха, капитан Жевакин, Ячница—все, начиная с фамилий, возбуждало смех. Швейцару приказано было не принимать. Он пропустил кн. Мих. Алекс. (Голицына), как короткого знакомого. Тот вошел. К счастью Гоголь не обратил внимания, продолжал читать и после чтения пошел в кабинет мужа, крепко уснул на диване и проснулся в испуге, потому что у мужа собрались играть в ерлаш и преферанс. Он зашел ко мне и сказал: „Там занимаются делом до восьми часов утра, но там ангел-хранитель в синем мундире под сладким лицом генерала Дубельта, следовательно, до драки не дойдет“. Голицын не находил слов, чтобы благодарить меня за приятные минуты, которые он провел у меня: „Я читал с восторгом „Мертвые души“,—сказал Голи-

цын,—и всегда желал видеть их автора. Подобных минут я не проводил в этом пошлом Петербурге“.

Муж Смирновой большой любитель живописи, украсил квартиру произведениями Рибейры, ван-Дейка, Греза. Здесь находилась и „Мадонна“ Перуджино.

Вероятно об этой „Мадонне“ писал Пушкин в 1830 г. своей невесте: „Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой Мадонной, похожей на вас, как две капли воды; я купил бы ее, если бы она не стоила 40000 руб.“ В своем известном сонете „Мадонна“ поэт писал:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

По этому поводу де-Роберти написал старому знакомцу Пушкина Федору Глилке, „Говорят, его жена красавица и сумасброд так отзывается: „Я женился, чтобы иметь дома свою Мадонну“.

Дальше по Мойке, через два дома, стоит принадлежавшее некогда Российско-Американской Компании здание (дом № 72). В нем жил „Шиллер заговора“ — Рылеев.

Этот дом на Мойке, выстроенный в конце XVIII века, принадлежал в свое время екатерининскому вельможе Кашталинскому, славившемуся, как сообщает Корф, „своим распутством, карточной игрой и необышшим ростом“. Этот свой маленький рост он передал по наследству своему сыну, известному А. Н. Оленину, с матерью которого, урожденной Волконской (теткой декабриста), в замужестве Олениной, Кашталинский был близок в течение ряда лет. В своем доме на Мойке Кашталинский „славно угощал своих гостей“ и на его ужины, „почитавшиеся самым лакомым столом в городе“, собирались

„знатнейшие карточные игроки“. Сам „светлейший князь Тавриды“ рассыпал тут пригоршнями червонцы на зеленом сукне“. Состарившись и оставив службу при дворе, Кашталинский уехал в 1793 г. в свои смоленские имения. Его дом на Мойке был приобретен Александром Воронцовым, канцлером начала александровского царствования. Человек не чуждый либеральных тенденций, он переписывался с Вольтером и д'Аламбером; он покровительствовал также Радищеву, назвавшему Воронцова „душесильным“ человеком. Это не мешало Воронцову быть ярким противником французской революции и ненавидеть „жакобитов“. Однако, „плуг худо пахал в запряжке старого быка с юным“ и старику Воронцову было трудно работать с сильной „молодой“ партией, окружавшей Александра I. Скоро канцлера уволили в отпуск, „на сколько ему угодно“, и он уехал в свое имение, где и умер в 1805 г.

После смерти Воронцова его дом приобрела Российско-Американская Компания, учрежденная в конце XVIII века „для промыслов на американских островах морских и земных зверей и торговли ими“. К этому времени дом представлял собою двухэтажное строение в 13 окон, с „мезонином“. 19 марта 1828 г. Компании было разрешено произвести пристройки, по 2 окна, с обеих сторон здания, и „привести в лучший вид расширением мезонина“. Проект нового фасада принадлежал тит. советнику Урениусу. В 1853 г. здание было оформлено пилястрами, посреди был устроен новый подъезд и изменен установленный сверху герб.

В 60-х годах владельцем дома был неизвестный сенатор Г. П. Митусов, внук знаменитого „кнутобойца“ С. И. Шешковского, „домашнего палача кроткой Екатерины“, как выразился о нем Пушкин. Митусовы недолго владели этим домом, продав его в 1875 г. Обществу заклада движимых

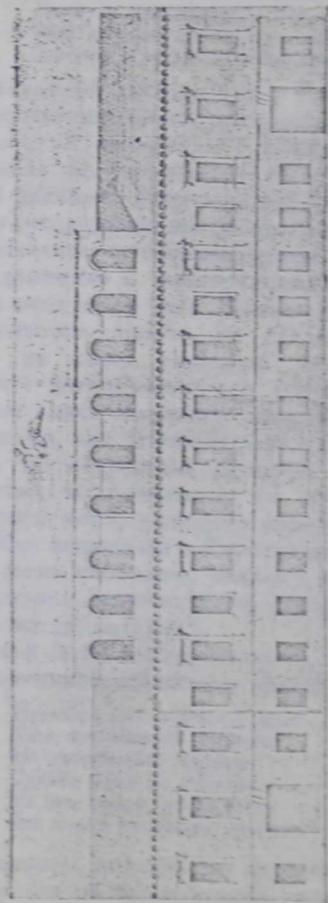
имущества (ломбарду). В 1909 г. здание приняло свой нынешний вид.

В 1824 г. Правителем канцелярии Российско-Американской компании был назначен К. Ф. Рылеев, поселившийся здесь в казенной квартире, в нижнем этаже дома; во время наводнения 1824 г. его библиотека чрезвычайно пострадала от воды, достигшей в комнатах полутора аршин высоты.

В октябре того же года на обеде у директора Компании Прокофьева Батенков спросил у А. Бестужева-Марлинского—где живет Рылеев?—„Внизу до времени“,—последовал многозначительный ответ. В этом же этаже в квартире Сомова временно жил и сам А. Бестужев-Марлинский.

Квартира Рылеева на Мойке была широко известна. Здесь на „русских завтраках“ у Рылеева собирались ежедневно его ближайшие друзья. Эти завтраки так назывались не потому, что тут неизменно угощали кислой капустой и ржаным хлебом. „Русскими“ они назывались потому, что здесь собирались лучшие представители свободомыслящей России. Душой собраний был сам хозяин, с его образной вдохновенной речью. Тут бывали сотоварищи его по Тайному Обществу, а также виднейшие писатели и литераторы того времени—Гнедич, Ф. Глинка, Дельвиг, Грибоедов. Здесь однажды Лев Сергеевич Пушкин прочел из „Евгения Онегина“ разговор Татьяны с няней, вызвавший восторг слушателей. Как отмечают исследователи, на пушкинской „Полтаве“ и „Вещем Олеге“ отразилось, до некоторой степени, влияние произведений Рылеева. Тем не менее Пушкин был строгим критиком рылеевской музыки. По этому поводу в одном из своих писем к А. А. Бестужеву-Марлинскому, Рылеев написал:

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный взвесил;



Здание Российско-Американской Компании на Мойке, плане № 72.

Здесь жил К. Ф. Рылеев.

Архив Лен. Отд. Ком. Хозяйств.

Здание перестроено.

Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.
Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг, не даром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

Накануне 14 декабря тут у Рылеева состоялось историческое заседание, предрешившее выступление на Сенатской площади. — «Шумно и бурливо, — рассказывал М. Бестужев, — было совещание накануне 14 декабря. Многолюдное собрание было в каком-то лихорадочно высоконастроенном состоянии. Тут слышались отчаянные фразы, неудобноисполнимые предложения и распоряжения... Зато как прекрасен в этот вечер был Рылеев. Он был нехорош собой, говорил просто, не гладко, но когда он попадал на свою любимую тему — на любовь к родине — физиономия его оживлялась, черные, как смоль, глаза озарялись неземным светом, речь текла плавно, как огненная лава... Его лик, как луна, бледный, но озаренный каким-то сверхестественным светом, то появлялся, то исчезал в бурных волнах этого моря, кипящего страстями и побуждениями». Как выразился о Рылееве декабрист Штейнгель, он «дыша свободою, рвался к ниспровержению, как он говорил, ненавистного, оскорбительного для человечества деспотизма».

При всей своей восторженности, Рылеев, однако, понимал истинное положение вещей.

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утесителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Возможность неудачи не страшила Рылеева. — «Предвижу что не будет успеха, — говорил он, — но потрясение необходимо. Тактика революций заклю-

чается в одном слове: „держай“, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других“.

Когда мать Рылеева, уезжая в деревню, со слезами прошалась с ним, умоляя сына беречь себя, Рылеев сказал ей: „Ныне наступил век гражданского мужества, я чувствую, что мое призвание выше, —я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотчичей, для исторжения из рук самовластия железного скипетра, для приобретения законных прав угнетенному человечеству— вот будут мои дела. Если я успею, вы не можете сомневаться в награждении за них: счастье россиян будет лучшим для меня отличием. Если же паду в борьбе законного права с властью, ежели современники не будут уметь понять и оценить меня—вы будете знать чистоту и святость моих намерений, может быть, потомство отдаст мне справедливость, а история запишет имя мое вместе с именами великих людей, погибших за человечество“.²⁴⁶

В первую же ночь после событий к Рылееву в дом Американской Компании явился флигель-адъютант Дурново в сопровождении шести солдат л-гв. Семеновского полка, предъявивший приказ об аресте. Рылеев наскоро оделся, обнял жену и дочь и быстро направился к выходу. Завеса истории опустилась.

Когда смертный приговор над участниками восстания был приведен в исполнение, Николай I отправился в августе месяце в Москву на празднование „священного коронавания“. Роскошной иллюминацией встретила северная столица возвращение коронованного монарха. По вечерам весь город сиял „потешными огнями“. Российско - Американская Компания, желая очистить себя от подозрений в „сочувствии мятежникам“, выставила перед своим домом грандиозный плакат в виде „прозрачной картины“, изображавшей Америку, „приносящую дань усердия и верноподданства Августейшей Чете“. —

В то же время „вдова б. подпоручика Кондрата Рылеева“ просила, через публикации в газете, „должников и кредиторов покойного мужа ее: первых с законными документами, а последних с платежом денег, пожаловать в узаконенный срок к ней, в дом Российско-Американской компании“.²⁴⁷

Как передавал А. Никитенко, в те времена окна дома были защищены железной решеткой. „Теперь дом перестроен, но он долго был для меня предметом скорбных воспоминаний и я не мог пройти мимо без сердечного волнения. Было одно окно особенно: оно выходило из кабинета, где я познакомился ближе с хозяином, слушая, как он декламировал свою только что оконченную поэму „Войнаровский“.

Рядом, на набережной Мойки, на углу проспекта Майорова, стоит любопытный небольшой дом екатерининского времени (№ 70). Здесь помещалась некогда известная книжная лавка Плавильщикова, а потом Смирдина.

Громкая известность Смирдина началась с открытия им прославленной лавки на Невском проспекте, в доме Лютеранской церкви. Смирдин начал свою карьеру тут на Мойке приказчиком в книжной лавке Плавильщикова, которому принадлежит честь открытия здесь первой русской частной библиотеки²⁴⁸. Тщательно подобранная, она насчитывала в 1820 г. 7000 названий. Это был, по словам современника, „тихий кабинет Муз, где собирались Ученые и Литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры.“²⁴⁹ Тяжело больной Плавильщиков своей „Кабинет для чтения“ предоставил в полное распоряжение старшего приказчика лавки, Смирдина, тогда еще молодого человека.

Белобрысый приказчик с розовыми щечками и «ртутной суетливостью», бойко управлял делом, которое вскоре к нему перешло.²⁵⁰ Плавильщик умер в августе 1823 г., предоставив Смирдину по духовному завещанию право приобретения книжного магазина „по той цене, которую он признает для себя выгодной“. Но Смирдин устроил аукцион и приобрел лавку, предложив высокую цену. Человек энергичный, он широко развернул дело и, считая, что торговля страдает за отдаленностью от центра, перенес в 1832 г. свой магазин и библиотеку в дом Лютеранской церкви на Невском пр. 1 апреля 1832 г. в „СПБ. Ведомостях“ уже объявлялось о сдаче в наем квартиры, „в коей помещались библиотека и типография книгопродавца Смирдина“.²⁵¹

Мрачный Марининский дворец, ныне Промышленная Академия, был выстроен архитектором Штакеншейдером для дочери Николая I — вел. кв. Марии Николаевны.²⁵² Распоряжение о постройке дворца последовало в 1839 г. В ноябре 1844 г. дворец был уже закончен. Для сооружения его пожертвовали стоявшим тут ранее громадным домом гр. Чернышева, построенным Деламотом.²⁵³

Ряд сведений по истории чернышевского дома, купленного в конце XVIII века в казино, содержит интересная статья П. Стопянского в № 2 „Известий Лермонтовского Музея“ (1917 г.). Автор выражает сожаление, что современники не оставили описания дворца екатерининского вельможи. Между тем, известный швейцарский ученый Бернулли, осмотревший дом в августе 1777 г. оставил подробное и чрезвычайно интересное описание внутреннего убранства чернышевского дворца. Что касается внешнего вида здания, то Бернулли ограничился замечанием, что дворец так разукрашен статуями, нишами и проч., что без рисунка о нем не легко

иметь представление.²⁵⁴ Некоторые сведения о дворце можно найти также в записках французского путешественника Форсиа де Пиль.²⁵⁵

Вскоре по вступлении на престол Павла I, дом этот, с бурбонской лилией на фронтоне и надписью „Hôtel Condé“, был подарен Павлом принцу Конде, эмигрировавшему в Россию в дни великой французской революции.²⁵⁶ Кроме того принц получил от Павла 20000 руб. на серебро и ежегодное содержание в размере 70000 руб. По словам Ростовчина Конде имел дерзость спросить у Павла, не будет ли ему еще пожаловано что-либо и не забыли ли, что он Бурбон.

Французские принцы, как известно, не долго оставались в России. По их отъезде бывший дом Чернышевых занимал последовательно целый ряд учреждений. Когда же в середине двадцатых годов военному ведомству понадобилось помещение в центре города для школы гвардейских подпрапорщиков, ему предоставили бывший дом Чернышевых на Мойке, у Синего моста.

Дом к этому времени, как показывает гравюра Колпашикова, представлял собою грандиозное здание, увенчанное аттиком, с двумя фигурами, поддерживающими герб. Коринфские колонны украшали центральную часть здания; два павильона, поставленные по сторонам, были декорированы нишами. Барочный характер здания был подчеркнут наличием множества статуй.

Военное ведомство безжалостно расправилось с этим выдающимся творением Деламота, уничтожив всю его внутреннюю отделку (воспроизведенный при настоящей работе чертеж фасада здания Школы гвардейских подпрапорщиков заимствован из „Собрания планов, фасадов и разрезов примечательных зданий С.-Петербурга“. СПб. 1826 г.). Из здания извлечены были все мраморные украшения — ка-

мины, подоконники, ступени лестниц и т. д., которые передали Кабинету его величества. Переделка здания была закончена к осени 1825 г., после чего сюда перевели школу; пехотинцев разместили в верхнем этаже, а кавалеристов и классы для учения во втором. В первых числах ноября 1832 г. по школе был отдан приказ: „Зачислить в Школу кандидатом и числится на лицо“ — „недоросля из Дворян Михаила Лермантова“.

Лермонтов прибыл в Петербург со своей бабушкой Е. А. Арсеньевой летом того же года. Частые столкновения с профессорами вынудили Лермонтова оставить московский университет. Он решил перевестись в Петербург, но ему отказались здесь зачесть годы его студенчества. Таким образом для Лермонтова оказались потерянными два года, проведенные в московском университете и столько же в университетском пансионе.

Чрезвычайно огорченный этим поэт, после долгих колебаний, решил избрать военную карьеру и подал заявление о приеме его в школу подпрапорщиков. Переезд в Петербург и вынужденная перемена карьеры не легко дались Лермонтову. С чувством глубокого сожаления прощался он с родной Москвой.

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын,
Как русский,—сильно, пламенно и нежно!

Петербург произвел на него тяжелое впечатление:

Там жизнь грозна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.

И он горько жаловался в письме к Бахметевой:

Увы! как скучен этот город
С своим туманом и водой!
Куда не взглянешь—красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;



Школа гвардейских подпрапорщиков на Мойке.
Здесь учился М. Ю. Лермонтов.

Нет милых сплетен, все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново,—
А нет не пошлых новостей!

„Все люди,—такая тоска,—заканчивал он свое письмо,—хоть бы черти для смеха нашлись“.—„Видел я образчики здешнего общества,—писал он тогда же Лопухиной,—дам очень любезных, молодых людей очень вежливых,—все они производят на меня впечатление французского сада, очень тесного и простого, но в котором в первый раз можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различие между деревьями“...

Его угнетенное настроение еще усугублялось суровой дисциплиной военной школы. Один из воспитанников был посажен под арест за то, что шел по улице рядом с офицером, хотя тот, по расследованию, оказался родным братом провиннившегося. Другой раз, вел. кн. Михаил Павлович, приказав одному из юнкеров раздеться, обнаружил на нем жилет, „несомненное свидетельство царившего в школе революционного духа“.

Лермонтов почерпнул здесь лишь искусство фронта и шагистики. „Уланша“, „Госпиталь“ и „Петергофский праздник“—таков итог его творчества за два года пребывания в школе. Недаром он сам назвал их „двумя страшными годами“. Между тем, к моменту поступления Лермонтова в школу, среди произведений его уже значились: „Кавказский пленник“, „Нищий“, „Ангел“ и „Каллы“.

Бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, обожавшая своего внука, жила поблизости от его школы на Мойке. Когда Лермонтов повредил себе ногу на уроках верховой езды, ему было разрешено переехать к бабушке, где он и подготовлялся к экзаменам. Еще задолго до этого, в августе 1832 г., Лермонтов писал Бахметевой: „Мы только вчера

перебрались на квартиру. Прекрасный дом, и со всем тем душа моя к нему не лежит, мне кажется, что отныне я сам буду пуст, как был он, когда мы в него въехали".—Где же находился этот дом?

Известный биограф поэта П. А. Висковатов писал по этому поводу, что приехав летом 1832 г. в Петербург, Е. А. Арсеньева поместилась со своим внуком в квартире на набережной Мойки у Синего моста, в доме, "который позднее принадлежал журналисту Гречу"²⁵⁷. Но, как было указано выше, летом 1831 г. типография Греча была переведена на Мойку в дом Аша, где занял квартиру и сам Греч. Поэтому едва ли Е. А. Арсеньева могла в это время найти себе барскую квартиру в небольшом доме Аша. Товарищ Лермонтова В. Н. Поливанов („Лафа“) сообщает, со своей стороны, что Лермонтов жил на Мойке, в квартире своей бабушки, между Синим и Поцелуевым мостами, в доме, где теперь помещается правление „Общества заклада движимых имуществ“. Однако, там в описываемое время помещалась „Российско-Американская Компания“ и представляется сомнительным, чтобы здесь сдавались помещения частным лицам. Надо думать, что наиболее точным является сообщение родственника Лермонтова, известного А. П. Шан-Гирея, сообщающего в своих воспоминаниях, что „бабушка наняла квартиру в нескольких шагах от школы, на Мойке же, в доме Ланскова и я каждый день ходил к Мишелю с контрабандой, т. е. с разными паштетами, страбургскими пирогами, конфетами и прочим“.

Этому свидетельству Шан-Гирея тем более можно верить, что он сам жил в то время у Арсеньевой²⁵⁸.

Во время наводнения осенью 1834 г. Лермонтов, глядя из окон дома Ланского на грозные волны, захлестывавшие парапет набережной Мойки, написал:

Для чего я не родился
Этой синей волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной;
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок!
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю,
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Приходится вдвойне пожалеть об уничтожении дома Ланского на Мойке, давшего приют Веневитинову и Лермонтову.

Оба поэта погибли в расцвете сил и таланта, по прекрасному выражению Петрарки, „задолго до наступления вечера“.

Громадный участок на углу Мойки и Гороховой, ныне улицы Дзержинского, в начале XIX века принадлежал известному откупщику Кусовникому. Следующий его владелец, купец Таль, возвел тут новые постройки, приспособив их для бань, славившихся на весь город. Богатый человек, большой знаток музыки, Таль был частым посетителем концертов Виельгорского, куда он допускался, как тонкий ценитель искусства.

В то время, в глубине двора, рядом с стоящим и поныне угловым красным домом, возвышалось длинное одноэтажное здание в 14 окон. Два выступа соединялись по набережной железной решеткой, украшенной венками. Ворота вели во двор. В этом здании с 1813 г. помещался Английский клуб²⁵⁹. Когда же в 1830 г. он был переведен в дом Демидовых, — „там, где прежде был Английский клуб“, механик Мейергофер из Вены стал демонстрировать „Театр мира и быстрое путешествие“.

Летом 1831 г. в газетах появились публикации о сдаче в доме Таля помещения „с удобными флигелями, дворами и вновь красиво разведенным садом“. А некоторое время спустя у ворот дома выросли молодцеватые фигуры жандармов в тяжелых касках. — Здесь поместилось III Отделение Собственной его величества канцелярии.

Рано утром сюда приезжал с Малой Морской Бенкендорф. Небольшого роста, сутулый, лысый, он окидывал рысьими глазками раболопно встречавших его подчиненных и проходил в свой кабинет. На столе, в строгом порядке, были уже разложены толстые папки с делами. Это были цензурские сообщения, вскрытые письма, похищенные документы. Рядом лежали кипы доносов, писанных то рукою полуграмотных филеров, то мастерским пером Булгарина, а подчас и витиеватым слогом какого-либо „смирненного Гавриила, епископа пензенского“.

Сфера деятельности III Отделения в те времена была весьма обширна. Его начальник являлся своего рода первым министром, олицетворявшим собою „единство управления“. III Отделение выполняло судебные функции, принимало под охрану частное имущество, наблюдало за иностранцами, вмешивалось в отношения между кредиторами и должниками, мужьями и женами, родителями и детьми, прихожанами и клиром. Ему надлежало также „опекать“ расточителей, наблюдать за изобретениями, следить за поддержанием „нравственности“ и искоренением „крамолы и разврата“. Тут внимательно читали каждую печатную строку, цензуровали пьесы и „наистрожайше“ воспрещали распространение иностранных газет и книг, исключенных из „числа терпимых в государстве“. Наконец, отсюда старались внушить всей России, что благонамеренность и покорность являются главными достоинствами каждого русского гражданина.

В тридцатых годах здесь было немного служащих, всего около тридцати человек, но подбор их отличался особой тщательностью.²⁶⁰ Дисциплина среди них была такова, что один майор, „поставив себе непререваемым правилом быть вполне откровенным перед начальством“, доложил, что „с настоящего числа им надет парик“.²⁶¹

Количество поступающих сюда доносов было чрезвычайно велико, и, как говорили в городе, по субботам, происходило их торжественное сожжение.²⁶² Все поступавшие сведения заносились на особые карточки. Как доложил Николаю I Бенкендорф в 1828 г. — „за все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции, в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение“.

Недаром Лермонтов, уезжая в последний раз на Кавказ, написал:

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть-может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Под особым надзором III Отделения состоял и Пушкин. Со времени возвращения из ссылки, вся жизнь поэта стала в полную зависимость от этого учреждения. Здесь на Мойке он вынужден был испрашивать разрешение на каждый свой выезд и даже

на женитьбу. Сюда он являлся также выслушивать „критические“ замечания и оценку своих произведений, исходившие от его высоких цензоров—Николая I и Бенкендорфа.

Одним из частых посетителей III Отделения был Булгарин, являвшийся сюда со своими услужливыми доносами. Бывали, однако, случаи, когда по приказанию начальства его доставляли сюда ротмистр в голубом мундире. Это происходило в тех случаях, когда Булгарин, перед возобновлением подписки на „Северную Пчелу“, позволял себе какую-либо „вольность“ в виде заметки хотя бы о „непостоянстве и некоторой вредности петербургской погоды“. В таких случаях Дубельт строго наставлял его: „Ты, ты у меня! Вольнодумствовать вздумал? О чем ты там нахрюкал? Климат царской резиденции бранишь. Смотри!“

„Центральная шпионская контора“, как назвал Герцен III Отделение, оставалась на Мойке непродолжительное время. К сороковым годам, как об этом сказано выше, она была переведена на Фонтанку. Однако, небольшой дом Таля стал так дорог жандармским сердцам, что, по выезде отсюда III Отделения, здесь поселился Алексей Орлов, назначенный, после смерти Бенкендорфа, шефом жандармов и начальником III Отделения. Владея громадным домом на Литейном проспекте, выстроенным архитектором Боссе (впоследствии Главное управление уделов), Орлов, однако, предпочел жить на старом, насыщенном жандармами месте. Достойный преемник Бенкендорфа, он ревностно стремился оградить Россию от западно-европейских идей. Между тем на Западе надвигались уже события 1848 г. и на Орлова была возложена царем задача „беречь Россию от потрясений“. Когда возникло дело Петрашевского, сюда на Мойку привозили на допрос всех арестованных.

Дом Таля на Мойке давно не существует. На этом участке стоит здание, где до революции помещался ресторан „Контан“.

На той же стороне набережной Мойки, где стоял дом Таля, перейдя Невский проспект, помещалась в то время старейшая в Петербурге гостиница „Демут“. Она была открыта неким Демутом в начале екатерининского царствования и просуществовала на этом месте свыше ста лет.—Первые сведения о ней относятся к январю 1770 г., когда в „СПБ. Ведомостях“ объявлялось, что „в стоящем подле полиции доме купца Демута отдаются с половины января 1770 г. в наем 6 покоев“. Здесь же происходила торговля столовым вином.²⁶³ Демут удачно выбрал место для гостиницы. Дом его был расположен близ Невского проспекта; другой стороной он выходил на Большую Конюшенную улицу. Постояльцев в гостинице было много и в 1796 г. Демут выстроил новое каменное здание на Конюшенную.²⁶⁴ К этому времени гостиница считалась уже лучшей в городе. Номер в „демутовом трактире“ стоил в те годы от 25 до 40 руб. в месяц, обед—один рубль.²⁶⁵

Разбогатевший трактирщик Филипп-Якоб Демут стал вскоре „именитым гражданином“, коллежским ассесором и директором Государственного заемного банка.²⁶⁶ Он приобрел еще громадный дом на углу Невского и Адмиралтейского проспекта, где помещалась другая известная гостиница того времени „Лондон“.²⁶⁷

Демут умер в 1802 г., оставив дочь Елизавету. Она вышла замуж за Франца Тирана, адъютанта петербургского военного губернатора Палена. Этот брак открыл перед дочерью богатого трактирщика двери петербургских салонов. Имя „г-жи Тиран“ было занесено и в первый список членов аристокра-

тического Женского патриотического общества, на ряду с фамилиями гр. М. Д. Нессельроде, гр. Н. А. Зубовой („Суворочки“) и кн. Зинаиды Волконской. Однако зять Демута, „дурак не последний“, по аттестации Греча, „за неосторожные речи“, был сослан при Александре I в оренбургский гарнизон. Это была расплата за участие Тирана в убийстве Павла I.—Когда императора душили, был „употреблен в дело“, по выражению Греча, шарф адъютанта военного губернатора. Выйдя в отставку с чином майора, Тиран жил в Париже, где Греч встречал его в 1845 г.²⁶⁸

После смерти Демута, вдова его унаследовала дачу на Петергофской дороге и пять домов в Петербурге, из которых два стояли на Мойке (один у Невского проспекта, где помещалась гостиница и другой у нынешнего Певческого моста).

В 1822 г. все это имущество перешло к ее дочери, „майорше Тиран“. Последняя оставила себе лишь дом, в котором помещалась гостиница, а остальное имущество продала. Сын „майорши“, Ю. Ф. Тиран, женившийся на богатой наследнице Татищевой, продал и этот дом на Мойке и переселился в свои поместья под Лугой.²⁶⁹

Вдова Демута не продолжала дела мужа, передав содержание „трактира“ французу Гюге, „кормившему, — по словам Булгарина, — прекрасными обедами“. В 1809 г. содержанием гостиницы значится уже купчиха Шарлотта Гюге, владевшая к тому времени домом на Петербургской стороне. Очевидно, содержание гостиницы было делом доходным.

Отель „Демут“ имел прочно установившуюся репутацию первоклассной гостиницы. Вигель еще в 1802 г. записал, что демутов трактир принадлежит „к малому числу древностей столетнего Петербурга“. Он „один еще не тронут с места и не перестроен“. Свободных помещений в гостинице никогда не было.

При этом менее, чем на неделю здесь комнат не сдавали. Известный путешественник Кэпп, посетивший Петербург в 1804 г., с трудом нашел две неудобных комнаты в этой „лучшей в городе гостинице, содержимой вежливыми немцами“. Одна из комнат была отгорожена перегородкой, за которой было помещение для слуги. Это было летом и Кэпп жаловался на „египетские мухи“, причиняемые множеством мух, сплошь покрывавших стены гостиницы. О страшной грязи, царившей здесь, писал и английский путешественник Рэйкс, упоминаемый Пушкиным в „Евгении Онегине“.²⁷⁰

Другой английский путешественник, Грин, отметил в своем дневнике, что в лучшем отеле Петербурга, у Демута, можно получить хорошую комнату за 50—150 руб. в месяц. За содержание своего лакея и помещение для него он платил один рубль в день. Доктор Грэнвилль записал в 1827 г. в своих мемуарах, что здесь в каждом номере две комнаты, из которых одна спальня. Табльдот 10—12 руб. в день, вино, отопление и услуги отдельно. Однако, путешественники жаловались, что, несмотря на взимаемую „за услуги“ плату и многочисленный штат прислуги, в гостинице буквально ничего нельзя добиться. „Каждый состоит при особой обязанности и всякий слуга отсылает вас к другому“. За три небольшие комнатки в четвертом этаже В. П. Шереметева в октябре 1825 г. платила 65 руб. в неделю и два руб. за воду. При этом, ни чашки, ни стакана, без чаю или кофе, не подавали.²⁷¹

Помещения тут сдавались на всякие вкусы и достатки. Были и небольшие темные комнатки, с окнами, выходившими во двор; в них останавливались небогатые иностранцы, прибывавшие в Россию в поисках заработка: немецкие портные, шведские капельмейстеры, английские конюхи. На другой половине гостиницы, в прекрасно обставленных аппар-

таменгах, жили иностранные посланники, богатые негоцианты, знатные путешественники. Приехавший в Петербург виконт Бельгрёв занимал здесь помещение в восемь комнат, с салонами, спальнями, большой столовой и будуаром ²⁷².

Некоторые постояльцы, подолгу жившие у Демута, обставляли свои комнаты сообразно личному вкусу. Так в тридцатых годах бель-этаж на Мойку занимал известный оригинал Алексей Салтыков, по прозвищу „Индеец“. Это был известный путешественник и коллекционер и его комнаты были сплошь увешаны персидскими коврами и восточным оружием. Его огромное собрание старинного оружия и редких образцов восточного искусства было им составлено в Дели, Лагоре и на острове Цейлоне. Через его сына, Петра Салтыкова, эти коллекции поступили впоследствии в Эрмитаж. Тут же у Демута поселился вызванный в Петербург Николаем I известный итальянский художник Козроэ Дузи. Здесь в здании, выходящем на Конюшенную ул., временно помещалась мастерская художника ²⁷³.

В этой гостинице жил в августе 1812 г. знаменитый прусский государственный деятель фон-Штейн, разрабатывавший планы борьбы с Наполеоном ²⁷⁴. „Это человек античного склада, — записала о нем г-жа де-Сталь, — который живет лишь одной надеждой видеть свое отечество свободным“. В 1822 г. у Демута одновременно жили Сперанский и Ермолов. Здесь они часто вели долгие беседы. Ермолов о своих встречах со Сперанским рассказал Александру I. „О чем же была беседа?“ — полюбопытствовал император — „Он говорил мне и о своей ссылке“. — „Что же?“ — спросил Александр. — „Говорил он много и долго, — ответил Ермолов, — но я ничего не понял.“ — „Ну, так я тебе расскажу.“ — „И Александр говорил много и долго, — передавал Ермолов, — но я также ничего не понял“.

У Демута жил „самый заметный и самый блистательный из всех молодых людей в Петербурге“ — П. Я. Чаадаев.

Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес, А здесь он — офицер гусарской.

Как рассказывает Вигель, эти стихи были написаны под портретом Чаадаева, висевшем в той комнате, где лично „принимал он посетителей, сидя на возвышенном месте, под двумя лавровыми деревьями в кадках; справа находился портрет Наполеона, слева — Байрона“.

В 1821 г. сюда адресует Чаадаеву письмо будущий декабрист М. Бестужев-Рюмин: „Его Высокоблагородию Милостивому Государю Петру Яковлевичу Чаадаеву. В демутовом трактире № 54-й, в С.-Петербурге“ ²⁷⁵.

Как отметил в своих записках П. В. Анненков, „в доме Чаадаева, который жил тогда в Демутовом трактире“, Пушкин, считая себя „обязанным“ своему старшему другу, „покидал свои дурачества“. Их долгие беседы, „младые вечера“, „пророческие споры“, „знакомых мертвецов живые разговоры“, врезались навсегда в память Пушкина.

Но все менялось, если у Чаадаева внезапно появлялись его светские знакомые. Пушкин тотчас умолкал и садился в угол на диван, „упорно чуждаясь посетителей, покушавшихся иногда обращаться к нему с видом снисходительного покровительства“.

Когда Пушкин получил в 1820 г. приказание выехать на юг, он оставил Петербург, не простившись с Чаадаевым. „Мой милый, — написал он в ответ на упрек Чаадаева, — я заходил к тебе, но ты спал; стоило ли будить тебя из-за такой безделицы“.

Выйдя в отставку, Чаадаев из этой гостиницы выехал за границу. В числе отъезжающих значился

„Петр Чаадаев, отставной гв. Ротмистр, спросить 1-й Адмиралтейской части, I квартала в доме майорши Тиран, под № 14“. Расставаясь недолго с родной, здесь у Демута, подводил итоги прошлого тот, кто „пил из чаши жизни муку и выпил горе от ума“. Пушкин, узнав о его предстоящем отъезде, писал Вяземскому: „Говорят, что Чаадаев едет за границу—давно бы так; но мне жаль из эгоизма—любимая моя надежда была с ним путешествовать“. „Твоя дружба,—записал Пушкин в своем дневнике,—мне заменила счастье,—одного лишь тебя может любить холодная душа моя“.

В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня дремлющей рукой...

Живя за границей, Чаадаев с негодованием вспоминал самодержавную Россию, называя „Аракчеева—злодеем, высших властей, военных и гражданских—взяточниками, дворян—подлыми холопами, духовных—невеждами, все остальное—коснеющим и пресмыкающимся в рабстве“²⁷⁶. Эти его суждения предшествовали тому гневному протесту, с которым он обратился впоследствии к крепостнической России в своих знаменитых „Философических письмах“.

Одновременно с Чаадаевым у Демута жил в течение трех месяцев Батюшков. Он жил тут незадолго до начала своей болезни. „Батюшков возвратился меланхоликом, ипохондриком, мрачным и холодным,—писал Карамзин Вяземскому.—Остановился у Демута, сидит в своей комнате и не расположен часто видаться с нами“.

Здесь проживал также будущий декабрист Г. С. Батенков. Недолгое время постояльцем демутовой гостиницы был и П. И. Пестель²⁷⁷. „Это был искусный дипломат, вдохновенный оратор, непобедимый спорщик“. Посещавший впоследствии Пестеля в каземате Петропавловской крепости протоиерей

Казанского собора Мысловский оставил яркую характеристику вождя заговорщиков. „Сей преступник,—записал он,—есть отличнейший в сонме заговорщиков, как по данному ему воспитанию, так и по твердости духа... Быстр, решителен, красноречив в высшей степени, математик глубокий, тактик военный превосходный... Никто из подсудимых не был спрашиван в комиссии более его, никто не выдержал столько очных ставок, как опять он же; везде и всегда был равен себе самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось он один готов был на раменах вынести тяжесть двух альпийских гор“. Верховный уголовный суд присудил Пестеля к смертной казни „не столько за то, что он сделал,—отметил его биограф,—потому что он сделал гораздо меньше, чем мог бы при других условиях,—сколько за то, чем он был. По силе характера и силе убеждения он был, бесспорно, первым из декабристов“.

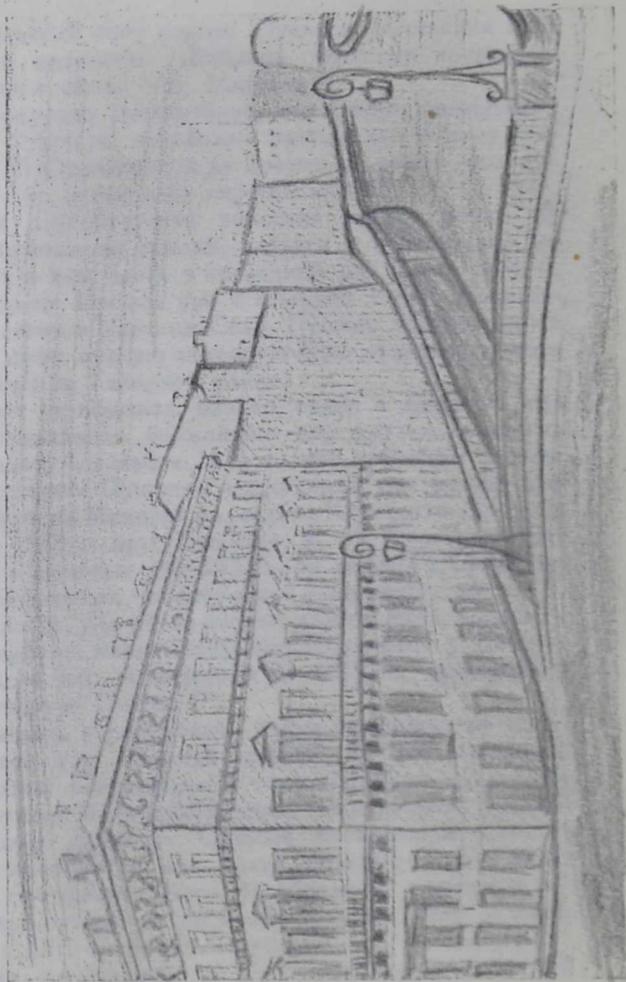
Летом 1824 г. в гостинице Демута ненадолго поселился Грибоедов, приехавший в Петербург после долгого пребывания на Востоке. Он снова появился в Демутовом трактире 14 марта 1828 г., прибыв в Петербург вестником заключенного с Персией Туркманчайского мира. „По какому-то инстинкту,—рассказывал Булгарин,—я несколько дней сряду ходил в заездный дом Демута и ожидал моего друга. Наконец 14 марта, около полудня, подъехала кибитка и я принял его в мои объятия... Мы плакали, как дети... от радости“.

Весной 1836 г. в скромном номере четвертого этажа, здесь проживала известная „кавалерист-девица“ Дурова, которую навещал А. С. Пушкин²⁷⁸. Своей наружностью она привлекала в гостинице всеобщее внимание. Ее рябое, землистого цвета лицо, было все покрыто морщинами. Она стригла по мужски волосы и носила казакин и широкие панталоны.

В „заездном доме Демута“ жил также и Пушкин²⁷⁹. Вернувшись в Петербург, после своего изгнания, он поселился у Демута, в здании по набережной Мойки, в бедном 33-м номере, состоявшем из двух комнаток. Окна номера выходили во двор, к северо-западу. Как сообщал А. Ивановский, „этих номеров давно уже нет“²⁸⁰.

По словам Ксенофонта Полевого, Пушкин вел здесь „странную“ жизнь. — Все утро, лежа в постели, он читал и вставал лишь при приходе гостей. Тогда он усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, беседуя, полировал свои ногти, „такие длинные, что их можно назвать когтями“. Случалось, что часто он сидел тут за другим столом — карточным и „резался“ с раннего утра в карты. — Когда Гоголь, впервые приехавший в Петербург, поспешил навестить Пушкина, он у самых дверей его комнаты до того оробел, что „убежал“ в кондитерскую и выпил там „для храбрости“ рюмку ликера. Снова явившись и, узнав от слуги, что Пушкин „почивает“, Гоголь с участием спросил: „Верно всю ночь работал?“ — „Как же, работал, — отвечал слуга, — в картишки играл“.

Юность не имеет нужды в at home, — говорил Пушкин. — Но его „жизнь по трактирам“, карты и долгие „ночные заседания“ осуждались современниками. Отсюда и злостная характеристика образа жизни Пушкина, оставленная его лицейским товарищем Корфом: „Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими“... Однако, в стенах этого „трактира“ часто впервые звучали стихи поэта, расходившиеся потом отсюда во множестве списков по всей России. Здесь же у Пушкина вдохновенно импровизировал Мицкевич. Вероятно



Дом Котомина на Невском пр., ныне № 18.
Здесь помещалась кондитерская Вольф и Беринге.

тут польский поэт поднес Пушкину сочинения Байрона с надписью: „Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих — А. Мицкевич“.

Множество посетителей, постоянно навещавших здесь Пушкина, неизбежно привлекало к нему внимание III Отделения и за поэтом и всеми его гостями был установлен строгий надзор.

Вся петербургская холостая жизнь поэта, по возвращении из ссылки, связана с гостиницей Демута. Он жил здесь в последний раз в мае 1831 г., приехав из Москвы уже с молодой женой. Поселившись летом в Царском Селе, Пушкин только осенью нанял свою первую петербургскую квартиру в доме Брискорн на Галерной улице.

Поэт не порывал, однако, связи с Демутом, где останавливались ближайшие его друзья, а иногда и родные. В декабре 1834 г. тут временно поселились старики Пушкины в ожидании уже снятой ими квартиры на Моховой ул., в доме Кленберга. Здесь же жил в 1832 г. друг Пушкина А. И. Тургенев. Отсюда, в роковые дни 1837 г., он выехал в Святогорский монастырь сопровождать тело своего друга ²⁸¹. Отец поэта, уже после смерти жены и сына, приезжая в Петербург, попрежнему останавливался у Демута.

Здесь же, остановился в 1839 г. приехавший в Петербург Герцен ²⁸².

Однако, к сороковым годам гостиница не пользовалась уже прежней славой. У нее появились серьезные конкуренты; к тому же новые владельцы не сумели поддержать дело, так счастливо начатое стариком Демутом. Отзывы постояльцев о гостинице становятся все более резкими. — „Мы занимали помещение очень безобразное, грязное и вонючее, с окнами на не менее грязный двор“, — записала в 1845 г. А. Ф. Тютчева.

Где же находился этот некогда знаменитый „заседный дом“?

П. Столпянский, в своей известной статье, „Петербургские квартиры Пушкина“, сообщает, что дом, где помещалась гостиница „Демут“, перешел, по неизвестным причинам, к метродотелю Рекету, а с конца 20-х или 30-х годов к купцам Калугиным, причем за гостиницей сохранилось прежнее название Демутова трактира. Впоследствии, по словам П. Столпянского, на месте старого „Демута“ помещался ресторан „Донон“ (№ 24 по Мойке) ²⁵². Но, как сказано было выше, этот дом Демута на Мойке, после смерти его первого владельца и его жены, перешел к их дочери, „майорше“ Тиран. — Ошибка произошла вследствие того, что у Демутов на Мойке, близ Певческого моста, был другой дом, проданный впоследствии вдовой Демута — придворному повару Рикетти и перешедший потом к Калугиным. В нем действительно помещался известный ресторан Сен-Жоржа, которого сменил Донон ²⁵³.

Демутов же трактир был расположен на Мойке, близ Невского проспекта, через один дом от Голландской церкви (Мойка № 40) ²⁵⁴. Как удостоверят документы городского архива, старая гостиница на Мойке простояла без изменений до 1832 г., когда тут построили новое каменное здание на подвалах. Судя по плану, комнаты на улице имели по два окна, а выходящие во двор — по одному. В таком виде здание просуществовало около сорока лет. В семидесятых годах архитектор А. Парланд, строитель неудачного по своим формам храма на месте убийства Александра II, составил грандиозный проект перестройки этого здания, с добавлением четвертого этажа на Мойку и новой „разделкой“. Вверху фасад был украшен пышным фантастическим гербом и надписью „Гостиница Демута“ — „Hôtel Demouth“.

Но гостиница не долго существовала в новом здании. Она вскоре закрылась и на месте старого „Де-

мута трактира“ открылся известный ресторан „Медведь“. Интересно, что домом этим в последнее время владели вел. князья Кирилл Владимирович и Борис Владимирович. Они пришли на смену трактирщику Демуту, отделав помещение для „Медведя“.

Дальше по Мойке стоит старинный темный дом (№ 14), украшенный по фасаду фигурами. Он связан с именем декабриста И. И. Пущина.

Участок этот, выходящий другой своей стороной на улицу Желябова (б. Большую Конюшенную ул.), издавна принадлежал Пушиным. Первым его владельцем был известный адмирал Петр Пущин, сыгравший большую роль в истории русского флота XVIII века ²⁵⁵. После него домом владел его сын, также генерал-интендант флота. В этом же доме на Мойке прошли детские годы внука старого адмирала, Ивана Ивановича Пущина.

В его детских воспоминаниях болезненно запечатлелся мрачный характер отца, психическая болезнь матери и деспотический тон старших сестер. По окончании лицея, поступив в гвардию, Пущин, под влиянием либеральных идей, демонстративно вышел в отставку, решив, в виде протеста, пойти в квартальные надзиратели. Сестрам едва удалось на коленях умолить брата отказаться от этой мысли.

Тогда он обратился к отцу с просьбой разрешить ему уехать в родовое имение управителем. Но отец нашел это „не дворянским делом“, заметив, что „ниже упасть его сыну невозможно“.

„В добродетельных порывах для благотворения человечеству, — писал Н. И. Греч о Пущине, — вступил он на службу безвозмездно по выборам в уголовную палату“. Это дало Хомякову повод сказать, что Пущин первый честный человек, сидевший в русской казенной палате.

Ты, освятив тобою избранный сан,
Ему в очах общественного мнения
Завоевал почтение граждан.

„Благородный, милый, добрый человек, — писал о нем Греч, — истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды“.

Когда Пущин примкнул к Тайному Обществу, у него здесь на Мойке стали собираться будущие декабристы — Никита Муравьев, Нарышкин, Бригген, Оболенский, Поджио, Митьков²⁸⁷. Пущин принимал самое деятельное участие в восстании на Сенатской площади и остался жив лишь по счастливой случайности; надетый на нем в этот день плащ его деда-адмирала был пробит множеством пуль.

На следующий день после восстания, сюда на Мойку к Пущину приехал его лицейский товарищ — Горчаков с готовым заграничным паспортом, горячо убеждая Пущина бежать на отходившем в этот день пароходе. Но Пущин отказался от этого, считая постыдным избегнуть участи, ожидавшей его товарищей. Когда же к нему приехал П. А. Вяземский, Пущин отдал ему на сохранение портфель с бумагами; он сделал это не из боязни, что эти документы отягчат его участь, но из желания сохранить для потомства находившиеся там стихи Пушкина, Дельвига и Рыльева. И когда через тридцать с лишним лет Пущин возвратился из ссылки, Вяземский вернул ему портфель.

Арестованный в этом доме на Мойке 15 декабря²⁸⁸, Пущин был предан суду и приговорен к двадцати годам каторжных работ. Пушкин, вспоминая приезд своего друга в Михайловское, писал ему в далекие рудники Сибири исполненные скорби стихи:

Мой первый друг, мой друг бесценный
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,

Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней!

С лицейской скамьи и до самой смерти поэта их соединяла тесная дружба, на которой не отразилась долгая разлука. „Как жаль, что нет здесь Пущина, — сказал умирающий поэт, — мне бы легче было умирать“.

Пущин был глубоко потрясен известием о трагической смерти своего друга: „Кажется, — писал он одному товарищу, — если бы при мне должна была случиться несчастная его история... роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достойные России“...

Долгие годы провел в Сибири Пущин. Некогда в лицее он занимал комнату № 13. В письме к своему лицейскому товарищу Матюшкину он с горькой иронией подписался: „№ 13 в лицее, № 14 в Петровском“ (остроге).

Одновременно с И. И. Пущиным был осужден и брат его, Михаил Иванович, совершенно случайно замешанный в заговоре. Разжалованный в рядовые, он отличился на Кавказе беспримерной храбростью и энергией. Раненый в грудь на вылет, он был уволен со службы, продолжая оставаться под строжайшим тайным надзором. Добившись разрешения жить в Петербурге, М. И. Пущин вступил после смерти отца (1842 г.) в управление имуществом, начав перестройку здания, выходящего на Конюшенную улицу²⁸⁹. И. Пущин, находясь в далекой ссылке, продолжал интересоваться делами своей семьи. Когда его брат послал ему в Сибирь проекты перестройки пущинского дома, И. Пущин наш сдал в 1845 г. Энгельгардту из Ялуторовска: „Архитектура оригинальна

и хороша, как-то они кончили отделку этого огромного здания? Потом каково пойдет наем и уплата процентов?—Вскоре М. И. Пущин переделал корпус по Мойке ²⁹⁰. Архитектор Гейденрейх возвел над зданием фронтоны и украсил фасад фигурами. Расширенные окна первого этажа, так же как и обработка верхних окон, оформление основания балкона—все это свидетельствует уже о новых веяниях в архитектуре. Часть надворных построек была возведена в 1860 г. архитектором Фонтана. Тотчас по их окончании Пущин продал участок Утину.

Этот дом на Мойке некогда оживляли юные голоса Пущина и Пушкина. Здесь же Пущин, член Тайного Общества, мечтал о счастье и свободе своей родины. На крыльце этого дома, гордый сознанием исполненного долга, он навсегда простился с Петербургом.

Рядом с домом Пушиных возвышается здание, отмеченное кончиной Пушкина. Здесь, по бесмертному выражению Микель-Анджело, он перешел — „из бурь ужасных к сладкому покою“.

Дом этот построен в екатерининское время. Однако, сохранившиеся во дворе чрезвычайно любопытные аркады можно отнести к аннинской эпохе. Как передает В. Курбатов, тут, по преданию, помещались конюшни Бирона и всесильный фаворит Анны Иоанновны, большой любитель лошадей, наблюдал их бег с верхней галереи ²⁹¹. А. Ростиславов, в свою очередь, сообщал в „Старых Годах“ в 1908 г., что по полученным им сведениям, подлинный дворец Бирона—это дом № 12 по Мойке, где жил Пушкин ²⁹².

Между тем, дворец Бирона стоял на набережной Невы, „соприкасаясь с Зимним дворцом“, по утверждению современников. Ко двору же прилегал манеж временщика, как сообщал в 1740 г. английский посланник Финч. Взятый в плен в 1734 г.

французский офицер Аге де-Мион подробно описал в своем „Путешествии в Московию“ герцогский манеж, выстроенный по свидетельству де-Миона из дерева. По сторонам его были расположены две трибуны, а в центре две ложи для зрителей ²⁹³. Таким образом предание о том, что аркады в доме, где умер Пушкин, являются бироновским манежем, по проверке, не подтверждается. Эти аркады являются, однако, любопытным образцом строительства Петербурга первой половины XVIII века, сохранившегося еще кое-где на Васильевском острове. Они имели в свое время исключительно значение торговых складов. Такие аркады встречаются на каждом шагу в старинных городах Германии, Австрии и Швейцарии. В XVI—XVII веках без них не обходилась ни одна постройка купца.

В конце XVIII века на этом участке, принадлежавшем купцу Жадимеровскому, был построен, фасадом к набережной Мойки, большой дом. Он перешел к кн. А. Н. Волконской, как сообщает архитектор А. Платонов, между 1804 и 1809 годами ²⁹⁴. Можно еще точнее подойти ко времени приобретения Волконской этого дома на Мойке.

В начале XIX века Волконская владела домом на Миллионной ул. (другой стороной он выходил на Дворцовую набережную), принадлежавшим ранее вице-канцлеру Остерману. Когда в октябре 1807 г. в Париж прибыл чрезвычайный посол Александра I—П. А. Толстой, Наполеон подарил ему отель Телюсон. Александр I, не желая оставаться в долгу перед Наполеоном, по прибытии в Петербург в декабре того же года французского посла Коленкура, поспешил, в свою очередь, подарить ему дом. Коленкур, в своем первом донесении из Петербурга от 20 декабря 1807 г. сообщал, что Александр предоставил французскому посольству самый лучший особняк Петербурга, частично великолепно обмеллированный,—

„бесспорно самое прекрасное здание после дворца великого князя“ (Мраморного). Это был вновь отделанный особняк Волконской на Миллионной, купленный казноу, со всей его роскошной обстановкой, за 360.000 руб. Можно предположить что Волконская, на вырученные от продажи дома деньги, купила в 1808 г. дом Жадимеровского на Мойке.²⁹⁵

Муж Волконской, известный чудака, занимал в то время должность военного губернатора в Оренбурге. Приезжая в Петербург, он обычно останавливался на Мойке, в доме жены. Он умер тут 17 июля 1824 г., как сообщал его правнук, „после восьмидесятилетней жизни и сорока четырех лет супружества, вкусив от земного своего существования все, что могут дать знатность, довольство, многочисленное потомство и незлобивый, добродушный характер“. После смерти мужа, Волконская переехала в Зимний дворец, предоставив свой дом на Мойке детям.²⁹⁶

Они жили тут и раньше. Здесь, в доме матери, провел свои молодые годы Сергей Волконский, будущий декабрист. Он занимал квартиру „в нижнем этаже—при въезде в ворота от пушкинского дома“²⁹⁷.

Эту квартиру, „при въезде в ворота“, занимал позже Пушкин.—Волконский оказался впоследствии деятельным членом „Союза Благоденствия“ и Южного Общества. Как установило следствие, Волконский был в числе лиц, согласившихся, „как на введение в России республиканского правления, так и на истребление всех особ императорской фамилии“.

Когда, по заключении Волконского в Петропавловскую крепость, в Петербург приехала хлопотать о смягчении его участи его жена, Мария Николаевна Волконская, урожденная Раевская („затаенная любовь“ Пушкина, по мнению некоторых исследователей), она также поселилась, как сообщает ее внук, „в той самой квартире, где одиннадцать лет спустя

умирал Пушкин“²⁹⁸. Очевидно, этим помещением всегда пользовались Волконские.

Но все хлопоты Марии Николаевны о муже оказались тщетны. Он был присужден к двадцати годам каторги, сокращенным до пятнадцати. У Волконского был сын, родившийся уже в отсутствии отца. Когда Мария Николаевна, несмотря на противодействие ее родных, Раевских, решила ехать в Сибирь к мужу, ей было запрещено взять с собой малолетнего сына и, после мучительных колебаний, она уехала к мужу, оставив сына на попечение родных. Однако маленькому Николаю Волконскому, лишенному материнского ухода, не было суждено долго жить. Он скончался в Петербурге в январе 1828 г. и Пушкин, близко знавший его родителей, написал в память его известную эпитафию:

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Мария Николаевна Волконская была глубоко тронута участием Пушкина.—„В моем положении,— написала она из Сибири,— не можешь питать уверенность, что доставишь удовольствие, напоминая о себе старым знакомым. Все-таки напомните обо мне Александру Сергеевичу... Уметь утешить скорбь матери есть настоящее доказательство таланта и образа его чувств“.

Арест декабриста и его ссылка внесли большие затруднения в имущественные дела кн. Волконских; вскоре старая княгиня принуждена была сделать „банковой долг“, под залог своего дома на набережной Мойки.²⁹⁹ Впоследствии в этом же доме поселилась во втором этаже сестра декабриста, Софья Григорьевна Волконская, жена известного министра двора и любимца Николая I.³⁰⁰ Обладая огромным состоянием, достигавшим 22000

крестьян, она была одета обычно настолько убого, что однажды, при осмотре за границей ее багажа, среди которого были крупные драгоценности, Волконская была задержана, как подозрительное лицо, требующее установления личности. Бывая в гостях, она прятала в карманы сахар и сухари и однажды принесла домой, под ротондой, найденное на улице полено, приказав своему старому лакею, исполнявшему при ней, из экономии, обязанности горничной, затопить им печь. Волконская жила недолго на Мойке; 22 января 1837 г. А. И. Тургенев сообщал А. Я. Булгакову, что «в комнатах Софьи Волконской, где я так часто бывал у ней», живет Ф. П. Лубяновский. Это был сенатор, автор известных записок, двоюродный брат Волконской, ведавший делами ее брата, Николая Репнина-Волконского. В доме Волконских проживал в это же время пресловутый доносчик И. П. Липранди, сыгравший впоследствии столь недостойную роль в деле петрашевцев.

Квартира, в которой скончался Пушкин, конечно, издавна привлекала внимание современников. Достоевский в своем «Дневнике писателя» говорит, что во время путешествия в Петербург (это было два месяца спустя после смерти Пушкина) он дорогой сговорился со своим братом, «приехав в город, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух». Однако, ни эта квартира, ни самый дом на Мойке, ничем не были отмечены и квартира Пушкина сдавалась в наем частным лицам. Дочь поэта Наталья Александровна, впоследствии гр. Меренберг, навещала много лет спустя поселившихся здесь Демидовых. В 1874 г. в бывшей квартире Пушкина жила гр. Клейнмихель, женатый на внучке Карамзина, Мещерской.

В 1887 г., в дни пятидесятилетия со дня смерти поэта, в бывшей квартире Пушкина жила обер-гофмейстерина Кочубей. Напуганная слухами о предстоящей 29 января демонстрации перед домом, где умер Пушкин, старая княгиня собиралась даже просить защиты у спб. обер-полицеймейстера Грессера. Рассказывая об этом, В. Н. Ламсдорф, впоследствии министр иностранных дел, добавил, что его очень удивило, что назначенный на 29 января 1887 г. придворный бал не был отменен из-за скорбной годовщины. — «Это значит, — записал В. Н. Ламсдорф в своем дневнике, — весьма мало считаться с национальным трауром, а ведь мы в России».

На смену Кочубеям в бывшей квартире Пушкиных появилось Охранное отделение. — «Несмотря на все уважение к памяти поэта, — писал один пушкинист, — никому не улыбалось побывать в его квартире и лишь сравнительно немногие посещали ее, без видимой охоты, уступая настоятельным желаниям ее недавних хозяев».

Сохранилось несколько рассказов революционеров, посетивших «против своего желания» последнюю квартиру Пушкина. Ее хорошо запомнил молодой студент Д. Сверчков, один из знаменосцев на демонстрации 3 марта 1902 г. у Казанского собора. Он был жестоко избит городовыми и доставлен в Охранное отделение, в «дом № 12 по Мойке, в тот дом, в котором жил и скончался А. С. Пушкин». «Привезли во двор, — рассказывает в своих воспоминаниях Сверчков. — Повели куда-то вверх и ввели в небольшую комнату. У двери посадили полицейского. В комнате стоял стол и три стула. Пол был залит свежей кровью. Издали доносились чьи-то стоны». После допроса Сверчкова известным охранником Ратаевым, его отвели в камеру. — «До глубокой ночи справа и слева от нас

слышались стоны и крики, кого-то били, кого-то тащили, звеня шпорами, по коридору“.³⁰¹

В 1910 г. в бывшем помещении Охранного отделения был открыт первый в России Музей изобретений и усовершенствований. Департамент полиции, тщательно наблюдавший за „состоянием умов“ в России, вскоре обнаружил во вновь открытом Музее собрания масонов. Как доносил по начальству один из агентов департамента, читавшиеся тут „тенденциозные лекции и доклады“ имели целью подготовить дальнейшую „вербовку adeptов масонства“.³⁰²

В годы мировой войны в бывшей пушкинской квартире жил известный театральный антрепренер Резников. И только после революции квартиру Пушкина приняло в свое ведение Общество „Старый Петербург—Новый Ленинград“, передавшее ее в 1925 г. Пушкинскому Дому при Академии Наук.

Пушкин поселился в доме Волконских осенью 1836 г., переехав сюда из дома Баташева на набережной.

За шесть лет своей жизни в Петербурге Пушкин переменил семь квартир. —Бетховен, за тридцать лет своей жизни в Вене, переменил тридцать пять квартир.

Квартира Пушкина в доме Волконской состояла из одиннадцати комнат, кухни и служб; к квартире принадлежали конюшня, сарай, ледник, погреб для вина и прачечная. Парадный ход в квартиру, находившийся под воротами, вел в прекрасный вестибюль с лестницей, украшенной колоннами. Из передней был ход в большой кабинет поэта, с тремя окнами во двор. По середине стоял стол, заваленный бумагами и книгами. Полки с книгами занимали все стены. Стулья были простые, плетеные. В светлом, чистом кабинете не было ничего затейливого, все было просто и безыскусственно.³⁰³ Расположенная ря-

дом голубая гостиная выходила на Мойку. Тут стоял „круглый письменный стол на четырех внутрь вотгнутых ножках, обделанный бронзой и покрытый черной клеенкой,—словом—стол такого фасона, какой можно было тогда видеть во многих старинных помещичьих домах; два дивана из красного дерева; небольшой застекленный шкаф с книгами; кой-где одного фасона со столом кресла,—обитые бронзой“. В небольшой столовой, также выходившей на Мойку, стояли диван и стол. По другую сторону гостиной была спальня. Рядом с ней находились большая детская и две комнаты своячениц.³⁰⁴ Как сообщают документы, „все движимое имущество, найденное на квартире покойного Пушкина, состояло из домашних весьма малоценных и повседневно в хозяйстве употребляемых вещей и платья“.³⁰⁵

При этой скромной обстановке поражает многочисленность прислуги Пушкина. Две няни, кормилица, лакей, четыре горничных, три служителя, повар, прачка и полотер составляли пушкинскую дворню. В этот список не входили старые доверенные слуги—Никита Козлов и ряд других. Эти двадцать человек, обслуживавшие одну семью, ярко характеризуют крепостной быт того времени.

Так жил Пушкин в своей последней квартире. Но уже

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Вскоре выстрел Дантеса положил конец жизни Пушкина. Умиравшего поэта привезли в его квартиру на Мойке и внесли на руках в кабинет. Любимый Пушкиным диван оказался его смертным ложем. „Только лишь разнесся слух о кончине Пушкина,—писал Н. Любимов Погодину,—все решительно, в коем есть капля русской крови, и старый и малый, все побрели в дом его поклониться и отдать по-

следний долг великому! Одна толпа сменялась другою, так что на второй же день приставлена была полиция. Замечательно, что даже купечество, мещане и так называемый народ беспрестанно приходили к нему. Это лучшее доказательство, что слава его проникла в преисподняя земли сей³⁰⁶. — Когда по Петербургу разнеслась весть о смерти Пушкина, — рассказывает, в свою очередь, Драшусова, — старики, дети, женщины, представители высшего класса и самые смиренные люди, — все хотело отдать ему последний долг. Много обнаружилось тут горя, много было трогательных сцен. Между прочим, нам рассказывали об одном старике с почтенной физиономией, который пришел вечером к гробу Пушкина, долго смотрел на него и горько плакал, потом сел на диван и все продолжал плакать. Это заинтересовало бывших тут и Вяземский подошел к нему с вопросом: „Вы верно лично знали Пушкина?“ — Я русский, — отвечал старик“.

31 января, в 12 часов ночи, по пустынной Мойке, оцепленной полицейскими пикетами, перенесен был прах Пушкина в Конюшенную церковь. „Жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, — писал Жуковский, — нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви“. На следующий день Петербург прощался с прахом поэта. „И был странен тихий мир его чела“, — записал в своем дневнике Никитенко.

„Россия без Пушкина! — писал Гоголь Плетневу. — Я приеду в Петербург и Пушкина нет. Я увижу вас и Пушкина нет. Зачем вам теперь Петербург? К чему вам теперь ваши милые, прежние привычки, ваша прежняя жизнь“.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. П. П. Вяземский. Сочинения. СПб., стр. 489. — См. также Указатель Петербурга С. Аллера на 1823 г.
2. П. Щеголев. Пушкин и мужики. Москва. 1928 г., стр. 160.
3. И. Пушкарев. Путеводитель по Петербургу. СПб. 1843 г., стр. 74.
4. Однако, в объявлении 1839 г. о сдаче в этом доме бельэтажа квартира показана состоящей из 5 комнат. — „СПБ. Ведомости“ от 25 октября и 7 ноября 1839 г.
5. „Московские ведомости“. 1855 г., № 143.
6. Общий морской список. СПб. 1890 г. IV, стр. 88.
7. К. Нистрем. Адрес-календарь СПб. жителей. СПб. 1844 г. II, стр. 40. „Росси, Карл Ив. колл. сов.“ показан прожи ваяющим „по Фонганке, III Адмир. ч., 4 кварт., близ Каанкина моста, дом Трофимова № 160“.
8. К. Росси родился в Неаполе 18 декабря 1775 г. — V. Suboff. Carlo di Giovanni Rossi. Ein Beitrag zur Geschichte der Auflösung des petersburger Empire. St. P. 1913, S. 7.
9. Переписка Грота с Плетневым. СПб. т. II, стр. 693; Черниковые заметки П. Анненкова о Пушкине“. Б. Модзалевский. Пушкин. Агр. 1929 г., стр. 200.
10. „Наша старина“. 1917 г. I, стр. 28; Н. Лернер. Рассказы о Пушкине. Агр. 1929 г., стр. 86.
11. В 1806 г. здесь стояло двухэтажное здание, в 1827 г. над ним надстроили третий этаж.
12. Е. А. Зуровой принадлежал также в это время небольшой дом в конце Б. Морской, в котором жил одно время известный гр. Киселев.
13. В. Курбатов. Петербург. 1913 г., стр. 512. — Автор, однако, ошибочно указывает там №№ 99, 101 и 103.
14. Записки Д. Мертваго. Москва. 1867 г., стр. 296; „Русский Вестник“. 1857 г., III, стр. 130.
15. П. Н. Полевому остался в точности неизвестен дом Оленина в Петербурге. В „Истории русской словесности“ (СПБ. 1900 г. т. II, стр. 531) под видом „оленинского дома на

- Фонтанке" ошибочно помещен снимок с дома № 85 по Фонтанке.
16. К. Батюшков. Сочинения. СПб. 1887 г., т. III, стр. 294.
 17. "СПБ. Ведомости". 1815 г., стр. 1084 и 1816 г., стр. 330.— Известный портрет Пушкина исполнен Кипренским, по преданию, в доме Шереметева, стоящем тут же на Фонтанке, по другую сторону реки.
 18. Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. Москва. 1933 г., стр. 124.
 19. "СПБ. Ведомости". 1827 г., стр. 235. Дальнейшую историю дома Муравьевых см. в моей статье— "Дом Муравьевых на Фонтанке" в сборнике "Старина и искусство", изданном Обществом "Старый Петербург—Новый Ленинград". Агр. 1928 г.
 20. А. Беляев. Воспоминания декабриста. СПб. 1882 г., стр. 204; А. Одоевский. Сочинения. СПб. 1893 г., стр. 4.
 21. "Красный Архив". т. 60, стр. 116.
 22. История уделов за сто лет. СПб. 1902 г., III, стр. 6.
 23. Арзамас. Агр. 1933 г., стр. 55.
 24. "Русский Архив". 1879 г., II, стр. 247.
 25. Фасад этого дома совершенно справедливо был помещен в "Сборнике планов, фасадов и разрезов примечательных зданий СПб." 1826 г., л. 79.—В 1841 г. дом Мижуева был приобретен у его наследников СПб. Управой Благочиния.—"Северная Пчела" от 8 августа 1841 г.; Обзор действий СПб. городской думы. 1847—49 гг. СПб., стр. 13.— В этом доме жил в 1880 г. поэт Я. Полонский. В письме к Ф. М. Достоевскому от 7 февраля 1880 г. он указывает свой адрес: "у Самсоновского (моста)". По Фонтанке д. № 24, кв. 17".—Центрархив. Из архива Достоевского. Москва. 1923 г., стр. 78.—Тут только неправильно прочтено название моста—не "Самсоновского", а "Симеоновского".
 26. Фасад мижуевского дома на Моховой ул. переделан в 1864 г.
 27. Я. Грот и Пекарский. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб. 1866 г., стр. 363.
 28. Шукинский сборник. VII, стр. 283.
 29. М. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. Москва 1933 г., стр. 103.
 30. Journal de St. Pétersbourg. 1839, № 155
 31. Покупка дома обошлась в 54 тыс. руб.—Сообщено П. Н. Столянским.
 32. Сборник Исторического Общества. т. XXVII, стр. 349. Но это совсем не указываемый там, с ссылкой на

- "Описание Петербурга" Георги, воронцовский дворец Тот стоял на противоположной стороне Моховой ул.
33. Сочинения и письма Хемницера. СПб. 1873 г., стр. 69.
 34. "Строитель". 1897 г., № 19—20; "Зодчий". 1913 г., № 44; Ежегодник Общества архитекторов-художников. Агр. 1927 г., стр. 7.— В доме Мальцова в 1835—36 гг. производил работы архит. Абрам Мельников, в 1844—45 гг. проф. Черник.— "Художественная Газета". 1837 г., № 4, прилож., стр. 13; Отчет Академии Художеств за 1844—45 гг. СПб, стр. 19.
 35. В 1844 г. "чиновник 5-го класса Сергей Львович Пушкин" показан проживающим в доме Шмыкина 1-го квартала 3-й Адмиралтейской части.— К. Нистрем. Адрес-календарь С. Петербургских жителей. СПб. 1844 г., II, стр. 409.
 36. "Исторический Вестник". 1888 г., XI, стр. 313. Относящаяся к тому же январю 1835 г. запись П. А. Осиповой в месяцеслове гласит: "Пушкины на Моховой в доме Кленберга".— "Пушкин и его современники". вып. I, стр. 144.—Где стоял в точности дом Кленберга—неизвестно. Также остается не установленным точное местоположение дома Марии Алексеевны Ганнибал в Преображенском полку, как и ее квартиры в Измайловском полку, где в последние годы XVIII века жил в Петербурге, с своей тещи, вскоре после женитьбы на Надежде Осиповне, Сергей Львович Пушкин.— "Москвитянин". 1852 г. № 24, стр. 23.
 37. И. Шляпкин.— Из незаданных бумаг А. С. Пушкина. СПб. 1908 г., стр. 203; письма А. С. Пушкина к Нат. Ник. Пушкиной от 8 и 21 октября 1933 г.; "Исторический Вестник". 1888 г., X, стр. 40.
 38. П. Столянский. Петербургские квартиры Пушкина. "Новое Время" от 29 января 1912 г.
 39. А. Грен в "Воспоминаниях о Пушкине" сообщает, что он жил тогда у Летнего сада, в доме г-жи Оливей.— "Современник". 1838 г., т. II, стр. 36; П. Анненков указывает местожительством Пушкина в 1835 г. дом Оливьера у Летнего сада — Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб. 1855 г., стр. 21.
 40. Список генералам, штаб и обер-офицерам Российской армии, СПб. 1831 г., стр. 325; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833 г., I, стр. 337.
 41. Петербургский некрополь. СПб. 1912 г., III, стр. 305.
 42. "СПБ. Ведомости" от 3 мая 1832 г.—См. также 1831 г., стр. 1853.
 43. Пушкин и его современники. Вып. IX—X, стр. 156—57.

44. „Северная Пчела“. 1857 г., стр. 159.
45. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Москва. 1931 г., стр. 146.
46. „Красная Нива“. 1929 г., № 24.
47. Объявление об отъезде из баташевского дома В. Ф. Вяземской с детьми помещено в „СПБ. Ведомостях“ 5 августа 1834 г., а о П. Вяземском — от 14-го того же августа. — В середине 30-х годов в доме Баташева на набережной жил известный Николай Иванович Кривцов.
48. И. Белоконский. Деревенские впечатления. СПб. 1900 г., I, стр. 149.
49. „СПБ. Ведомости“ от 4 сентября 1823 г.
50. „Русский Архив“. 1872 г., стр. 201.
51. Воспоминания А. Ф. Тютчевой. Москва. 1928 г., стр. 72.
52. Переписка Грота с Плетневым. т. I, стр. 165 и 647.
53. „Деало“. 1874 г., IV, стр. 164. — В июньской книжке „Благонамеренного“ за 1818 г. указывалось, что издатель его живет в 5-й Рождественской ул., в доме сенатского секретаря Щукина, № 124.
54. В доме Хвостова в 1840 г. жила Е. А. Арсеньева, бабушка Лермонтова.
55. В числе отъезжающих за границу в 1800 г. значится: „Петр Абрамович Ганнибал, генерал-майор, живет в Сергиевской ул., в собственном доме“. — „СПБ. Ведомости“ от 24 января 1800 г.
56. М. Кррф. Жизнь М. Сперанского. т. I, стр. 276.
57. Алымова умерла в холерную эпидемию 1831 г. (Петербургский Некрополь. СПб. 1912 г., I, стр. 45) и дом ее перешел к детям — наследникам тит. советн. Алымовой. Их было 9 человек и один из них, путей сообщения корпус инженер-поручик Алымов оставил хранящийся в городском архиве план участка 1832 г.
58. „СПБ. Ведомости“. 1823 г. стр. 717 и CDCX и 1828 г. стр. DXXXV.
59. На дворе алымовского дома долгое время хранилась статуя Екатерины II, привезенная из имения Гончаровых.
60. Журнал „Зодчий“, издавая в 1878 г. чертежи нового здания (т. VII, л. л. 14—17) сообщал, что „это один из первых, если не единственный каменный дом, фасад коего скопанован в русском стиле“. — Поклонник творчества Богомолова, В. В. Стасов горячо расхвалил этот дом в некрологе архитектора, помещенном в „Вестнике изящных искусств“ за 1887 г. (вып. I, стр. 82, где воспроизведен снимок здания). — См. также „Вестник Европы“. 1883 г., стр. 451.
61. Записки Е. А. Сушковой. Агр. 1828 г., стр. 180.

62. „СПБ. Ведомости“. 1815 г., № 103. — Некоторые переделки будаатовского дома относятся к 1846-47 годам.
63. Стоящий близ церкви надгробный памятник Булатова, уже раставрированный в 1886 г., ныне снова значительно наклонился и угрожает падением. Это чуть ли не единственный, уцелевший до нашего времени, надгробный памятник декабриста в Ленинграде.
64. К 1829 г. дом Кувшинникова перешел во владение СПб. городского головы, первостатейного купца Алферевского.
65. С. Сухонин. Дела III отделения об А. С. Пушкине. СПб. 1906 г., стр. 43.
66. Воспоминания Фонтана. Лейпциг. 1862 г., стр. 25.
67. Когда Дельвиг с женой уехал на некоторое время в Харьков, А. Керн с отцом и сестрою переехала на их квартиру. По отъезде своих родных, Керн поселилась в небольшой квартире в том же доме Кувшинникова, во дворе. — Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899 г., стр. 253; „Пушкин и его современники“. вып. V, стр. 142.
68. „Зодчий“. 1917 г., № 19—20.
69. Dupré de Saint-Maure. Pétersbourg, Moscou et les provinces. Paris. 1830, II, p. 43; „Русский Архив“. 1866 г., стр. 131 и 1876 г., т. I, стр. 452; Ф. Миркович. Жизнеописание. СПб. 1883 г., стр. 14; „Исторический Вестник“. 1896 г., кн. 6, стр. 478; К. Грот. Пушкин его лицейские товарищи и наставники. СПб. 1899 г., стр. 91-92. — Биограф Ж. П. Марата Шевремон в жизнеописании Марата сообщает, что его младший брат, Амри Мара, родившийся в 1745 г., сделал в России блестящую карьеру под именем „господина де-Будри“, достигнув звания профессора императорской военной школы с чином полковника. — F. Chevrement. Jean-Paul Marat. Paris. 1880 г., I, p. 2.
70. И. Щеглов. Новое о Пушкине. СПб. 1902 г., стр. 2. — По сообщению В. В. Малочки, первый этаж в этом доме был каменный, второй — деревянный.
71. „Золотое Руно“. 1906 г., № 11-12.
72. Рассмотрению творчества П. Беренса посвящена обстоятельная статья в № 2 „L'architecture d'aujourd'hui“ за 1934 г.
73. Как сообщает в своих воспоминаниях художник Павел Соколов, Монферранов выстроена была на Выборгской стороне, вблизи Пороховых, величественная барская дача, впоследствии принадлежащая художнику Александру Алексеевичу Козлову, товарищу Соколова по Академии. Этот дом, как отметил Соколов, был выстроен из материалов Исакиевского собора, „по рассеянности“ строителя попавших на Выборгскую сторону. — „Исторический

- Вестник". 1910 г., кн. 12, стр. 910.—Сохранились ли до настоящего времени следы этого дома?
74. Внутренний вид здания—см. в „Столице и усадьбе“ за 1914 г., № 7.—Недавно посольство выломало малахитовые колонны парадного зала и вывезло их в Италию.
 75. A. Laferrière. Mémoires. Paris. 1876, II, p. 11.
 76. Нащокины владели этим участком еще в первые годы царствования Екатерины II.—„СПБ. Ведомости“ от 14 октября 1763 г.
 77. „Новый мир“. 1927 г., кн. 1, стр. 195—96; „Красный Архив“, т. 39, стр. 119.
 78. „СПБ. Ведомости“. 1794 г., стр. 2366; Сенатский атлас 1798 г.—П. Столянский (Дворец Труда, стр. 60), ссылаясь на одну публикацию от того же 1794 г., стр. 2210, указывает, что, настоящий дом тогда уже принадлежал портному Китнеру. Но означенная публикация на самом деле касалась не этого дома на Исаакиевской пл., а смежного с почтамтом дома портного Киршнера.
 79. „СПБ. Ведомости“. 1837 г., стр. 706.
 80. Декабристы и их время. Москва. 1928 г., стр. 212.
 81. Восстание декабристов. Материалы. т. II, стр. 258.
 82. Записки С. Трубецкого. СПб. стр. 39.
 83. Б. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором Агр. 1925 г., стр. 79.
 84. Recueil des dessins de différens (sic) bâtimens (sic) construits à St. Pétersbourg par Louis Rusca. St. P. 1818, pl. XXVI.
 85. Сборник Пушкинского Дома. 1923 г., стр. 89.
 86. Б. Модзалевский. Пушкин, Дельвиг и их друзья в письмах С. Дельвига. Агр. 1929 г., стр. 179.
 87. Гофмаршал Ланской был двоюродным братом известного екатерининского фаворита. Петр Петрович Ланской, женатый впоследствии на Наталии Николаевне Пушкиной, приходился ему племянником.
 88. Воспоминания Ю. Арнольда. Москва. 1892 г., II, стр. 197; М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Изд. Академии Наук. IV, стр. 409.
 89. После смерти Бортиянского вдова его продавала этот дом на Миллионной, дачу в Павловске и „работы лучших мастеров картины и эстампы“.
 90. Это здание перестраивалось в 1850 и 1900-х годах.
 91. И. Столянский. Санкт-Петербург. Агр. 1927 г., стр. 159.
 92. Vite de' pittori scultori e architetti bergamaschi scritte dal conte Francesco Maria Tassi. Bergamo. 1793. II, p. 151.— В числе других работ Кваренги у Тасси отмечены, между прочим: дом барона Фигингофа (впоследствии градоначальство) против Адмиралтейства, дом Юсуповых на Фонтанке и колокольня церкви св. Владимира.

93. Mémoires du pr. Pierre Dolgoroukow. Paris. 1867, I, p. 279.
94. Указатель адресов на 1837 г.; И. Пушкирев. Описание Петербурга. СПб. 1839 г., I, стр. 393.—Австрийское посольство продолжало занимать саятыковский дом и по отъезде Фикельмонов из Петербурга.—K. Schenkenberg. St. Petersburg. 1840, S. 17.
95. Comte F. de Sonis. Lettres de comte et de la comtesse de Ficquelmont à la comtesse Tiesenhausen. Paris. 1911, p. 1.
96. „СПБ. Ведомости“ от 16, 18 и 20 сентября 1830 г., 1 октября 1831 г. и 15 апреля 1832 г.
97. П. Петров. История С. Петербурга. СПб. 1885 г. план, стр. 232; Сборник русского исторического общества. т. 28, стр. 120 и т. 104, стр. 524.
98. Существующее здесь здание перестраивалось и надстраивалось в 1850-х и 1900-х годах.
98. Zeichnungen eines Gemählde von Russland. Entworfen auf einer Reise durch das Russische Reich. Moskau und St. Petersburg. 1798, S. 295.
99. В журнале „Архитектура СССР“ за 1934 г. (№ 3) С. М. Земцовым опубликован текст автобиографии Кваренги, хранящейся в Ленинграде в Музее Города. Знакомство с биографией Кваренги, впервые переведенной на русский язык, имеет очень большое значение для всех изучающих историю русской архитектуры. Нельзя, однако, тут не отметить, что эта автобиография архитектора („публикуемая здесь впервые“, — как отмечает С. М. Земцов) уже известна научному миру. Она опубликована в упомянутой выше книге Ф. М. Тасси „Vite de' pittori, scultori e architetti bergamaschi“. Ссылки на эту автобиографию встречаются в ряде работ. См. напр. L. Hautecoeur. L'architecture classique a St. Pétersbourg a la fin du XVIII siècle. Paris. 1912.—Ср. также—9. Colombo. Giacomo Quarenghi bergamasco, architetto alla corte imperiale di Pietroburgo. Torino. 1879, p. 28.
100. К сожалению в архиве утеряны все планы этого участка 1844, 1858, 1859, 1862, 1873 и 1886 гг. Дом этот значительно пострадал от пожара в 1868 г.
101. J. de Maistre et Blacas. Leur correspondance inédite. Paris. 1908, p. 160—161.
102. Comte d'Allonville. Mémoires secrets de 1770 a 1830. Paris. 1841, V, p. 91—94; Архив Воронцова. т. 18, стр. 336 и т. 19, стр. 190; F. Christin et la pr. Tourkosta now. Moscou. 1883, p. 672; „Русский Архив“. 1893 г., кн. 3, стр. 315; „Русский Библиофил“. 1914 г., № 2, стр. 98.

103. *Ch. de Saint-Julien. Voyage pittoresque en Russie.* Paris. 1851, p. 29-30.
104. *Memoirs of John Quincy Adams.* Philadelphia. 1874, II, p. p. 129, 340, 408.
105. „Иллюстрация“. 1845 г., № 29.
106. Фасад и план фермы сохранились в Италии, в Бигоньо.— „Старые Годы“. 1^й 09 г., кн. 4, стр. 188.— О даче Лаваль см. также: „СПБ. Ведомости“. 1827 г., стр. 10; Отчет Академии Художеств за 1847—48 гг., стр. 27; И. Божерянов. Петербургская старина. СПб. 1891 г., стр. 43; Н. Врангель. Помещичья Россия. СПб. стр. 76; С. Либрович. На книжном посту. Петр. 1916 г., стр. 94; П. Столянский. Санкт-Петербург. Лгр. 1927 г., стр. 146.
107. *Comte A. Pallavicini. Lettres d'un petit fils á sa grand' mere.* s. a., p. 94.
108. По сообщению „Старых годов“ (1914 г., кн. I, стр. 67), принадлежавший Левецкому дом стоит в настоящее время по Кадетской линии под № 48. Однако, как свидетельствует ряд планов и указателей города, художнику в действительности принадлежал нынешний дом № 23 по той же линии, ныне Съездовской.
109. Художественный Отдел Русского Музея. Материалы по русскому искусству. т. I. Лгр. 1928 г., стр. 212.
110. Указатель адресов на 1837 г. СПб. — Впоследствии А. П. Керн оставила Васильевский остров, переехав на Петербургскую сторону. До нас дошел рисунок, и ображающий ее скромную, низкую комнату на Дворянской улице.
111. „Литературные Листки“. 1823 г., II, стр. 19.
112. „Иллюстрация“. 1847 г., № 116; „Красная Нива“. 1929 г., № 24.
113. „Библиотека для чтения“. 1849 г., т. 96, стр. 89.
114. „Новое Время“ от 14 июня 1895 г., № 6928; „Беседа“. 1903 г., № 6, стр. 266.
115. *E. de Vagrée-Speranski. Les iles de la Néva.* Bruxelles 1858, p. 80—81.
116. *Journal intime du chevalier de Corberon.* Paris. 1901, II, p. 134.
117. *Dupré de Saint-Maure.* St. Pétersbourg., Moscou et les provinces. Paris. 1830, I, p. 77.
118. Л. де-Веймерс называет владельцем дачи Бровольского (Brovolsky). — Сочинения А. С. Пушкина под ред. П. А. Ефремова. т. VIII, стр. 213. — Однако, такого дачевладельца в то время на Каменном острове не было, а был дачевладелец Добровольский.
119. Биографические сведения о А. Н. Вороникине см. в моей книге — „Крепостные в Петербурге“. Лгр. 1933 г., стр. 63 и 94.
120. В годы постройки Казанского собора Вороникин жил на Невском пр., на углу Екатерининского кан., в д. Глазунова (ныне № 27 по пр. 25 Октября). Следует обратить внимание биографов архитектора на одну любопытную публикацию, помещенную в 1815 г., после смерти зодчего, в „СПБ. Ведомостях“. — „У столярного мастера Ивана Гербера“ продавалась „весьма искусственно сделанная модель для построения церкви, с особенною кодокольнею и с потребными для сего планами, заказанная для некоторой знатной особы покойным архитектором Вороникиным, по смерти коего осталась она у мастера, делавшего и другие хорошие модели“. — „СПБ. Ведомости“ от 19 февраля 1815 г., стр. 145. — О каком проекте Вороникина тут идет речь? Во всяком случае это не голицынская церковь в Городне, так как эта усадьба была построена Вороникиным в 90-х годах XVIII века.
121. Домом этим владел впоследствии Человечколюбивое Общество, надстроившее тут один этаж.
122. *Mémoires d'Hippolite Auger.* Paris. 1891, p. 96.
123. С. Гессен и М. Коган. Декабрист Лунин и его время. Лгр. 1926 г., стр. 8.
124. „Северная Пчела“ от 26 февраля 1832 г., № 45.
125. Восстание декабристов. Материалы. т. III, стр. 263.
126. А. Беляев. Воспоминания декабриста. СПб. 1882 г., стр. 233.
127. В. Эгура. Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. Москва. 1929 г.
128. „Северная Пчела“. 1833 г., № 288.
129. П. Петров. История С. Петербурга. СПб. 1885 г., план, стр. 237. — Сообщаемые табелями и указателями города первой четверти XIX века сведения о владельцах этого участка не вполне точны.
130. „СПБ. Ведомости“. 1805 г., стр. 45 и 497.
131. Отчет Академии Художеств за 1844—45 гг., стр. 23. — Надворные постройки подверглись изменению в 1889 г. по проекту архитектора Нагеля. — „Неделя строителя“ 1889 г., № 3.
132. „СПБ. Ведомости“. 1823 г. стр. 1221.
133. Бегичев, по приезде в Петербург, действительно жил вместе с Грибодовым. — „Русский Вестник“. 1892 г., кн. 8, стр. 311.

134. Дом в конце концов не выдержал новых надстроек и дал трещины. Летом 1928 г. тут пришлось спешно снести два верхние этажа. В 1933 г. под дом подвели новый фундамент и заменили в двух нижних этажах кладку.
135. Автор „Записок русской артистки“ („Музыкальный и Театральный Вестник“. 1857 г., стр. 725) сообщает, что Грибоедов, „написавший уже свою неподражаемую комедию, жила на одной лестнице с Шаховским и потому бывал у него чаще других“. Однако, других сведений, подтверждающих проживание Грибоедова и Шаховского в одном доме, не имеется. Не относится ли это известие к первому периоду пребывания Грибоедова в Петербурге, когда он действительно жил, так же как и Шаховской, на Средней Подъяческой, отделенный от князя всего лишь несколькими домами? — В 1826 г., выпущенный из под ареста, после следствия по делу „14 декабря“, Грибоедов жил одно время на даче у Булгарина на Выборгской стороне на берегу Малой Невки, в деревянном доме, „почти супротив аптекарского сада“. — „Современник“. 1925 г., № 1, стр. 135.
136. Записки декабриста Е. Розена. 1907 г., стр. 243.
137. „Исторический Вестник“. 1882 г., кн. 3, стр. 122—124. — Долго не удавалось розыскать этот дом Н. В. Арсеньева, стоявший по рассказу Лонгинова, в Коломне, за Никольским мостом. Найти его мне помогла помещенная в „СПБ. Ведомостях“ от 11 октября 1832 г. (стр. 2413) публикация вновь открытой тогда больницы для умалишенных на Петергофской дороге, сообщавшей, что „желающие поместить больных в больницу, должны обращаться к попечителю ее, генерал-майору Никите Васильевичу Арсеньеву, жительствоющему в собственном доме 4-й Адмиралтейской части, I квартал, № 18“. — Н. В. Арсеньев владел в то же время на Екатерининском канале, на углу Гороховой ул., у Каменного моста, другим большим домом.
138. Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб. 1913 г., стр. 81.
139. Дом несколько переделан в 1850 г. До перестройки оба дома, между улицей Глинки и Крюковым каналом, являлись собором, как бы одно здание, украшенное тремя фронтонами. Дом на Крюков канал, где жил долгое время И. И. Сосницкий, устоял до нашего времени без перен.
140. Б. Модзалевский, Ю. Оксман и М. Цявловский. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Лгр., стр. 128.
141. „Голос Минувшего“. 1913 г., кн. 3, стр. 129.
142. Пьесы художественного репертуара и постановка их на сцене. Ред. Ю. Озаровского. СПб. 1905 г., II, стр. 155; „Красная Нива“. 1929 г., № 7.
143. „Благонамеренный“. 1822 г., стр. 29.
144. Дом варварски переделан в 1870 и 1880 гг., не сохранив никаких следов первоначальной отделки.
145. Русский альманах на 1832 и 1833 г. СПб., стр. 294.
146. „Русский Архив“. 1905 г., кн. 10, стр. 205; Щукинский сборник. вып. IV, стр. 268.
147. В 1855 г. на лицевом корпусе надстроили, по проекту архитектора Ланге, три этажа, превратив небольшое строение в многоэтажный доходный дом.
148. Восстание декабристов. Материалы. т. I стр. 339.
149. Сборник „Утренники“. 1922 г., вып. 2, стр. 72.
150. П. Кулиш. Записки о жизни Н. Гоголя. I, стр. 65.
151. О Теппере см.: „СПБ. Ведомости“ 1824 г., стр. 473; „Отечественные Записки“. 1825 г., т. 24, стр. 470; Е. Альбрехт. Общий обзор деятельности СПб. Филармонического Общества. СПб. 1834 г., стр. 65; Переписка Плетнева с Гротом. т. II стр. 693-94; Сборник русского исторического Общества. т. 98, стр. 47; К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 1899 г., стр. 233; „Голос Минувшего“. 1913 г., кн. 4, стр. 130; С. Штрайх. Записки И. И. Пущина. Лгр. 1927 г., стр. 73.
152. „Северная Пчела“ от 27 апреля 1833 г.
153. „Это шедевр архитектуры“, — писал об этом здании Христиан Мюллер — Ch. Muller. Tableau de Pétersbourg en 1810—12. Paris. 1814, p. 13; Chopin. Coup d'oeil sur St. Pétersbourg. Paris. 1821, p. 31. Любопытные сведения о иезуитском доме сохранились в переписке де-Местра. J. de Maistre Oeuvres. Lyon. 1887, XIII. — Cr. также Memoirs of John Quincy Adams. Philadelphia. 1874, II, p. 159, 239, 269. Старожилы этого дома передают о существовании и поныне подземного хода, соединяющего б. иезуитский дом с расположенной по соседству католической церковью на Пр. 25 Октября.
154. Полное собрание Законов. № 26284.
155. H. Lutteroth (H. Тупренев). La Russie et les jesuites. Paris. 1845, p. 63; D. Tolstoi. Le catholicisme en Russie. 1864, II, p. 203.
156. Шредер. — Новейший путеводитель. 1820 г. стр. 168; „Отечественные Записки“. 18'0 г., № 5, стр. 139—40; Nachrichten von der Wirksamkeit und den Erfolgen der Bibelgesellschaften in Russland und andern Ländern. St. Petersburg. 1824, S. 10.
157. К. Нистром. Адрес-календарь на 1837 год.

158. Небезынтересное описание дворца помещено в „Отечественных Записках“ за 1825 г., т. 24, стр. 144—49.
159. В. П. Шереметева в своем дневнике записала, что все в этом дворце сделано в России. — Дневник. Москва. 1916 г., стр. 47.
160. K. Schenkenberg. Die Haupt- und Residenzstadt St. Petersburg. St. P. 1849, S. 217.
161. U. Thieme, Allgemeines Lexicon der bildenden Künstler. Leipzig. В. X.
162. „Северная Пчела“. 1834 г., № 173.
163. „СПБ. Ведомости“ от 11 июля 1830 г., стр. 153 и 1832 г., стр. 1327; сведения, помещенные в „Русском Архиве“ за 1901 г., кн. II, стр. 435 не совсем точны.
164. В. Пяст. Встречи. Москва. 1929 г., стр. 245.
165. Jones. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey. London. 1827, I, p. 466; „Северная Пчела“. 1829 г., № 151; A. V. Granville. Guide to St. Petersburg. London. 18'5, II, p. 164.
166. См. „Проект нового здания СПб. городской думы на Михайловской площади“. СПб. 1910 г.
167. „Зодчий“. 1915 г., №№ 4—5; „Архитектурно-Художественный Еженедельник“. 1915 г., № 34; Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1927 г., стр. 7.
168. Как указывает В. Мушников (Из литературного прошлого. Агр. 1927 г., стр. 44) Лермонтов написал также здесь свое известное стихотворение „Журналист, читатель и писатель“. Но черновой автограф этого стихотворения носит пометку поэта: „С. Петербург. 21 марта 1840 г. под арестом на Арсенальной гауптвахте“. Оно, следовательно, написано уже после перевода Лермонтова 17 марта 1840 г. из ординанс-гауза на Арсенальную гауптвахту (потом СПб. гильзовый завод) на Литейном проспекте.
169. Другая подпись на проекте гласит: „На подлинном написано: 1831 г. Арх. Болотов“. Не возводил ли самое здание, в таком случае Андрей Михайлович Болотов (1801—1854), еще в середине двадцатых годов, определенный в комиссию по постройке (тут же по соседству) нового здания СПб. ординанс-гауза?
170. Вильгорские владели домами в Петербурге еще в 1797 г. „Старина и Новизна“. вып. XVI, стр. 52.—Потом им принадлежал дом на Мойке, связанный с именами Д. Веневитинова и Лермонтова. — На 17 версте Петергофской дороги Вильгорским, в описываемое время, принадлежала дача „Павлино“ построенная арх Кудиновым.
171. Mémoires de Hector Berlioz. Paris. 1887, II, p. 273.

172. Следует отметить, что кондитерская Кочкурова на Михайловской площади, всегда переполненная посетителями, служила удобным местом встреч революционеров. Когда было решено убить шефа жандармов и начальника III Отделения Мезенцова, одного из главных виновников преследований и издательств над политическими преступниками, террористический акт был совершен 4 августа 1878 г. у кондитерской Кочкурова. Нанесший Мезенцову смертельный удар кинжалом Кравчинский-Степняк, вместе с сотоварищем его, Баранниковым, выстрелив сим в сделавшую попытку их задержать полковника Макарова, вскопили в запряженные вороным рысаком дрожки и скрылись по Садовой улице. Умчавший их рысак был знаменитый „Варвар“, участвовавший также в известном бегстве Кропоткина.
173. Шредер. Новейший путеводитель по Петербургу. СПб. 1820 г., стр. 33.
174. В списке отъезжающих за границу значится Николай Гоголь-Яновский, дворянин. Российский поданный; просить 2 Адмиралтейской части в доме каретного фабриканта Иохима. — „СПБ. Ведомости“ от 5, 9 и 12 июля 1829 г.—В 1851 г. дом этот еще принадлежал каретному мастеру Иохиму (очевидно сыну основателя фирмы, так как Иоганн-Альберт Иохим умер в 1834 г., 72 лет).—В 1854 г. домом владели уже „наследники И.—А. Иохима“.
175. W. Mickewicz. Zywoł Adama Mickewicza. Poznań. 1890, I, l. 297.
176. А. Погудин. Адам Мицкевич. 1912 г., II, стр. 90.
177. „СПБ. Ведомости“ от 26 и 30 апреля и 3 мая 1829 г.
178. „Искусство в южной России“. Киев. 1913 г., стр. 6.
179. П. Щеголев. Алексеевский развалин. Москва. 1929 г., стр. 27.
180. „СПБ. Ведомости“ от 23 сентября 1833 г., стр. 2460, прил.
181. „Старые годы“. 1910 г., кн. 7—9, стр. 154; „Столица и Усадьба“. 1916 г., № 52, стр. 1²; Н. Лернер. Рассказы о Пушкине. Агр. 1929 г., стр. 147.
182. Memoirs of John Quincy Adams. Philadelphia. 1874, II, 141.
183. „Красный Архив“. 1930 г., т. 38, стр. 129.
184. Отчет Академии Художеств за 1839—40 гг.—См. также статью „Дом для военного министра“ в „Художественной Газете“ (1841 г., №№ 5—6).
185. W. Peltchinsky. Système de législation, d'administration et de politique de la Russie. Paris. 1845, p. 129.
186. Souvenirs du bar. de Barante. Paris. 1895, V, p. 354.
187. „Северная Пчела“ от 14 марта 1833 г. и 2 декабря 1857 г.

188. T. Welp. Petersburger Skizzen. Leipzig. 1836, I, S. 59; St. Julien. Guide du voyageur a St. Pétersbourg. 1840, p. 84; Mémoires d'Auger. Paris. 1891, p. 538.
189. А. Аммосов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. СПб. 1863 г., стр. 5; „Русский Архив“. 1865 г., стр. 1219; „Русская Старина“. 1880 г., т. XXVIII, стр. 91.
190. По сообщению М. Пыляева (Старый Петербург. СПб. 1903 г., стр. 282) дом этот построен в 1830 г. На самом деле он закончен был в 1827 г. — „СПБ. Ведомости“ от 11 февраля и 14 июня 1827 г. — Здание это сразу обратило на себя внимание. „Сей дом должен почтись огромнейшим из всех частных домов“, — сообщали „Отечественные Записки“ в 1826 г.
191. „Исторический Вестник“. 1910 г., кн. 4, стр. 400; „Красная Вечерняя Газета“ от 2 декабря 1927 г. В. Мушников. Из литературного прошлого. Агр. 1927 г., стр. 45.
192. Со слов товарищей Гоголя, Данилевского и художника Мокрицкого, в литературе встречаюся указания на дом Модераха на Малой Морской ул., как на место проживания в Петербурге Гоголя. Однако, ни в одном указателе Петербурга за время с 1823 по 1849 гг. среди петербургских домовладельцев не встречается имя Модераха.
193. А. Ходнев. История Вольно-Экономического Общества. СПб. 1865 г., стр. 512-14; „Зодчий“. 1903 г., № 50 и 1904 г., №№ 6 и 7. — Эта работа Деламота не отмечена И. Грабарем в его „Истории русского искусства“ при перечислении петербургских построек французского архитектора. Не упоминает имени строителя зданий и П. Столянский в своем „Адмиралтейском острове“, где автор подробно сообщает бытовую историю дома.
194. „СПБ. Ведомости“. 1815 г., стр. 40.
195. T. Sautier. Madame de Staël et Napoléon. Paris, p. I.
196. „СПБ. Ведомости“ от 13, 16 и 20 августа 1812 г.
197. Memoirs of John Quincy Adams. Philadelphia. 1874, II, p. 399.
198. „Зодчий“. 1910 г., № 46; „Аполлон“. 1912 г., № 5, стр. 72.
199. Для исследователей русских частных картинных галерей начала XIX века небезытересно описание обстановки Милорадовича, в современной публикации. — См. „СПБ. Ведомости“, 1830 г., стр. 2543 и 2730.
200. Scrollalanza. Dizionario storico-blasónico delle famiglie nobile e notabile italiane. Pisa. 186, p. 200.
201. V. Hugo. Histoire d'un crime. Paris, p. 305.
202. А. Виноградов. Мерные в письмах к Соболевскому. Москва. 1928 г., стр. 83 и 126.
203. „Литературные Листки“. 1824 г., VI, стр. 217; „Северная Пчела“ от 4 декабря 1833 г.; А. В. Granville. Guide to St. Petersburg. London. 1835, II, p. 420.
204. Journal intime du chevalier de Corberon. Paris 1901, I, p. 201. — Однако, по сообщению П. Столянского, покой в кн. Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны выходил на Невский пр.—П. Столянский. Адмиралтейский остров. Петр. 1923 г., стр. 95.
205. Г. Державин. Сочинения, т. VI, стр. 423.
206. „Каторга и ссылка“. 1926 г., т. 4 (25), стр. 98.
207. В „Записках о моей жизни“ Н. Греча, изданных „Academia“ в 1930 г., совершенно неверно указано в примечаниях, что дом Косиковского — это здание под № 70 на Загородном пр., на углу Бронницкой ул.
208. „СПБ. Ведомости“. 1812 г., №№ 103—105.
209. В. Курбатов. Каталог выставки Петрограда. Петр 1919 г., стр. 21.
210. П. Столянский. Санкт-Петербург, ныне Ленинград Агр. 1927 г., стр. 160.
211. „Литературные Листки“. 1824 г., VI, стр. 225.
212. Russlands inneres Leben. Braunschweig. 1841, II, S. 172.
213. T. Welp. Petersburger Skizzen. Leipzig. 1842, III, S. 184.
214. „Иллюстрация“. 1847 г., № 132.
215. „Красный Архив“, т. 45, стр. 137. — 9 января 1905 г. выбежавшие из двора 6. котоминского дома солдаты д.-гв. Егерского полка открыли стрельбу по толпе демонстрантов, собравшейся у Полцейского моста. — „Каторга и ссылка“. 1932 г., кн. I, стр. 158.
216. Г. Гельбиг. Русские избраники. Берлин. 1900 г., стр. 360.
217. „Зодчий“. 1885 г., стр. 1—2; Историческая выставка архитектуры. СПб. 1911 г., стр. 58; В. Курбатов. Петербург. СПб. 1913 г., стр. 393.
218. „Литературные Прибавления“ к „Русскому Инвалиду“. 1836 г., стр. 21.
219. „Северная пчела“ от 7 октября 1857 г.
220. В 1845 г. в дом Энгельгардта была переведена книжная лавка Смирдина, о чем известила своих читателей „Иллюстрация“, поместившая рисунок, изображающий Смирдина за продажей книг („Иллюстрация“. 1845 г., стр. 47). Рисунок этот остался неизвестен авторам обильно иллюстрированной интересной книги „Словесность и коммерция“ (Москва. 1929 г.), посвященной книгоиздательской деятельности Смирдина.
221. Указатель адресов на 1837 г. СПб.
222. H. Storch. Gemälde von St. Petersburg. 1794, II, S. 341; Zeichnungen eines Gemälde von Russland. Moskau und St. Petersburg. 1748, S. 215; J. Meermann. Reise durch

- den Norden. Weimar. 1810, S. 175; И. Дмитриев. Сочинения. 1893, I, стр. 159.
223. "Северная Пчела" от 13 марта 1833 г. и 26 ноября 1834 г.; "Русская Старина". 1874 г., т. XI, стр. 469.
224. "СПБ. Ведомости" от 27 и 30 марта и 1 и 3 апреля 1837 г.
225. Эти же сведения сообщал П. А. Вяземский в письме к Э. К. Мусиной-Пушкиной. — "Старина и Новизна". — III, стр. 345. — Мне, однако, не пришлось встретить в объявлениях того времени следов публикаций Геккерена о продаже с аукционного торга принадлежавшего ему имущества.
226. Надлежит здесь отметить одну газетную публикацию, устанавливающую петербургский адрес И. С. Тургенева, неизвестный, насколько я знаю, его биографам. — В числе отъезжающих за границу в 1822 г. значится Сергей Николаевич Тургенев, отставной Полковник, с супругой Варварой Петровной, малолетними сыновьями: Николаем и Иваном, с отставным штаб-ротмистром Николаем Николаевичем Тургеновым и дворянином Иваном Богдановичем фон-Барановым, дерпским уроженцем. При них четверо крепостных людей. Справиться: Фуршадтская ул., дом Эльтекова, № 619*. — "СПБ. Ведомости" от 19 мая 1822 г. — Дом купца Эльтекова стоял в конце Фуршадтской ул. (ныне Петра Лаврова), по левую сторону, за Воскресенским пр.
227. Имеются и сведения, что Монферран родился в Париже. — См. A. Lanson. Dictionnaire des architectes francais, Paris 1872, II.
228. В. Курбатов. Петербург. СПб. 1913 г., стр. 395.
229. "Наблюдатель". 1885 г., № 10.
230. С. Шедрин. Письма из Италии. Москва. 1932 г., стр. 130.
231. Отчет Академии Художеств за 1846 — 47 гг. СПб. стр. 32. — О. В. А. Шрейбере см. — "Неделю строителя". 1900 г., № 7.
232. B. de Koehn. Musée de sculpture antique de M. de Montferrand. "Mémoires de la Société d'archéologie". 1852, I, p. 97. — Ср. — Jules César, statue antique faisant partie de la collection de M. de Montferrand. St. Pétersbourg. 1849; Médée, groupe moderne, Apollon Citharède, ouvrage grec. Ce groupe et cette statue font partie de la collection de M. de Montferrand. St. Pétersbourg. 1850; Aperçu sur l'art céramique italien. Collection de majolica de M. de Montferrand. St. Pétersbourg. 1854.
233. Mémoires d' Auger. Paris. 1891, p. 512.
234. N. Considerant. La Russie en 1856. Bruxelles. 1857, I, p. 68.
235. D'Arleencourt. L'étoile polaire. Paris. 1813, I, p. 123.
236. "Новое Время". 1883 г., № 2603.
237. T. Welp. Petersburger Skizzen. Leipzig. 1842, I, S. 56.
238. "Старина и Новизна". кн. 19, стр. 262.
239. М. Боткин. А. А. Иванов. СПб. 1880 г., стр. 162.
240. Дом Монферрана принадлежал недалекого время А. В. Старчевскому. Издатель "Сына Отечества" скоро разорился и его дом перешел, в середине 60-х годов, к Мятлевым, изменившим, по словам И. Усова, фасад и внутренний вид дома. В 1912 — 13 гг. здание заново отделал, для Ратьковых-Ложных, И. А. Фомин. — См. Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1913 г., стр. 191 и 195. — В. Курбатов на стр. 395 своего художественно-исторического очерка "Петербург" сообщает, что стоящий рядом с монферрановской постройкой дом на углу Мойки и Прачечного пер., № 88, также сооружен Монферраном. Однако мне не пришлось нигде найти документальных подтверждений этого сообщения.
241. Т. Соколовская — Капитала Феникса. Петр. 1916 г., стр. 60; Музей революции СССР. Второй сборник. Москва. 1929 г., стр. 19.
242. Д. Веневитинов. Полное собрание сочинений. Агр. 1934 г., стр. 406.
243. Д. Благой. Три века Москва. 1933 г., стр. 170.
244. "СПБ. Ведомости". 1837 г., стр. 428. — Указание племянника Д. Веневитинова, М. Пятковского ("Русский Архив". 1885 г., кн. I, стр. 120) о том, что дом Ланского стоял на набережной Мойки на нынешнем участке № 82 — не точно.
245. Воспоминания Ю. Арнольда. Моекое. 1892 г., II, стр. 196.
246. Воспоминания Бестужевых. Москва. 1932 г., стр. 67.
247. "СПБ. Ведомости" от 24 сентября 1826 г.
248. "СПБ. Ведомости" от 29 октября 1815 г.
249. "Литературные Листки". 1823 г., III, стр. 38.
250. "Древняя и новая Россия". 1880 г., кн. 8, стр. 608.
251. "СПБ. Ведомости" от 1 апреля 1832 г., стр. 835.
252. Проект Росси (1838 г.) был отклонен. — "Старые Годы". 1913 г., кн. 7 — 9, стр. 180. — Также не были осуществлены в свое время два других проекта Росси. — Первый о постройке на этом месте здания Кабинета его величества (1817 г.). — "Историческая Выставка Архитектуры". СПб. 1911 г., стр. 66; второй — о сооружении здесь Михайловского дворца (1819 г.). — V. Suboff. Carlo di Giovanni Rossi. Ein Beitrag zur Geschichte der Auflösung des Petersburger Empire. St. Petersburg. 1913, S. 34.

553. Недавно в архивах был обнаружен интересный проект дома Чернышева работы водного Ринальди. — «Архитектура». Москва. 1923 г., № 3—5, стр. 22—27. — В Путеводителе выставки Гос. Исторического музея в Москве значится «Проект разбивки сада при доме гр. И. Чернышева в СПб». Чертеж, исполненный пером с акварелью в Вене, в 1762 г. — Гос. Исторический Музей. Из эпохи крепостного хозяйства. Путеводитель по выставке. Москва. 1926 г., стр. 58. — По сообщению П. Н. Столянского главы дома Чернышева и Марииинского дворца хранились в Общем архиве министерства двора. Архитектор Монигетти производил эти планы в семидесятых годах, ремонт дворца, затребовал эти планы из архива. Когда после смерти Монигетти от вдовы его потребовали возвращения планов, она сообщила, что муж ее, в припадке умопомешательства, сжег их.
254. Johann Bernoulli's Reisen nach Brandenburg, Pommern, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig. 1780, Band V, S. 165—69. — Некоторые выдержки из описания Петербурга Бернулли помещены в «Русском Архиве» за 1902 г., кн. 1.
255. Fortiz de Piles. Voyage de deux Francais en Allemagne, Russie et Pologne, fait en 1790—92. Paris. 1796, III, p. 45.
256. J. Cretineau-Joly. Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé. Paris. 1857, I, p. 127; Сенатский Архив. т. I, стр. 414; Записки Е. Ф. Комаровского. СПб. 1914 г., стр. 76.
257. П. Висковатов. М. Ю. Лермонтов. Москва. 1891 г., стр. 135.
258. «Русское Обозрение». 1890 г., кн. 8, стр. 724. — С именем Лермонтова связаны еще два дома в Петербурге. Первый — это дом № 61 по улице 3-го июля (против пожарной части), где Лермонтов жил в 1837 г. (Указатель адресов на 1837 г.; П. Висковатов. М. Ю. Лермонтов. 1891 г., стр. 250). Здесь в доме Шаховской поэтом были написаны его известные стихи на смерть Пушкина. Дом в те времена был трехэтажный с небольшим фронтоном. В 1875 г. тут надстроили четвертый этаж, в 1903 г. — пятый. Другой дом, в котором жил Лермонтов — это дом Венедикой — «У Пантелеймоновского моста, на Фонтанке, против Летнего Сада», — как сообщал поэт своей постоянной корреспондентке М. А. Лопухиной 15 февраля 1838 г. (М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, изд. Академией Наук. IV, стр. 331; см. также «Русский Архив». 1863 г., стр. 430). В настоящее время это второй

участок по набережной Фонтанки за ул. Пестеля, к Симеоновскому мосту. Стоявшее тут здание совершенно перестроено в 1900-х годах.

259. Столетие Английского собрания. СПб. 1870 г., стр. 8.
260. Министерство внутренних дел. 1802—1902 г. Исторический очерк. I, стр. 98—99.
261. «Вестник Европы». 1872 г., кн. 3, стр. 246.
262. И. Троицкий. Третье Отделение при Николае I. Москва. 1930 г., стр. 116.
263. «СПБ. Ведомости» от 1 января 1770 г. и 18 ноября 1771 г.
264. «Новое Время» от 29 января 1912 г.
265. Fortia de Piles. Voyage de deux Francais... en 1790—1792. Paris. 1796, II, p. 6; Mémoires du feu le prince Pierre Dolgoroukow. Bale et Genève. 1871, II, livraison première, p. 87; Записки кн. И. Долгорукова. Петр. 1916 г., стр. 258.
266. Фамилия Демут встречается в Петербурге впервые в 1760 г., когда купор Демут продавал на Морской ул. в погребе купца Нагеля различные вина, а также «аглинское пиво Эль называемое». — «СПБ. Ведомости» от 17 марта и 26 мая 1760 г. — Через десять лет, в 1771 г., этот Демут является уже владельцем погреба на Кадетской линии Васильевского острова, где он торговал «изрядным аглинским пивом». — «СПБ. Ведомости» от 20 сентября 1771 г. Но это, очевидно, не упомянутый выше Филипп Яков Демут, так как судя по его надгробию, он родился в Страсбурге в 1750 г. — Петербургский Некрополь. СПб. 1912 г. II, стр. 34. Вероятно, это был его отец, так как в 1778 г. владельцем гостиницы указывается «вдова Демутова». «СПБ. Ведомости». 1778 г., стр. 728.
267. При расчете с надворным советником Гейденрейхом за приобретенный у него участок на Невском проспекте у Демута возникли с ним крупные недоразумения, потребовавшие вмешательства самого Павла I. — «Сенатский Архив». I, стр. 339. — Демуту вообще не везло при Павле — его жена была однажды посажена в общую тюрьму за то, что недостаточно быстро вышла из экипажа при встрече с Павлом. — Masson. Mémoires secrets sur la Russie. Paris. 1800, II, p. 236; Une année mémorable de la vie d'Auguste de Kotzebue. Berlin. 1802, II, p. 136.
268. «СПБ. Ведомости». 1829 г., стр. 130; Souvenirs du bar. de Barante. Paris. 1890, I, p. 80; Н. Греч. Записки о моей жизни. Агр. 1930 г., стр. 197.
269. «Русская Старина». 1909 г., кн. 7, стр. 130. Его брат, А. Ф. Тирап, кончил с Лермонтовым школу гвардейских

подпрапорщиков и служил вместе с ним в л.-гв. гусарском полку. Его перу, вероятно, принадлежат, по мнению В. А. Мануилова, вновь найденные в одном из архивов мемуары о Лермонтове.

270. T. Raikes. A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—30. London. 1833, p. 34. Автор этих воспоминаний Томас Рэйкс увековечен Пушкиным в восьмой главе „Евгения Онегина“.

И путешественник заветный,
Перек ахмаленный нахал,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

В вып. XXXI—XXXII издания „Пушкин и его современники“ (стр. 110) отмечено отсутствие в английских энциклопедиях сведений о Томасе Рэйксе, на что ссылается Н. Бродский в новейшем „Комментарии“ к „Евгению Онегину“ (Москва. 1933 г., стр. 150). В виду этого считаю необходимым сообщить краткие сведения об авторе этих мемуаров.—Томас Рэйкс был сыном крупного английского коммерсанта, управлявшего Английским банком, личного друга Вильяма Питта Младшего. По окончании аристократической итонской школы, Рэйкс был послан отцом в 1796 г. в Берлин и Дрезден для изучения коммерческих дел и языка. Но он посещал там не торговую контору своего отца, а модные клубы. Впоследствии он много путешествовал, полого жил в Гааге и Париже и в 1829—30 гг. был в России. В 1838 г. он совершил путешествие в Венецию и в следующем году в Неаполь и Рим. Однако все его попытки выступить при помощи своих влиятельных друзей, в особенности герц. Веллингтона, на политическом поприще, не увенчались успехом и он умер в 1848 г., 71 года от роду, не оставив следов в политической истории Англии. По описанию современников это был человек высокого роста, полный, с лицом необычайно изуродованным оспой. Это не мешало ему усиленно заниматься своей внешностью и считаться одним из первых „модников“ своего времени. Его претенциозная наружность дала повод к насмешливой кличке „Аполлон“. В своем неизменном наряде—„сюртуке, застегнутом на все три пуговицы, клетчатых брюках и черном галстухе“, он был зарисован Дайтоном в одной из его известных карикатур, как лондонский „Rakes“ (по английски Rakes означает „распут-

ник“). Помимо описания поездки в Россию, Рэйкс издал в 1841 г. другую книгу „Франция в 1830 г.“—Гораздо большее значение имеют изданные уже после его смерти „Дневник Томаса Рэйкса“ и его переписка с рядом выдающихся современников—герц. Йоркским, Таллейраном, Брумелем и др., ярко характеризующие общественные настроения английских правящих кругов первой половины XIX века.

271. J. Carr. Travels round the Baltic. Philadelphia. 1805, p. 134; G. Green. An original journal from London to St. Petersburg. London. 1893, p. 3; Holman. Travels through Russia, Siberia... Hanover etc., undertaken during the years 1822—24. London. 1825, I, p. 106; A. B. Granville. Guide to St. Petersburg. London. 1835, I, p. 448; R. Bremner. Excursions in the interior of Russia. London. 1839, I, p. 268; Дневник В. П. Шереметевой. Москва. 1916 г., стр. 18.
272. Diary of a tour in Sweden, Norway and Russia in 1827. By the marchioness of Westminster. London. 1879, p. 138
273. „Литературная Газета“. 1840 г., стр. 803.
274. G. Pertz. Das Leben des Ministers Fr. v. Stein. Berlin. 1851, III, S. 171.
275. Декабристы и их время. Москва. 1928 г., стр. 210.
276. Записки Д. Свербеева 1899 г., II, стр. 237.
277. М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. 1906 г., стр. 153; „Былое“ 1906 г., кн. 4, стр. 263.—О московских домах, связанных с именем Пестеля, см. статью Н. Чулкова в „Московском Краеведе“, 1928 г., вып. 6 и в сборнике „Декабристы и их время“, вып. 2. Москва. 1932 г.
278. „Сын Отечества“. 1830 г., № 1, стр. 26 и 1847 г., № 6, стр. 12.
279. „Русская Старина“. 1873 г., I, стр. 396.—Пушкин не всегда занимал, однако, в гостинице этот номер. Он так отметил однажды свой адрес в письме к А. П. Керн. „Ее пр-ву А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя. Трактир Демут, № 10“.—А. Майков. Пушкин СПб. 1899 г., стр. 251.
280. „СПб. Ведомости“ от 3 мая 1837 г.; Б. Модзалевский. Поездка в село Тригорское. СПб. 1902 г., стр. 57; Московский Пушкинист. 1927 г., вып. I, стр. 26.
281. А. Александров. Год жизни в Петербурге. СПб. 1838 г., стр. 28.
282. В 1376 г. в гостинице Демут И. С. Тургенев написал в мучительную бессонную летнюю ночь свое известное стихотворение „Крокет“.—В имеющем столь большое биографическое значение рассказе Тургенева „Первая лю-

- бовь* в „трактире Демута“ умирает Зинаида Дольская, урожденная княжна Засекина.
283. „Новое Время“ от 29 января 1912 г.
284. Неточные сведения о местонахождении гостиницы „Демут“ содержатся также в известной работе П. Петрова „История С. Петербурга“, СПб. 1885 г., стр. 186. — Неверный адрес Демута (дом № 24 по Мойке, бывший „Донон“) указан в „Путеводителе по Пушкину“, приложенном к полному собранию сочинений А. С. Пушкина. 1932 г., VI, стр. 122.
285. Согласно указу Петра I от 24 апреля 1723 г. на этом месте было приказано „сделать деревянный комедианский дом“ трудами „каторжных невольников“. Театр открылся в этом же году и просуществовал до 1733 г., когда Анна Иоанновна „указала имеющийся комедианский двор за Мьею речкой по берягу той речки за ветхостью сложить“. — „Старые Годы“. 1910 г., кн. 2, стр. 5. — См. также Сборник русского исторического общества. т. XI, стр. 516. — „Петербургский старожил“ (Бурнашев) сохранивший в своих рассказах ряд любопытных черт старого города, также сообщал в свое время о стоявшем ранее на этом месте театре. — „Северная Пчела“ от 27 января 1853 г.
286. Павел I подарил адмиралу Пушину казенный каменный дом на Новоисакиевской ул. „со всеми к оному принадлежностями“. — „Кронштадтский Вестник“. 1867 г., № 110. — Где стоял этот дом? По планам и табелям 1798 и 1804 г. на Новоисакиевской ул. не значится дома Пушина.
287. Восстание декабристов. Материалы, т. III, стр. 196.
288. Декабристы и их время. Вып. II. Москва. 1932 г., стр. 402.
289. Кто был проживавший на Большой Конюшенной в доме Пушиных „Луиджи Русска архитектор, из Швейцарии“, отъезжавший в 1831 г. за границу? — „СПБ. Ведомости“ от 21 августа 1831 г., стр. 1714. — Принято считать, что известный архитектор Луиджи Русска скончался в 1822 г.
290. План перестройки, как пишет в своих воспоминаниях М. Пушкин, „был составлен архитектором Гейденрейхом; для наблюдения за этим искусным, но малоопытным мастером приглашен был архитектор Рунко. — „Русский Архив“. 1908 г., кн. 12, стр. 574—75. — Очевидно, это вкравшийся корректурный недосмотр. В городском архиве, в деле дома № 14 по Мойке, сохранилось указание, что перестройка происходит „под надзором архитектора Русско“ (Франц Русска).
291. В. Курбатов. Петербург. СПб. 1913 г., стр. 54.
292. „Старые Годы“. 1908 г., кн. 4, стр. 210.
293. P. von Havens Reise in Russland. Cop. 1744, S. 127f. „La Revue Hebdomadaire“. 1899, № 21, p. 483; Сборник русского исторического общества. т. 85, стр. 369 и 385.
294. А. Платонов. Последняя квартира Пушкина. Агр. 1927 г., стр. 3.
295. Mémoires du duc de Rovigo. Paris. 1829, III, p. 201; Mémoires posthumes du comte de Stedingk Paris. 1845, p. 409; Сборник русского исторического общества, т. 83, стр. 254 и 88, стр. 348; Дипломатические сношения России и Франции. СПб. 1905 г., стр. 1 и 124. — Сохранилась акварель Патерсона — „Дом французского посольства в начале XIX века“, воспроизведенная в жизнеописании Александра I Н. Шильдера (т. II, стр. 197) Изображение фасада здания помещено также в „Собрании планов, фасадов и разрезов примечательных зданий СПб“. СПб. 1826 г., л. 79. — Не этот ли дом Волконской отделял Луиджи Русска? — См. Recueil des dessins de différens (sic) bâtimens (sic) construits à St. Pétersbourg par Louis Rusca. St. Pétersbourg. 1810.
296. С. Волконский О декабристах. Петр. 1922 г., стр. 20.
297. Записки С. Г. Волконского. СПб. 1902 г. стр. 134.
298. Архив декабриста Сергея Волконского. Петр. 1918 г., стр. XXIII.
299. Памяти декабристов. Сборник материалов. 1926 г., II, стр. 230.
300. В доме Волконской в 1824 г. жил декабрист Д. И. Завалишин. — Записки. СПб. 1906 г., стр. 93; в 1820 г. тут же жили члены Союза Благоденствия Колѣшин и Тучков. — „Русский Архив“. 1888 г., кн. 4, стр. 642.
301. Д. Сверчков. На заре революции. Агр. 1926 г., стр. 51.
302. П. Щеголев. Охранники и авантюристы. Москва. 1930 г., стр. 7.
303. „Северная Пчела“. 1864 г., № 49.
304. Впоследствии квартира Пушкина была значительно переделана. Особенно пострадала она в 1910 г., когда ее совершенно перепланировали. Тогда же уничтожили парадную лестницу, прекрасный образец отделки екатеринской эпохи. Под новую парадную лестницу были отведены бывшие службы и комнаты своячениц Пушкина.
305. „Искусство“. 1929 г., № 3—4, стр. 42.
306. Памяти П. Сакулина. Москва. 1931 г., стр. 312.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Адамс Д. К.—400, 403, 405.
 Александров А.—413.
 Аллер С. И.—22, 171, 172.
 Алловиль А. Ф.—399.
 Алферовский В. А.—397.
 Адымов—396.
 Адымова Е. П.—79, 81, 83, 142, 396.
 Альбрехт Е. К.—403.
 Амбиель А.—309.
 Аммосов А. Н.—406.
 Андриэ—257—259.
 Анненков П. В.—393.
 Анненкова—197—199.
 Апухтин А. Н.—253.
 Аракчеев А. А.—78.
 Арина Родисовна—3, 101.
 д'Арденкур—409.
 Арнольд Ю. К.—498, 409.
 Арсеньев Н. В.—195—199, 402.
 Арсеньева Е. А.—394.
 Аш—254.
 Багреева-Сперанская Е. М.—400.
 Баженов В. И.—186, 187.
 Барт Е.—143.
 Барант А. Г. П.—385, 411.
 Бартнев П. И.—5, 6.
 Баташевы—45, 63—66, 39, 306.
 Батенков Г. С.—158, 173, 310—314, 386.
 Батюшков К. Н.—22, 34, 35, 171, 172, 376, 394.
 Бегичев С. Н.—401.
 Бегичева—см. Шиловская.
 Белинский В. Г.—183, 228.
 Белобородов—163.
 Белококонский И. П.—396.
 Беляев А. П.—184—186, 394, 401.
 Беляев П. П.—185, 186.
 Бенкендорф А. X.—30, 31, 254—256, 368.
 Бенуа А. Н.—103.
 Бенуа Л. Н.—55, 216, 227, 302.
 Бенуа—341, 342.
 Беранже—299, 300.
 Бергштрессер П. К.—55.
 Беренс П.—106, 397.
 Берлиоз Г.—232.
 Берников А. С.—138, 139.
 Бернулли И.—410.
 Бестужев М. А.—159, 201, 409.
 Бестужев Н. А.—86, 159, 409.
 Бестужев П. А.—159.
 Бестужев-Марлинский А. А.—159—161, 312, 358.
 Бестужева П. М.—158, 159, 161, 258.
 Бибилова С. С.—69, 71.
 Благой Д. Д.—409.
 Блакэ Ж. К.—399.
 Блондель Ф.—269.
 Влудов Д. Н.—85.
 Богомолов И. С.—83, 396.
 Божерянов И. Н.—400.

Болотов А. М.—350, 404.
 Бошштетт Л. А.—254.
 Боратынский Е. А.—95—98.
 Боровиковский Д. А.—38, 126—128.
 Бортиянский Д. С.—125, 126, 398.
 Боссе Ю. А.—76, 108, 212, 378.
 Боткин М. П.—409.
 Бремнер Р.—413.
 Бродский Н. А.—412.
 Бригген фон-дер А. Ф.—22, 382.
 Брискорн—140—142, 379.
 Бруни Ю. Ф.—153.
 Брунст—261, 262.
 Брюллов А. П.—148, 221, 222, 376.
 Брюллоу К. П.—69, 231, 326, 350, 353.
 Брюн—323, 324.
 Брянская Е. Я.—207.
 Брянский Я. Г.—207.
 Будри Д.—98—100, 397.
 Булатов А. М.—85, 87, 112, 397.
 Булгарин Ф. В.—299, 304, 330, 370, 402.
 Буржуа А. К.—236.
 Буткевич А. Д.—9—12.
 Бурнашев В. П.—414.
 Вадковский Ф. Ф.—79—81.
 Вальх—191.
 Ван-дер-Гюлт В.-Я. И.—278.
 Веймерс де Л.—400.
 Вельп Т.—406, 407, 409.
 Веневитинов Д. В.—92, 143, 144, 259, 343—348, 367, 409.
 Венецкая—410.
 Верг—126.
 Вестминстер—413.
 Вивардо-Гарсиа П.—153, 232, 307, 317, 318.
 Вигель Ф. Ф.—34.
 Вильегорский И. М.—233.
 Вильегорский Матв. Юр.—233.
 Вильегорский М. М.—233.
 Вильегорский Мих. Юр.—124, 222, 230—234, 236, 341, 342, 343, 401.
 Виноградов А.—406.
 Висковатов П. А.—410.
 Витберг А. А.—38.
 Владек—314.
 Восейков А. Е.—304, 319, 320.
 Восейкова А. А.—318—321.
 Волгов—161.
 Волконская А. Н.—248, 385, 386, 415.
 Волконская М. Н.—428, 387.
 Волконский С. Г.—342, 386, 415.
 Волконский С. М.—415.
 Вольф—299, 300.
 Воронихин А. Н.—38, 149, 155, 170, 171, 401.
 Воронцов М. С.—399.
 Врангель Н. Н.—401.
 Всесволожский В. А.—182.
 Всесволожский Н. В.—188—190, 269.
 Вульф А. Н.—260.
 Выстан А.—232, 307.
 Вяземский В. Ф.—396.
 Вяземский П. А.—25, 34, 44—47, 63, 69, 92, 93, 101, 105, 120, 124, 231, 314, 382, 396, 408.
 Вяземский П. П.—393.
 Габриель Ж. А.—269.
 Гаврилова—323.
 Гагарин И. А.—117.
 Гагарина—106.
 Ганнибал И. А.—75—77.
 Ганнибал М. А.—95.
 Ганнибал П. А.—76, 396.
 Гассе—88, 320.
 Гедике Р. А.—77, 248.
 Гейденрейх—384.
 Геккерен Л.—315, 316, 408.
 Гельбиг Г.—407.
 Гензельт А. А.—327.
 Георги Г.—395.
 Герцен А. И.—11, 29, 30, 379.
 Гессен С. Я.—401.

Гайка М. И.—28, 69, 101, 183, 231, 232, 326, 348—352.
Гайка Ф. Н.—270, 305, 358.
Гведяч Н. И.—2, 59—62, 69, 92, 151, 172, 189, 305, 358.
Гоголь Н. В.—93, 211, 231, 233, 234, 238—240, 261—268, 355, 376, 405, 406.
Голашевская—40, 41.
Голенищев-Кутузов—222, 236.
Голайдей 206—08.
Голицын А. Н.—21, 33, 35.
Голицына А. И.—119—121.
Голицына Н. П.—250—252, 269.
Гончаров И. А.—227.
Гончаровы Н. А. и Н. И.—396.
Горемыкин И. Л.—32, 83.
Горностаев А. М.—296.
Горчако А. М.—382.
Готье Т.—406.
Грабарь И. Э.—223, 406.
Гребенка Н. П.—288.
Грен А.—395.
Грэнвилль А. Б.—404, 407, 413.
Греч Н. И.—15, 42, 164, 270, 292, 293, 327—331, 407, 411.
Гризи Д.—232.
Грибоедов А. С.—120, 142, 146, 149, 190—95, 205, 271, 285, 286, 396, 299, 358, 377, 411, 402.
Грин Д.—413.
Грот К. Я.—397, 403.
Грот Я. К.—393, 394, 396, 403.
Грушкин—293.
Гурьев—158—161.
Гюго В.—406.
Дантес Ж.—134, 261, 375, 316.
Даргомыжский А. С.—27, 69, 231.
Дашков Д. В.—42.
Дегуров А. А.—18.
Деламот Ж. Б. М. Валлен.—103, 288, 362, 363, 406.
Деларю М. Д.—92.
Дельвиг А. И.—92, 262.

Дельвиг А. А.—4, 56, 89, 97, 101, 117, 123, 189, 304, 358, 397, 398.
Дельвиг С. М.—122, 398.
Демердов Ф. И.—87, 103.
Демидов П. Н.—106, 107.
Демидова А. К.—106, 107.
Демут—56, 138, 329, 371—81, 411, 413, 414.
Демут-Малиновский—263, 264.
Державин Г. Р.—407.
Джонс Д. М.—404.
Дидро Д.—103, 104.
Дмитревский—298.
Дмитриев И. И.—394, 407.
Дмитриев—100—102.
Добровольский Ф. О.—169, 400.
Довнар-Запольский М. В.—413.
Долгинов И. И.—196.
Долгоруков И. М.—411.
Долгоруков П. В.—398, 411.
Долгоруков—125.
Достоевский Ф. М.—300, 394.
Дружинин Н. М.—394.
Дубельт Л. В.—31, 198—200.
Дузи К.—222, 374.
Дурова Н. А.—173, 377.
Дюме—259—261.
Дюпре де-Сен-Мор Э.—397, 400.
Ермолов А. П.—374.
Ефимов—55.
Евдимеровский А. Я.—385.
Жадимеровский П. А.—82, 243, 249, 250.
Жадимеровский Я.—247.
Жако П.—236, 302.
Жербин И. Ф.—223, 225, 227, 229, 236, 240.
Жихарев С. П.—144.
Жорж М. Ж.—293—295.
Жуковский В. А.—25, 34, 69, 92, 101, 120, 124, 151, 231, 271, 318—322.
Завядовский П. В.—244, 245.
Заввадшин Д. И.—145, 147, 185, 415.

Загряжская Н. К.—29, 30, 32.
Закревская А. Ф.—107—111.
Закревский А. А.—108—111.
Захаров В. И.—222.
Зверков И. Д.—262, 263.
Згура В. В.—187, 401.
Зейдель—183.
Зельмира—51—52.
Земцов С. М.—399.
Зиновьевы—106.
Зотов Р. М.—207.
Зубков В. П.—258.
Зубов В. П.—393, 409.
Зуров Е. А.—41.
Зурова Е. А.—393.
Иванов А. А.—409.
Ивелич Е. М.—11.
Ивелич М. К.—11, 12.
Излер И. И.—309.
Измайлов А. Е.—71—73, 92, 304.
Илличевский А. Д.—92.
Иохим И. А.—238, 289, 243, 261, 404.
Ипсианты А.—343.
Истомина Е. И.—197, 198.
Илашкин Г. М.—3.
Калашникова О. М.—3.
Калержи М. Ф.—281—284.
Калиостро—270.
Камуцци А.—153.
Кандалинцев—68.
Карамзин А. Н.—107.
Карамзин Н. М.—23, 24, 25, 35, 42—43, 120, 394.
Карамзина Е. А.—42, 69—71, 222, 229.
Карамзина С. Н.—42, 70.
Каратыгин В. А.—207.
Карпов—228.
Касторский—55.
Катенин П. А.—200.
Каховский П. Г.—88—90, 210, 211.
Квасов А. В.—269.
Кочубей В. П.—28, 29.

Крылов И. А.—16, 92, 124, 151, 306.
Кваренги Д.—128, 129, 145, 296, 377, 398, 399.
Кене Б. Л.—408.
Керн А. П.—16, 17, 19, 92, 162, 260, 397, 400, 413.
Кипренский О. А.—22, 23, 394.
Киселев П. Д.—393.
Китнер—398.
Классен—257.
Клее—235, 236.
Кленберг 55 57.
Клеопин—200.
Клокачев А. Ф.—1—6, 9, 55, 108.
Кнутсен—286.
Коган М. С.—401.
Козлов А. А.—397.
Козлов И. И.—151.
Козлов Н. А.—3, 391.
Колошин П. И.—415.
Комаровский Е. Ф.—410.
Консидеран Н.—408.
Корбелон М. Д. В.—400, 407.
Корсини И. Д.—327.
Корф М. А.—2, 3, 5, 396.
Косиковский А. И.—291—292, 295, 296, 407.
Котомин К.—297, 298, 407.
Коцебу А.—401.
Кочуров—404.
Кравичинский-Степняк С. М.—405.
Кретино-Жоли Ж.—410.
Кривцов Н. И.—396.
Кристин Ф.—399.
Кролладалца—406.
Кудинов А. С.—404.
Кувшинников—90, 92, 93, 397.
Кукольник Н. В.—326, 330, 349, 352, 353.
Кукольник П. В.—349.
Кулиш П. А.—403.
Кулон—235.
Куракин А. Б.—288.

Курбатов В. Я.—13, 296, 302, 327, 332, 384, 393, 407, 409, 414.
Кусов Ю. И.—270.
Кусовников М.—272, 301, 306, 367.
Кутанов Н.—47.
Кэрт—413.
Кюхельбекер В. К.—113—115, 292.
Лаблаш А.—232.
Лаваль И. С.—149—154, 400.
Лажечников И. И.—148, 149.
Лазарев А. Я.—235.
Лазаревы—308, 310.
Лампи Ж. Б.—127.
Ланге А. И.—403.
Лангер В. П.—92.
Ланс А.—408.
Ланские—124, 3, 343, 366, 403.
Ланской П. П.—398.
Ларада—271.
Лаферрьер А.—398.
Левницкий Д. Г.—155—157, 400.
Ленин В. И.—211.
Лепен Г. Я.—263, 264.
Лернер Н. О.—393, 405.
Лермонтов М. Ю.—18, 70, 71, 153, 195—197, 228—229, 231, 364—367, 3, 6, 398, 404, 419, 412.
Лесков Н. С.—235.
Либрович С. Ф.—400.
Лион—270, 305, 306.
Лист Ф.—232, 307.
Лобанов-Ростовский—106.
Лопухин П. П.—342.
Лукомский Г. К.—273.
Лулин М. С.—176—177.
Лутковская М. А.—19.
Львов Н. А.—51.
Майков А. Н.—235.
Майков А. Н.—397, 473.
Малочки В. В.—397.
Мальцов И. А.—54, 395.
Мальцов С. И.—54.
Мануйлов В. А.—412.
Марат Ж. П.—98—100, 3, 7.
Марио Д.—232.
Мартынов И. И.—162, 247.
Массон К.—411.
Мессома И.—407.
Мезенцев Н. В.—405.
Мельников А. И.—223, 227, 302, 395.
Менелас А.—214.
Меншиков—318.
Мерлини—12, 13.
Мертваго Д. Б.—393.
Местр де Ж.—399, 403.
Мижув К. Е.—23, 41, 43, 45, 3, 4.
Миллер Ф. И.—164, 165—167, 269, 249.
Милорадович М. А.—278, 279, 281.
Минаев Е. Д.—235.
Миркович Я.—93, 397.
Митьков М. Ф.—24, 382.
Михайлов А. Д.—4, 5.
Михайлов 2-й А. А.—227.
Мицкевич А.—92, 1, 1, 149, 226, 240, 244, 314, 378, 405.
Мицкевич В.—404.
Моден—71, 72.
Модерах—406.
Модзалевский Б. Л.—393, 398, 409, 413.
Монигетти И. А.—410.
Монферран А.—106, 331—341, 397, 408, 409.
Муравьев А. М.—26.
Муравьев Н. М.—21, 23—24, 25, 27, 34—36, 37, 382, 394.
Муравьева А. Г.—25, 26.
Муравьева Е. Ф.—21, 24, 26, 27, 42, 394.
Муравьев-Апостол М. И.—21, 80, 343.
Муравьев-Апостол С. И.—24, 67, 68, 343.
Мусоргский М. П.—26.

Мушников В.—265, 404, 406.
Мюллер Х.—403.
Мюссар А.—209, 217.
Мятлев И. П.—105, 106.
Мятлевы—105, 106.
Нагель Ф. Б.—66, 401.
Нарышкин М. М.—392.
Нарышкины—103—105.
Нащокины—398.
Некрасов Н. А.—188, 183, 320.
Никитенко А. В.—17, 361.
Нистрем К.—393, 395, 4, 3.
Оболенский Е. П.—382.
Овсянников С. О.—216.
Одоевский А. И.—29, 112—114, 191—195, 394.
Одоевский В. Ф.—123—125, 231.
Оже И.—401, 406, 408.
Озаровский Ю.—403.
Оксман Ю. Г.—402.
Оленин А. Н.—15—17, 393.
Оленин Г. Н.—15.
Оленина А. А.—16.
Оленина В. А.—15.
Оленина Е. М.—15, 16.
Оливие (Оливье) А. К.—57—59, 62, 63, 249.
Орлов А. Ф.—31.
Орлов М. Ф.—35.
Осилова П. А.—260, 405.
Остерман И. А.—28.
Остерман-Толстой А. И.—146, 147.
Откэр Л.—439.
Павлищев Н. И.—101.
Павлицева О. С.—100—102, 169.
Паллавичини А.—109, 400.
Панов Н. А.—86.
Парлад А. А.—580.
Патерсон Г.—415.
Паульсон Г.—170.
Пекарский П. П.—394.
Пельчинский В. С.—405.
Перетц А. И.—290.
Перетц К. А.—291.
Перетяткович М. М.—227.
Перетц Г.—413.
Пестель И. Б.—33, 40.
Пестель П. И.—24, 38, 40, 41, 80, 343, 376, 377, 413.
Петров П. Н.—187, 399, 401, 414.
Плавильщиков В. А.—61.
Платонов А. А.—385, 415.
Платнев П. А.—128, 355, 339, 96, 403.
Плюшар А. И.—292.
Погодин А.—243, 405.
Погодин В. В.—192, 193.
Поджио—382.
Покровский М. Н.—394.
Полевой Н. А.—182, 184, 189.
Полевой П. Н.—393.
Полонский Я. П.—394.
Полторацкая А. А.—13—14.
Понятовский С.—300.
Прокофьев Н. Д.—55.
Пруссаков В. А.—313.
Пуаро А. А.—340.
Пукалов И. А.—9, 40.
Путятин М. П.—6, 104.
Путятин А. В.—6.
Пушкарев И.—393, 399.
Пушкин А. С.—1—5, 12, 16, 25, 30, 32, 33, 35, 36, 44, 45, 49, 50, 56, 57, 62, 63, 65, 81—83, 92, 101, 105, 109, 120, 124, 131—133, 137—142, 146, 149, 151, 165, 167, 189, 190, 200, 205, 217, 229, 231, 246, 250, 260, 261, 278—281, 299, 314, 330, 356, 369, 370, 375, 378, 444, 386, 388—392, 415.
Пушкин В. Л.—34, 54.
Пушкин Л. С.—96, 152, 260, 305, 358.
Пушкин С. А.—2, 3, 5, 55—57, 259, 260, 373, 395.
Пушкина К. М.—54.
Пушкина Н. О.—2, 3, 55, 57, 379, 395.

Пушкина Н. Н.—38, 62, 65, 69, 82, 124, 137, 138, 153, 165, 249, 398.
Пушкина О. С.—2.
Пушин И. И.—159, 381—384.
Пушин М. И.—414.
Пыляев М. И.—406.
Пят В. А.—404.
Пятковский М.—409.
Растрелли Б.—235, 388.
Рагьковы-Рожновы—409.
Рибопьер А. И.—5.
Ринальди А.—103, 410.
Рогинский—184, 219.
Розен А. Е.—158.
Росси Г.—7.
Росси К. И.—7—8, 203, 221, 222, 227, 236, 393, 409.
Ростиславов А. А.—384.
Рубини Д. Б.—307.
Рубинштейн А. Г.—303.
Рупини И. А.—213, 214.
Руска Л.—121, 122, 215, 398, 414, 415.
Руска Ф.—414.
Рылеев К. Ф.—148, 158, 163, 312, 356—361.
Рэйкс Т.—412, 413.
Саблуков—235.
Савари Ровиго Р.—414.
Садовников В. С.—308.
Сакулин П. Н.—415.
Салтыков М. А.—88.
Салтыков Н. И.—128, 129, 399.
Салтыков-Щедрин М. Е.—247.
Салтыкова С. М.—88, 89, 91.
Самборский А. А.—67, 63.
Свербеев Д. Н.—413.
Сверчков Д.—415.
Свиньин П. П.—222—24.
Свистунов П. Н.—80.
Семенников В.—24.
Семенова К. С.—117—119, 308.
Сенковский О. И.—226, 324—327, 330.
Сен-Жюльен Ш.—400, 406.
Серве А. Ф.—232, 327.
Серяков Л. А.—87.
Симон де Б.—235.
Сипягин Д. С.—32.
Скавронский П. М.—50, 51.
Скотти—302.
Сленин И. В.—303—305.
Смирдин А. Ф.—183, 235, 323, 361, 362, 407.
Смирнова-Россет А. О.—229, 354—356.
Соболевский С. А.—162.
Соколов Пав.—397.
Соколов Пет.—53.
Соколовская Т. О.—409.
Сологуб В. А.—41, 53, 222, 234.
Сони Ф. де—399.
Соснидкий И. И.—402.
Сперзекский М. М.—77, 78, 173, 289, 290, 310—312, 314, 379, 396.
Сталь—104, 279—277.
Старчевский А. В.—409.
Стасов В. В.—396.
Стедингк Б.-Л.—415.
Степанов Н. А.—350.
Столянский П. Н.—128, 228, 292, 296, 362, 380, 394, 395, 398, 400, 406, 407, 410.
Стройновская Е. А.—9—12.
Стройновский В. В.—9—10.
Сухарева А. М.—15.
Сухонин С. С.—397.
Сушкова Е. А.—396.
Сюзор П. Ю.—317.
Талон П.—292.
Таль—367, 368, 370, 371.
Тамберлик Э.—232.
Тамбурини А.—153.
Тардиф—272, 273.
Тасси Ф. М.—398, 399.
Телешова Е. А.—207.
Теплер А. В.—210—213, 403.
Тизенгаузен Е. Ф.—47, 65, 399.
Тиме У.—404.
Тиран А. Ф.—411.

Толстой А. К.—229, 235.
Толстой Д. А.—403.
Толстой Ф. П.—164, 270, 326.
Томон де Т.—149, 150, 156.
Тон А. А.—252.
Тропинин В. А.—245, 246.
Троцкий И. М.—441.
Трубецкая Е. И.—152.
Трубецкой С. П.—152, 190, 342, 398.
Трут—238, 261.
Тургенев А. И.—6, 21, 25, 33, 35, 36, 42, 69, 120, 164, 271, 314, 379.
Тургенев И. С.—317, 318, 408, 413.
Тургенев Н. И.—6, 21, 24, 33, 36, 37, 403.
Туркестанова В.—399.
Тучков А. А.—415.
Тынянов Ю. Н.—115.
Тычинкин—93, 95, 117.
Тютчев Ф. И.—143, 173, 309.
Тютчева А. Ф.—396.
Уваров А. И.—270.
Урениус 357.
Усов П. С.—409.
Устинов—55.
Уткин Н. И.—23.
Фельет—292.
Фельтен Ю. М.—128, 187, 308.
Феррари Я.—170.
Фикельмон Д. Ф.—65, 130—35, 164, 399.
Фитингоф—392.
Флетчер—157, 158.
Фомин И. А.—227, 308, 409.
Фонвизин М. А.—6.
Фонтана Л.—384.
Фонтоп Ф. П.—397.
Форсиа де-Пиль—410, 411.
Жане П.—415.
Хвостов Д. И.—73, 75, 304, 396.
Хемницер И. И.—395.
Хитрово Е. М.—47—50, 65, 131, 164.

Хованская—137, 188.
Ходнев А. И.—406.
Хольман Д.—413.
Цявловский М. А.—131, 133, 402.
Чаадаев П. Я.—375, 376.
Чапаны—284, 285.
Чевакинский С. И.—187.
Черник—395.
Чернышев А. И.—252, 254.
Чернышев И. Г.—410.
Чернышевский Н. Г.—300.
Чулков Н. П.—413.
Шарлемань Л. И.—78.
Шауфельберг-р—348.
Шаховская—410.
Шаховской А. А.—200, 202, 402.
Шаховской Ф. П.—344.
Шевремон Ф.—397.
Шенкенберг К.—399, 404.
Шереметев Д. Н.—94.
Шереметев В. П.—404, 413.
Шиловская М. В.—27.
Шильдер Н. К.—415.
Шिशков А. С.—83—85, 171.
Шлегель А. В.—105.
Шлиппенбах—125.
Шлоогауер—348, 349.
Шляпкин И. А.—395.
Шмыкин—395.
Шюберг—157.
Шюлен Ф.—403.
Шредер—403, 405.
Шрейбер—324, 334, 408.
Шретер В. А.—308.
Штакеншнейдер А. И.—362.
Штауберт А. Е.—204.
Штейн фон Г. Ф. К.—104, 374.
Штерич С. И.—17, 18.
Шторх Г.—407.
Штрайх С. Я.—403.
Шульц—110.
Шуман Р.—232.
Щапов И. Л.—239, 397.
Щеголев П. Е.—393, 405, 415.
Щедрин С. Ф.—408.

Щепин-Ростовский Д. А.—86, 201, 202.	Эриксон—278.
Щербатова М. А.—18, 19.	Юсуповы—254, 439.
Эбелинг—90, 122.	Яковлев А. С. 207.
Энгельгардт В. В.—3, 301, 302, 305, 307, 407.	Яковлев И. А.—222, 223, 236.
Энгельгардт Е. А.—157, 158.	Яковлев М. Л.—5, 92, 217, 218.
Эльтеков—408.	Якубович А. И.—204.
	Яненко Я. Ф.—330, 350.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

	Стр.
Пушкин и Дельзиг у Калинкина моста	Фронтиспис
Мойка у квартиры Пушкина	XV
Коломна у Калинкина моста	1
Дом Клокачева на Фонтанке	8
Дом Оленина на Фонтанке	14
Двор дома Клокачева на Фонтанке	17
Дом Голицына на Фонтанке	21
Дом Муравьевой на Фонтанке	24
Дом Мижуева на Фонтанке	42
Дом принцессы „Зельмиры“ на Моховой ул.	50
Двор дома Оливии на Пантелеймоновской ул.	59
Дом Бибиковой на Гагаринской ул.	71
Дом Альмовой на Фурштатской ул.	80
Дом Булатова на Спасской ул.	86
Дом Тычинкина на Загородном пр.	90
Дом Демерцова на Кировской ул.	103
Дом Устиновых на Фонтанке	108
Калинкин мост на Фонтанке	111
Дом Тычинкина на Загородном пр.	117
Дом Салтыковых на Дворцовой наб.	130
Двор дома Голицына на Фонтанке	133
Дом Хоанской на Екатерингофском пр.	137
Дом Брискори на Галерной ул.	141
Вид Дворцовой набережной	142
Здание Коллегии иностранных дел на Англий- ской наб.	146
Театральная дача и театр на Каменном острове	148
Дом Лавала на Английской наб.	150
Дача Воронихина на Каменноостровском пр.	155
Дом Гурьева на 7-й линии Васильевского острова	160
Вид на Петропавловскую крепость с Васильевского острова	164
Дача Аллера на Каменноостровском пр.	170
Дома Лазаревых на Невском пр.	173

	Стр.
Дом Лунина на Рижском пр.	177
Дом Погодина на Торговой ул.	192
Здание Театральной школы на Екатерининском канале	202
Дом Рогинского на Екатерининском пр.	219
Здание Ордонанс-гауза на Садовой ул.	228
Дом Висельгорского на Михайловской пл.	230
Дом Иохима на Б. Мещанской	237
Дом Жадимеровского на Морской ул.	248
Лестница дома Зверкова на Екатерининском кан.	262
Дом Лепена на Мал. Морской ул.	266
Дом Голицыной („Пиковой дамы“) на Мал. Морской	269
Дом Косиковского на Невском пр.	292
Дом Косиковского на Морской ул.	296
Дом Гавриловой на Мойке	323
Дом Ланского на Мойке	342
Здание Российско-Американской Компании на Мойке	358
Здание школы гвардейских подпрапорщиков на Мойке	364
Дом Котомина на Невском пр.	378

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вступительная статья акад. Н. С. Державина	V—XI
От автора	XII—XIV

Глава первая.

Фонтанка. Дом Клокачева. Здесь жили А. С. Пушкин и Карло Росси. — Дом Стрйновского. Стройновская — прообраз пушкинской Татьяны. — Дом А. Н. Оленина. А. С. Пушкин и А. П. Керн. М. Ю. Лермонтов и М. А. Щербатова

1—20

Глава вторая.

Фонтанка. Дом Муравьевой. Здесь жил декабрист Никита Муравьев. — Дом Кочубея. Декабрист А. И. Одоевский. Н. К. Загряжская. Третье Отделение. — Дом Голицын и А. И. и Н. И. Тургеневы. Собрания „Арзамаса“. Тут А. Пушкиным написана ода „Вольность“. — Дом Голашевской. Здесь жил декабрист П. И. Пестель. — Дом Мижуева. Тут жили Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский и Элиза Хитрово. — Моховая ул. Дом принцессы „Зельмиры“. — Дом Кленберга. Здесь жили С. Л. и Н. О. Пушкины. — Пинтелеймоновская ул. Дом Оливю. Тут жили Н. И. Гнедич и А. С. Пушкин. — Гагаринская наб. Дом Баташева. Здесь жил А. С. Пушкин. — Дом Самборского. Тут родился С. И. Муравьев-Апостол. — Гагаринская ул. Дом Бибиковой. Здесь у Карамзинных прощался с Петербургом М. Ю. Лермонтов

21—70

Глава третья.

Лиговская ул. Дом Моденовых. Здесь жил баснописец А. Е. Измайлов. — Сергиевская ул. Дом стихотворца Д. И. Хвостова. — Дом И. А. Ганнибала — Дом М. М. Сперанского. — Фурштатская ул. Дом Алымовой. Здесь жили А. С. Пуш-

кин и декабрист Ф. Ф. Вадковский. — Дом А. С. Шишкова. — Спасская ул. Дом декабриста А. М. Булатова. — Кирочная ул. Дом архитектора Ф. И. Демердова. Тут жила С. М. Салтыкова. Ее встреча с декабристом П. Г. Каховским. — Загородный пр. Дом Тычинкина. Здесь умер поэт А. А. Дельвиг. — Семеновский полк. 5-ая рота. Дом Ежовского. Тут жил поэт Е. А. Боратынский. — Разъезжая ул. Дом Мирковича. Здесь жил учитель Пушкина Д. де-Будри. — Б. Казачий пер. Дом Дмитриева. Тут жила О. С. Павлицева (сестра А. С. Пушкина).

Стр.

71—102

Глава четвертая.

Почтамтская ул. Дом Нарышкиных. Здесь жил Дидро. Г-жа де-Сталь. А. Шлегель. Поэт И. П. Мятлев. — Морская ул. Дом Демидова. Аврора Шерваль. — Исаакиевская пл. Дом Захаревского. Аграфена Закревская. — Дом Булатова. Здесь жили декабристы А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер.

Глава пятая.

Миллионная ул. Дом Гагарина. Тут жила актриса Катерина Семенова. — Дом „Княгини Полночь“. — Дом Эбелинг. Здесь жил поэт А. А. Дельвиг. — Дом Ланского. Тут жил литератор В. Ф. Одоевский. — Дом композитора Д. С. Бортнянского. — Дом Верта. Здесь жил художник В. А. Боровиковский. — Дворцовая наб. Дом Салтыковых. Д. Ф. Фиксальмон.

Глава шестая.

Галерная ул. Дом Брискорн. Первая петербургская квартира А. С. Пушкина. — Английская наб. Коллегия иностранных дел. Тут служили А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Д. В. Веневитинов и Ф. И. Тютчев. — Дом Остермана-Толстого. Здесь жили писатель И. И. Лажчников и декабрист Д. И. Завалишин. — Дом Лавала. Тут жил декабрист С. П. Трубецкой. Здесь А. С. Пушкин читал „Бориса Годунова“. Вызов на дуэль де-Барантом М. Ю. Лермонтова.

Глава седьмая.

Васильевский остров. Кадетская линия. Дом художника Д. Г. Левицкого. — 5-я линия. Здесь жил декабрист А. Е. Розен. — 7-я линия. Дом Гурьева. Тут жили декабристы Бестужевы. — 9-я линия. Дом Волгова. Тут жила А. П. Керн. — 16 линия. Дом Белобородова. Здесь жил поэт К. Ф. Рылев. — Черная речка. Дача Миллера. Тут жил А. С. Пушкин. — Каменный остров. Дача Доливо-Добровольского. Здесь жил А. С. Пушкин. — Каменноостровский пр. Дача архитектора А. Н. Вороникина. — Дача Аллера. Тут жил поэт К. Н. Батюшков.

Стр.

155—172

Глава восьмая.

Рижский пр. Дом декабриста М. С. Лунина. — Екатерингофский пр. Дом Крамера. Здесь жил литератор Н. А. Полевой. — Дом Рогинского. Тут жили декабристы А. П. и П. П. Беляевы. — Участок архитектора В. И. Баженова. — Дом Хованской. Собрания „Зеленой Лампы“. — Дом Вальха. Здесь жил А. С. Грибоедов. — Торговая улица. Дом Погодина. Тут жили А. С. Грибоедов и А. И. Одоевский. — Дом Арсеньева. Здесь жил у своего деда М. Ю. Лермонтов. — Театральная пл. Дом Анненковой. Тут жила танцовщица А. И. Истомина. Начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт. — Среди. Подъяческая ул. Дом Клеопина. Здесь жил драматург А. А. Шаховской. — Дом Солодченкова. Тут жил декабрист Д. А. Щепин-Ростовский. — Екатерининский канал. Театральная школа. — Дом Голицына. Здесь жили артисты Яковлев, Каратыгин, Брянский, Телешова. — Дом Губкина. Гостиница „Неаполь“. Тут был арестован декабрист П. Г. Каховский. Здесь Н. В. Гоголь сжег свою повесть „Ганц Кюхельgarten“. — Дом учителя Пушкина Теппера. — Дом Спасского. Тут жил музыкант И. А. Рупини. — Дом иезуитов. — Здание Государственной типографии. Здесь жил лицейский товарищ Пушкина М. А. Яковлев. Стихотворение Пушкина „19 октября 1836 г.“.

103—116

117—136

137—154

173—218

Глава девятая.

Михайловская пл. Ее история.—Михайловский дворец.—Михайловский театр.—Дом Кутузова. Здесь жила К. А. Карамзина.—Дом Яковлева. Клуб „Бродячая Собака“.—Дом Жербина. „Музеум“ П. П. Свинына.—Ордоначс-гауз. М. Ю. Лермонтов под арестом.—Дом М. Ю. Вильгельмского, музыкальный центр Петербурга второй трети XIX века. Шуман, Берлиоз, Лист.—Участок Саблукова. Тут жил зодчий Б. Растрелли . .

Стр.

219—236

Глава десятая.

Большая Мещанская ул. Дом каретника Иохима. Здесь жили Н. В. Гоголь и А. Мидкевич. Петербург в произведениях польского поэта.—Морская ул. Дом Завадовского. Тут жил крепостной художник В. А. Тропинин.—Дом Жадимеровского. Здесь жил А. С. Пушкин.—Мал. Морская ул. Дом Аша. Тут жил Начальник III Отделения А. Х. Бенкендорф.—Дом „Пиковой дамы“ (Н. П. Голицыной).—Дом Клаусена. Ресторан Дюме.—Дом Лепена. Здесь жил Н. В. Гоголь

237—268

Глава одиннадцатая.

Дворцовая пл. Дом Вольпо-Экономического Общества. Собрания масонской ложи. Кондитерская Лареда.—Дом Кусовникова. Гостиница Тардифа „Hôtel de l'Europe“. Тут жила-жила де-Сталь.—Невский пр. Дом Калержи. Тут жил петербургский военный генерал-губернатор М. А. Милорадович. А. С. Пушкин у Милорадовича. Ссылака поэта на юг. Мария Калержи.—Дом Чаплиных. Здесь жил у А. П. Завадовского А. С. Грибоедов.—Летний дворец Елизаветы Петровны.—Дом Куракина. Тут жил М. М. Сперанский. Ресторан Тагона. Дома Косиковского. Тут жили Н. И. Греч, А. С. Грибоедов и актриса Ж.-М. Жюж.—Дом Котомина. Кондитерская Вольф и Беранже. Здесь перед дуэлью А. С. Пушкина ожидал его секундант Данзас.—Дом Энгельгардта. Энгельгардтовские маскарады. Книжная лавка Слесина. „Бюргер-клуб“. Дома Лазаревых. Тут жили М. М. Сперанский, Г. С. Батенков и Ф. И. Тютчев.—Дом Владек. Здесь жили нидерландский по-

Стр.

сланник Геккерен и его приемный сын Ж. Дантес.—Дом Демидовых. Гостиница Шатильон. Встреча И. С. Тургенева с П. Вьардо.—Дом Мещникова. Тут жил В. А. Жуковский

269—322

Глава двенадцатая.

Почтамтская ул. Дом Брюна. Здесь жил литератор О. И. Сенковский.—Фонарный пер. Дом Мерц. Тут М. И. Глинка написал „Руслана и Людмилу“.—Мойка. Дом литератора Н. И. Греча.—Дом архитектора А. Монферрана.—Дом Ланского. Собрания масонов. Здесь жили Д. В. Веневитинов и М. Ю. Лермонтов.—Дом А. С. Смирновой.—Дом Российско-Американской Компании. Тут жил декабрист К. Ф. Рылеев.—Дом Гавриловой. Здесь помещалась библиотека Смирдина.—Школа гвардейских подпрапорщиков. Тут учился М. Ю. Лермонтов.—Дом Галя. Третье Отделение —Гостиница „Демут“. Здесь жили П. И. Пестель, Г. С. Батенков, П. Я. Чаадаев, К. Н. Батюшков, А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин.—Дом Пушкиных. Тут жил декабрист И. И. Пущин.—Дом Волконской. Здесь жил декабрист С. Г. Волконский. Последняя квартира А. С. Пушкина

323—392

393—415

416—424

425—426

